

"Вадим Панов - Охота на Горностаю (сборник)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Вадим Панов, Анна Свилет, Софья Косова, Ольга Лаврешина, Елена Лис, Андрей Краснов, Игорь Горбунов, Борис Харькин, Александр Зимний

Охота на Горностая (сборник)

© Панов В., Горбунов И., Зимний А., Косова С., Краснов А., Лаврешина О., Лис Е., Свилет А., Харькин Б., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Вадим Панов

Охота на горностая

С благодарностью Вике и Виталику.

Ваша занятная история подтолкнула меня к написанию этой повести

Пролог

Грохот.

Грохот бесчисленных залпов снизу и грохот бесчисленных разрывов сверху, с недоумевающего неба, которое безостановочно таранили разноцветные фейерверки, красивые, очень красивые и прекрасные. Грохот. И тут же – свист взлетающих ракет, радостные возгласы пьяных людей, музыка с кормы, музыка с носа, музыка из каждого иллюминатора, и громкий, неприлично надрывной, смешанный с бессвязными, но весёлыми воплями смех, грубо разрывающий священную тишину великого моря. Смех, вопли, музыка, но главное...

Грохот.

Такой представлялась океанская яхта «Сабина» в эту лунную ночь – белоснежный четырёхпалубный сгусток роскоши и грохота. Элегантный, эффектный и чрезвычайно громкий в праздничном загуле сгусток, выдавливающий из себя шум и шутихи под горделивой россыпью ярчайших южных звёзд.

– Почему китайский Новый год настолько шумный? – негромко спросил Винсент. – Разве нельзя устроить всё то же самое, но без надрыва? Точнее, без взрыва? – Подумал и уточнил: – Без взрывов.

– Праздник, – так же тихо отозвался капитан Герро.

И умолк.

Секунд через пять Винсент понял, что продолжать капитан не собирается, и язвительно заметил:

– Я читал, что Новый год – праздник. Вопрос заключался в следующем: почему его китайская версия такая шумная? Потому что поддельная?

- Вы действительно не знаете?
- Нет. - Шарге демонстративно зевнул, показывая, что задал вопрос исключительно от скуки. - Меня довольно слабо интересуют верования человеческих племён, поскольку не люблю случаи, когда недостаток знаний компенсируется буйной фантазией.
- Что же вас печалит в таком случае? - удивился капитан.
- Челы считаются разумными, и этот факт косвенно бросает на нас тень.
- Спящий может подумать, что мы такие же кретины?
- Когда проснётся.
- Вы верите в Пробуждение?
- Планирую умереть раньше, чем оно случится.
- Помочь? - немедленно осведомился Луминар.
- Обойдусь, - почти сразу отозвался Шарге.

После чего мужчины вежливо улыбнулись друг другу.

Они были совершенно не похожи. Винсент - старый, но ещё крепкий, не развалина, а гигант, чей пик остался в прошлом, но он всё ещё грозен. Крупное, довольно грубое лицо, совсем седая голова и мрачный, как правило, взгляд больших карих глаз. Герро - худой, не тощий, гибкий, бритый наголо, с болезненно-бледной кожей, но почти без морщин, а потому никто не мог с точностью назвать его возраст. Холодные руки, холодные пальцы и красные глаза... Луминара часто принимали за альбиноса, однако он им не был.

- В общем, челы и есть челы, - подвёл итог Шарге.

Защищать господствующую расу Герро не планировал, но не смог отказать себе в удовольствии поддеть высокомерного собеседника и потому продолжил:

- Я всю жизнь провёл среди челов и убедился в том, что их сообщества весьма отличны одно от другого.
- Не буду спорить, - с убийственной вежливостью отозвался Винсент.
- Китайцы - одни из самых цивилизованных.
- Ага...

В коротеньком, из трёх букв, замечании, таилось столько презрения, что капитан едва не выругался. Лаконичный, но ёмкий ответ заставил Герро пожалеть о затеянном споре, но гордость не позволяла ему сдаться и замолчать. Во всяком случае, не так быстро.

- Некоторые человеческие «верования» имеют настолько мощный фундамент, что Великие Дома предпочитают с ними не связываться, - с деланой небрежностью произнёс капитан. - Достаточно вспомнить инквизиторов.
- Какое отношение имеют инквизиторы к производимому «Сабиной» шуму?

- Никакого.

- Рад, что хоть здесь мы сошлись во мнении, - с иронией подытожил Шарге.

И Герро захотелось его убить.

Мужчины стояли в абсолютно одинаковых позах: чуть согнувшись и опершись руками о борт дрейфующей с выключенными огнями шхуны «Чёрный абрис», абсолютно незаметной в праздничной ночи. В двух кабельтовых к северу фонтанировала грохочущими фейерверками эффектная «Сабина», но никто из её пассажиров и членов команды понятия не имел, что за ними внимательно наблюдают те, от кого следует держаться подальше, - не позволяя элементарный морок.

- Петардами китайцы отпугивают злых духов, - угрюмо сообщил Герро.

- Весьма цивилизованно.

- Это древняя традиция.

- Считайте, что я впечатлён. - Шарге вновь зевнул, параллельно придумал смешную, как ему показалось, шутку и, едва переведя дыхание, спросил: - А что делать, если добрые духи тоже испугаются и разбегутся?

- По всей видимости, добрые знают, что отпугивают не их.

- Или добрых нет вовсе.

- Или так, - кивнул Герро. - С добрыми духами и добрыми демонами на Земле большая проблема.

- И фейерверками их не запугаешь, - медленно и на этот раз - серьёзно произнёс Винсент. - Особенно наших.

- Согласен.

Те «духи», которых мужчины приготовили пассажирам «Сабина», от петард, шутих и ракет даже не почешутся.

Гуляющая яхта освещала изрядную часть окрестностей, однако ни свет из иллюминаторов, ни разноцветные фейерверки, ни таранящие небо прожекторы не помогли разглядеть плывущие к судну тени. Да никто из веселящихся на «Сабине» людей и не смотрел вниз, на тёмные ночные воды, никто не выискивал опасность, поскольку все были слишком заняты питьём и смехом. На борту, разумеется, присутствовали вооружённые люди - телохранители владельца, - однако те из них, что считались находящимися на дежурстве, оглядывали окрестности в поисках судов или лодок и в упор не видели настоящую опасность.

Не видели плывущих к яхте воинов.

- И всё-таки меня смущают размеры ваших кукол, Винсент, - вернулся к закрытой вроде бы теме, Герро. - Поверьте, пятьдесят дюймов - это очень мало.

- Сколько нужно?

- Я уже говорил: в моём представлении голем должен быть достаточно велик и соответствующе

силён. Вспомните «Лунатика» – лучшего бойца Тайного Города...

- Но...

Однако перебить себя Герро не позволил и закончил мысль «неубиваемым» аргументом:

- Ваши недомерки ниже малайцев.

- Зато сильнее и быстрее, – улыбнулся Шарге.

- Все качественные големы быстрее и сильнее челов, – парировал капитан. – Иначе какой в них смысл?

- А мои, как вы выразились, недомерки потребляют мизерное, по сравнению с «Лунатиком», количество магической энергии, что в ваших обстоятельствах огромный плюс.

- В моих обстоятельствах огромный плюс – кормить малайцев, а не мальков, – хмыкнул Герро. – Малайцев прятать не надо.

- Одно другому не мешает.

- Да как сказать...

- Так, как есть, так и говорите, – рассмеялся Винсент. – Голем не просит есть и пить, лежит в трюме, не расходуя ни грана магической энергии, и ждёт своего часа. Делает работу и возвращается в трюм, не требуя доли с добычи. – Шарге бросил на собеседника весёлый взгляд: – Одни плюсы, капитан, одни плюсы.

Винсент доставил Герро новых членов команды – специально разработанных для абордажной команды големов, – и именно они в настоящее время подплывали к яркой, эффектной, грохочущей и обречённой «Сабине».

- И всё-таки меня смущают размеры ваших кукол, Винсент.

- В этом их преимущество.

- Потребление энергии, я помню, – кисло произнёс капитан. – Но в бою...

- В бою они неудержимы.

- До тех пор, пока на них кто-нибудь не наступит.

- Жертва машинально ищет соразмерного противника, пропускает низенького голема и получает фатальную рану до того, как сообразит, кто её нанёс!

- В теории звучит красиво, – прищурился Герро.

- На практике всё ещё лучше, – заверил капитана Шарге. Однако поняв, что не убедил собеседника, поинтересовался: – Как быстро, по вашему, десять «мальков» возьмут под контроль «Сабину»?

- Ну... – протянул капитан. – На борту примерно пятьдесят перепившихся китайцев, включая женщин и детей... Сопrotивления не будет, поэтому... Семь минут.

- Пять.
- Ваша ставка?
- Сто юаней.
- Договорились. - Герро пожал Винсенту руку. - С какого момента засекаем время?
- Как только големы поднимутся на борт.
- Ступят на трап.
- Хорошо, пусть так.

Прошлым вечером владелец «Сабини» устроил для гостей гонки на скуттерах, с утра развлечение планировалось повторить, поэтому трап не подняли, чем помогли низкорослым куклам Шарге оказаться на борту. Впрочем, конструктивные особенности кукол позволили бы им легко обойтись и без подобной помощи.

- Големы энергичны, послушны, исполнительны, не склонны к бунту, не претендуют на добычу, но, увы, беспросветно тупы, - вздохнул Винсент. - Вот что вы должны были отметить в первую очередь, Герро: их тупость, а не размеры. Для морских операций, вроде «Взойти на яхту и убить всех, кто там находится», големы идеальны. Ещё они незаменимы, если требуется «Встать насмерть в западном коридоре» или же по фронту на поле боя. А вот сложные задачи големам не по зубам, и это обстоятельство полностью нивелирует их высочайшие тактические характеристики.

- Нужна другая система управления, - пожал плечами Герро и удостоился от собеседника одобрительного взгляда:

- Вы смотрите в корень, капитан. Либо нужно разработать новый мозг, либо новую систему управления. И как раз сейчас я над ней работаю.

- Поздравляю.

- Пока не с чем. - Шарге вновь повернулся к «Сабине», прищурился и произнёс: - Кажется, они доплыли.

- Время пошло. - Капитан улыбнулся и нажал на кнопку секундомера. - Готовьте сотню, Винсент.

- Я уже придумал, как её потратить.

- Ха, ха, ха.

И получилось так, что деланный смех на «Чёрном абрисе» стал своеобразным сигналом для ворвавшихся на «Сабину» големов.

- Ха, ха, ха!

И весёлые возгласы начали сменяться воплями ужаса и криками о помощи такой силы, что они легко перекрывали льющуюся из динамиков музыку. Один вопль. Другой. Третий... Мужчины их не считали и не комментировали. И мнениями не обменивались, предпочитая слушать музыку резни в суровом молчании. Они не испытывали угрызений совести и не жалели

несчастных пассажиров «Сабины», они просто ждали, прекрасно, во всех деталях представляя, что сейчас творится на роскошной яхте.

Как льётся кровь...

Как льются слёзы...

Как заходятся в крике обречённые, не способные ничего сделать люди...

Как кто-то прыгает за борт, надеясь отыскать спасение в воде, и как легко и непринуждённо догоняет его невысокий, похожий на карлика воин... И бьёт. И тут же возвращается на борт, чтобы продолжить убивать на ставших скользкими от крови палубах «Сабины». Не зная жалости. Не зная усталости. Пятьдесят дюймов искусственной плоти и предельно простого, строго подчиняющегося хозяину разума. Пятьдесят дюймов ловкости и силы. И два мачете на каждого: Шарге хотел настоящий абордаж, с клинками и кровью, а потому намеренно не выдал големам огнестрельное оружие.

- Я даже отсюда чувствую запах крови. - У Герро раздулись ноздри. - Соль и кровь... Вы даже не представляете, Винсент, как великолепен сей изысканный аромат для настоящего ценителя.

Ответом стала лёгкая улыбка.

А фоном - крики, крики, крики... Затухающие и ещё полные сил, яростные и жалобные, тоскливые, охваченные отчаянием и безнадёжностью крики...

Быстрые големы разили пассажиров снизу, уверенно целясь в бедра и пах, в артерии, именно этим и объяснялось обилие крови, запах которой растревожил Герро. А ещё ему нравились многочисленные крики: големы не добивали несчастных, наносили ужасающие раны и оставляли умирать, торопясь на поиск новых жертв, и теперь тишину океана тревожили не взрывы, а стоны тех, кому пока не повезло умереть или потерять сознание.

- Малайцы, будем откровенны, менее хладнокровны, - признал капитан. - Я уж не говорю о филиппинцах.

- Рад, что вы по достоинству оценили моих скромных помощников, - рассмеялся Винсент.

- Ещё не оценил, - поднял указательный палец Герро. - Яхта...

И в этот самый миг один из прожекторов «Сабины» отыскал «Чёрный абрис» и луч упёрся в корму пиратской шхуны. А крики, во всяком случае, самые громкие, стихли.

- Яхта ваша, капитан Герро, - спокойно произнёс Шарге. И посмотрел на часы: - Четыре минуты и четырнадцать секунд, вы проиграли мне сотню.

- Отдам, когда продадим товар.

Мужчины рассмеялись.

- Кстати, я приказал големам взять пленных, - небрежно сообщил Винсент. - Три штуки. Достаточно?

- Вы предусмотрительны, - медленно проговорил Герро. - Спасибо.

- Оставьте, капитан, - махнул рукой Шарге. - Маленькая дружеская услуга... Впереди нас ждут весьма интересные дела, и вы должны быть в форме.

* * *

- Твоё здоровье! - провозгласил Кольдер, поднимая стакан с какой-то безалкогольной на вид, но при этом пахнувшей виски жидкостью. - Твоё здоровье!

- Моё что? - не понял Уэрбо.

- Здо-ровь-е! - по слогам повторил де Бер.

Икнул и тряхнул головой, подтверждая, что не ошибся.

- Это как? - не понял собеседник.

- Это «health» только по-русски, - сообщил уставший Рикки.

- Не «health», а «the health», - уточнил въедливый Вернон.

- Не обращай внимания, он слегка не в себе.

Кто произнёс эту фразу, осталось невыясненным. Впрочем, в этот полночный час многое терялось, расплывалось и оставалось неразборчивым, а потому такая мелочь, как авторство бессмысленного замечания, никого не задела.

- В общем, за здоровье! - вернулся к главному Кольдер.

- Погоди... - Уэрбо нахмурился, помогая мыслительному процессу напряжённой мимикой, после чего родил на удивление своевременный вопрос: - Ты русский, что ли?

- Ну... Почти.

- В смысле? - окончательно запутался Уэрбо. - Как можно быть почти русским?

И почесал в затылке: поскольку мимических усилий оказалось явно недостаточно, пришлось перейти к прямому массажу головы.

- Я из Москвы. - Кольдер поразмыслил, припоминая различные важные подробности и действующую легенду, после чего уверенно кивнул: - Да, я русский.

И хлебнул из стакана. Надеялся на ледяной чай с лаймом, а получил крепкую смесь на основе рома, но при этом остро пахнущую виски. Однако удивления сей факт не вызвал: в заведении настолько всё перемешалось, что аромат мог запросто идти из соседнего бокала. Или же вкусовые рецепторы настолько упились, что отказывались выдавать правильные данные. Или же отказал обонятельный привод...

- За здоровье!

- За православное братство! - с энтузиазмом предложил Уэрбо. В его левой руке де Бер заметил бутылку коньяка, из которой здоровяк периодически «освежал» содержимое окрестных стаканов. - Русские и сербы - братья навек!

- Ты тоже русский? - Рикки громко икнул. Он был самым нестойким из присутствующих, а потому услышал фразу Уэрбо не полностью.

- Я - серб.

- Это как?

- Балканы.

- Я там не был.

- Ты ещё молод.

- Странное имя для серба, - заметил де Бер.

- Не страннее твоего, - не остался в долгу Уэрбо. - Вы в своей Костроме всех Кольдерами зовёте?

- В Москве, - меланхолично заметил Вернон. И постарался отодвинуть горлышко коньячной бутылки от своего стакана, но получилось только хуже: щедрая янтарная струя переместилась на брюки молодого Дракона.

- В Москве Кольдеров немного, - с внезапно накотившей грустью сообщил Кольдер. - И все мы теперь русские.

Несколько секунд Уэрбо молчал, с любопытством наблюдая за льющимся на бёдра Вернона коньяком, после чего осведомился:

- Что мы будем с этим делать?

А заодно попытался взять под контроль левую руку. И с горечью констатировал, что та часть мозга, которая обычно отвечала за управление конечностью, чрезмерно пропиталась алкоголем и перестала отвечать на запросы.

- Бухать будем, - обречённо выдохнул Рикки. - Твоё здоровье.

- Моё что?

- The health, - объяснил Вернон. - Now.

Уэрбо изумлённо вытаращился на молодого Дракона и почесал стаканом за ухом, пытаясь скомпоновать услышанное в осмысленное. Уставший Рикки созрел для продолжения и подставил под горлышко свой стакан. Кольдер попытался уронить голову на стол, но промахнулся.

Веселье уверенно двигалось к своему апогею.

Но вы ошибётесь, подумав, что начиналась вечеринка скромно. Всего два часа назад шум в заведении стоял не меньший, а может, даже больший, потому что...

- Восемь!

- Не восемь, а девять!

- Девять!
- Ставлю на здорового ещё триста!
- Кто из них здоровенней?
- Тот, что слева.
- Нет, тот, что справа!
- Я ставлю на того, кто победит.
- А кто победит?
- Здоровенный русский.
- Здоровенный русский брюнет?
- Здоровенный русский рыжий. Брюнет - Аэрба.
- Аэрба круче!
- Капитан Аэрба!
- Он не проиграет!
- Эрба-Эрба!
- Десять!
- Уже одиннадцать!

Одиннадцать «соточек» рома, сидя друг напротив друга, в прокуренной таверне на окраине Патайи. В одном из тех заведений... А может, просто: в единственном на весь курорт заведении «для своих», в котором никогда, ну или почти никогда не оказывались ищущие пошлых развлечений туристы. В таверне, где за нарочито грубыми столами переходили из рук в руки партии наркотиков, в задней комнате по-крупному играли в покер, девочки изумляли настоящей красотой, поскольку отбирались с предельным тщанием, а вежливые громилы на входе вежливо просили сдать стволы, потому что в приличных заведениях давно перестали посыпать пол опилками, а без опилок чертовски трудно отмывать кровь.

- Двенадцать!

Именно в этом заведении схлестнулись за барной стойкой двое белых (рыжий и чёрный) на предмет, кто лучше смыслит в правильном карибском напитке, что в переводе с поздневечернего на ранненочной означало «Определим, кто свалится первым?». Схлестнулись и немедленно занялись выяснением этого важнейшего вопроса... Ну, не совсем немедленно, если честно... Сначала, как водится, хотели немного подраться, даже за грудки схватились, но потом Вернон и Уэрбо почували встречную силу, смерили друг друга выразительными взглядами, оценили сложение, оценили призывы охраны не увлекаться рукоприкладством и уселись на высокие табуреты. И были мгновенно окружены азартными посетителями.

- Тринадцать!

В каждом из соревнующихся футов по семь живого роста и фунтов по двести пятьдесят, не меньше, живого веса. Причём не жира, а костей, сухожилий и настолько рельефных мускулов, словно и Вернон, и Аэрба только-только сошли с плаката из серии: «Твой друг фитнес». И пусть на фоне Уэрбо рыжий русский выглядел юнцом – после восьмой «сотки» все поняли, что капитану достался серьёзный противник.

- Четырнадцать!

- Дальше наступит алкогольное отравление, – негромко произнёс сухонький, сложением похожий на тайца итальянец, которого окружающие почтительно звали «Дотторе». А судя по уважению, с которым на него смотрели завсегда, специализировался этот доктор отнюдь не на венерических заболеваниях и вряд ли пользовал местных трансвеститов от гонореи и других производственных заболеваний.

- Не наступит, – уверенно ответил Кольдер, один из двух приятелей выпивающего Вернона. – Во всяком случае, не у моего друга.

Все русские были рыжими, как лисы, и крепкими, однако сложением двое Горностаев – Рикки и Кольдер, – недотягивали до здоровяка Дракона и на его фоне казались едва ли не хлюпиками.

- Вернон слишком молод, чтобы так пить.

- В молодости сила.

- У капитана Аэрбы большой опыт.

- Посмотрим.

- Посмотрим, – с усмешной согласился Дотторе.

- Пятнадцать!

- Так мы до утра провозимся! – возмутился Аэрба. И вопросительно, но не очень уверенно посмотрел на Вернона. Ответный взгляд рыжего был преисполнен естественной в данной ситуации рассеянности. – Давай решим дело разом?

- Каким разом? – уточнил русский.

- По бутылке из горла! – провозгласил серб. – Кто останется на ногах, тот и победил.

- А если оба устоим? – Вариант, что оба упадут, рыжий самонадеянно не рассматривал. – Что тогда?

- Тогда объявим ничью! – вышел из ситуации Уэрбо. И обвёл присутствующих прищуренным, поскольку следовало навести резкость, взором. – Кто-нибудь ставил на ничью?

- Я, – подал голос старенький итальянец. И развёл руками: – Извините.

- Если мы останемся на ногах, вы победили, – предложил Аэрба. – Идёт?

Теоретически, конечно, «не идёт», но поскольку выигрыш мог достаться скромному Дотторе, желающих спорить не нашлось.

- Так и решим! Бармен! Два рома! – Пол-литровые бутылки подали незамедлительно, и Аэрба,

распечатав первую, подмигнул Вернону: – Из горла́.

– Я помню. – Рыжий тоже встал с табурета, пошатнулся, но удержался на ногах, ухватившись рукой за край столика, и довольно уверенным движением вскрыл свою дозу. – До дна.

– Естественно!

– Поехали!

И притихшая публика принялась внимать мерному бульканью. Вот ушла первая сотня граммов, вот треть бутылки, вот половина... Бульканье не умолкало, а соперники продолжали стоять на ногах.

– Они достойны друг друга, – с улыбкой произнёс Дотторе.

И эта фраза подвела под соревнованием черту.

– Он мне нравится! – в голос рявкнул здоровенный серб, хлопая уронившего бутылку Вернона по спине. – Аэрба!

– Верба?

– Аэрба! Капитан Уэрбо Аэрба!

Сочетание произвело на рыжего настолько сильное впечатление, что он рискнул уточнить:

– Пишется так же, как произносится?

– Смотря на каком языке.

– На суахили?

Конкретно в этот момент природная любознательность Вернона неожиданно пережила процесс удвоения.

– На суахили таких слов нет, – огорчил бывшего соперника Уэрбо. – А поскольку вы с друзьями – европейцы, я буду настаивать на правильном произношении: капитан Уэрбо Аэрба, эсквайр. Туземцам позволительно обращаться ко мне Эрба-Эрба, через дефис и почти слитно, но на то они и туземцы. – Покончив с представлением, серб тщательно обдумал происходящее и решил немного рассказать о себе: – Меня тут все знают.

Дотторе сопроводил заявление коротким старческим смешком, а вежливые тайцы – ничего не значащими улыбками.

– Вернон... – Парню финал грандиозного выяснения отношений дался чуть сложнее. – Вернон Венсон.

– Инглиш?

– Русский.

– То есть надо было пить водку?

– Сейчас мне нужна газировка, – не стал скрывать рыжий.

- Для короткого перерыва лучше пить кокосовое молоко, - безапелляционно сообщил Аэрба, приобнимая нового друга за плечи. - Чтобы в животе смешалась полноценная пино-колада.

- Что я с ней буду делать?

- Через соломинку...

Да, началось всё именно так.

Окончание соревнования отметили за барной стойкой, и для начала - без алкоголя. Вернон представил Рикки и Кольдера, Уэрбо вновь представил себя, чему все жутко обрадовались и попросили повторить на бис. За знакомство попили кокосового молока, потом жизнерадостно-жёлтого сока, потом добавили в сок немного джина, но только для того, чтобы сгладить приторно-сладкий вкус, потом в джин добавили мяту и лёд, потом долго и громко смеялись над анекдотом, который никак не заканчивался и неизвестно, о чём повествовал, потом из джина исчезли мята и вредный лёд, из-за которого всё кажется холодным и безвкусным. Потом была какая-то глупая пауза, во время которой никто никому и ничего не говорил. Потом неожиданно выяснилось, что Дотторе не только прекрасный человек и остроумный собеседник, но при этом замечательно лечит резанные раны, во всяком случае, повязки накладывает на удивление профессионально. Кольдер же в это время пытался объяснить, откуда у трёх напавших на него пакистанцев появились раны, но только всех запутал. Зато все запомнили, как молоденькая девочка целовала Кольдера в губы, а её «папик», местный босс средней руки, одобрительно кивал головой. На заднем плане Дотторе негромко велел «выбросить перевязанный мусор в переулок». Сигарный дым. Капитан Аэрба пляшет на барной стойке нечто, напоминающее канкан. Посетители в основном спят, но капитану зрители без надобности, ему достаточно аплодисментов от рыжих русских. Кстати, два друга Вернона, Рикки и Кольдер, не теряли времени даром, и теперь их состояние мало чем отличается от состояния Венсона и серба. И именно в таком виде компания отправляется гулять. А гулять необходимо, потому что в кондиционированном воздухе бара случился недостаток кислорода и куда-то разъехались девушки, на которых имелись виды.

Тёплая тропическая ночь.

Бегут полицейские. Кольдер пытается объяснить случайно пойманному австралийцу, кто он и откуда. Австралийцу плохо, к тому же у него есть свой взгляд на то, кто он и откуда, да и ломаный французский, на котором изъясняется Кольдер, к взаимопониманию не располагает. В данный момент лингвистические способности австралийца близки к нулю. Остальные австралийцы бегут. Вернон и Аэрба кричат, что они ничего не делали. Рикки пытается уснуть под пальмой. Мимо него бегут таксисты. Полицейским, очевидно, надоело. Сигарный дым. Портье прячется под стойку. Друзья вваливаются в номер и замирают, судорожно пытаются припомнить, зачем они здесь.

Пауза.

И первым приходит в себя Аэрба.

- Вы тут живёте?

Рыжие русские начинают вразнобой вертеть головами, пытаются уложить разрозненные признаки хоть в какую-то картину, после чего Рикки не слишком уверенно соглашается:

- Да.

- Да, - подтверждает Вернон, узнавший в валяющейся под креслом сумке свой рюкзак. - Да.

- Вместе живете?

Сложные вопросы в это время суток не приветствовались.

- Э-э?

Рыжие головы потрепыхались ещё немного, после чего замерли в позиции «удивление».

- Что?

- Я, типа, ничего не имею против, когда это меня не касается, потому что толерантный, человеколюбивый и в детстве слушал «Queen», - немного непонятно произнёс Аэрба. - Но если всё так, как выглядит, то спать я пойду куда-нибудь ещё.

Что-то в номере ему явно не приглянулось. И примерно через шесть с четвертью секунд Вернон понял, что именно.

- У нас, типа, большая гостиная, а спальня у каждого своя, - сообщил он капитану. - Специально такой номер искали.

- Четыре комнаты, - добавил Кольдер. И для наглядности продемонстрировал Аэрбе пять растопыренных пальцев. - Четыре.

После чего увлечённо уставился на них, пытаясь понять, что его смутило.

- Так веселее, - пояснил Вернон.

- Только с женщинами сегодня не получилось, - вздохнул Рикки.

- Только с женщинами сегодня не получилось, - вздохнул Рикки.

- Тогда я лягу на диване. - Уэрбо покосился на светящееся за окном небо и уточнил: - Сразу после ужина.

И почесал правый бок упаковкой пива.

- После какого ужина? - не понял Кольдер, которого подмывало рухнуть прямо на пол и уснуть, не раздеваясь.

- Что за мешок? - осведомился Вернон.

- Купили по дороге.

Пауза. Очень простые ответы в это время суток тоже вызвали замешательство. Каждый из рыжих мысленно повторил фразу серба и попытался как-нибудь соотнести её с тем, что помнил из прошлой ночи. Не получилось ни у кого.

- Я не спрашиваю, откуда взялся мешок, - выкрутился Вернон. - Я спрашиваю, что в нём?

И принял гордую позу. Отчего едва не упал.

- Сначала было пиво, - вздохнул Кольдер. - Кажется.

- Кажется, он от нас убежал.
- Пиво?
- Если пиво, то убежало, - уныло уточнил Рикки. - Оно «моё», средний род.
- И ты ещё называешь себя чудом! - качнул головой Вернон. - Какая безграмотность.
- Он чудом называет себя русским, - выдохнул серб.

Рыжие вновь задумались.

- Я помню, как мы покупали мешок, но не помню, что в нём, - признался Кольдер. - Капитан торговался.

Покачивающийся Аэрба понял, что раскрыть его маленькую тайну не сможет никто, выдал хитрую улыбку и осведомился:

- Где ближайшая ванна?
- Там. - Вернон махнул рукой на общественную, то есть выходящую в гостиную, уборную. - Тошнить лучше в унитаз, а то горничные ругаются.
- Я не об этом.

Капитан уверенно двинулся в указанном направлении - сказывалась морская привычка брать правильный азимут, - пинком распахнул попавшуюся по дороге дверь, снял с плеча подозрительный мешок и на глазах у впавших в ступор рыжих высыпал в ванную кучу необычайно подвижной еды. Креветки королевские, тигровые и обычные, мелкие, которые принялись немедленно проваливаться в слив. Крабы голубые и крабы серые, скалистые. Недовольные. Кальмары. Ничего не понимающие. Осьминоги. Устрицы, гребешки, бессчётное количество ракушек, изрядное - лангустов и, как венец, - четыре здоровенных лобстера, по паре футов каждый.

Вывалившись из тёмного мешка в белую ванну, еда сначала обалдела, а затем, едва обжившись, предприняла попытки удрать.

- Наверное, надо включить воду, - медленно произнёс Кольдер, разглядывая шевелящуюся в панике закуску.
- Вот это похоже на то, что я вчера видел в салате, - проямлил Вернон. - Но там оно выглядело более варёным.
- Меня сейчас стошнит, - признался Рикки. - Они мельтешат перед глазами.
- В унитаз, - машинально повторил Вернон.
- Надо включить воду.
- У вас есть кухня? - поинтересовался Аэрба.
- Кухня? - тупо переспросил Вернон.
- Kitchen. Küche. Cuisine. Cucina. Kuzhinë.

- Где-то внизу наверняка, - предположил Кольдер. - Вчера нам приносили еду.
- Это надо выбросить, - предложил оторвавшийся от унитаза Рикки. - Меня мутит, когда оно ползает.
- Не смотри в ванну.
- А если оно выползет на свободу?
- Это надо съесть! - решительно провозгласил Уэрбо. И напомнил обалдевшим рыжим: - Мы хотели попить пива.
- С австралийцами, - пробормотал Вернон.
- Нет, австралийцы знали, где его взять.
- Предлагаю начать с лобстера, - хмыкнул освоившийся Кольдер. - У кого есть зажигалка?
- Зачем?
- Надо его поджарить.
- Нам нужна скороварка.
- У вас нет кухни? - вновь поинтересовался Аэрба. - Китчена? Kitchen. Küche. Cuisine. Cucina. Kuzhinë.
- У нас не апартаменты, а пентхаус. Мы не варим, нас кормят.

Это заявление вызвало весьма презрительное замечание капитана:

- Изнеженные дети двадцатого века.

Уэрбо уселся на пол и вскрыл первую банку пива.

- Сейчас двадцать первый, - прохрипел Рикки. Унитаз ответил ему примерным бульканьем.
- Я бы сказал - пятый, - не согласился Кольдер, взглянув на часы.
- Пойдём купаться на рассвете?
- Где ты найдёшь сковороду в два часа ночи?
- В четыре.
- Кому нужны четыре сковороды в два часа ночи?
- Вы знаете телефон портье? - спросил хлебнувший пива серб. И элегантно броском отправил сплюснутую банку в ванну. Еда зашуршала активнее.
- Портье сбежал, когда ты стал на него кричать, - рассказал Вернон.
- Я кричал на портье? - изумился Аэрба. - На меня это не похоже.
- Ты не проходил в дверь.

- Ах да, чёртов мешок.
- Головой не проходил.
- Папа с мамой наградили меня хорошим ростом.
- Ты пытался пролезть под стойкой.
- Зачем?
- Возможно, ты догадывался, что нам понадобится портье, и решил прихватить его с собой.
- Вы посмотрели в мешке? - осведомился Рикки. - А то мало ли...
- Я видел, как он бежал.
- Вот и хорошо, - удовлетворённо кивнул Уэрбо. - Теперь пусть он принесёт электрогриль, электрокастрюлю, килограмм лимонов, соль, перец, специи и ещё пива.
- Сейчас четыре утра, - простонал Вернон, которому показалось, что креветки уже присосались к его голове.

Или кто там присасывается?

- Логично рассуждаешь, - одобрил серб. - Скажи ему, чтобы поторопился, потому что через пару часов ужинать будет поздно. Тебе повторить список?
- Не надо... - Кольдер снял телефонную трубку, поднёс её к уху и лишь в этот момент остановился: - Откуда портье всё это возьмет?
- В два часа ночи, - простонал Рикки.
- В четыре.
- Скажи, что капитан Аэрба просит об услуге, - безмятежно велел серб, вскрывая вторую банку пива.
- И что?
- И всё.

И всё, к огромному удивлению рыжих, нашлось. Точнее, отыскалось.

Уже через полчаса компания уютно расположилась на полу обширной, выходящей на море террасы. Слева - ведро с едой, справа - кастрюля с кипящей водой, в которую периодически влетала очередная порция закуски, чуть дальше честно трудился электрогриль, поджаривая шашлычки из креветок, кальмаров и осьминогов, впереди же устроились плоски с соусами и банки с холодным пивом. А за краем террасы и даже ещё дальше, далеко-далеко за пляжем, занимался роскошный тропический рассвет, раскрашивая океан и небо во все оттенки восходящего солнца.

И лучи солнца вырезают на лазурном небе чёрный абрис идущей из-за горизонта шхуны. И Рикки указывает на него рукой и говорит: «Красиво!», а остальные поддерживают младшего одобрительными возгласами, пьют и жмурятся.

- Красиво!

* * *

- Тебе страшно?

- Выкуп, - хрипло произнёс китаец, с надеждой глядя на Герро заплывшим глазом. Големы взяли пленника живым, но в горячке так приложили по физиономии, что след не сошёл до сих пор. - Я заплачу любой выкуп. Дам столько, сколько скажете. Не торгуюсь.

- Тебе страшно?

- Выкуп...

Нападение на «Сабину» произошло пять дней назад, и вот уже два, с тех пор, как из камеры увели последнего «компаньона», несчастный миллионер говорил только об одном:

- Назовите сумму выкупа: я заплачу.

- Тебе страшно?

- Выкуп...

Герро легко ударил китайца по щеке. Даже не ударил - пальцами обозначил жест, но пленник не сдержал короткий, полный боли возглас. И вздрогнул так, словно Луминар врезал ему кастетом.

- Я спрашиваю: тебе страшно? - резко спросил Герро, наклоняясь и подаваясь вперёд. На несколько ужасных мгновений их лица сблизились, красные глаза упёрлись в чёрные, от светлой, до белизны, кожи пахло морозом, и перепуганный миллионер кивнул:

- Очень.

Он всё ещё не понимал, кто с ним играет.

- Очень хорошо. - Капитан «Чёрного абриса» усмехнулся, выпрямился и провёл холодной рукой по волосам пленника. - Так и должно быть, потому что сегодня твой день, парень.

- Разве вы не знаете, как меня зовут? - Фраза «Сегодня твой день» была понята неверно, несчастный решил, что у него появилась надежда на спасение.

- Нет, не знаю. - Герро отстегнул кандалы от стены, ухватился за цепь и подтолкнул пленника к дверям. - Шагай.

- Вы не знаете, как меня зовут? - Несмотря на кошмарные обстоятельства, миллионер никак не мог справиться с удивлением. - Вы не знаете, кто я?

- И мне плевать.

Когда-то давно Луминар пробовал хранить и высушивать добычу в одном помещении: вдоль стен скованные пленники, а посередине - «кухонное кресло», в котором пища лишалась крови. Процесс высушивания стабильно вызывал у пищи бурные эмоции, позволяя Герро наслаждаться не только кровью, но и пронзительным, практически осязаемым ужасом обречённой, но ещё живой и всё понимающей добычи. Однако у объединения «столовой» с

«кладовой» нашёлся существенный недостаток: многие пленные челы сходили с ума. Поначалу это развлекало, однако с возрастом высушивать идиотов стало противно настолько, что пару раз Герро даже выбрасывал свихнувшуюся пищу за борт. И теперь держал добычу в другом помещении.

- Я думал, вы захватили меня ради выкупа, - тем временем лепетал китаец. - Я ведь богат! Я несметно богат. Я - миллионер! Я стою очень дорого...

- Нет.

- Нет.

- Не выкуп? - Поскольку самый очевидный мотив не сработал, пленник тут же перешёл ко второму варианту: - Вам меня заказали? Чанг заплатил, чтобы меня убрать? Не верьте ему! Верьте мне! Я дам вдвое! Втрое!

«Ну почему у этих жадных челов всё всегда упирается в деньги? Почему они отказываются принять, что сами по себе тоже представляют ценность? Что кому-то может понадобиться их тело... Или их кровь...»

- Никакой Чанг мне не платил. - Капитан открыл дверь и втолкнул жертву в «столовую». - Ты остался жив случайно: я велел захватить трёх любых челов, и одним из них оказался ты.

- О...

- Тебе страшно?

«Столовая» представляла собой небольшую, без иллюминаторов, каюту, обшитую потемневшими - причём не только от времени! - деревянными досками. Из освещения - одна единственная лампочка, спрятанная за грязным толстым плафоном, защищённым проволочной сеткой. Из мебели - одно-единственное деревянное кресло в самом центре помещения. Из ароматов - только дерево и кровь. Герро обожал это смешение: дерево и кровь. И немного морской соли, куда же без неё?.. Но главное: дерево и кровь.

- Что вы собираетесь делать?

Ответа не последовало.

Вампир усадил китайца в кресло, быстро и ловко затянул металлические зажимы, надёжно зафиксировав жертве предплечья, лодыжки и туловище - Луминар терпеть не мог высушивать трепыхающуюся пищу, - вновь погладил посеревшего от ужаса миллионера по жиденьким волосам и осведомился:

- Тебе страшно?

Почему ему не давал покоя этот вопрос? Всё просто...

Всё просто и одновременно - сложно. Даже не то чтобы сложно, просто немного стыдно. Просто существуют простые вещи, в которых трудно признаваться.

Капитан Герро Луминар был масаном, а потому давно, с самого, можно сказать, рождения, привык, что в его присутствии тревожатся все, начиная от полевых мышей и заканчивая самыми сильными магами. Пища, что поделаешь! Общество ночного охотника давило на

инстинкты обладателей тёплой крови, заставляло нервничать, а то и убегать, и только навы, тягучая кровь которых являлась для вампиров отравой, воспринимали его присутствие с понятным равнодушием. Все остальные тряслись от страха, если покончить с использованием дипломатичных определений вроде «тревожились» или «нервничали» и называть вещи своими именами. Всех остальных трясло, и Герро с рождения воспринимал их страх как должное. Однако присланный Яргой чуд оказался парнем с секретом: то ли отчаянным храбрецом, то ли конченным безумцем, то ли и то, и другое вместе, да к тому же в больших количествах. Присутствие Луминара Винсент воспринимал по-навски: не боялся, не тревожился, оставался спокоен, словно учитель физики во время опытов Курчатова, да ещё поглядывал так, словно сам способен высушить Герро, если тот сдуру зазеваётся и подставится.

Старый Шарге был аномалией, и Луминар со стыдом признавался, что впервые в жизни тревожится в присутствии пищи.

Проклятый чуд!

Его присутствие на борту настолько выводило Герро из себя, что он, обычно весьма сдержанный в еде, высушивал пищу через два дня на третий, словно пытаюсь забыться в свежей крови, отгородиться её силой от неприятного соседства.

- Тебе страшно, сволочь?

- Да, - не стал скрывать китаец.

- Громче!

- Да!

Несчастный понятия не имел, как закончили свои дни другие пленники, но догадался, что выйти из этой небольшой, пахнущей кровью и страданиями комнаты ему вряд ли доведётся.

- Пожалуйста, передайте моей маме...

- Заткнись!

Герро поднялся и медленно прошёлся вдоль длинной стены, пару раз оказавшись за спиной китаец и всякий раз наблюдая за тем, как тот вздрагивает от страха.

«Нет, так не хочу».

Поиграв на эмоциях жертвы и вдоволь насладившись её ужасом, Луминар неожиданно решил сменить линию поведения и разыграть внезапную атаку. Добиться того, чтобы жертва расслабилась, и лишь тогда нанести смертельный удар... А для этого нужно дать пленнику надежду. Пусть рассчитывает на чудо! Проклятое чудо... Проклятый чуд! Убить прямо сейчас!

Иглы удлинились, и вампир с трудом подавил желание броситься на пищу.

Проклятый чуд!

Герро перестал понимать, чего хочет. Близкая кровь распалила, требовала как можно быстрее приступить к трапезе, однако в голову непрерывно лезли мысли о Винсенте, придавая предстоящему наслаждению горький привкус.

Накинуться и убить? Потянуть время? Как же трудно принять решение...

- Что ты говорил о выкупе? - хрипло спросил вампир.

- А? - тупо отозвался пленник.

Страх парализовал его разум, и придётся крепко постараться, чтобы вывести китайца на вменяемый разговор.

- Я знаю, ты стоишь очень много денег, - мягко и неспешно продолжил Герро, следя за тем, чтобы смысл слов доходил до адресата. - Миллионов семьдесят, наверное, если состояние быстро обратить в наличные?

В действительности Луминар понятия не имел о состоянии владельца «Сабини», ляпнул наугад, а тот поддержал:

- Да! Да! Семьдесят! - Впрочем, сейчас несчастный согласился бы с любой суммой. - Я соберу деньги... Мои люди соберут их за неделю! За пять дней!

- Пять дней, - протянул Герро, вновь выходя из поля зрения добычи. - Уже лучше...

На этот раз китаец вздрогнул едва-едва. Лучше, но недостаточно.

- А если я захочу половину? Тридцать пять миллионов, но камнями и золотом. Твои люди смогут уложиться в те же пять дней?

- Камни и золото? - туповато повторил китаец.

- Я не доверяю бумаге, на которой печатают цифры.

Пленник облизнул губы и прищурился, глядя на Луминара совсем другим взглядом - деловым. Разговор о деньгах быстро привёл миллионера в чувство.

- Золото и камни... Нужно добыть достаточное количество наличных, потом купить... Договориться... Мой сын сделает! Клянусь! Но не за пять... На такую операцию нужно не менее десяти дней.

- Я так и думал.

- Но я успею! Клянусь! Я успею! Мой сын успеет!

- Я думал, твой сын был на яхте.

- Младший был на яхте. - Как ни странно, воспоминание о погибшем родственнике не омрачило чело пленника. Сейчас он мог думать только о себе. - А старший с семьёй праздновал Новый год в Лондоне. Не смог прилететь...

- Хорошо, когда детей - несколько, - заметил Герро. - Один оказался везучим и теперь может поддержать тебя в трудную минуту.

- Верно.

- Десять дней?

- Возможно, чуть больше.

Луминар вновь зашёл добыче за спину, но на этот раз китаец остался абсолютно спокоен. Он был полностью поглощён важнейшими в жизни переговорами.

- Камни сын добудет без труда, у меня есть доля в нужном бизнесе. А вот золото придётся приобретать на подпольном рынке. К тому же возникает необходимость подтвердить, что я жив, что именно я прошу...

И в этот момент вампир вонзил в его шею иглы. И наслаждался не только кровью, но и резким, чистым, без всяких примесей страхом смерти. Тем самым, когда ничего не понимающая и позабывшая обо всём жертва внезапно видит смерть, и страх вызван ею, а не собственно убийством.

Герро обожал эти мгновения и именно этот страх. Он тонко чувствовал его, впитывая вместе с кровью, и ради этих мгновений сдерживался, до последнего успокаивая обречённую жертву. От поглощения дистиллированного страха смерти вампир испытывал необычайный, сравнимый лишь с оргазмом взрыв эмоций, жадно глотал каждую его капельку и...

И именно в это мгновение в «столовую» вошел Шарге.

«Проклятый чуд!»

- Извини, не думал, что ты занят, - протянул остановившийся на пороге Винсент. Выдержал короткую паузу и шагнул внутрь: - Я подожду.

И тем поставил Луминара в идиотское положение. В «кухонном кресле» дёргается чел, в шее чела - иглы, капли крови пятнают одежду, а лёгкое, едва заметное рычание охотника пятнает установившуюся в «столовой» тишину. Только что он был на вершине блаженства, наслаждался заслуженным, тщательно подготовленным красным, приятственным смешением аромата дерева, крови, соли и страха, а в результате - скомканный финал.

И спокойный, чуть насмешливый взгляд карих глаз чуда. Единственной, на памяти Герро, пищи, способной спокойно смотреть на процесс насыщения вампира.

- Прошу, не отвлекайся.

«Мерзавец!»

Удовольствие едва не сменилось отвращением, и Луминар принялся торопливо допивать - не высушивать, а прямо-таки высасывать жертву, - чувствуя, что насыщение обрамляется паспарту чёрной злобы.

«Проклятый чуд!»

Нет, в первую очередь - гнусный Ярга, который из всех возможных помощников прислал на «Чёрный абрис» именно этого чуда, проклятого и проклятого Шарге, Гиллингемского Мясника, чьим именем масаны пугали детей по всему миру.

Историю Винсента знал каждый вампир Земли: полтора года назад старый Шарге ошибочно предположил, что масаны причастны к смерти его единственного сына Рудольфа и объявил ночным охотникам личную месть, не пропуская ни одного «похода очищения». То, что он творил, пытаясь отыскать виновных в гибели сына, заставляло бледнеть даже выдавших виды вампиров и морщиться назов, а апофеозом карьеры мстителя стал Гиллингем, тихий и уютный город, в котором намеревалась пересидеть очередную атаку на Лондон дружная семья

кровососов Робене. Шарге взял трёх собственноручно изготовленных кукол, отправился в Гиллингем и истребил всех Робене. И то видео, которое он при этом снял, заставило верных Тёмному Двору масанов отказаться от всякого сотрудничества с психованным мастером големов. Ведь у нормальных, даже беспощадных, есть границы, за которые они по тем или иным причинам не переходят. Для Винсента же любые ограничения ушли в прошлое.

В конце концов, Шарге отыскал убийцу сына в самом Ордене, уничтожил магистра Саламандр и бежал, неведомым Герро образом оказавшись среди подданных Ярги. Принёс официальные извинения масанам и... И до сих пор оставался жив.

Нет, вампиры не забыли Мясника, просто опасались связываться со всесильным Яргой, который высоко ценил гениального мастера.

«Ничего, сволочь, рано или поздно кто-нибудь из наших обязательно до тебя доберётся. И тогда...»

Луминар не обладал достаточной фантазией, чтобы во всех деталях представить себе, что случится «и тогда...», однако верил, что это будет необычайно долгая, болезненная и кровавая процедура, видеозапись которой порадует всю семью.

Китаец же, тем временем, иссяк. Слишком быстро и слишком просто. К тому же его одежда оказалась испачканной, хотя обычно Герро принимал пищу весьма аккуратно, оставляя шумное разбрызгивание крови на волнующий финал, которого сейчас, из-за присутствия проклятого чуда, не случилось.

Ни удовольствия, ни потакания инстинктам – ничего, кроме банального насыщения. Спасибо Мяснику.

- Вот и всё. – Луминар выпрямился, втянул иглы и без восторга посмотрел на Шарге.

Тот вежливо улыбнулся и нейтральным тоном осведомился:

- Команда не опасается?

«Ехидная сволочь!»

Однако ответил Герро спокойно:

- На «Чёрном абрисе» ходят только те, кто безоговорочно мне верит. Мои челы знают, что своих я не трогаю.

- Слышал, местные считают, что ты пожираешь трупы врагов, – небрежно заметил Шарге.

Он намеренно не использовал слово «тела».

- Я сам запустил этот слух, – с деланой вежливостью ответил вампир.

- Хотел нагнать страху?

- Не только... – Единственная мебель «столовой» была занята, поэтому собеседникам приходилось общаться стоя, глядя друг на друга поверх поникшей головы китайского миллионера. – В моей команде много ребят с совсем диких островов... Там ещё помнят древние традиции.

- Да, я слышал, что раньше местные широко практиковали трупоядение и с уважением относились к тем, кто... - Винсент пошевелил пальцами, делая вид, что подбирает нужное определение. - Кто таким образом якобы получает силу врага.

Чуд ведь не мог не понимать, что присутствием во время высушивания привёл масана в бешенство, однако не только досмотрел процесс до конца, но вёл теперь «светскую» беседу в таком ключе, словно никакого инцидента не было.

«Слухи не вралы - Мясник действительно конченный псих».

Которого обязательно нужно убить.

Герро ни в коем случае не переживал и не мечтал отомстить за павших от руки Винсента сородичей, однако присутствие Шарге нагоняло на ночного охотника такой страх, что другого способа избавиться от него Луминар не видел.

«А с Яргой я потом как-нибудь всё улажу... Наверное...»

- Тебе здесь нравится? - неожиданно осведомился чуд.

- Я тут дома, - машинально ответил Герро. После чего с заслуженной гордостью добавил: - И все обитатели южных морей так или иначе вынуждены со мной считаться.

- Тогда почему служишь Ярге?

Ещё один неприятный вопрос в лоб. И почему-то стало противно смотреть на высушенного чела. И кисло стало во рту, словно не кровью он только что наполнялся, а лимонным соком.

«Почему служишь?» И сразу же низвёл свободолюбивого капитана едва ли не до мелкого клерка.

«Не твоё дело!»

Но восклицание станет признанием. И промолчать тоже нельзя: чуд ждёт, если не ответить, Винсент запишет ещё одно очко в свою пользу, и потому вампир коротко бросил:

- Ярга меня нашёл.

- Полагаю, это было нетрудно.

- А ты остроумен.

- Только заметил?

- Не ожидал от Мясника.

Луминар впервые дал понять Винсенту, что знает, с кем имеет дело, и с любопытством ожидал реакции. И остался разочарован.

- Это потому, что за деревьями ты не видишь леса, - вздохнул чуд. - А за своей ненавистью ко мне... Кстати, совершенно иррациональной ненавистью, ведь лично тебе я ничего не сделал. Так вот, за своей ненавистью ко мне ты отказываешься видеть личность. Я для тебя - образ. Это, конечно, льстит, однако рабочим отношениям такой подход мешает.

«Что я сейчас слышу? Лекцию по выстраиванию рабочих отношений внутри корпорации?»

- А я для тебя кто? - поинтересовался вампир.

- Назначенный соратник, - тут же ответил Винсент. - И я, поверь, отношусь к нашему сотрудничеству профессионально.

- Конечно, это ведь ты резал масанов, а не наоборот, - не сдержался Герро.

- Я извинился.

- Гм...

Однако старик, как выяснилось, говорил серьёзно.

- И потому не понимаю претензий: твои сородичи не раз и не два имели прекрасную возможность убить меня, и я не виноват в том, что они этими возможностями не воспользовались. - Шарге помолчал, обдумывая свои слова, после чего легко рассмеялся: - Нет, соврал: пожалуй, именно я в этом виноват. Я убивал их быстрее и качественнее, чем они меня.

Это заявление Луминар не мог оспорить при всём желании.

- Думаю, Ярга специально свёл нас вместе, - продолжил тем временем чуд. - Решил посмотреть, как отнесётся к сотрудничеству с Гиллингемским Мясником один из самых здравомыслящих масанов.

- Ради чего? - Лесть насчёт «самого здравомыслящего» Герро оставил без внимания.

- Ради того, что Ярга впервые в жизни формирует межрасовую армию и учится делать её монолитной, - охотно объяснил Винсент. - Ему нужны вы, армия вечно голодных кровососов, ему нужен я, гениальный мастер големов, вот он и экспериментирует.

- Я не подопытная крыса.

- Ага.

Одному Спящему известно, как же сильно наглый чуд доставал Герро. Особенно раздражало постоянно проскальзывающее высокомерие. И омерзительная привычка всегда считать себя правым тоже раздражала, приводя порой в совершеннейшее неистовство.

А ещё бесило то, как легко, без лишних просьб и вопросов, Шарге перешел на «ты». Просто стал называть Герро на «ты», и всё, словно так надо. Луминар, разумеется, немедленно ответил тем же, однако именно ответил, стал говорить «ты» вторым, и это обстоятельство доводило вампира до белого каления.

В общем, если Ярга и в самом деле моделировал на них межрасовые взаимоотношения, то он выбрал не самые удачные образцы.

- Куда собираешься деть тело? - Винсент щёлкнул мёртвого китайца по лбу.

- Как обычно: отправлю в океан.

- А рыбаки не найдут?

Учитывая, что «Чёрный абрис» бросил якорь в виду Патайи, вопрос был вполне логичен.

- Мои ребята отвезут тело подальше, на большую глубину.

- Хорошо. - Герро вдруг подумал, что опять проигрывает диалог: он словно отчитывается перед чудом в своих действиях. И следующая фраза чуда тоже не порадовала вампира:

- Операцию проведём вечером, пора забрать нашего милого мальчугана из этого ужасающего гнезда порока.

- Парень действительно важен?

Вопрос вырвался сам собой. Луминару было неприятно признавать, что Ярга не полностью ввёл его в курс дела, ограничившись сухим «Я крайне заинтересован в объекте», но дальше терпеть не мог: он хотел знать подробности. И к некоторому его удивлению, ответ чуда прозвучал по-деловому, без намёка на издёвку:

- Наш объект - любимый племянник великого магистра де Гира. Похищением щенка Ярга намеревается подобраться к самой вершине Ордена.

* * *

Три весёлых молодца, Вернон Венсон, Ричард Феллоу и Кольдер де Бер дружили столько, сколько себя помнили, а себя они помнили, по орденским меркам, всего ничего: по двадцать три года на рыжую голову. Случилось так, что семьи их жили по соседству, в старом московском доме, в огромном дворе которого - а в детстве дворы обязательно кажутся огромными, ибо они и есть мир, - и познакомились трое пацанят. Сначала лежали в колясках, периодически наполняя окрестности весёлыми или жалобными воплями, потом окуппировали песочницу, храбро отбивая набеги чужой, не рыжей ребятни, потом оседлали велосипеды, зимой - санки и лыжи, играли в снежки, строили крепости, дрались, побеждали, проигрывали, стискивали зубы и шли дальше. В общем, всё, как было у отцов, чья крепость - горделивый Замок, - тремя высотными башнями поднималась неподалёку от двора, в самом начале проспекта Вернадского. И плевать мальчишкам было на то, что Рикки и Кольдер - Горностаи, а Вернон - Дракон. Плевать, потому что все они были чужаками: рыжими, храбрыми, драчливыми и гордыми.

И ещё они верили в счастливое будущее.

Верили до тех пор, пока жизнь не преподнесла им пару уроков, доходчиво разъяснив дерзким пацанам, что сюрпризы бывают не только приятными.

В положенное время мальчишки - точнее, уже юноши - подали прошения о приёме в школу гвардии, каковые, в силу наличия у всех друзей магических способностей, были удовлетворены. Вернон, Кольдер и Рикки сделали первый шаг к исполнению заветной мечты всех пацанов Ордена - стать могущественным боевым магом. Стать защитником великой Чуды. Стать героем.

И даже первый, самый тяжкий год, который юные волшебники проходили в мастерской «козерогов», показался ребятам лучшим временем жизни. Да, их гоняли преподаватели, безжалостно отсекая тех, кто не сможет прорваться к цели вопреки всему. Да, над ними насмехались старшекурсники, выдавая их неопытность за глупость, а слабость - за бесперспективность. Да, они обзавелись шрамами от драк и неудачных опытов. Но не сломались и не склонились. Вернон, Кольдер и Ричард показали, что в гвардию пришли

будущие рыцари, и через год с гордостью сменили шапочки новичков на мантии полноправных студентов школы.

И ещё они верили в счастливое будущее.

Верили до тех пор, пока жизнь не преподнесла им пару уроков, доходчиво разъяснив дерзким пацанам, что сюрпризы бывают не только приятными.

В положенное время мальчишки – точнее, уже юноши – подали прошения о приёме в школу гвардии, каковые, в силу наличия у всех друзей магических способностей, были удовлетворены. Вернон, Кольдер и Рикки сделали первый шаг к исполнению заветной мечты всех пацанов Ордена – стать могущественным боевым магом. Стать защитником великой Чуди. Стать героем.

И даже первый, самый тяжкий год, который юные волшебники проходили в мастерской «козерогов», показался ребятам лучшим временем жизни. Да, их гоняли преподаватели, безжалостно отсекая тех, кто не сможет прорваться к цели вопреки всему. Да, над ними насмехались старшекурсники, выдавая их неопытность за глупость, а слабость – за бесперспективность. Да, они обзавелись шрамами от драк и неудачных опытов. Но не сломались и не склонились. Вернон, Кольдер и Ричард показали, что в гвардию пришли будущие рыцари, и через год с гордостью сменили шапочки новичков на мантии полноправных студентов школы.

А ещё через месяц Рикки потерял сознание, наводя элементарный морок, и после тщательного обследования лучшие врачи мира – эрлийцы – вынесли юноше приговор: магический регресс, редчайшее генетическое отклонение, постепенно пожирающее природные способности к колдовству. Всего за четыре месяца Феллоу соскользнул с уровня «возможно командор» до нуля и лишился всякой надежды на военную карьеру.

Однако добрый нрав остался при нём.

- Вставайте, придурки!
- Мля, пасть закрой, кретин.
- Подъём!
- Кто-нибудь, убейте идиота.
- Хватит дрыхнуть, уроды!
- Что ему надо? – пробормотал Аэрба.
- Наши жизни, – глухо отозвался Вернон. Дракону казалось, что голову стискивают железные обручи. С гвоздями. Раскалённые. Приблизительно семьсот четырнадцать штук.
- В вашем друге совсем нет сострадания.
- Он ампутировал его в младенчестве.
- Когда вы спите, от вас сильнее пахнет!

Кольдер перекатился на спину, пару секунд разглядывал потолок, пытаясь сфокусировать

взгляд на точечном светильнике, после чего простонал:

- В эту страну поставляется аспирин? Я куплю годовой запас...
- В такую маленькую голову годовой запас не влезет.
- Сейчас - легко.
- Выпей томатного сока.
- Ни слова о еде. - Вернон скосил глаз на зачесавшуюся руку и увидел, что его ладонь пересекает полудохлый краб. - У нас разбился аквариум?
- Я бы запомнил.
- Не хотите убивать его - убейте меня. И выключите, в конце концов, свет.

Каждый боролся с наступающим днём по-своему. Предусмотрительный Кольдер ещё с вечера раздобыл маску для сна и потому очнулся последним, ещё более сообразительный Аэрба залёг в гостиной, прямо под кондиционером, и кресла защитили его от жарких солнечных лучей. Вернон под утро отправился в туалет, да там и продолжил сон, и только молоденький Рикки застрял на террасе, пережил все прелести тропического рассвета, потом тропического утра, потом тропического дня и, разбуженный ими всеми, отправился будить приятелей. Приблизительно в четыре пополудни.

- Хватит ныть! Мы на курорте! - Рикки включил телевизор. - Тут весело!
- Кто вы все и что делаете на борту? - осведомился Аэрба. - Пшли вон!
- Это наш номер, - буркнул в ответ Кольдер. И попытался завернуться в ночную маску.
- Ваша яхта? - переспросил серб.
- Наш номер.
- В гостинице, - уточнил Вернон.
- Тогда почему её шатает?
- Его.
- Я имел в виду гостиницу.
- А я - здание.
- Сейчас не важно.
- А я вообще ничего не имел в виду, - признался Кольдер. - Потому что тут очень странно, и нужно проделать дезинфекцию.

И уставился на диван, из-под которого торчали усы лобстера.

- Или детоксикацию, - предложил свой вариант Рикки.
- Или его, - согласился де Бер, пытаюсь понять, действительно ли белые усы враждебно

шевелиются, или в номер прискакала пушистая белочка.

- А здорово мы вчера отметили это, - громко произнёс Уэрбо и жестом предложил окружающим разделить с ним радость.

Вместо этого окружающие задумались, и думы их были тяжелы.

- Что именно мы праздновали? - осведомился Вернон.

- «Это», - повторил Кольдер с таким видом, словно попробовал единственное доступное объяснение на вкус.

- «Это» можно было и скромнее отметить, - язвительно выдал Рикки. - Без фанатизма.

- Может, «это» было нашим знакомством? - предположил Аэрба.

- В таком случае, мы будем дружить вечно.

- В таком случае от той девчонки у меня уже должны быть внуки, - выдохнул капитан.

- Ты настолько старый? - удивился Кольдер.

- В настоящее время мне приблизительно сто восемьдесят три года.

- Или похороните его, или пусть заткнётся. - Вернон судорожно потёр виски. - Кого мы послали за аспирином?

- А кто это?

- Аспирин?

- Нет, вот он. - Кольдер кивнул на Уэрбо. - Чернявенький.

- Наш друг. - Рикки зевнул. - Кажется.

- Капитан Аэрба, - сообщил Уэрбо, щелчком отправляя приبلудную креветку в дальний угол гостиной.

- Он думает, что мы - русские.

- Сейчас мы именно такие.

- К вашим услугам, молодой человек.

- Сам ты человек, - вздохнул Кольдер, желающий лишь одного: проснуться и понять, что предыдущее пробуждение было всего лишь ночным кошмаром.

- Согласен, православный брат, после вчерашнего нас стыдно называть людьми.

- «После вчерашнего»? Ты что-то вспомнил?

Аэрба запустил пятерню в чёрные кудри - жест показался чудам знакомым, - и важно сообщил:

- Пока я вспомнил только то, что вы - русские.

- Уже немало, - язвительно прокомментировал Венсон.

Аэрба выдал относительно вежливую гримасу, огляделся и осведомился:

- Не вижу на рубашке пятен губной помады... Кто-нибудь в курсе, почему мы проснулись без женщин?

- Кажется, их забрали в полицию, - протянул Рикки. - Но я не уверен.

- В полицию? - удивился Уэрбо. - За что?

- За нас.

- Или они уехали.

- Теперь не важно! - провозгласил серб, без труда заглушая все звуки в радиусе двух миль.

- Убейте его, - вновь простонал Вернон. - Или убейте всех.

- Я знаю, где взять холодное пиво.

- В холодильнике, - проворчал Кольдер.

- Его там нет, - уныло вздохнул Рикки.

- Почему?

- Потому что вчера мы запивали им закуску.

Де Бер вновь посмотрел на диван: торчащие из-под него усы злобно шевельнулись. Судя по всему, лобстер давал понять, что будет стоять насмерть. В смысле - прятаться насмерть. То есть скрываться... Но драка тоже возможна, если его потащат на свет... В смысле - на электрогриль...

- Кто там ломится в дверь? - болезненным тоном осведомился Вернон, среагировав на деликатный стук. - Горничная?

- Официант? - предположил де Бер.

- Полиция? - поделился грустными мыслями Феллоу.

- Это пиво, - широко улыбнулся Уэрбо. - Холодное пиво торопится в наши объятия.

- Пиво пришло, - меланхолично произнёс Дракон, нетвёрдо направляясь в свою спальню. - Впрочем, после ходячей закуски меня уже ничем не удивишь.

- Если пришло пиво, то включите кастрюлю, - потребовал Кольдер. - Я проголодался.

- Как ты можешь думать о еде? - простонал Рикки. И бросился в ванную комнату.

- В унитаз! - напомнил Аэрба, открывая дверь. - Я не ошибся: тут действительно пиво!

Холодные, потные банки, больше похожие на военно-морские снаряды с реанимационной жидкостью индивидуального пользования.

- Кто со мной? - Уэрбо уселся на диван и вскрыл первую банку.

Почти сразу же подтянулся Кольдер, а ещё через минуту подполз с трудом приходящий в себя Вернон.

- За второй день нашего тут пребывания.

- Угу... - вздохнул Дракон. - Надеюсь, он не окажется таким же суматошным, как первый.

- Приехали оттянуться? - с пониманием осведомился серб.

- Вроде того...

И тактично умолкли, одновременно поморщившись, услышав громкий звук: в ванной комнате шумел несчастный Рикки.

- Мы немного празднуем, - нехотя добавил де Бер, поскольку возникшая пауза показалась ему неловкой.

- Окончание школы? - усмехнулся капитан.

- Детского сада, - огрызнулся де Бер.

- А если серьёзно?

Чуды переглянулись.

Как рассказать дружелюбному знакомцу то, о чём рассказывать нельзя? Зачем дружелюбному знакомцу знать, что два дня назад Кольдер де Бер стал обладателем первого боевого магического титула - рыцарь-мстителю и одновременно получил звание сержанта гвардии великого магистра? По этому поводу состоялась крупная вечеринка в Москве, после которой испросившие отпуск друзья отправились в весёлый Таиланд.

- Я продвинулся по службе, - скупово поведал Кольдер.

И сделал большой глоток пива. В ванной продолжало шуметь.

- Без обид, православный брат, но я думал, ты ещё учишься, - усмехнулся Аэрба.

- Я продвинулся по службе, - скупово поведал Кольдер.

И сделал большой глоток пива. В ванной продолжало шуметь.

- Без обид, православный брат, но я думал, ты ещё учишься, - усмехнулся Аэрба.

- Выгляжу моложе своих лет.

- В твои годы это хорошо, а вот в сорок лет уже не очень.

- Тебе сорок? - удивился Вернон.

- Я тоже выгляжу моложе своих лет?

- Мне плевать, как ты выглядишь.

- Отличный ответ, - одобрил серб и вновь повернулся к де Беру: - Служба серьёзная?
- И секретная.
- Вопросов больше не имею. - Капитан сплющил в здоровенных ладонях опустевшую банку и осведомился: - Вам не кажется, что наше общество срочно требуется разбавить приятными женскими лицами?
- Для начала давайте просто прогуляемся, - пробормотал Дракон. - И может быть, даже искупаемся...
- Тоже неплохо, - оценил де Бер. - Рикки?
- Без меня, - донеслось из туалета. - Я неожиданно не в форме.
- Тебя подождать?
- Не надо.

- Почему ты не хочешь просто убить остальных? - поинтересовался Герро, наблюдая за спускающими шлюпку матросами. - К чему дурацкая щепетильность?

И Луминар, и Шарге могли за мгновение добраться до берега, однако не хотели привлекать внимание чудов магией и сделали выбор в пользу традиционного средства доставки. При этом новичок Винсент находил предстоящую морскую прогулку приятной, а давным-давно растерявший романтический настрой вампир - отвратной. И именно плохим настроением было вызвано недовольное замечание.

- Просто убить удаётся крайне редко, - менторским тоном ответил чуд. - Всегда случаются последствия.
- Какие могут быть последствия у старого доброго убийства? - хмыкнул вампир. - Похороны?
- Наши противники юны, но не слабы. Один из них имеет ярко выраженный уровень «командор войны», второй - «возможно командор», у них за плечами четыре года школы гвардии, и убивают они, ты уж мне поверь, умело.
- Да-да-да... - махнул рукой Луминар, усаживаясь на банку. - К тому же они твои сородичи.
- К тому же - да, - не стал отнекиваться Винсент.
- А Мясник ты только для чужаков.
- Именно.

И честный ответ в очередной раз заставил вампира удивиться: он не ожидал, что старик настолько легко раскроет карты.

Герро подождал, пока Винсент не окажется в шлюпке, и задал вопрос, едва она отошла от борта «Абриса».

- Ярга знает о твоём милосердии к своим?

- Разумеется. - Шарге позволил себе снисходительную усмешку. - Можешь уточнить у него самого.

Масан предпочёл пропустить колкость мимо ушей.

- И как он к ней относится?

- С пониманием.

- Что-то не верится.

- Наш господин пытается отыскать правильную линию поведения в отношении навов, - напомнил Винсент. - И мой опыт может оказаться полезным.

- Да, конечно.

- К тому же Ярга не настроен на полное уничтожение Ордена. В противном случае, наше сотрудничество не имело бы перспектив.

Со вторым аргументом вампир, поразмыслив, согласился, но расспросы тем не менее продолжил:

- Зачем тогда все придуманные тобой хлопоты? Почему просто не взять нужного щенка и не уехать? Или у «просто взять» тоже бывают последствия?

Задавая вопрос, Луминар морщился от летящих в лицо брызг: после захода солнца океан слегка разыгрался, и нос лодки то и дело таранил довольно высокие волны.

- Последствия бывают всегда, собственно, мы из-за них и забираем щенка - из-за нужных нам последствий, - вальяжно объяснил Винсент. В отличие от масана, старому чуду нравилось чувствовать на лице морскую воду. - Что же касается остальных, то, оставляя их в живых, мы демонстрируем Францу де Гиру свою силу, и эта демонстрация тоже повлияет на последствия. - Пауза. - В нужном нам ключе.

- Всё так сложно.

- Ничего сложного, если подумать.

- Куда уж мне думать, - развёл руками вампир. - Я ведь пушечное мясо.

- Тогда не думай.

- Давай ты перестанешь хамить?

Яростный взгляд красных глаз Герро мог напугать любого чуда, но только не сумасшедшего Мясника. Который с абсолютным спокойствием отнёсся к весьма агрессивному жесту Луминара: резкому повороту и обжигающему взгляду.

- А ты перестань заниматься ложным самоуничижением, - с прежней расслабленностью в голосе посоветовал вампиру Шарге. - Тебе не идёт.

- Не поверил в моё самоуничижение?

- Я никому не верю.

- Даже Ярге?
- Мы оба знаем, что Ярге необязательно верить, – помолчав, ответил Винсент. – Ярге нужно подчиняться.

- Никогда!
- Что «никогда»? – не понял Вернон.
- Не смешивай пиво с водкой, а виски с портвейном? – предложил свой вариант Кольдер.
- Откуда ты знаешь, что напитки на «в» и «п» несовместимы? – удивился Аэрба. – Это откровение осеняет мужчину не раньше чем в тридцать лет.
- У меня была бурная молодость.
- У нас, – добавил Вернон.
- Ах да, вы ведь русские... – кивнул капитан. И вернулся к тому, с чего всё началось: – Никогда!
- Никогда не плати женщинам?
- Наивный мальчик.
- Никогда не давай в долг?
- Уже лучше.
- Никогда не занимай у шасов, – брякнул Дракон.
- Что? – удивился Уэрбо.
- Мы сдаёмся, – поспешил перехватить инициативу Кольдер. – Что, по-твоему, никогда не следует делать?

Несколько мгновений здоровенный серб переводил внимательный, но уже несколько пьяный взгляд с одного собеседника на другого, после чего тоном, каковым обычно выдают государственную тайну, произнёс:

- Никогда не забывайте о главной цели.

Пару секунд Дракон и Горноста́й пытались со всем возможным в данных обстоятельствах тщанием переvarить свалившуюся на них мудрость, после чего де Бер вежливо брякнул:

- Удивительный совет.

А менее дипломатичный Венсон рубанул с плеча:

- Дедушка вчера крепко перебрал, вот и потянуло на вечные истины.
- Ты кого старым пнём назвал, молокосос? – возмутился Аэрба.
- Я ведь в шутку, – пропищал молодой Дракон, но при этом он и в самом деле не хотел

скандалить с могучим сербом.

- Один мой хороший знакомый из Сибири в шутку подбрасывал обидчиков на три-четыре ярда вверх и забывал ловить, - сообщил Уэрбо, выразительно глядя на Венсона.

- Прыжок с высоты три ярда способен совершить даже учащийся младшей школы, - не остался в долгу тот.

- Мой хороший знакомый из Сибири тщательно следил за тем, чтобы подбрасываемый возвращался к земле головой вперёд, - уточнил капитан.

Данная поправка всё изменила.

- Полагаю, я должен извиниться? - осведомился Вернон.

- Было бы неплохо.

- Извини.

- О чём разговор, брат? - расцвёл в улыбке Аэрба. - Это женщины стесняются возраста, мужчины же своими годами гордятся. И мне приятно слышать в твоём голосе нотки сыновней почтительности.

- Ага, - кивнул Дракон, не желая развивать тему уважения к старости. - Всё именно так и есть.

И с достоинством выдержал испытующий взгляд капитана.

Далеко от гостиницы приятели уйти не смогли, застряли в паре кварталов, в уютном, хоть и немного шумном ресторанчике, открытая веранда которого выходила прямо на море. Закат случился совсем недавно, однако тропическая тьма уже окутала мир, расцветилась яркими огнями, наполнилась гомоном тысяч разговоров, музыкой, смехом и жужжанием моторов.

В маленьком городе, которому некогда спать, курортный день сменился курортной ночью.

- Как вам те девочки? - Аэрба едва заметно кивнул на шумную компанию из пяти молодых особ. - Выглядят весьма достойно.

Игривые наряды скрывали загорелые тела прелестниц, оставляя, однако, большой простор воображению.

- Их на одну больше, чем нужно, - заметил Кольдер. И немедленно укорил себя за длинный язык.

- Не волнуйся, православный брат, я возьму на себя лишнюю, - самодовольно произнёс ехидный серб. - А если заглохнешь, помогу и тебе.

- Э-э... - Из всех возможных ответов в голове де Бера вертелись исключительно нецензурные, вот и пришлось тянуть спасительное: - Э-э...

- Твои подружки флиртуют вон с теми парнями, - спас положение внимательный Вернон. - И, как мне кажется, ко взаимному удовольствию.

- Отлично! - прищурился Уэрбо. - Это австралийцы.

- Что в них отличного?
- Немцы тут, в основном, старичье, – объяснил серб, залпом махнув свою порцию виски. – Англичане сразу убегают, американцы баррикадируются в ближайшем туалете и зовут полицию, и только австралийцы поддержат хорошую драку, соберись мы слегка размяться перед приятным вечером с приятными девочками.
- Ты только что говорил, что нельзя забывать о главной цели.
- Наша главная цель – как следует отдохнуть и развеяться. – Капитан целеустремлённо улыбнулся и уточнил: – Или у тебя для каждого вечера припасена только одна забава?
- Это у тебя припасены забавы, а я могу и просто так отдохнуть, – ворчливо ответил Кольдер, у которого только-только прошла голова.
- И что потом будешь рассказывать внукам?
- Всё, что угодно, поскольку они у меня будут. А в твоём случае возможны варианты.
- Зато если они будут, то старенький, завернутый в плед дедушка не будет им лгать о своей бурной молодости, – заявил Аэрба и размял пальцы, бросив на приятелей выразительный взгляд: – Вы со мной?
- Подожди секунду, – неожиданно попросил Кольдер и резко повернулся в сторону улицы.
- Что? – подобрался Вернон. Он знал, что у Горностая гораздо лучше развито боевое предчувствие, вот и насторожился, увидев характерный «особый» взгляд друга.
- Что случилось? – осведомился серб, удивлённо изучая изменившиеся лица рыжих. – Изжога?
- Странное чувство, – медленно ответил де Бер, продолжая аккуратно сканировать окрестности. – Оно иногда на меня накатывает.
- Какое чувство? – продолжил расспросы любознательный Уэрбо. И налил себе ещё. Чтобы официант не тратил время на лишние пробежки от бара к столику, друзья заказали сразу бутылку.
- Чувство, как будто здесь кто-то есть...
- Здесь полно народу.
- Кто-то лишний...
- Кого ты чувствуешь? – прямо спросил Вернон. Через мгновение сообразил, что фраза для постороннего прозвучала довольно странно, и бросил Аэрбе: – У моего друга сильно развита интуиция.
- Такое бывает, – согласился серб, вливая в себя порцию вместе со льдом.
- И сейчас она ему подсказывает...

Закончить невинную ложь Венсон не успел: одна из давешних девчонок неожиданно развернулась, вскочила со стула и бросилась на капитана, неумело, но яростно пытаясь ткнуть

его ножом для моллюсков.

- Чёрт!

Несмотря на абсолютную неподготовленность атаки, Аэрбе едва удаётся уклониться. Он выбивает оружие из девичьей руки, толкает нападавшую в грудь, после чего заглывает едва не застрявший в пищеводе лёд и ревёт:

- Что происходит?

Вторая девчонка швыряет в Кольдера тарелку, третья бьёт его стулом, четвёртая виснет на Верноне, а пятая швыряет бутылку в серба. Происходящее кажется смешным и уж всяко странным.

- Они спятили? - Уэрбо уклоняется от бутылки, отбирает стул у третьей, а саму девчонку сажает на соседний столик, вызывая ещё одну порцию звона разбитой посуды и воплей недовольных посетителей. - Ты чего нанюхалась, дура?!

Дура вынимает из-под себя солонку и атакует ею.

- Они себя не помнят, - пытается объяснить де Бер, но из-за летающих тарелок получается невнятно.

- Что? Чёрт!!!

Аэрба вновь отталкивает первую девицу, на этот раз уже не церемонясь, одновременно говорит с Кольдером и потому пропускает мощный свинг правой в лицо и остаётся на ногах, лишь благодаря могучей стати и необычайной выносливости.

- А ты откуда взялся?

Австралиец пытается повторить удар, но капитан, несмотря на шум в голове и пятую девчонку с очередной бутылкой, успевает принять меры.

- Вот тебе!

Прямой встречный отправляет бегущего в атаку австралийца в сторону кухни, а его приятелю достаётся ногой в живот.

- Она меня укусила! - Вернон отрывает от себя четвёртую и, поколебавшись, швыряет её за перила.

Он думал, что под верандой располагается пустынный пляж, и сильно удивляется недовольным воплям потревоженных.

- Они себя не помнят! - вновь подаёт голос Кольдер. Для капитана, разумеется, поскольку Дракон уже сообразил, что происходит: разум окружающих находится под полным контролем сильного ночного охотника.

- Бандиты! - визжит девица, та самая, которую Уэрбо отправил на соседний столик. - Спасите!

Австралийцы бросаются на Аэрбу. Австралийцы мужчины, и этот факт позволяет чудам отдаться драке полностью, не думая, что им приходится сражаться с хрупкими женщинами. Вернон, как истинный Дракон, немедленно присоединяется к потехе, и через мгновение

приятная открытая веранда превращается в поле боя: в воздухе парят столики, скатерти, бутылки, тарелки, ножи и попавшие под удар австралийцы. Серб и чуд рубятся по-настоящему, всерьёз, наглядно демонстрируя туристам с Зелёного континента превосходство профессиональной подготовки перед любительскими занятиями боксом, и результат не заставляет себя ждать: австралийцы ложатся, посетители бегут.

- Да!

А Кольдер, которого надёжно прикрывает Вернон, наконец-то замечает врага: невысокую фигуру в чёрном. Чёрная футболка, чёрные брюки, чёрные кроссовки, чёрные волосы и белая, болезненно белая кожа. И красные глаза, которые Горноста́й разглядел даже со ста ярдов.

- Масан!

Крик вырывается против воли, но на него не обращают внимания, поскольку одновременно слышится другое:

- Полиция!

- Мля! - рычит Кольдер. - У них пистолеты...

- Не волнуйся, нас не тронут, - усмехается Аэрба. - Меня тут каждая собака знает! И уж тем более - каждый коп!

И ошибается, потому что подбежавшие к ресторану полицейские выхватывают оружие и открывают огонь по оставшимся на веранде людям.

- Мля!!

Не в воздух стреляют, не поверх голов, а именно по людям, старательно выцеливая троих друзей.

- Они тоже спятили!!

- Бежим!

Спасти́сь им удалось только потому, что полицейские заторопились. Управляющий ими вампир слишком уж возжаждал крови, или просто сглупил, или побоялся, что чуды и Уэрбо сиганут через перила, уйдя от выстрелов в тропическую тьму пляжа - в общем, поспешил. Не владеющие собой копы открыли пальбу изда́лека, усугубили панику, показали троице, что нужно отступать другим путём, и те действительно сиганули через перила, хотя изначально не собирались. Но и задерживаться на пляже не собирались тоже - не бежать же вдоль берега, рискуя нарваться на другой патруль.

- Сюда! - Аэрба припускает вперёд, торопясь влететь в шумную толпу отдыхающих, которые, возможно, и слышали выстрелы из ресторана, но не придали им особого значения. - За мной!

- Стой!

- Кольдер!

- Это он!

Масан в чёрном появляется вдруг, видимо, понял, куда направятся беглецы, и рванул

наперерез порталом. Повезло или рассчитал, сейчас не важно, сейчас важно то, что масан оказывается на пути Аэрбы и взмахивает катаной в тот самый миг, когда де Бер орёт: «Это он!» И время словно замирает. Без аркана, просто замирает, позволяя всем участникам как следует понять происходящее, в деталях разглядеть и запомнить это мгновение.

Дракон удивлён. Это всё, что он успевает, – удивиться. Даже не так: Вернон успевает начать удивляться. Его брови ползут вверх, глаза расширяются, а рот открывается, собираясь породить крик.

Растерянность Дракона едва не становится фатальной, поскольку серб тоже не успевает. С реакцией у него всё в порядке, с выучкой тоже, но масан банально не оставляет Аэрбе времени, начиная рубить прямо в момент появления. А скорее всего – ещё в портале. Такая атака возможна и весьма эффективна, если очень точно навести магический переход на цель.

- Нет!

И героем мгновения становится Кольдер. Не то чтобы он ждал нападения именно сейчас, просто он практически не принимал участия в предыдущей стычке, не горячился и сохранил необходимое для боя с масаном хладнокровие.

- Нет!

Масан улыбается, катана летит к шее Уэрбо, Уэрбо ничего не понимает, Вернон планирует крикнуть, а де Бер бьет голый рукой в клинок, сбивая его с истинного пути. Масаны быстры, но чуды тоже не лыком шиты, и тонкий меч со свистом рубит воздух. А ошарашенный вампир теряет равновесие и едва не падает.

- Мля! – это вопит Дракон.

- Мля! – вторит ему всё ещё живой капитан Аэрба.

С пальцев де Бера соскальзывает раскалённая до голубизны молния «Эльфийской стрелы», но удар проходит мимо цели, потому что...

- Мля! – рычит ругательство масан и растворяется в следующем портале.

«Стрела» бессмысленно вгрызается в стену дома, а прыгать за врагом в переход Кольдер не рискует. Поворачивается к приятелям и слышит:

- Потом расскажешь! – Уэрбо вбегает в ближайший переулочек и хватается за первый попавшийся скуттер – вокруг полно всевозможных заведений, и машины в переулочке припаркованы в несколько рядов. – Нужно бежать!

- Нужно предупредить Рикки, – с неожиданной рассудительностью произносит Вернон, и Кольдер холодеет.

От очередного предчувствия.

Телефон зазвонил в то самое мгновение, когда Винсент входил в лифт. Чуд понадеялся, что пребывание в бетонном колодце заглушит сигнал, но ошибся: то ли шахта лифта оказалась бракованной, то ли владельцы отеля вставили в неё дополнительный ретранслятор, но связь не

прервалась, и Шарге пришлось выслушать доклад вампира:

- Всё получилось так, как ты хотел: они решили, что нападение настоящее и я действительно вознамерился их убить.

- Испугались?

- В меру.

- Поверили, что спаслись исключительно благодаря своему мужеству?

- Наверняка.

- Вот и хорошо, - усмехнулся чуд, собираясь заканчивать разговор. - Люблю, когда всё развивается по плану.

- Не всё, - протянул Герро. - Сопляки развлекались в компании моего старого недруга.

- На твоих недругов мне плевать. Убил его?

- Хотел, но, к сожалению, не смог... - Вампир поколебался, думая, признаваться в поражении или нет, решил не признаваться и браво закончил: - Иначе пришлось бы покалечить одного из твоих сородичей.

- Тогда бегом в отель, - велел старик. - Сюда они вернуться обязательно, и ты доберёшься до своего Аэрбы.

Шарге намеренно продемонстрировал, что знает ненавистное масану имя, и его намек был услышан.

- Когда всё закончится, нам придётся плотно поговорить, - предупредил Луминар.

- Знаю.

- И всем будет лучше, если я сумею добраться до мерзавца.

- Ага.

- Буду через пять минут.

- Договорились.

В отличие от напарника, Винсент иллюзий не питал: все арканы предвидения, что легли в основу проделанных им расчётов перспектив боя, показали, что смерть странный враг Луминара примет где угодно, только не в Патайе.

- Я заберу щенка и уйду. Что будет дальше - твоё дело, но де Бер и Венсон не должны пострадать.

- А это уж как получится, - хохотнул вампир.

- Я предупредил.

Ждать ответа Шарге не стал: вернул телефон в карман и пинком распахнул дверь в номер.

Предварительная проверка показала, что охранные или защитные артефакты отсутствуют, вот старый чуд и решил не стесняться: вломился и... И едва не погиб. Горностаи не отличались силой Драконов, выносливостью Саламандр или скоростью Мечей, зато могли похвастаться спокойствием и выдержкой, так необходимыми настоящим стрелкам. Лучшим стрелкам Ордена.

- Ха!

Шарге высадил дверь, а в следующий миг лишь экстраординарная реакция опытного мага спасла его от пули. За те секунды, что полотно летело с петель, Рикки не только успел выхватить оружие, но и открыть огонь.

- Дерьмо!

- Получи!

Ещё две пули должны были ворваться Винсенту в грудь, однако он успел укрыться за стеной и уже оттуда прокричать:

- Ты всё равно не уйдёшь!

Убедившись, что молодые чуды не позаботились об артефактах, Шарге накрыл номер своим заклинанием, препятствующим созданию порталов. И «Дырка жизни», которую Рикки отчаянно пытался активизировать последние несколько секунд, не срабатывала.

- А ещё нас никто не слышит и не видит! Так что на полицию не рассчитывай!

- Кто ты? - Феллоу догадывался, что атаковавший его маг не лжёт: их действительно никто не слышит и не видит, но при этом понимал, что долго так продолжаться не может, а значит, любая затяжка времени играет в пользу обороняющегося.

- Твой друг.

- Неужели? - удивился Рикки.

- Твой будущий друг! - уточнил Винсент.

И с улыбкой принял нахальный ответ:

- Мама учила меня не дружить с покойниками.

- Я ещё жив.

- В ближайшее время я постараюсь это исправить.

«Маленький, а наглый!»

На самом деле затягивание разговора было на руку Шарге. Поскольку ворваться в номер с лёту не получилось, старый чуд приступил к «плану Б»: достал крупный красный камень в чёрной оправе, прошептал заклинание, осторожно выглянул из-за угла, остался жив после очередного выстрела, торопливо завершил активацию и швырнул «подарок» в гостиную. Прислушался, ожидая хоть какой-то реакции на появление голема, а затем резко бросился вперёд, наплевав на опасность поймать пулю.

- Стоять!

Поняв, что магическим способом из номера не выбраться, Рикки рванул на террасу, намереваясь спуститься этажом ниже и уйти через соседний номер. Спортивная подготовка позволяла ему надеяться на благоприятный исход задуманного, однако посланный Винсентом голем успел вцепиться парню в ногу и помешал перелезть через перила.

- Стоять!

Феллоу вскинул пистолет, но тот же голем не позволил ему выстрелить: удар снизу, резкий рывок – и вот они уже катятся по полу, прямо к ногам улыбающегося Шарге.

- Что это было? – осведомился Аэрба. Во избежание ненужных недоразумений, украденные скуттеры они бросили в квартале от отеля и теперь быстрым шагом, а точнее – лёгким бегом, направлялись к главному входу, торопясь как можно скорее добраться до номера. – Почему они на нас напали?

- Массовый психоз? – предположил Кольдер.

- Или помутнение какое? – поддержал друга сообразительный Вернон. – Луна сегодня полная? Кто видел?

Но задирать голову в поисках спутника капитан не стал, его интересовали прикладные вопросы:

- Почему это психическое помутнение было направлено против нас?

- Потому что мы слишком хороши для этой толпы.

- Точно! – расхохотался Уэрбо. – Как я сам не догадался? – И тут же вновь стал серьёзным: – Ты кричал, что они не в себе.

- Тебе показалось иначе? – спокойно ответил де Бер.

- Мне вообще ничего не казалось, – не стал скрывать серб. – Я просто дрался. А вот ты пришёл к какому-то выводу.

Ну не рассказывать же пытливому капитану, что масаны способны брать под контроль живых существ и заставлять их делать всё, что угодно? Нет, рассказать, конечно, можно, только потом придётся потратить пару-тройку дней на разъяснения, дополнения и доказательства. Иначе кто в наши дни поверит в существование вампиров?

- Мне показалось, что они под наркотой и не соображают, что делают, – медленно ответил Кольдер. – Вот я и предупредил, чтобы вы их не убивали.

- А-а... – По выражению лица Аэрбы было видно, что он не особенно удовлетворён услышанным, однако не желает тратить время на уточнения. – Какие планы?

- Нас наверняка уже ищут, – рассудительно бросил Вернон. – Так что планы у нас вполне конкретные.

- Забираем Рикки и уезжаем, – закончил за друга Кольдер.

- Сматываетесь после одной-единственной драки? - изумился Уэрбо. - Вы серьёзно?

- А что остаётся?

Де Беру было неприятно выглядеть трусом, но он понимал, что другого выхода нет: присутствие опытного, сильного и агрессивно настроенного вампира путало все карты, и чем быстрее они окажутся подальше от него, тем лучше. Все они, включая Рикки. Затем последует звонок в Орден с докладом о нападении и появление в Патайе санитарной команды из Тёмного Двора.

- Насчёт полиции, кстати, можете не беспокоиться, - произнёс Аэрба, входя в лифт. Портье сегодня был другим, но, судя по взгляду, которым он сопроводил компанию, коллега в красках описал ему, на что способны обитатели пентхауса. - Полиция нас не ищет.

- Уверен?

- Помните Дотторе? Мы с ним хорошие друзья, так что о драке в ресторане можно забыть - её не было. А если и была, то там дрались не мы.

- Дотторе настолько крут? - удивился Венсон.

- Он просто хороший человек, и люди к нему тянутся. Я знаю его шесть лет, и за всё это время...

- Тихо! - Створки распахнулись, и первое, что увидел Кольдер, была сломанная дверь в номер. - Чёрт!

- Дерьмо! - добавил свой комментарий Вернон.

А на кончиках пальцев его левой руки появились призрачные искорки - предвестники «Шаровой молнии», которые Аэрба, к счастью, не заметил.

- Что происходит?

- У Рикки проблемы, - отрывисто бросил Кольдер.

- Это я вижу. Но хотелось бы...

- Объяснения потом! - Де Бер кивнул другу: - Приготовились...

Вернон ответил тем же, а искорки на левой руке, которую он старательно закрывал от капитана телом, стали заметнее.

- Входим!

Насторожённый Дракон шагнул в гостиную, равно готовый и атаковать, и защищаться. Тонкий Горноста́й взял правее, в случае чего он мог поддержать друга с фланга, но предчувствия молчали, и через пару мгновений Кольдер с сожалением понял, что в предосторожностях особой необходимости нет: они опоздали.

Следы борьбы - кроме выломанной двери и пулевых отверстий в стенах, - отсутствовали, в гостиной порядок, даже мебель не перевернута, но Феллоу исчез.

- Мы идиоты, - сплюнул де Бер. - Мы - тупые, конченные идиоты. Придурки!

- Рикки был целью, - вздохнул Вернон. - Мля, наш Рикки был целью!

И пнул ногой диван, из-под которого по-прежнему торчали усы несъеденного лобстера.

- Рикки - важная шишка? - осведомился серб.

- Достаточно важная, чтобы заинтересовать похитителей, - честно ответил Кольдер. - Рикки - племянник очень могущественного... человека.

- А вы его телохранители?

- Нет.

- Мы - его друзья, - веско произнёс Венсон.

- Тихо!

На этот раз присутствующие отнеслись к резкому окрику де Бера с гораздо большим вниманием. Жёсткий голос и тот самый «особый» взгляд заставили Аэрбу и Дракона молниеносно собраться, изготовившись к сражению.

- Он снова тут?

- Да.

- Я никого не вижу, - спокойно докладывает Вернон.

- Я тоже, - на всякий случай докладывает серб.

- Он рядом... - шепчет Горноста́й. - Он строит аркан...

- О чём вы говорите? - едва слышно спрашивает Аэрба.

- Не «о чём», а «о ком», - поправляет его Дракон. Венсон знает, что трепаться в преддверии драки - не лучшая идея, но отвечает, поскольку болтающий Уэрбо лучше неподготовленного. - Где-то рядом находится тот, кто напал на нас в ресторане.

- Парень в чёрном?

- Да.

- Откуда вы знаете?

- У Кольдера сильно развита интуиция.

- Ах да, ты рассказывал. - Серб хитро улыбается, и в его руке появляется классический «кольт»-1911. - Посмотрим, как наш любитель чёрного отнесётся к разрывной пуле в голову.

- Откуда оружие? - удивляется Венсон.

- На улице подобрал.

- Я серьёзно.

- Оно всегда при мне.

- Не видел.

- И не должен был.

- Вер, в моей спальне на комодке стоит сумка, в ней есть «Протуберанец», - негромко произносит Кольдер. - Прямо сейчас.

- Понял.

Дракон делает шаг к нужным дверям, но замирает, остановленный подозрительным шорохом.

- Что это?

- Пока не знаю, - отзывается де Бер, а в следующий миг по его губам скользит усмешка: - Зверёк очнулся. - Из-под дивана медленно выползает избежавший гриля и кастрюли лобстер. - Привет, бедолага.

- Нехарактерное поведение, - негромко произносит Аэрба.

- Что?

- То...

Забавный лобстер вцепляется клешнями в ногу оказавшегося поблизости Дракона.

- Чёрт!

- Это он! - орет Кольдер, одновременно проклиная себя за глупость. - Это снова он!

Крик смешивается с грохотом трёх выстрелов: Уэрбо молча расстреливает не помнящее себя ракообразное. Но сразу после экзекуции не удерживается от главного вопроса дня:

- Что происходит?

Сообщить капитану о том, что речь идёт об отвлекающем маневре, де Бер не успел. Да и смысл в дополнительных объяснениях отсутствовал: серб сам обо всём догадался, не маленький. А если и не догадался, то первый же удар масана с предельной точностью описал Аэрбе происходящее. Клинок должен был отсечь капитану голову - это был излюбленный удар вампиров, - и помешал ему лишь вовремя подставленный «кольт». Сталь звякнула о сталь, хрип смешался с руганью, катана вновь взлетела вверх, стремительно планируя второй удар, и тут в сражение вмешался Горностай.

- Ха!

Это был не смех, а выдох.

В те доли секунды, которые у него были, Кольдер успел проанализировать ситуацию и принять единственно правильное решение: не атаковать, а защищаться. И потому сформировал клинок, а не пустил в масана «Эльфийскую стрелу».

- Ха!

Длинный чудский кинжал отбивает удар катаны, второй рукой де Бер отталкивает Уэрбо в сторону, отбивает следующий выпад масана и сам переходит в атаку. Идёт вперёд клинком, поскольку времени на аркан сверхбыстрый вампир не оставляет.

- Ха!

Звон стали, хриплое дыхание, яростные взгляды. Масан изгибается, демонстрируя потрясающее мастерство владения необычайно редкой фехтовальной техникой «смир-ван», катана выписывает замысловатую кривую, сбивает с толку взгляд, и в то самое мгновение, когда кажется, что меч ушёл чересчур далеко, оказывается совсем рядом и режет...

Меч вампира нацелен в горло Кольдера, но Аэрба бьёт Горностая под колени, заставляя упасть на пол, и трижды стреляет масану в грудь. А выскочивший из спальни Вернон направляет на ночного охотника смертоносный луч «Протуберанца» и тем подводит итог: вампир повторяет уход из переулка, ныряя в спешно наведённый портал.

- Все целы?

- Да, - коротко отвечает лежащий на спине де Бер.

- Да, - повторяет за ним Уэрбо, после чего широко улыбается и кивает на кинжал: - Я не видел у тебя оружия, православный брат.

- И не должен был, - знакомым тоном отзывается чуд.

- Классный ответ, - одобряет серб.

- У тебя научился, православный брат. - Кольдер вытирает лоб тыльной стороной ладони и тяжело вздыхает.

Вампир ушёл, Рикки исчез, сами они живы, но настроение всё равно поганое. Кольдер чувствует себя проигравшим и злится.

Очень сильно злится.

- Почему ты не сказал, что здесь Аэрба? - угрюмо спросил Герро.

- Разве это важно? - поднял брови Винсент.

- Только не нужно делать вид, что ты ничего не знаешь.

- И в мыслях не было.

- Да, конечно.

Луминар отыскал старого чуда в кают-компании, в глубоком кресле, в обществе бокала, пузатой бутылки рома и старой книги в потёртом кожаном переплёте. Шарге притащил на борт несколько томов на латыни и старочудском и посвящал чтению практически всё свободное время, чем тоже вызывал у масана раздражение. Но когда Герро предложил скоротать вечерок за какой-нибудь игрой, предполагая покер или «джек», получилось ещё хуже: карты Винсент не терпел, а в шахматах не позволял Луминару сделать больше семи-восьми ходов, прекращая вампирские мучения быстрым матом.

- Ты знаешь, что Эрба-Эрба - мой старый враг. И не предупредил.

- Когда я занимался предварительным предсказанием операции, у меня действительно всплыла непонятная переменная, - не стал скрывать Шарге. Он закрыл книгу, но не убрал её, ясно давая понять, что разговор не затянется. - Я увеличил точность заклинаний и получил имя - капитан Аэрба. Затем навёл справки, узнал о ваших непростых отношениях и...

- И промолчал!

- Я думал, ты обрадуешься сюрпризу, - ответил чуд. - И хотел посмотреть, как ты среагируешь на появление ненавистного чела?

Удивлённо поднятые брови, открытый взгляд широко распахнутых глаз, твёрдый голос... В искренность Винсента невозможно было не поверить, и Луминар, поколебавшись, решил не раздувать скандал.

- Надо было предупредить, - хмуро бросил он, затем налил себе рома и рухнул в соседнее кресло.

- Убил его?

Шарге отчётливо показал, что не сомневается в ответе, а спрашивает исключительно из вежливости, и блестяще сыграл изумление, услышав короткое:

- Нет.

После чего вампир залпом выпил и вновь наполнил стакан. Луминар догадывался, какой вопрос станет следующим, и не ошибся:

- Вы с Аэрбой воюете уже несколько лет. Почему ты до сих пор его не высушил?

- Я с ним играю. - После второго стакана полегчало окончательно. Герро вытер губы и с независимым видом покосился на собеседника. - Меня забавляют его потуги победить.

- Для забавляющегося вампира ты слишком обеспокоен, - заметил Винсент. - Предъявляя мне претензии, ты едва сдерживался. На мгновение даже показалось, что ты... побаиваешься Аэрбу.

В обычном случае за этим заявлением последовал бы яростный взрыв, но Луминар лишь криво усмехнулся и повторил:

- Я с ним играю.

И тем окончательно укрепил чуда в мысли, что его взаимоотношения со странным челом куда интереснее, чем вампир пытается представить.

Шарге отложил книгу, взял стакан, откинулся на спинку кресла и прищурился:

- Расскажи о капитане Аэрбе.

- Зачем?

- Затем, что он вписался в мою операцию, и я хочу знать, что это за переменная. Вы крепко враждуете, а ты до сих пор его не высушил... Почему?

Вампир отвернулся.

- Он маг?

- Нет.

- Тогда в чём дело?

- Не знаю. - Герро вновь наполнил свой стакан, посмотрел через прозрачный ром на собеседника, помолчал, понял, что старик не отстанет, и угрюмо ответил: - Возможно, всё дело в его рассказях о Белой Черепахе...

* * *

- Сволочь! Сволочь! Гад! Мерзавец! - Аэрба буквально трясся от бешенства. - Ты его видел? Скажи, ты его видел?

- Кого?

- Мужика в чёрном!

«Вампира?! Конечно, видел!»

Де Бер только сейчас сообразил, что явление красноглазого воина с тонким мечом в руках произвело на чела неизгладимое впечатление, и приготовился соврать что-нибудь подходящее, чтобы хоть в общих чертах объяснить произошедшее, но Уэрбо, как выяснилось, имел собственный взгляд на случившееся.

- Это был...

- Капитан Герро Луминар! - провозгласил серб. - Тупой подонок, чтоб ему чугунный якорь приделали.

- Кто? - растерянные чуды переглянулись и вновь уставились на Аэрбу. - Ты знаешь этого мужика в чёрном?

- Не просто знаю, а планирую убить при следующей встрече! - носящийся по номеру и размахивающий здоровенным «кольтом» серб выглядел бы весьма забавно, если бы, увы, не печальные обстоятельства. - Я его поймаю и скормлю ему самому! Сволочь! Гадина!

- Кто?

- О ком ты говоришь?

Уэрбо замер, пару секунд таращился на рыжих, сообразил, что они не очень хорошо понимают его выкрики, и объяснил:

- Я говорю о Герро Луминаре, капитане «Чёрного абриса». О красноглазом придурке, который любит таскать чёрные шмотки и размахивать длинным японским ножом. Так яснее?

Чуды вновь переглянулись. А серб вернул «кольт» под рубашку, хрустнул пальцами и пообещал:

- После сегодняшней выходки я не успокоюсь, пока не отправлю придурка на дно, чтоб ему

чугунный якорь присобачили. Хватит! Никаких других дел, пока не выясним отношения!

- Ты хочешь сказать, что парень в чёрном приходил за тобой?

- Разумеется! - Аэрба вздохнул, почесал в затылке, проиллюстрировав таким образом своё смущение, после чего протянул: - Видите ли, друзья, полагаю... Гм... Да, полагаю, что я... Гм... - Слова давались здоровяку довольно сложно, но при этом запинание добавляло выступлению проникновенности. - Полагаю, я должен извиниться за то, что не был до конца искренен с вами. Дело в том... Гм... Дело в том, что у меня есть могущественный враг.

- Луминар, - проявил догадливость Вернон.

- Да.

- Капитан «Чёрного абриса», - уточнил Кольдер.

- Да.

Старый, опытный вампир враждует с челом, и чел до сих пор жив. Оба чуда мгновенно отметили явную неувязку и, не сговариваясь, пришли к одинаковому решению обсудить её позже.

- Что такое «Чёрный абрис»?

- Название пиратского судна, - сообщил Уэрбо. После чего подбоченился и «со значением» добавил: - Второго по известности в южных морях.

Смысл этого уточнения рыжие поняли несколько позже.

- Ты за ним гоняешься? - осведомился Венсон.

- Да.

- Ты - военный?

- Или из морской полиции? - вставил своё слово Кольдер. - Или, как там это называется... береговая охрана?

- Я - военный? - вытаращился Аэрба. Через мгновение припомнил: - Когда-то был. - И тут же, пока его новые друзья окончательно не сели в лужу, расставил точки над «i»: - Я тот, кому Герро Луминар мешает стать первым пиратом Юго-Восточной Азии.

Закончив, Уэрбо подтвердил свои слова скромным кивком и принялся ждать реакции ошарашенных парней.

- Ты - пират? - примерно через двенадцать секунд поинтересовался Вернон.

- Да.

- Разве они ещё существуют? - выдавил де Бер.

- Ущипнуть тебя?

- Не надо.
- Зато ты сразу в меня поверишь.
- Пожалуй, достаточно слова...
- Вы что, совсем дикие? – рассмеялся довольный произведённым эффектом серб. – Вы действительно не знали, что пираты до сих пор хозяйничают на море?
- Знали, – отмахнулся Дракон. – Но одно дело – слышать о пиратах в новостях, и совсем другое – буянить с одним из них в Патайе и вместе отбиваться от масана...
- От кого?
- Ты не похож на пирата, – резко бросил Кольдер.
- Но я пират. – Серб слегка надулся. – Самый настоящий... Думаешь, в то заведение меня по квоте для бойскаутов впустили?
- Нас в него тоже впустили.
- Вас оттуда не выгнали, потому что приняли за богатых придурков и решили ошипать, – обидно ответил Аэрба. – Но после соревнования Дотторе приказал вас не трогать. Вы ему понравились.
- А-а...

Перепалка с «как выяснилось пиратом» насчёт «богатых придурков» не состоялась только потому, что чуды твёрдо знали: дойди дело до драки, «ошипывателям» крепко не поздоровилось бы, и тем утешились. И постепенно пришли в себя, смирившись с тем, что их православный брат...

- То есть вы с Герро...
- Конкуренты, – помог запнувшемуся Вернону серб. – Прямые конкуренты, если выражаться языком бизнеса. И просто чудо, что я оказался рядом в тот самый миг, когда он выбрал вас своей жертвой.
- Не надо называть нас жертвой, – скривился Кольдер. – Луминар хотел убить тебя – у него не вышло, убить нас тоже не получилось, так что мы не пострадавшие, а противники. – Пауза. – Что же касается Рикки... – У Горностая заходили желваки. – Рикки мы найдём.
- Отлично сказано! – одобрил Аэрба. И тут же поинтересовался: – Вы гордые парни, да?
- Гордые, – с достоинством подтвердил де Бер. Шутить на эту тему он не собирался.

Уэрбо, как выяснилось, тоже.

- Мы, сербы, знаем, что такое гордость, не хуже русских, – твёрдо произнёс капитан, глядя Кольдеру в глаза. – Гордость помогает всегда стоять прямо, но будь я проклят, если с её помощью вы отыщете Рикки.
- А с помощью чего отыщем?

- С помощью друзей, разумеется, - не стал затягивать с ответом Аэрба.

- Ты наш друг?

- Неожиданно выяснилось, что у нас общие враги, - уклонился от прямого ответа серб. - Что же касается остального, то разбрасываться громкими фразами я не привык, и одной, пусть даже большой, попойки для подтверждения дружбы маловато.

- Но ты предлагаешь нам помощь, - заметил Вернон.

- Вы мне нравитесь, и у вас проблемы с человеком, которого я собираюсь прикончить, - пожал могучими плечами Уэрбо. - А впрочем, решайте сами.

И вышел на террасу.

А Дракон повернулся к де Беру:

- Хорошо, что ты не стал давать ему никаких обещаний и ни о чём не просил.

- Я промолчал, поскольку сначала хочу понять, что происходит.

- Разве не очевидно? Рикки похитили масаны.

- Зачем?

- Потому что они масаны.

- Совсем не очевидно, в таком случае, - качнул головой Кольдер. - Кровососы должны были прийти прошлой ночью, когда мы валялись вдребезги пьяные, и всех высушить. Так поступили бы масаны, потому что они - масаны. А этот Герро в первую очередь похититель. Почему?

- Потому что Рикки - племянник Франца де Гира.

- Вот именно.

- Поэтому его забрали.

- Согласен.

Они оба понимали почему, но пребывали в такой растерянности, что никак не могли ответить на куда более важный вопрос: «Что делать?», вновь возвращались к дурацкому: «Почему?», и лишь появление капитана помогло разорвать этот круг.

- Не хочу мешать вашему разговору, парни, но похоже, ваш друг оставил на столике телефон, - сообщил заглянувший с террасы Аэрба. - И последний вызов идет на филиппинский номер.

- У Рикки нет друзей на Филиппинах, - молниеносно среагировал Венсон.

- Кажется, сейчас мы услышим инструкции. - Кольдер почти подбежал к капитану, схватил трубку, отметил, что пароль снят, и надавил на кнопку вызова. - С кем я говорю?

И услышал вальяжный ответ:

- Ну как, сумели отбиться от кровососа?

«Он издевается!» Левая ладонь де Бера непроизвольно сжалась в кулак.

- Слушай, ты...

- Мальчик, ты собираешься мне хамить или постарайся совладать с нервами?

Неожиданная резкость и откровенная издёвка в голосе неизвестного сделали своё дело: Кольдер пришёл в себя. Поднёс к лицу левую руку, медленно разжал кулак, снова сжал его, правда, не так сильно, разжал и почти без эмоций ответил:

- Я не буду вам хамить.

- Спасибо. - И неизвестный вновь вернулся к шутливому тону. - Слышал, вы храбро победили лобстера?

- Где Рикки?

- Потери есть?

Де Бер жестом показал стоящим рядом друзьям: «Всё в порядке, я спокоен», и твёрдо повторил:

- Где Рикки?

- Глупый вопрос, - хмыкнул неизвестный. - Где твой друг, я не скажу, но он жив и здоров.

- Я могу с ним поговорить?

- Можешь, - неожиданно легко согласился похититель, и через мгновение в трубке послышался до боли в сердце знакомый голос молодого Феллоу:

- Алло, кто это? Вер?

- Кольдер.

- Привет, Коль... - Голос был знакомым, но тягучим, неестественным, и Рикки тут же объяснил из-за чего: - Извини, Коль, они меня чем-то накачали...

Логично, учитывая обстоятельства: сонная добыча - меньше хлопот.

- С тобой всё в порядке?

- Меня не били, если ты об этом.

- Где ты?

- На судне...

Договорить Феллоу не успел: похититель вернул себе телефон и вежливо поинтересовался:

- Ты убедился, что Ричард жив?

- Да, - необычайно ровно, если учесть, с какой силой кипела внутри злость, ответил Горноста́й. - Что вы ему вкололи?

- Немного успокоительного, чтобы лучше спалось, - тихонько рассмеялся неизвестный, и снова резко, как было до этого, сменил тон. На этот раз - на деловой: - Сообщи о похищении его дяде.

- Дяде Тому? - попытался прикинуться дурачком Кольдер. - Томасу Феллоу-старшему?

- Дяде Францу, - вновь рассмеялся похититель. - Великому магистру де Гиру. Попытка интересная, но бессмысленная: я прекрасно осведомлён о родословной Ричарда Феллоу.

Ну что же, худшие опасения подтвердились: цель похищения - Рикки, причина похищения - его могущественный дядя. Цель нападения - капитан Аэрба. А их с Верноном роль незавидна: глупые, мешающиеся под ногами молокососы.

- Чего умолк?

«Что он говорит?» - прошептал Уэрбо.

«Чего хочет?» - не утерпел Венсон.

Однако Кольдер только отмахнулся, лихорадочно подбирая следующий вопрос:

- Вы - масан?

- Не важно.

- То есть нет?

- То есть я готов начать переговоры с де Гиrom. Ты помнишь, что должен ему позвонить?

- Значит, вы не масан, - продолжил гнуть свою линию де Бер. Самыми упрямыми в Ордене считались Драконы, однако сейчас Венсон поймал себя на мысли, что Кольдер ничуть им не уступает. - К тому же масанам нет нужды в переговорах с великим магистром... Работаете на Яргу?

Догадка, судя по всему, оказалась верной.

- Малыш, ты начинаешь выводить меня из себя, - без прежней шутливости произнёс неизвестный. - А когда я выхожу из себя, я становлюсь до ужаса неадекватным, причём этот ужас испытываю не я, а окружающие.

- Ваш напарник-кровосос об этом знает?

- Малыш!

А вот теперь похититель гаркнул, да так, что крик услышали даже стоящие рядом друзья. Похоже, разговор придётся заканчивать.

- Я вас услышал, - очень вежливо произнёс Кольдер.

- Уверен, что так, - грубовато проронил неизвестный и прервал соединение.

- Чего он хочет? - немедленно спросил Дракон.

- Требуется, чтобы мы сообщили о похищении, - неспешно ответил де Бер, убирая телефон в

карман брюк.

- Дерьмо!

Чуды невесело посмотрели друг на друга.

- Чего он хочет? - немедленно спросил Дракон.

- Требуется, чтобы мы сообщили о похищении, - неспешно ответил де Бер, убирая телефон в карман брюк.

- Дерьмо!

Чуды невесело посмотрели друг на друга.

- Вы говорили, что дядя нашего маленького Рикки - большая шишка? - протянул Аэрба.

- Огромная, - вздохнул Вернон.

- В таком случае, сообщите ему и уходите в сторону, - посоветовал пират, внимательно глядя на Кольдера. - Здесь начинается игра по высоким ставкам, и я искренне надеюсь, что ваше определение «огромная шишка» соответствует действительности и Герро, наконец-то, сломают шею.

Чуды отнеслись к услышанному по-разному. Венсон коротко кивнул, выражая согласие, и вопросительно посмотрел на Горностая. Тот, в свою очередь, выдержал недлинную паузу, после которой негромко уточнил:

- То есть ты будешь рад, если кто-то сделает за тебя эту работу?

- Хм... - Серб широко улыбнулся, потёр подбородок, снова улыбнулся, после чего уверенно ответил: - Хочу ли я лично убить Герро? Перерезать ему глотку и искупаться в крови? Хочу ли собственными глазами увидеть, как жизнь покидает его скрюченное тело? Хочу ли смеяться, глядя на его смерть? Очень хочу. Но если твоя «огромная шишка» самолично отрежет подонку голову, плакать не стану.

- И будешь терпеливо ждать, когда это случится?

- Блин... - Расстроенный Венсон обречённо покачал головой: он понял, куда клонит хитроумный друг.

Несколько мгновений Уэрбо молчал, не сводя с рыжего парня внимательного взгляда, а затем в тёмных глазах серба мелькнул весёлый огонек:

- Ты абсолютно верно мыслишь, православный брат: я не буду ждать, пока ваша «огромная шишка» оторвёт Герро голову. Я собираюсь отыскать «Чёрный абрис» и уладить разногласия за один абордаж. Ещё вопросы есть?

- Пока нет.

Но Аэрба тоже понял причину настойчивых расспросов и потому продолжил:

- Хочу уточнить, мои молодые православные братья, что дело весьма далеко от романтизма и

прочих красот, о которых вы наверняка читали в книжках про пиратов. Мероприятие планируется грязным, таким, что можно на всю жизнь замараться, и я никому и никогда не советовал становиться таким, как я. – Он выдержал паузу и закончил: – При этом никто и ничто не заставит меня отказаться от задуманного.

– Я и не собирался, – спокойно ответил де Бер. – Луминар похитил моего друга и должен ответить.

– Кольдер, не горячись. – Вернон без особой, правда, надежды попытался воззвать к разуму взбешённого Горноста. – Есть шанс, что Франц пойдёт на переговоры.

– Франц? – удивился Аэрба. – Со времени моей последней поездки в Москву, русские стали называться как-то чересчур по-европейски: Вернон, Кольдер, Рикки, Франц...

– Семейная традиция, – поморщился де Бер.

– О, ценности! Понимаю. – Ещё бы старый морской разбойник в них не разбирался. – И большая у вас семья?

– Не маленькая. – Кольдер посмотрел на друга, Дракон кивнул, ответив тем самым на немой вопрос, и де Бер вновь обратился к капитану: – Ты позволишь нам немного пошептаться?

– Обсудить русские государственные тайны?

– Ага.

– Разумеется, разговаривайте. – Уэрбо сделал шаг к террасе, однако был вновь остановлен.

– Извини, православный брат, ещё один вопрос, – улыбнулся Горноста. – Твой корабль достаточно быстр, чтобы тягаться в скорости с «Чёрным абрисом»?

– Никто и никогда не обвинял капитана Аэрбу в пустой болтовне, – высокомерно ответил серб. – Если бы я не мог догнать «Чёрный абрис», я бы промолчал.

– Извини.

– Мы ещё мало знакомы, так что я прощаю.

Пират хмыкнул и вышел на террасу, а Кольдер повернулся к Вернону:

– Что скажешь?

– Ты спятил.

– Это понятно, – отмахнулся Горноста. – Что скажешь о плане?

– У тебя его нет.

– Догоним Луминара и заберём Рикки.

– Нужно сообщить о похищении в Орден, – не согласился Венсон. – Через час сюда примчится команда боевых магов и...

– Мы отправимся домой, – грубовато перебил Дракона де Бер. – К папе и маме.

- Да, скорее всего, нам прикажут возвращаться в Тайный Город, - подтвердил Вернон.

- И как ты собираешься смотреть в глаза дяде Герману и тётке Мари?

Упоминание старших Феллоу подействовало именно так, как рассчитывал Кольдер: Венсон опустил глаза. И почувствовавший слабость Горноста́й жарко продолжил:

- Мы приехали сюда втроём, помнишь? Мы потеряли друга, и я не уеду, пока не найду его. Ты, разумеется, решай сам, но я не могу бросить Рикки.

- Мы не бросаем Рикки.

- А что, по-твоему, мы сделаем, если уедем?

- Запросим мощную поддержку. - Венсон посмотрел другу в глаза. - Это лучше, чем гоняться за похитителями в компании малознакомого пирата.

- Я не вернусь в Москву.

- Не приходило в голову, что так ты погубишь Рикки? - Дракон попытался перейти в наступление. - Похитители требуют переговоров с великим магистром, а ты отказываешься выполнить их требования. Как же они среагируют?

Весомые аргументы произвели впечатление. Кольдер осёкся, тяжело вздохнул, соглашаясь почти со всем услышанным, опустил руку в карман и наткнулся на телефон Рикки. И это прикосновение придало ему сил. Или упрямства.

- Если похитителям нужен Франц, пусть сами ему звонят, я им не телефонистка.

- Коль...

- Мы не знаем, какие условия собираются выдвинуть великому магистру, вполне возможно, что Франц с ними не согласится, и в этом случае смерть Рикки станет вопросом времени. Ты готов жить с таким грузом?

- А если он погибнет из-за нас?

Но де Бер закусил удила:

- Вот тогда и будем думать, что делать, - отрезал он. - Пока же я уверен, что спасти Рикки можем только мы.

- Без снаряжения? Без артефактов?

Но аргументы уже не действовали.

- У меня есть несколько «батареек» с магической энергией, если распорядиться с умом, их хватит надолго, - спокойно ответил Кольдер. - Сам подумай: энергия нам нужна только на бой.

- Ты серьёзно?

- Да!

Несколько секунд Дракон таращился на друга, после чего полным недоумения голосом

произнёс:

- Я не верю, что мы говорим об этом и я почти согласился.

- Через пару часов ты свыкнешься с происходящим, и станет легче, - рассмеялся Горноста́й, хлопая Венсона по плечу. - Мы спасём Рикки, а заодно поможем одному пирату разобраться с другим.

И не было в мире силы, способной заставить молодого де Бера свернуть с выбранного пути. Он делал то, что считал единственно правильным, и готовился играть по самым высоким ставкам.

- Мы - гвардейцы, Вер, мы можем попробовать вести себя иначе, но у нас не получится.

- Вот это верно, - вздохнул Венсон. И почесал в затылке. - Мы должны вернуться в Тайный Город через пять дней, если задержимся, наши добрые друзья почувствуют неладное, и начнутся расспросы.

- Уверен, пяти дней более чем достаточно.

- Ты сумасшедший.

- Временами. - Кольдер вышел на террасу и широко улыбнулся облокотившемуся на перила Аэрбе: - Капитан, вы не против взять на борт пару пассажиров?

- Вооружённых?

- Нет. Но обращаться с оружием мы умеем.

* * *

Большинство масанов по старой, возможно, сохранившейся ещё с родного мира привычке выбирали для жизни северные широты Земли, с их прохладным климатом, сменой времён года, долгими зимами и, как следствие, - с долгими ночами. Свет чужой звезды для вампиров смертелен, вот и приходилось осторожничать, держаться там, где он слабее.

В тропики же масаны забредали крайне редко, и сей факт приводил Герро Луминара в искреннее недоумение. Да, днём тут невыносимо жарко. Да, солнце светит так, что не всякая тень защитит. Да, зим нет и в ближайшие столетия не предвидится, но... Но при этом звезда стабильно ныряет за горизонт строго по расписанию, и яркий день сменяется настолько глухой ночью, что её тьме позавидовала бы даже длинная полярная.

Беспросветные ночи примиряли Герро с солнечными тропиками, а астрономическая точность их наступления позволяла жить по раз и навсегда заведённому распорядку, что склонный к педантичности вампир ценил весьма высоко. Ну и ещё одним немаловажным плюсом было практически полное отсутствие сородичей-конкурентов. Глупых, жадных, вечно голодных, не знающих слова «осторожность» ночных охотников, способных испортить любую, даже самую благоприятную для жизни область. Луминар тщательно ограждал свою территорию от посягательств и лично отправил к Спящему не менее полусотни масанов из разных кланов, пожелавших, подобно ему, разбойничать в вольготных южных морях.

Слишком много сил затратил Герро на обустройство своего мира, чтобы позволить тупым сородичам всё испортить.

Накладки, безусловно, случались, ведь за всей огромной территорией уследить невозможно, однако в целом старый Луминар справлялся и маскировался настолько умело, что ни разу за тридцать лет не стал мишенью для «похода очищения». А это означало, что если в Тёмном Дворе о нём и знали, то воспринимали как допустимое зло, как слишком незначительную цель, чтобы тратить время и силы на поиски и преследование, и такая ситуация Герро устраивала.

Он не зарывался. И потому согласие служить Ярге далось ему нелегко. Луминар прекрасно понимал, что придётся высунуться, «зарваться», если называть вещи своими именами, нервничал, разумеется, но... Но выбора у него не было: от предложений Ярги не отказывались. Их ждали с трепетом, а получив – принимали.

Впрочем, была у сотрудничества и «светлая сторона»: обретя настолько мощную поддержку, Герро рассчитывал справиться, наконец, с давно опостылевшим челом.

- Откуда взялся Аэрба, никто не знает, то ли с саудовского танкера улизнул, то ли с чилийского сухогруза – неизвестно. По документам он ходил на австралийском контейнеровозе «Солярия», но того порезали на металлолом ещё восемь лет назад, владелец химичил с налогами и исчез ещё раньше, а команда разбежалась...

- В целом, понятно, – кивнул Винсент. – Тёмный парень твой Уэрбо.

- Темнее некуда, – не стал скрывать Луминар. – Говорили, что он служил в югославском спецназе, был завербован КГБ для операций в Индонезии, стал там отъявленным маоистом, основал партизанский отряд и три года удерживал четыре филиппинских острова.

- Удивительно насыщенная жизнь.

- Скорее всего, всё это враньё.

- За исключением, как я понимаю, службы в частях специального назначения, – протянул Шарге. – Вряд ли чел без соответствующей подготовки смог бы взлететь настолько высоко, чтобы бросить тебе вызов.

- И в каком, интересно, спецназе учат воевать с вампирами? – осведомился Луминар.

- Ты мне скажи, – предложил чуд.

- Ни в каком. – Герро помолчал, после чего продолжил: – Сначала я не принял его всерьёз: новые пиратские команды появляются чуть ли не каждый месяц, выживают из них процентов десять, так что смысла следить за новичками нет никакого. Все ждут, когда имена окажутся на слуху.

- Аэрба поднялся быстро?

- Необычайно быстро – за год. – Вампир помолчал. – Вроде только появился, только первый абордаж провёл, а через несколько месяцев выяснилось, что именно он распоряжается в акватории Филиппин, и без его разрешения там никто не схватится за катану.

- Почему ты заинтересовался дерзким новичком?

- В тех краях правил Уиндем Носферату, весьма здравомыслящий масан, который точно знал своё место в нашей несложной иерархии: я наверху, а он пикнуть не смеет, – рассказал

Луминар. – Несмотря на слабость, Уиндем был масаном – масаном! – но после ссоры с Аэрбой о нём никто не слышал.

– Как такое возможно?

– Правило «У2»: удача плюс ум.

– И всё?

– И магия. Куда же без неё? – Герро выдержал многозначительную паузу и продолжил: – Вписываться за Носферату я не собирался, поэтому первые годы Аэрба меня не заботил. К тому же он работал намного западнее, на тихоокеанских путях, однако постепенно стал прижиматься к материку и выдавливать меня с территории. Точнее, с акватории. – Верхняя губа охотника чуть дёрнулась: даже сейчас, по прошествии нескольких лет, Луминар впадал в бешенство, вспоминая те события. – Я решил убрать его, но получилось так, что сам еле унёс ноги. Аэрба попытался развить успех, но наша вторая встреча едва не стала для него последней. С тех пор мы оба осторожны.

– А что за Белая Черепаха? – Шарге прищурился. – Говоря о ней, ты заметно нервничаешь.

– Поскольку не знаю, что и думать, – честно признался масан. – История Белой Черепахи похожа на выдумку, но я действительно не могу убить Аэрбу, и этот позорный факт нельзя объяснить лишь помощью Бенги-Бенги.

– Пожалуй. – Винсент задумался, перебирая в памяти всё, что Герро рассказывал о недруге.

В задаче, которая изначально казалась примитивной и невероятно скучной, появилась нетривиальная величина, вызывающая у старого чуда искренний интерес – капитан Уэрбо Аэрба. Чел, который вот уже несколько лет счастливо избегал гнева могущественного вампира. Винсент не верил, что «какой-то пират» способен нарушить его планы, но с удовольствием принял игру, намереваясь не только выполнить приказ Ярги, но и развлечься.

– Я обратил внимание, что ты оставил пленнику слишком много свободы, – сменил тему Герро. – Не хочешь его запереть?

– Нет, – беззаботно отозвался Шарге. – Не хочу.

– Он попытается бежать.

– Скорее всего.

– Удивляюсь твоему спокойствию.

– Рикки – обычный мальчишка, попавший в крайне затруднительную ситуацию, – пожал плечами старый чуд. – Естественно, он попытается бежать.

Луминар сделал вид, что сбит с толку, хотя на самом деле не испытывал ничего, кроме раздражения:

– В таком случае, повторю вопрос: ты не хочешь его запереть? Пойми меня правильно: я воспитан в классических традициях и верю, что пленники не должны доставлять лишние хлопоты. Пусть сидит в каюте без окон и мечтает о побеге, так от него не будет проблем.

– У Ярги большие планы на этого мальчика и его дядю, и я получил чёткие инструкции

наладить с ним отношения.

- Ты его похитил, - хихикнул масан. - Так что с налаживанием может возникнуть понятная неувязка.

- В любом случае, я не хочу портить больше, чем уже испорчено, - подумав, ответил Винсент. - Попытка не пытка: вдруг получится?

- Успехов! - усмехнулся вампир.

И задумался над тем, что неплохо было бы высушить ходячий - пока ещё! - бурдюк чудской крови.

- Извини, что голему пришлось тебя немного побить, - искренне произнёс Шарге. - Я приказал действовать жёстко, поскольку не мог позволить тебе удрать.

- А ведь я почти ушёл, - вздохнул Рикки, припоминая быструю схватку на террасе. - Я знал, что сумею спрыгнуть и зацепиться за перила нижнего балкона. Голем схватил меня в последний момент.

- Я не мог позволить тебе удрать, - повторил старик.

И в его устах фраза прозвучала как-то по-домашнему: «удрать», а не «уйти», как будто речь шла о нашкодившем мальчишке.

- Наши желания разошлись, как в море корабли.

- Приятно видеть, что ты готов шутить.

- А что ещё мне остаётся? - Рикки потрогал скулу. Эрлийский бальзам, что выдал ему странный старый чуд, почти излечил повреждение, но едва заметные следы продолжали напоминать о проигранной драке. - Только шутить.

- Извини ещё раз.

- Разбитая скула - сущая мелочь на фоне всего остального...

- На фоне чего?

- А вы не понимаете?

- Ты объясни.

«Какое забавное начало разговора...»

Они стояли у борта и смотрели на воду, а не друг на друга, избегая не только прямых взглядов, но и мимолётных. Винсент понимал, что вызывает у молодого пленника исключительно ярость, и не форсировал события, здраво полагая, что нормальный, без лишней злости, разговор - уже достижение. Феллоу же опасался, что лишний взгляд на похитителя разъярит его настолько, что он кинется в безнадёжную драку, которая сейчас никому не нужна. Вот и приходилось смотреть на воду. И на розовое предрасветное небо, ожидающее явления жаркого солнца.

- Вы ведь не станете отрицать, что моё похищение - атака на дядю? Сам по себе я никому не нужен.

- Не атака... - качнул головой Шарге. - Скорее, привлечение внимания твоего дяди, предпринятое ради того, чтобы он серьёзно и вдумчиво отнёсся к нашему предложению.

- Смешно звучит.

- Что именно?

- Вы похитили меня только для того, чтобы дядя Франц всерьёз отнёсся к некоему предложению, которое вы ему сделаете?

- Совершенно верно, - подтвердил Винсент. - Глупо рассчитывать на большее: твой дядя - великий магистр, он ни за что не поставит твою жизнь выше интересов Ордена. Чего бы мы ни потребовали в обмен на твою жизнь, мы это не получим, поэтому цель у похищения одна - привлечение внимания.

- А если дядя Франц недостаточно сосредоточится на предложении, вы меня убьёте?

- Ни в коем случае.

Забавным у разговора получилось не только начало, но и продолжение. Никаких угроз, никакого давления... Феллоу несколько растерялся, и потому его следующий вопрос прозвучал немного по-детски:

- Каковы же ваши планы?

- Узнав о похищении, твой дядя направит на поиски отряд боевых магов, - немедленно ответил Винсент.

- Хотелось бы верить.

- Перед операцией мы тщательно изучили психологический профиль великого магистра, так что сомнений нет: твой дядя поступит именно так. Однако мы сможем избежать встречи с его посланцами, показав высочайший уровень нашей подготовки. Севшие в лужу каратели произведут на него впечатление, после чего мы предложим переговоры, на которые Франц обязательно согласится.

- Не согласится, - вздохнул Рикки.

- Согласится, поскольку предложение поговорить великому магистру доставишь лично ты.

- Что?!

- Внезапно, да? - рассмеялся Шарге и дружески потрепал парня по плечу. Момент был выбран идеально, и Рикки не обратил на прикосновение врага никакого внимания. - Оставив боевых магов с носом, мы отпустим тебя, прося взамен... Подчёркиваю: прося, а не требуя, лишь возможность высказаться. - Довольный произведённым эффектом, Винсент шутливо отдал честь и закончил: - Вот так выглядит наш план. Тому, кто хочет воевать, он покажется глупым. Но мы не рассматриваем Орден в качестве врага. Мы хотим договориться.

Несколько долгих секунд молодой Феллоу внимательно смотрел на собеседника, на Шарге, а не

на воду, после чего медленно произнёс:

- Кажется, в начале знакомства я принял вас за кого-то другого.

И старику оставалось лишь приветствовать подобную догадливость.

- Ты думал, я представляю некую партию внутри Ордена? Представляю тех, кто желает смещения великого магистра и возведения на престол своего ставленника?

- Вы - чуд, вы меня похитили. Это было самое очевидное предположение.

- Я категорически против любых междоусобиц.

- Интересное заявление, учитывая обстоятельства.

- Я высказал тебе свою принципиальную и глубоко продуманную позицию. Ты можешь мне не верить, но я прошу не ехидничать над ней сейчас, когда тебе не ясны ни мотивы, ни дальнейшие планы.

- Так просветите меня! Зачем вы меня похитили?

- Чтобы поговорить с великим магистром.

- Не успеете: дядя Франц найдёт вас и убьёт. - Рикки исхитрился выжать из себя почти весёлый смех. - Не потому, что он меня любит, а потому, что вы его разозлите.

- Не найдёт, - уверенно бросил Шарге. - Судно надёжно защищено от любого вида магического сканирования.

- Вы не кажетесь сильным магом.

- Я действительно проигрываю твоему дяде и в силе, и в способностях, и в мастерстве, - честно признал Винсент. - Но защитный артефакт создал не я, а настолько великий маг, что Франц де Гир кажется на его фоне провинциальной самоучкой.

- И кто же это?

- Ярга, - «машинально» ответил старый чуд.

Молодому Горностаю показалось, что он умело выведал у похитителя Главную Тайну. Он и представить не мог, что Шарге умышленно вёл разговор к этому вопросу и охотно выдал имя, которое уже хорошо знали в Тайном Городе.

- Тот спятивший тёмный, которого Великие Дома ищут по всему миру?

- Не спятивший тёмный, а их первый князь, - медленно, словно нехотя, ответил Винсент. - Величайший воин и стратег, сумевший победить асуров в самой страшной войне, когда-либо сотрясавшей Вселенную. Ярга вернулся и намерен получить обратно трон, принадлежащий ему по праву - трон властителя Земли.

- Землёй чуды правили! - не сдержался юноша.

- Это было потом, - спокойно парировал Шарге.

- Но это было! А значит, великий магистр имеет не меньше прав на престол, чем Ярга.

Патриотическое заявление вызвало добрую улыбку и почти дружеское предложение:

- Так пусть попробует его взять.

И Рикки осёкся.

- Что?

- То, что слышал, малыш: пусть Франц де Гир попробует вернуть Ордену власть над планетой, и я первым встану под его знамя, - спокойно произнёс Винсент. - Не может? Не хочет? Боится? В таком случае извини за то, что мне нравится амбициозный нав, а не трусливый Франц. Мне нравятся дерзкие планы, малыш, я хочу переделать мир, потому что тихая Земля скучна.

- И ради развлечения вы заключили сделку с врагом Ордена?

Юный Горноста́й и в самом деле не понимал, что попадает абсолютно во все расставленные Шарге ловушки.

- Молодость, молодость, молодость... - вздохнул старик. - А кто позаботится о чуде, если Ярга победит? На тот случай, если ты плохо учился в школе, напоминаю: навам уже доводилось вырезать целые расы, и я не хочу, чтобы моя чудь осталась лишь в учебниках истории.

- У него не получится победить! - отрывисто бросил Феллоу.

- А вдруг?

- И что тогда?

- Тогда я возглавлю тех рыцарей, которые примут власть Ярги, - сообщил Винсент. - Первый князь доверяет мне... Ну, насколько он вообще кому-либо доверяет, и я стану гарантом верности Ордена.

- Станете маленьким фюрером маленькой семьи в большой империи навов?

- Я спасу тех, кто захочет спастись.

- Не лгите мне.

- Мне нет никакого смысла и никакой пользы лгать тебе, малыш, я рассказываю, как есть. - Шарге грустно улыбнулся. - Мне не нужна власть. Я хочу... - И грусть на краткое мгновение сменилась болью. Дикой, совершенно невозможной болью, которую Горноста́й разглядел в глазах старика. Болью старой, но не стёршейся, продолжающей пылать, но главное - сжигать Винсента изнутри. Болью, которая поддерживала в нём жизнь. - Когда-то у меня был сын. Весёлый мальчишка, шалопай, хулиган... Он служил в гвардии и мог стать великим воином, если бы... - Боль скрылась внутри, оставив глазам лишь невыносимую печаль. - Если бы его не убили.

- В бою? - тихо спросил Рикки.

Он уже знал, кто стоит рядом с ним.

- В мире, - глухо уточнил старик. - Подло.

- Так вы... Вы - Винсент Шарге.
- Слышал обо мне? - Мастер големов невесело усмехнулся. - Наверняка плохое.
- Вас все жалеют.
- Скоро перестанут. Когда узнают, что я продался Ярге.
- Да, - согласился Феллоу. И тут же поинтересовался: - Но зачем вам это?
- Ты всё ещё не понял? - Старик вновь отвернулся и вздохнул, глядя на поднимающееся солнце. - Вспомни всё, о чём я говорил, и представь... На мгновение допусти, что я не лгал, и ты поймёшь - зачем. Жизнь хрупка, малыш, коротка и хрупка. Иногда кажется, что народ сильнее индивида, но это не так: теряя песчинки, мы рано или поздно смоем в море весь берег. У Ярги серьёзные намерения, и я действительно хочу стать страховкой для Чуди на случай его победы. - Шарге выдержал паузу и твёрдо, очень убеждённо завершил свою речь: - Даже в том случае, если расплатой за ваше спасение станет ненависть.

* * *

- Что это за корабль?
- Судно, - поправил Вернона капитан.
- Ты же пират!
- Не важно. Корабли бывают только у военных, чтоб им чугунный якорь приделали, а всё остальное - суда.

Чуды переглянулись, после чего Кольдер негромко протянул:

- Судя по непримиримости, ты служил.
- Обязательно.
- И ни за что не изменишь свою точку зрения.
- Проще выкинуть вас за борт.
- В таком случае, что это за судно?
- «Белая черепаха», православный брат, - громко произнёс серб и с гордостью добавил: - Моя красавица.

По причинам, о которых можно было только догадываться, «красавица» Аэрбы бросила якорь не в виду Патайи, а в пяти милях к северу, и, видимо, поэтому осталась не замеченной враждебным «Абрисом». Добираться до неё пришлось на перекладных: сначала на автомобиле до малозаметного, затерявшегося среди скал пирса, а после на катере, мощном и очень быстром, главным предназначением которого была отнюдь не доставка на борт пассажиров и припасов. Катер явно использовался для нанесения недружественных визитов на чужие суда, и об этом откровенно намекала заваливавшаяся на полу автоматная гильза. Капитан её заметил, поднял и выбросил, тихонько пообещав кому-то на сербском большие проблемы.

- Я понимаю, что это твоя красавица и ты по ней соскучился, - продолжил допрос Вернон. - Но

мне интересно, что это за судно?

«Черепаша» и в самом деле не потрясла воображение. Футов двести в длину, примерно сорок в ширину, светло-серая, дружелюбная, она не походила ни на траулер, ни на сухогруз, ни на яхту, ни на пассажирское судно и тем заинтересовала Дракона.

- Оно выглядит мирным.

- Извини, в целях конспирации пришлось снять ракетные установки и срезать орудийные башни.

- Уэрбо, что это за судно?

- Пиратский бриг.

- Парусов не хватает.

- Современный пиратский бриг.

- Судно радиолокационной разведки, - неожиданно произнёс Кольдер.

И удостоился уважительного взгляда Уэрбы.

- Почти угадал, православный брат, - кивнул капитан. И продолжил: - На самом деле «Белая черепаха» - урождённый дальний разведчик, выстроенный в Польше под легендой гидрографического судна...

- В Польше? - изумился Вернон. - Там строили корабли океанического класса?

- Когда-то строили, - махнул рукой капитан, не желая погружаться в далёкую историю. - «Черепаша», в то время, как вы понимаете, она называлась иначе, была приписана к вашей Академии наук и шлялась по великому океану, подслушивая и подглядывая за врагами во славу вашей великой страны. После распада Империи судно досталось Украине, довольно долго стояло на приколе, потом его приватизировали, трижды перепродавали, и в конце концов оно оказалось у меня.

- Почему именно оно?

В представлении Венсона современные пираты должны были передвигаться на... На авианосцах? Они честным морским разбойникам не по карману. На бывших торпедных катерах? Слишком заметно. На танкерах? Глупо. На яхтах? На чём?

Другими словами, Вернон поступил, как настоящий Дракон: сначала спросил, а затем задумался.

Аэрба же прекрасно понял, что рыжий оказался в затруднительном положении, но сразу ему на помощь не пришёл, помолчал, ехидно разглядывая задумавшегося парня, и, только выдержав достаточно длинную паузу, объяснил:

- У судна отличная вместимость, большой запас хода и резерв автономного плавания, но главное - великолепная легенда, позволяющая мне бороздить моря в любых направлениях. Так что перед вами не какой-то пират, разыскиваемый всеми морскими службами Азии, а добропорядочный гидрограф, работающий по заказу различных компаний, в том числе крупных транснациональных корпораций и государственных служб.

- У судна отличная вместимость, большой запас хода и резерв автономного плавания, но главное - великолепная легенда, позволяющая мне бороздить моря в любых направлениях. Так что перед вами не какой-то пират, разыскиваемый всеми морскими службами Азии, а добропорядочный гидрограф, работающий по заказу различных компаний, в том числе крупных транснациональных корпораций и государственных служб.

- Ты реально этим занимаешься?

- Разумеется! На борту целых три дипломированных специалиста, включая меня, - громко сообщил серб. - И, как правило, мы работаем по самым настоящим контрактам. Иногда, конечно, приходится нанимать самого себя через подставные фонды, когда нужно оказаться в какой-нибудь конкретной акватории, но редко.

- И ты до сих пор не примелькался? - удивился де Бер.

- О чём ты? - не понял Уэрбо. Но уже в следующий миг сообразил: - Судно?! Кольдер, мы не в Голливуде и за эффектными картинками, вроде связанных абордажными крюками судов, не гоняемся. Минимальное расстояние, на которое я подпускаю «Черепуху» к объектам интереса, - сто миль.

- Катера! - покраснел догадавшийся Горностай.

- Совершенно верно, - подтвердил серб. - У меня три скоростных катера с неплохим запасом хода.

- В таком случае, легенда у тебя действительно прекрасная.

- Одна из лучших. - В число возможных добродетелей Аэрбы ложная скромность не входила. Настоящая, впрочем, тоже. - У Луминара легенда проще: круизная яхта-люкс. А сам он играет роль отошедшего от дел миллионера.

- Я, конечно, не завидую, - протянул Венсон. - Но легенда твоего красноглазого приятеля мне нравится больше.

- Она хороша, если ты играешь миллионера, а эта роль на «Чёрном абрисе» занята, - назидательно произнёс Уэрбо.

- Гм... Пожалуй.

Тем временем катер подошёл к трапу, и капитан пригласил чудов на борт:

- Поднимаемся, православные братья, оглядываемся, знакомимся и не стесняемся удивляться.

- Чему?

- Всему, - пожал плечами серб. - Вы ведь впервые на пиратском судне, не так ли?

- Я и на обычном никогда не бывал, - буркнул Кольдер. - Если не считать таковыми речные пароходики.

- Не считать.

- Вот и я о том же.

И первое отличие пиратского судна от прогулочного де Бер отметил сразу: чистота и порядок. За два дня знакомства с Аэрбой Горностаей привык думать о нём как о весёлом, склонном к обильным возлияниям и не очень-то обязательном челе. Известие о том, что их случайный собутыльник оказался едва ли не самым главным пиратом южных морей, удивило, изумило, ошарашило, но сложившийся образ не изменило: почему бы морскому разбойнику не быть весёлым и необязательным пьяницей? Однако, оказавшись на судне, Кольдер понял, что их собутыльник – весьма жёсткий и требовательный капитан, умеющий добиваться беспрекословного подчинения. «Белая черепаха» блестела так, словно только что сошла со стапелей: палуба вымыта, стёкла иллюминаторов чисты до идеальной прозрачности, медные детали начищены, и все предметы – строго на своих местах, аккуратно сложены, связаны или упакованы. И стало понятно, почему обнаруженная гильза привела Уэрбо в бешенство: причина крылась не в нарушении конспирации, а в том, что кто-то схалтурил при уборке катера.

- Капитан...

Первым поднявшихся на борт поприветствовал невысокий темноволосый мужчина, смуглый или загорелый дочерна, белозубый, черноглазый, облачённый в шорты цвета хаки, свободную красную рубаху и... татуировки. Жилистые руки мужчины покрывало настолько большое количество разноцветных рисунков, что в какие-то моменты даже казалось, будто под рубашку черноглазый надел футболку с длинным рукавом.

- Здорово! – Аэрба пожал невысокому руку, после чего хлопнул по плечу и повернулся к гостям: – Бенга-Бенга. Старпом, штурман и шаман.

- Шаман? – удивился Вернон.

Бенга-Бенга нейтрально улыбнулся, но промолчал, став вдруг похожим на умного пса, в вотчину которого неразумные хозяева притащили наглого кота. Пёс готов терпеть, отворачиваться, делать вид, что всё в порядке, что ему нравится происходящее, но... Но не следует оставлять его с неожиданным гостем наедине.

- Ну да, шаман, – жизнерадостно подтвердил серб. – А в чём дело?

Дракон пожал плечами, и капитан, решивший, что другого ответа не будет, продолжил:

- Понимаю, что для городских жителей слово «шаман» звучит дико и непривычно, но у нас, в южных морях, без толкового колдуна никуда.

Если учесть некоторые обстоятельства, заявление прозвучало настолько прозрачно, насколько это вообще возможно, однако переглянувшиеся чуды решили пока промолчать.

- А уж тем, кому есть что скрывать и от кого скрываться, без опытного шамана не обойтись, – закончил Уэрбо.

И это дополнение вывело Бенгу-Бенгу из себя.

- Ты им всё рассказал? – хмуро осведомился он. Причём осведомился таким тоном, каким старпом, пусть даже и колдун, в адрес капитана обычно не осмелится.

Но Аэрба не разозлился, просто кивнул:

- Да.

И получил резкое:

- Ты слишком много пьёшь.

И вновь дружелюбное:

- Это оскорбление или констатация факта? - Здоровенный серб не хотел или не мог себе позволить поспорить с шаманом.

- Это моё мнение о происходящем, - отрезал Бенга-Бенга и повернулся к чудам: - Рад знакомству, господа.

- Мы... э-э... тоже, - проямлил Кольдер, однако ответы «гостей» маленького пирата не интересовали.

- Капитан обрисовал вашу проблему, и я думаю, мы с ней справимся, - чуть ли не официальным тоном произнёс шаман. - Всё, что вам нужно, так это набраться терпения и как следует подготовиться к драке.

- Согласен, - поддержал штурмана Вернон и тут же получил в ответ предельно холодное замечание:

- А что вам ещё остаётся?

- Приятно видеть, что вы понравились друг другу, - вновь вступил в разговор Аэрба. - Теперь вас проводят в каюту.

Судя по всему, Бенга-Бенга отдал необходимые распоряжения до того, как отправиться встречать гостей, потому что время разговора не было потрачено впустую: матросы подняли трап, якорь, и «Черепаша» принялась неспешно набирать ход.

- Вы знаете, куда следует плыть? - удивился Венсон.

- Идти, - поправил его капитан.

- Хорошо - идти. - Дракон понял, что в ближайшее время их с Кольдером станут поучать на каждом шагу, и мысленно смирился. - Вы знаете, куда нам следует идти?

- На юг, - безапелляционно произнёс шаман. - Сиамский залив место достаточно спокойное, тайцы присматривают за порядком, поэтому Герро с добычей пойдёт к Камбодже. Там много островов, на которых можно спрятаться.

- Герро может пойти куда угодно, - не согласился Вернон. - Чтобы стать невидимым, достаточно уйти за горизонт.

- Вы сами сказали, что ваш дядя - «огромная шишка», - напомнил серб. - Герро готовится к встрече с его посланцами, а значит, будет прятаться. А значит, пойдёт на юг.

Спорить с уверенным в себе капитаном не имело смысла, поэтому Дракон едва заметно пожал плечами и согласился:

- Пусть так.

А вот у Кольдера возник вопрос:

- Мы сможем догнать «Абрис»?

И покосился на Бенгу-Бенгу. Шаман остался невозмутим. И ничего не ответил, предоставив эту честь Аэрбе.

- Луминар ходит на парусно-моторной шхуне, выстроенной в Японии как китобойная и переделанной в Гонконге одним умелым англичанином по имени Кьюсак... - Капитан провёл ладонью по щетине, и взгляд его стал задумчив. - Или Куаттро? Сейчас не вспомню, но точно на Q, его все так и зовут: мистер Q, а он не обижается. Старенький уже, но дело знает отлично: модернизировал ходовую часть на «Черепaxe», и я очень доволен.

- То есть мы сможем догнать «Абрис»?

- Скорость у нас одинаковая.

- Но у него преимущество в несколько часов, - заметил Вернон тоном заправского морского волка.

И слегка переборщил, поскольку настоящие заправские волки одновременно поморщились.

- Рано или поздно Герро придёт туда, куда хочет прийти, - протянул Бенга-Бенга. - Или изменит курс, что позволит нам срезать угол. Так что не волнуйтесь, мистер Вернон, мы догоним.

- Моя фамилия - Венсон.

- Очень мило.

За разговором они поднялись на мостик - довольно большое помещение, с которого открывалась превосходная панорама на нос и океан, - шаман, исполняя обязанности старпома, проверил курс, кивнул, оставшись доволен увиденным, отослал рулевого, сам встал за штурвал и только после этого продолжил разговор:

- Вам уже сказали, что капитан Луминар пожирает трупы врагов?

Неожиданный вопрос заставил Уэрбо помрачнеть, а чудов - осторожно развести руками в абсолютно одинаковом, как будто отрепетированном, жесте.

- Не сказали, - ответил Кольдер, возвращая конечности в исходное положение.

- Следовательно, теперь вы об этом знаете, - любезно произнёс шаман и, несмотря на явное неудовольствие капитана, продолжил: - Герро Луминар стар, умён, опытен, и он колдун. Очень сильный колдун, отнимающий у врагов плоть, сердца, мужество и волю.

- Следовательно, теперь вы об этом знаете, - любезно произнёс шаман и, несмотря на явное неудовольствие капитана, продолжил: - Герро Луминар стар, умён, опытен, и он колдун. Очень сильный колдун, отнимающий у врагов плоть, сердца, мужество и волю.

- И кровь, - эхом добавил Венсон.

Аэрба удивлённо вскинул правую бровь.

- Да, кровь тоже, - спокойно подтвердил Бенга-Бенга. - Герро необычайно силен.

- Сильнее тебя? - тут же осведомился де Бер.

- Мы уже на «ты»?

- А чего тянуть?

Шаман помолчал, видимо, усмиряя кипящее внутри бешенство, после чего с достоинством продолжил:

- Не буду скрывать: капитан Луминар очевидно превосходит меня в колдовстве.

- Тогда почему ты до сих пор жив?

- Потому что Герро боится Белую Черепаху, - произнёс Аэрба.

- Твое судно?

- Нет, - выдержав паузу, ответил серб. - Не его.

* * *

Из приключенческих книжек, воспоминаний очевидцев и здравого смысла широкая публика делает совершенно однозначный вывод, что лучшее время для побега - раннее-раннее утро, оно же - поздняя-поздняя ночь. Когда часовые дремлют или спят, луне надоедает светить ярко, усталые коты возвращаются домой, топчутся, орут, то есть бесплатно производят отвлекающий шум, и никто не обращает внимания ни на скрежет напильника по решётке, ни на вылетающие из-под фундамента тюремной башни комья земли. Получается что-то вроде негласной договорённости: «Если вы ухитрились не уснуть до этого часа, то получаете бонус +100 к бегству».

Однако, если вас угораздило оказаться в плену посреди моря, а на борту находится хотя бы один вампир, то приключенческие расчёты отправляются к чёрту, потому что всё слишком запутывается. Бежать ночью? Когда по тёмной палубе слоняется злой, как чёрт, Герро, открыто намекающий, что соскучился по сладкой чудской крови? Не вариант. Высушить, он, наверное, и не высушит, но сведёт вероятность успеха к нулю. Бежать днём? Когда повсюду матросы, они же пираты, и в любой момент может притащиться «поболтать» чокнутый Винсент? Тоже так себе идея... Вот и получается задачка из серии «Выбери худший вариант», но Рикки старательно ломал над ней голову, прекрасно понимая, что второго шанса ему не дадут: или он уйдёт с первой попытки, или не уйдёт вообще. А уйти молодой Феллоу хотел, несмотря на торжественное обещание Шарге его отпустить, и уйти хотел по сугубо прагматической причине: как сложится у похитителей встреча с десантом боевых магов, одному Спящему известно, возможно - по плану, возможно - пираты окажутся под ударом, например начнётся абордаж, и что в этом случае произойдёт с пленником - неизвестно. Поэтому лучше добыть свободу заранее: и самому приятно, и дяде продемонстрировать, что хоть и не маг в семье растёт, но и не олух.

Да и грех не попытаться бежать, имея на руках сильный козырь.

В отличие от друзей-гвардейцев, свободно владеющих разнообразными боевыми арканами и потому таскавших с собой одну-единственную «Дырку жизни», потерявший подобные способности Рикки позаботился о дополнительной страховке: стандартный для всех жителей Тайного Города артефакт всегда лежал в его кармане и был отобран ещё в отеле, а второй, аналогичный, был аккуратно спрятан в зубную коронку и настолько хорошо замаскирован, что

его пропустил и Шарге, и проведший второй обыск Луминар.

Придя в себя после похищения, Феллоу сразу же попытался активизировать «Дырку жизни», выяснил, что шхуна надёжно защищена от применения магии и, чтобы артефакт заработал, нужно её покинуть. Оставался вопрос: как это сделать?

И когда?

Днем или ночью? На глазах у команды или рискуя нарваться на взбалмошного вампира? Кто опаснее? Когда удобнее? Что делать?

Однако первая же ночёвка на борту показала, что у ночного варианта, при всех его очевидных плюсах, перспектив нет. Рикки отвели небольшую каюту без иллюминатора, вход в которую перекрывала надёжно-металлическая дверь, а в коридоре всю ночь просидел вооружённый малаец. Санузел внутри, так сказать, индивидуальный, то есть объяснимого повода выйти ночью из каюты нет, на необъяснимый малаец не среагирует, запускать артефакт внутри уже пробовал и убедился в бесполезности попытки. Другими словами, картина печальная, тут и без вампира шансов практически нет. Можно, конечно, сымитировать приступ какой-нибудь болезни, вырубить малайца – об этом пункте, учитывая превосходство чудов в силе, Рикки не беспокоился, – затем тайком выскользнуть на палубу и нырнуть в море, но, поразмыслив и припомнив о присутствии на борту вампира, Феллоу решил не рисковать и попытаться бежать днём.

Ещё и потому, что подобной наглости от пленных обычно не ждут.

С помощью «обыкновенных» вопросов Рикки узнал, что судно может развивать скорость до девятнадцати узлов, но обычно идёт на шестнадцать. То есть примерно восемь ярдов в секунду. Если незаметно прыгнуть за борт, то через двадцать пять – тридцать секунд шхуна отойдёт примерно на кабельтов, что, по прикидкам Феллоу, вполне достаточно для выхода за пределы блокирующего магию поля. Для обретения свободы и спасения жизни.

Тридцать секунд.

И нет нужды в военно-морском героизме, нет нужды никого убивать, нет нужды в шуме: хочешь бежать – просто окажись в воде. Даже плыть не требуется.

Тридцать секунд поплавок, а желательно – под водой. Что может быть проще?

К тому же днём Феллоу обретал относительную свободу: вооружённый матрос поблизости, зато вся палуба в его распоряжении, ходи куда хочешь, делай что хочешь – в открытом море деться некуда. Дозволялось рыбачить – Рикки предложили шикарный выбор спиннингов, дозволялось играть – предоставили планшет с усечёнными коммуникационными возможностями, дозволялось читать и просто валяться в гамаке. Еда и напитки за счёт заведения. Направленный в спину ствол – обязательная часть сервиса.

На второй день сформировался распорядок: завтрак – бесцельное блуждание по палубе – визит Винсента, разговор – обед – дрёма в теньке – чтение книги – визит Винсента, разговор – ужин в компании Винсента и Герро – вечерняя партия в преферанс – сон.

Скучно, зато предсказуемо.

– Я так понимаю, дядя Франц на связь не вышел? – небрежно осведомился Рикки после того, как после завтрака диалог о погоде, сне и прелести морских прогулок себя исчерпал.

- Почему ты так думаешь? - прищурился Шарге.
- Потому что вы ничего об этом не сказали.
- А если я не собирался говорить?
- Это противоречило бы вашему характеру.

Старый чуд рассмеялся, показывая, что Феллоу всё понял правильно, и кивнул:

- Да, сказал бы... И в другом ты тоже прав: великий магистр молчит, но это вовсе не означает, что он не отправил на твои поиски рыцарей.
- Не позвонив вам? - В его представлении звонок должен был последовать сразу же, и потому Горностаи удивился спокойствию похитителя.
- Один из наиболее вероятных сценариев операции предусматривал такое развитие событий, - безмятежно ответил Винсент. - Де Гир знает, что ты жив. Знает, что мы готовы к общению - у него есть телефон и есть номер, - и специально молчит, затягивает время в интересах спасательной команды.
- Которую вы не боитесь... - вздохнул Рикки.
- Твой дядя не сможет найти нас даже с помощью навов, - уверенно произнёс Шарге. - Через пару дней он это поймёт и позвонит. - Пауза. Улыбка. - Заключим пари?
- То есть тишина вас не смущает?
- На тот случай, если ты забыл, напоминаю: телефонный разговор с де Гиром нас не интересует. Будет он или нет - не важно; как только великий магистр отзовёт боевую группу, ты поедешь домой.
- А группы пока нет, - протянул Феллоу. - Так?
- Так.
- Или вы её не видите.

Опытные маги - а Рикки хотелось верить, что дядя отправит за ним закалённых бойцов, - способны скрыть своё присутствие от наблюдателей. Бывало, что боевые отряды чудов даже к Цитадели подбирались незамеченными, не говоря уж о Зелёном Доме... Всякое бывало во время войн Великих Домов. Однако железобетонная уверенность старика заставляла Феллоу думать, что на этот раз даже самые лучшие маги не смогут замаскироваться должным образом.

- У меня есть способ узнать правду, - скромно произнёс Винсент.
- Не сомневаюсь в вашей предусмотрительности.

Шарге с улыбкой посмотрел на задумавшегося парня и неожиданно для себя решил его поддержать:

- О себе не беспокойся, малыш, твоей жизни ничего не грозит.

Старый чуд отчего-то решил, что очередное обещание не причинять вред успокоит Феллоу, и пропустил жёсткий удар: прозвучавший ответ больше походил на пощёчину.

- Когда-то вы были рыцарем, Винсент, и должны помнить, что страх смерти чужд нам.

- Я по-прежнему рыцарь.

И поток ледяного презрения:

- Я вижу.

Винсент пронзительно посмотрел на Рикки, дёрнул щекой, словно собираясь что-то сказать, резко повернулся и ушёл.

Ушёл, как и было запланировано – оскорблённый, а значит, вряд ли вернётся до вечера. И не помешает заполучить столь важные тридцать секунд.

Ушёл, как и было запланировано – оскорблённый, а значит, вряд ли вернётся до вечера. И не помешает заполучить столь важные тридцать секунд.

Прямо сейчас. В разгар дня.

Что может быть проще?

Оставшись один, Феллоу перешёл в гамак, поваялся, прочёл несколько страниц выданной Луминаром книги, точнее, неспешно перелистнул несколько страниц, не вникая в их содержание, затем зевнул, поднялся с кресла, подошёл к холодильнику, налил в бокал воды, сделал несколько глотков, а затем...

Весь Тайный Город знал Горностаев как стрелков, бьющих без промаха. Винтовка или лук, пистолет или рогатка – Горностаи клали снаряды точно в цель, словно насмехаясь над законами физики и неумёхами из других семей и рас. Но то, что Горностаи превосходно стреляли, вовсе не означало, что они не умели использовать другое оружие. Умели. И ещё как! И двигались они пусть не так быстро, как хваны или масаны, но уж всяко энергичнее обыкновенного чела.

И потому первая фаза операции «Домой!» прошла у Рикки без сучка и задоринки.

Сделав несколько глотков воды, чуд небрежно вернул бокал на столик, открыл холодильник, возвращая в его прохладное пузо недопитую бутылочку с водой, а обратным движением извлёк единственный доступный ему предмет, который можно было использовать в качестве оружия, – алюминиевую банку с пивом. Бокал, бутылки с водой и газировкой, тарелки, вилки, ножи – всё было пластиковым, лёгким, неспособным причинить серьёзный вред, во всяком случае – с дистанции. А вот пивная банка – дело другое. Получив соответствующее ускорение, она вошла охраннику точно в висок, начисто выбив из него дух, и, отскочив, улетела за борт, навсегда сгинув в морской пучине, а не загрохотала по палубе, сообщая окружающим, что на судне творится неладное.

«Время!»

Рикки легко добежал до свалившегося сторожа, добавил ему в голову, выводя из строя минимум на два часа, и молниеносно вернулся к борту.

Второй этап побега – прыжок с кормы. Не забыть разбежаться, чтобы войти в воду подальше от гребных винтов. И ещё не забыть как можно дольше не выныривать, а также усердно плыть, старательно считая секунды.

«...два... пять... восемь...»

Плавание у рыцарей всегда входило в число обязательных дисциплин, и хотя в его подводной разновидности Рикки чемпионом не считался, держался он неплохо.

«...двадцать два, двадцать три... тридцать...»

Тридцать секунд – это двести с лишним ярдов.

«Пора!»

Рикки с силой надавил языком на коронку и одновременно сложил пальцы правой руки в замысловатый жест, пытаясь активизировать «Дырку жизни» резервным способом, без произнесения заклинания, но результата не добился.

«Слишком близко? Защитное поле ещё действует?»

К сожалению, получить ответ на этот вопрос можно было лишь опытным путем – плыть дальше. А поскольку воздух заканчивался, молодому чуду пришлось вынырнуть на поверхность, где...

Где на запястье его левой руки немедленно захлопнулся металлический браслет наручников.

«Дерьмо!»

– А ты хорошо плаваешь! – громко произнёс сидящий в лодке Винсент. – Но я понял, зачем ты меня оскорбил, и сразу же приказал спустить лодку на воду. Извини!

«Никаких разговоров!»

Шарге здесь, но шхуна далеко, только-только начала сбрасывать скорость, а значит, есть надежда на то, что они выскочили за пределы защитного поля.

Рикки вновь надавил на зуб, сложил пальцы и с радостью почувствовал осязаемое даже для него, лишившегося магических способностей, движение невидимой силы – заклинание сработало!

«Есть!»

– Мля!

Винсент тоже понял, что происходит, и сопроводил открытие незамысловатым ругательством.

– Что ты делаешь?!

Вода вдруг просела, продавленная вихрем нарождающегося портала, ушла вниз, и на глади моря образовался нереальный цилиндр бордовой пустоты. Мощный всплеск магической энергии пробил пространство, вышел «с той стороны», сформировав коротенький и в то же самое время – невероятно длинный тоннель, осязаемо вздрогнул, завершая создание перехода, и не сдержавшийся Рикки выкрикнул:

- Прощай, придурок!

- Не торопись!

У Шарге было не более двух секунд, а может, даже меньше, поскольку счёт в противоборстве шёл на мельчайшие мгновения. Портал почти сформировался, пленник почти ушёл, операция почти провалилась, но опытный маг ухитрился всё исправить.

Свое заклинание Винсент прочёл за те мгновения, что у него были. И не только прочёл, но и с невероятной точностью направил энергетический поток, намертво заблокировав почти готовую «Дырку жизни».

- Извини, малыш, но у мага всегда есть преимущество перед артефактом.

«Нет!»

Но, к сожалению, - да. Бордовый вихрь чудовищной силы сдулся. Цилиндр съёжился на глазах, позволяя волнам вернуться на законное место и лишая Рикки надежды.

Матросы рывком подняли расстроенного Феллоу в лодку, и Шарге благодушно продолжил:

- Посидишь денёк взаперти, ладно?

Молодой чуд молча отвернулся.

- Не обидишься?

Тишина.

- Ну как хочешь. - Старик кивнул матросам. - Возвращаемся.

«Пусть не получилось! Главное, что я пытался! - Рикки с горечью посмотрел на наручники. - Я не сдался! Я сделал хоть что-то!»

* * *

- У тебя есть пушки? - удивился Вернон.

- Если бы, - грустно вздохнул Аэрба. - Столько проблем можно было бы снять...

- Неужели не продали? - поддел капитана Кольдер.

- Я могу купить всё, что угодно, включая крылатые ракеты, - веско ответил серб. - Но возникает вопрос: как хранить? Мирное гидрографическое судно плохо сочетается с башенными артиллерийскими автоматами. Пулемёты прятать легче, чтоб им чугунный якорь приделали...

- Зачем?

- Да так, к слову.

При этом сами пулемёты не сильно уступали орудиям, во всяком случае - зенитным, поскольку весёлый капитан Аэрба оказался счастливым обладателем двух 14,5 мм «КПВТ» из древнего Коврова, что в далёкой Владимирской губернии. Пулемётные тумбы оказались выдвигными и

искусно маскировались в элементах надстройки – умный Уэрбо не хотел портить мирному судну сложившуюся репутацию.

Однако в тишине и уединении открытого моря он демонстрировал вооружение «Черепahi» с понятной гордостью.

– Я эти стволы специально добыл для встречи с Герро. Уверен, ему понравится.

– А я думал, они входили в комплект советского гидрографического оборудования, – пошутил Вернон.

И шутка оказалась пророческой.

– В комплект входили устаревшие версии, – сообщил капитан. – Поразмыслив, я решил поменять их на новые.

– И правильно сделал.

– Настоящий пират должен внимательно следить за новинками, – добавил Кольдер.

– Я знаю, что должен делать настоящий пират... – Аэрба ласково провёл рукой по стволу, поправил тёмные очки на носу и задумчиво продолжил: – Называться пиратом сейчас неприлично... Слышали о PirateBay?

– Ага.

– Я не понимаю, почему умные, в общем, люди называют сетевых воришек пиратами? Чтобы меня унизить?

Вопрос прозвучал печально, чувствовалось, что капитана всерьёз задевает происходящее, поэтому де Бер постарался ответить с максимальной осторожностью:

– Смысл слова стал более миролюбивым.

– У этого слова был, есть и будет только один смысл: вооружённое нападение, – резковато возразил серб. – А в Европах, говорят, уже появились пиратские партии... Они ходят в море? Грабят? Убивают? Нет. Они – отрывки цифровой эпохи, чтоб им чугунный якорь приделали... Прыщавые маменькины сынки, неспособные разобрать «калаш» и распускающие сопли при виде крови, называют себя пиратами. Они – пираты! Мля! А кто тогда я? Тоже пират?! В задницу таких коллег! Что они могут?

– Э-э... – Кольдер покосился на друга, Вернон едва заметно пожал плечами, и Горностаю пришлось продолжить самостоятельно: – Они отнимают чужую собственность.

– И всё? – презрительно уточнил серб. – Мошенничество, воровство, карманные кражи – отнимать чужую собственность можно различными способами. Иногда жестокими. Иногда позорными. И для каждого такого способа придумано своё название. Почему мелкий жулик зовёт себя пиратом? Чего я не понимаю?

– Ты отстал от жизни, – решил Венсон.

И услышал в ответ грустное:

– Наверное.

Уэрбо ещё раз провёл рукой по пулемёту, надавил на кнопку дистанционного пульта, вновь пряча оружие за крепкими панелями, и жестом пригласил гостей вернуться в прохладу кают-компаний, где их поджидали ром и лёд: полдень давно миновал, и капитан с удовольствием распечатал бутылку.

- Уверен, вы не сочтёте меня пацифистом, если скажу, что мы не звери, что бы там о нас ни рассказывали. И если есть возможность не лить кровь - мы её не льём.

- Как так? - прищурился Вернон, в представлении которого морские разбойники редко обходились без смертоубийства.

- Да очень просто. - Аэрба поднял стакан, чужды последовали его примеру, и разговор продолжился после короткой булькающей паузы. - Угроза насилия действует не менее успешно, чем само насилие. А в некоторых случаях - она намного эффективнее, поскольку люди обладают фантазией, и эта фантазия рисует им такие ужасы, на которые даже распоследние бандиты неспособны.

- Пожалуй, соглашусь, - кивнул де Бер.

- Эту истину не я придумал, - честно ответил серб. - Я лишь оценил её потенциал и существенно минимизировал уровень насилия в повседневной работе.

- Говоришь как бизнесмен, - хмыкнул Венсон.

- А я и есть бизнесмен, - не стал отрицать капитан. - Заключаю контракты на гидрографические работы и с этого получаю прибыль. Ну, иногда занимаюсь дополнительными операциями, но кто посмеет в наше трудное, кризисное время обвинить меня в желании диверсифицировать бизнес?

- Мы не из налоговой, - хладнокровно возразил де Бер. - Мы никого не обвиняем.

- Да, вы не из налоговой... Вы просто кое-что потеряли. - Аэрба вновь наполнил бокалы, добавил льда, но пить не стал. Помолчал, после чего продолжил: - Было время, я занимался нефтью в районе Африканского Рога. Я первым придумал эту чистенькую, аккуратную и очень прибыльную схему: останавливаешь танкер, запираешь команду в кондиционированном помещении и просишь владельцев судна немного заплатить за недостаточное внимание к вопросам безопасности. Пару дней они закатывают истерики, топают ножками, требуют от правительства помощи, от ООН - поддержки, от Нептуна - нас покарать, потом отдают курьеру кейс с наличностью, и танкер спокойно продолжает движение в порт назначения. Я рассчитал, что через пару дней даже самый тупой и жадный капиталист сообразит, что на фоне танкера и нефти в нём, содержимое кейса значит настолько мало, что проще заплатить, сочтя происходящее мелкой издержкой.

- Танкер трудно спрятать, - прикинул Вернон.

- Мы и не прятали. Мы их минировали, а кейс становился платой за код деактивации.

- Умно.

- Спасибо. - Аэрба зевнул. - Сначала было интересно и прибыльно, потом осталось прибыльно, но невероятно скучно. Рутинка. Главная сложность заключалась в том, чтобы не забыть покормить команду танкера... Ах да, ещё приходилось пересчитывать много денег, но от этого

занятия я никогда не устаю.

Он вновь наполнил стаканы, и вновь разговор прервался. А когда мужчины выпили, первым заговорил де Бер:

- Ты поэтому ушёл из бизнеса?

- Почему поэтому?

- Из-за скуки.

- Вовсе нет. - Уэрбо задумчиво оглядел пустой стакан. - Я ушёл из бизнеса, потому что жадные местные узнали о моей идее и стали хватать все проходящие суда и требовать большой выкуп. Идея была опошлена, в акваторию пришли военные, а я не люблю военных. Они хорошо вооружены и не склонны к переговорам, чтоб им всем чугунные якоря приделали... Бенга-Бенга предложил потрошить богатенькие яхты на Сейшелах и Маврикии, но я отказался. Мне противно заниматься толстосумами: они липкие, трусливые, а некоторые - мстительные. Возись с ними потом... В общем, пришлось вернуться к контейнерным перевозкам.

- Они не скучные?

Серб улыбнулся, показывая, что оценил шутку, и качнул головой:

- В последнее время мы работаем по предварительным заказам: нам сообщают рейс и номер контейнера, который нужно забрать. Или утопить. Или сжечь... Я не всегда знаю, что там за товар. Меньше знаешь - лучше спишь.

- Ты весьма откровенен с нами, - оценил де Бер.

- Ага.

- Не боишься, что мы тебя сдадим?

Вопрос заставил Уэрбо задуматься. Несколько секунд капитан придирчиво изучал физиономию молодого чуда, после чего поинтересовался:

- Зачем тебе меня сдавать?

- Ну...

Горностаи почувствовали себя Драконом.

- Вот когда надумаешь мотив, тогда я и стану тебя опасаться.

- А как ты узнаешь, что у меня появился мотив? - попытался огрызнуться Кольдер и тем окончательно развеселил Уэрбо:

- У тебя всё на лице написано, православный брат! Признаться, я впервые встречаю настолько открытого парня.

- Правда?

- Честное слово. Хотя не уверен, поверишь ли ты пирату?

- Поверю.

- Ну и правильно, я ведь честный пират, а не китайская подделка.

И было решительно непонятно, шутит он или говорит серьёзно.

Де Бер покосился на друга - Дракон с трудом сдерживал улыбку, - и хмуро сообщил:

- Я знаю, что у меня очень открытое лицо... Но я меняюсь.

- Жаль, - вздохнул Аэрба.

- Почему? - удивился Горноста́й.

- Твоё изменение будет означать, что юность осталась позади.

И в алкогольной атмосфере кают-компания вдруг появилась лёгкая грусть. Скользнула слабеньким ветерком, дунула на глаза и юркнула прочь, словно подхваченная кондиционером.

- Да ты философ, - улыбнулся Вернон.

- Нет, я не он, - медленно ответил серб. - Я тот, кто много видел. Я расстался с юностью настолько давно, что успел обдумать, как же это произошло, припомнить нюансы и сделать кое-какие выводы. - Делиться ими капитана не просили, но ему это и не требовалось. - У взрослой жизни, безусловно, есть масса преимуществ, но нет нужды торопиться в её цепкие объятия. Взрослая жизнь никуда от вас не денется.

- Предлагаешь оставаться подростком как можно дольше?

- Делать всё вовремя. Без спешки.

- Иногда жизнь сама ускоряет процесс, - угрюмо напомнил Кольдер. - Бывает так, что друга похищают из гостиничного номера и тебе приходится идти по следу, надеясь успеть...

- И не обращаться в полицию... - небрежно бросил серб.

- Что?

- Что?

- То, что слышали, православные братья. - Капитан окинул чудов быстрым, цепким и очень трезвым взглядом. - Я - весёлый парень, я много пью и много говорю, но это вовсе не означает, что я - невнимательный дурак.

- Мы и не думали... - попытался перехватить инициативу де Бер, но Уэрбо не позволил себя перебить.

- Вашего друга похитили, а вы не обратились в полицию. Причём, судя по вашему поведению, вы и не планировали искать помощи у властей, вы сразу определили, что произошедшее касается только вас, точнее, не именно вас, а таинственной организации, которая стоит за вашими спинами, и решили разобраться своими силами. Это, согласитесь, наводит на размышления.

Ответили рыжие мгновенно: Венсон сориентировался:

- Полиция помогла бы нам отыскать Герро?

- Не уверен.

- Вот и ответ на твой вопрос.

- Нет, не ответ, - не согласился серб. - Вы даже своих в известность не поставили, зато мгновенно приняли помощь случайного человека, который представился вам пиратом, и отправились с ним в открытое море.

- И что?

- Вы меня не боитесь.

- И что?

Чуды и в самом деле не понимали, куда клонит Аэрба, а тому оставалось лишь удивлённо цокнуть языком:

- Вы сами не понимаете, насколько неестественно ваше поведение? Ваша уверенность в себе и абсолютное бесстрашие? Вы отдаёте себе отчёт в том, как сильно отличаетесь от людей?

- Что ты имеешь в виду? - тихо спросил Кольдер.

Однако серб, к огромному облегчению рыжих, предпочёл остановиться:

- Я понимаю, что у всех есть тайны, и поэтому не лезу к вам в душу. Если есть вещи, которые вы не хотите рассказывать старому и многопьющему Аэрбе, - это ваше дело, не рассказывайте. Но мне было бы приятно точно знать, что происходит на моём судне.

Высказавшись, капитан поднялся из-за стола и вышел, продемонстрировав, что не очень удовлетворён результатами беседы. Однако обсудить неожиданную выходку чуды не успели: едва они посмотрели друг на друга, собираясь с мыслями и ожидая, кто начнёт первым, как дверь вновь приоткрылась и в кают-компанию проскользнул Бенга-Бенга:

- Ну и какого дьявола вы тут забыли?

- Энергия Колодца Дождей! - тут же среагировал Кольдер.

То, что судовой шаман Аэрбы в действительности является человеческим колдуном, чуды почувствовали при первой же встрече - такие вещи маги видят мгновенно. Виду, разумеется, не подали, но с нетерпением ждали возможности пообщаться.

- Колдуешь заурядным челам на хлеб с маслом?

- Так и знал, что вы догадаетесь, - съязвил Бенга-Бенга, тщательно прикрывая за собой дверь.

- Замешан в чём-нибудь противозаконном?

- Ты моя мама?

- Лицензия в порядке?

- Ты из Службы утилизации?

- Нужно её вызвать? – вспыхнул Дракон.
- И что ты им расскажешь? – скривился чел. – Правду? Как Луминар похитил твоего друга, а ты, вместо того чтобы доложить в Орден, представил себя рыцарем в сверкающих...
- Заткнись!
- Вернон, успокойся, – резко велел де Бер. И перевёл взгляд на шамана. – Ты – тоже.
- Я хладнокровен, как мёртвый нав.
- Как тебя зовут, кстати?
- Бенга-Бенга сойдёт.
- Чем занимаешься?
- Колдую на полставки.
- Паруса дыханием наполняешь?
- Гальюны в соседние суда опорожняю.
- Я ведь просил успокоиться! – рявкнул Кольдер. – Хотим мы того или нет, но в ближайшее время нам работать вместе, так что давай дружить.
- Предлагаю ограничиться сотрудничеством, – буркнул шаман. – Дружить с вами у меня никакой охоты.
- Пусть так. – Де Бер посмотрел на чела, помолчал и другим, гораздо более мирным, тоном произнёс: – Нам нужно понять, чем ты занимаешься для Аэрбы. Хотя бы в общих чертах.

Шаман кивнул, проворчал: «Все хотят всё знать», но послушно ответил:

- Пусть так. – Де Бер посмотрел на чела, помолчал и другим, гораздо более мирным, тоном произнёс: – Нам нужно понять, чем ты занимаешься для Аэрбы. Хотя бы в общих чертах.

Шаман кивнул, проворчал: «Все хотят всё знать», но послушно ответил:

- В открытом море всегда есть работа для толкового мага: определить точное местонахождение цели, конкурентов, отвести глаза случайным свидетелям, «закрыть» судно от радиоэлектронного наблюдения, в конце концов... Но я за рамки не выхожу и претензий ко мне у Службы утилизации нет.
- Да плевать нам на Службу.
- Знаю. – Бенга-Бенга хитро улыбнулся. – Меня считают настоящим шаманом, что здорово упрощает поддержание режима секретности.
- Где берёшь энергию?
- В Торговой Гильдии, разумеется. Пишу менеджеру электронное письмо, он комплектует заказ и закидывает его на борт грузовым порталом. Получается дороговато, но что делать:

выбора у меня нет.

- С контрабандистами знаком? С Тарханом Хамзи, например?

- Кто это? - шаман изумлённо вытаращился на Горностая.

- Ты не мог не вести с ним дел, поскольку тебе требуется гораздо больше энергии, чем можно приобрести у Торговой Гильдии, - холодно и очень уверенно произнёс Кольдер. - Да и серьёзные артефакты они тебе не продадут. А ты ими наверняка пользуешься.

- Не доказано.

- Мы не собираемся ничего доказывать или стучать в Службу. Без энергии Рикки не вытащить, а мы с Верноном почти пустые. И «батареек» взяли мало. - Де Бер помолчал и вежливо, настолько вежливо, что Венсон едва сдержал возглас, попросил: - Свяжись, пожалуйста, с Тарханом. Ты свяжись, а мы заплатим.

Несколько мгновений Бенга-Бенга размышлял, но чуды поняли, что его сомнения - игра, чел догадывался, что от него потребуют, после чего спросил:

- Почему вы не сообщили о похищении в Орден? Знаменитая чудская гордость?

- Почти.

Рыжие были бы не прочь покончить с расспросами, но шаман не унимался:

- Вы понимаете, что убиваете своего друга? Или уже убили. Если вы сообщите в Орден, сюда свалится отряд командоров войны, и проблему урегулируют за час.

- Полагаю, похитители ждут командоров войны, и парни окажутся в ловушке.

- Луминар силён, но несколько туповат. Он не доставит проблем вашим рыцарям.

- Рикки - племянник Франца де Гира.

- О-па! - Бенга-Бенга замер.

- Вот именно: «о-па», - передразнил чела Горностай. - Луминар - мелочь, ему не по чину ссориться с великим магистром и похищать его племянников, а значит...

- Значит, наш кровососущий Герро связался с кем-то очень опасным, - закончил за чуда шаман.

- Именно, - подтвердил Вернон. - Думаю, план похищения разработан досконально и включает в себя отпор карательному отряду.

- Нас же считают щенками, и именно поэтому у нас есть шанс расстроить планы похитителей и выручить Рикки, - усмехнулся Кольдер.

- Не обидишься, если скажу, что вы и есть щенки?

- Не обижусь, - деловым тоном ответил де Бер. - Ты пригонишь нам энергии?

- Да.

- Очень хорошо... Стой! - Де Бер побледнел и поднёс левую руку к виску. - Всплеск!
- Что?
- Он сканирует акваторию! - быстро объяснил Венсон. - Коль! Говори!
- Сильный всплеск... - Кольдер сглотнул, закрыл глаза и с силой надавил пальцами на висок. - Кажется, я знаю, где сейчас «Абрис»...

* * *

- Мы продолжаем сближаться? - быстро спросил Аэрба.
- Как ни странно - да, - подтвердил стоящий у штурвала шаман, бросив очередной, десятый или двадцатый взгляд на экран радара. Капитан на мостик не поднимался, вопрос бросил, проходя мимо раскрытой двери, а услышав от штурмана неожиданное дополнение, замер.
- Почему странно?
- Потому что это не в их интересах, - спокойно ответил Бенга-Бенга. - Не мне тебе рассказывать, что, когда на борту важный пленник, боестолкновений стараются избегать.
- Они избегали, - хмыкнул серб. - Просто у них не получилось, чтоб им чугунный якорь приделали.
- Похоже, приделали, - едва слышно пробормотал де Бер, но его не услышали. Или же не обратили внимания. Даже Венсон промолчал.
- Мы у них на радаре, а они всё ещё здесь, - уточнил шаман. - И не меняют курс.
- Всё может измениться в любой момент. Помнишь, как Герро умеет уходить?
- Помню.
- И?
- Сейчас он не уходит, и, если судить по скорости сближения, уходить не намерен.
- Гм... - Капитан почесал в затылке, простимулировал важные участки мозга и, наконец, понял, на что намекает шаман: - Предполагаешь ловушку?
- Она вероятна.

Несколько секунд в голове Уэрбо шла серьёзная мыслительная возня, строились и рушились планы, громоздились друг на друга варианты развития событий, подсчитывались вероятности... Во всяком случае, наблюдавшим за диалогом Кольдери и Вернону хотелось, чтобы всё было именно так: капитан серьёзно отнёсся к предупреждению и тщательно продумывает предстоящие действия. Однако закончились размышления, если, конечно, это были они, беззаботным:

- Мы ко всему готовы!

И Аэрба исчез из дверного проёма.

- Противник появится на горизонте примерно через минуту, - ровно произнёс Бенга-Бенга, обращаясь скорее к себе, чем к Горностаю. - Луминар не может не понимать, что видит на радаре именно нас, а значит, сознательно идёт на драку.

- То есть Герро считает, что готов к ней лучше нас?

- Вступая в сражение, ты должен быть уверен в том, что готов к нему лучше врага, - назидательно ответил шаман. - В противном случае сражения избегают.

Оспаривать это утверждение чуды не стали.

Всплеск магической энергии, случившийся посреди пустынного в колдовском отношении моря, стал для де Бера маяком, точно указавшим местонахождение подозрительного судна. С помощью шамана Кольдер наложил отмеченное возмущение на карту и получил координаты: как оказалось, Герро находился недалеко от «Белой черепахи» и шёл курсом на сближение. В ходе короткого совещания было решено себя не выдавать и не использовать для сближения артефакты портала, а потому последний час превратился для чудов в настоящую пытку: они с нетерпением ждали встречи с похитителями и не сводили глаз с радара, со страхом ожидая, что Луминар вот-вот исчезнет в магическом переходе.

Но время шло, а масан не убежал.

- Что бы он ни придумал, мы справимся, - спокойно произнёс Вернон, глядя на зелёную точку приближающегося судна.

- Только энергия у нас почти на нуле, - вздохнул Кольдер.

- Справимся, - с уверенностью настоящего Дракона ответил Венсон. - Это же драка.

И тем напомнил другу Аэрбу.

Услышав, что враг рядом, капитан взвился, рявкнул: «Драка!» - и развил бурную деятельность по её подготовке. Поднял по тревоге экипаж, объявил двойную премию за победу и распорядился раздать оружие. Разместил абордажную команду на катере и двух моторных лодках, которые пока прятались за кормой «Черепахи», лично проверил оба пулемёта, вновь спрятал их в надстройке, не желая раньше времени продемонстрировать Герро заготовленный сюрприз, проверил готовность машинного отделения и лазарета, увидел спустившихся с мостика чудов и поделился с ними ближайшими планами:

- Я точно знаю, что у Герро есть два «браунинга», но «КПВТ» их подавят. Под прикрытием пулемётного огня мои парни начнут абордаж и тем развлекут команду Луминара до тех пор, пока мы не сцепимся с ними бортами. Затем спасаем вашего друга, топим «Абрис» и отмечаем победу. У меня есть ящик шотландского...

Судя по внешним признакам, капитан в исходе сражения не сомневался, однако Кольдер к оптимизму серба отнёсся сдержанно и решил прояснить важную деталь:

- Что, если Герро прикроется нашим другом?

- Как это? - не понял Уэрбо.

- Выставит его на палубу, например.

- Для меня ваш друг - никто, и Герро нет никакого смысла им закрываться, - после секундного размышления ответил Аэрба. - А вы спрячьтесь и не мешайте сражению.

- Мы не станем прятаться, - возмутился Дракон.

- Тогда не задавайте глупых вопросов.

- Противник на горизонте!

- Началось!

Капитан рванул на мостик, а оставшиеся на палубе рыжие переглянулись.

- Настоящая драка, Вернон.

- Настоящая, Кольдер.

- Типа, поздравляю?

- Угу.

Могли они представить, что их первое сражение получится именно таким: в тропическом море, в составе пиратской команды, против других пиратов, ведомых старым вампиром? Нет, разумеется, не могли, но раз уж выпало, отступить рыжие не собирались. Пираты, значит, пираты. Вампир, значит, вампир. Их двое, а магическая энергия на нуле? Тем интереснее.

Они ведь чуды.

Они - рыцари. И будут драться в любых обстоятельствах.

- Удачи, Вер.

- Удачи, Коль.

А в следующий миг загрохотали пулемёты.

«И тебе удачи, Рикки, - прошептал де Бер, стискивая рукоятку выданного Аэрбой автомата. - Надеюсь, тебе повезёт...»

Потому что крупнокалиберные пули «КПВТ» безжалостно рвали чужое судно, легко пронзая незащищённую надстройку и стремительно превращая её в решето. А всех, кто попадался на пути - в мертвецов.

Потому что крупнокалиберные пули «КПВТ» безжалостно рвали чужое судно, легко пронзая незащищённую надстройку и стремительно превращая её в решето. А всех, кто попадался на пути - в мертвецов.

Несмотря на нетерпение, Аэрба долго сдерживался и приказал открыть огонь лишь после того, как расстояние до противника сократилось до половины мили. Носовой пулемёт запел, ответ «браунинга» не заставил себя ждать, и суда продолжали сближаться под грохот выстрелов и гулкие удары пуль. Стёкла иллюминаторов, двери, переборки... «Черепеха» была защищена противоположной бронёй, однако даже под её прикрытием молодые рыцари чувствовали себя не особенно уютно. В отличие от привычных малайцев, успевавших не только поддерживать

пулемётчика из «калашниковых», но и болтать между собой, да ещё и покуривать, чем вызывали у не терпящих табачного дыма чудов раздражение.

- Когда Герро ближе - станет хуже! - сообщил один из пиратов и весело поднял вверх большой палец: - Тогда смешно!

Английский этого малайца оказался вполне приличным, и рыжие в целом уловили смысл послания.

- Когда ближе - пулемёт плохо.

И лёгкая броня «Черепahi» может не выдержать напора «браунинга».

Аэрба понимал происходящее не хуже малайцев, а потому лично встал за носовую тумбу и целил исключительно в ближайший пулемёт противника, стремясь как можно быстрее его подавить. И в тот момент, когда суда разделяло примерно два кабельтовых, одна из посланных сербом пуль влетела в механизм «браунинга» и тяжёлое оружие заклинило.

Пираты встретили успех громкими воплями, а абордажная команда тут же сорвалась с привязи. Теперь, когда один из пулемётов замолчал, а «КПВТ» продолжал обрабатывать противника, никто не мог им помешать взобраться на борт.

- А что дальше? Таран? - осведомился Вернон, не спуская глаз с приближающегося врага.

- Сомневаюсь, - буркнул Кольдер.

Давешний малаец не понял, о чём переговариваются рыжие, но снова поднял вверх большой палец и улыбнулся.

Никакого тарана, разумеется, не случилось: суда разошлись примерно в сотне футов друг от друга, причём на носу противника уже хозяйничали люди Уэрбо. Кормовой пулемёт Герро ударил по «Черепахе» при первой же возможности, но «КПВТ» легко подавили его в два ствола, а дружный залп из гранатомётов повредил машинное отделение. Судно потеряло ход, из люков повалил чёрный дым, пираты Аэрбо вновь взвыли, а Бенга-Бенга приступил к развороту, намереваясь встать борт в борт для полноценного абордажа.

- Тебе их совсем не жаль? - негромко поинтересовался Винсент.

- Они знали, на что шли, когда становились пиратами, - спокойно ответил Луминар. - Смерть - часть их ремесла.

- Они тебе верили, - протянул Шарге. - Ты обещал спасти их с помощью своего «колдовства».

- Все знают, что колдовство не всегда срабатывает, - рассмеялся вампир. - К тому же мы говорим о челах.

- И о твоём втором судне.

- Ярга обещал возместить потери. - Быстрый взгляд на чуда. - Не так ли?

- Так, - подтвердил Винсент.

- Значит, всё в порядке. - Луминар зевнул. - Кстати, ты косвенно виноват в гибели челов и потере «Фиолета»: ты позволил юнцу бежать.

- Я позволил ему попытаться бежать, - уточнил Винсент.
- В любом случае, это вызвало всплеск магической энергии, по которому нас выследили.
- Мы прогнозировали и такое развитие событий, - напомнил Шарге.

Прогнозировали и решили специально подставить под удар «Фиолет», дабы присланные великим магистром рыцари смогли сорвать злость. По мнению Винсента, который в силу определённых обстоятельств неплохо разбирался в чуждой психологии, жертва приведёт Франца в чувство, а отсутствие на борту заложника покажет, что похитители полностью контролируют ситуацию. Герро же было всё равно, каким образом избавляться от «засвеченного» во время прошлой пиратской акции судна: топить или сдавать рыжим, и уж тем более ему было плевать на команду.

- Всё идет так, как запланировано.
- Уверен?
- Абсолютно.
- В таком случае, где главные действующие лица? - ехидно осведомился Герро. - Где могучие рыцари, которых Франц де Гир отправил нас убивать?

Масан и мастер големов наблюдали за побоищем с помощью магического шара, пробив тоненький, едва уловимый энергетический канал к гибнущему «Фиолету». Хрустальный «монитор» обеспечивал прекрасную детализацию картинки, и зрители прекрасно видели и разрушающееся под пулями «КПВТ» судно, и погибающих пиратов, их кровь на палубе и даже стреляные гильзы. Но до сих пор не разглядели ни одного мага и не увидели ни одной «Шаровой молнии» или же «Эльфийской стрелы».

- Посмотри на палубе «Черепахи».

Картинка сместилась в сторону и вбок, изображение приблизилось, и Герро с Винсентом почти одновременно издали гневное восклицание:

- Они?
- Вот дрянь!
- Точно!

Потому что перед их глазами встали не бывалые командоры войны, а два молодых парня, с которыми похитителям уже доводилось встречаться в Патайе. Вооружённые автоматами чуды стояли у борта и заворожённо наблюдали за развернувшейся на «Фиолете» бойней.

- Приятели нашего пленника.
- Угу.

Вампир с иронией посмотрел на чуда:

- А где карательный отряд?
- Похоже, его нет, - очень спокойно, для чего ему пришлось собрать в кулак всю волю, ответил

Винсент.

- Мальчики не позвали на помощь?

- Получается, не позвали.

И красивый план треснул, гамбит превратился в фарс.

- В отличие от опытных вояк, щенки воспримут уничтожение «Фиолета» как победу и теперь уж точно не станут никому звонить. - Луминар усмехнулся. - Твой разговор с великим магистром откладывается на неопределённый срок.

- Эта посуда не похожа на китобойную шхуну, о которой ты рассказывал.

- Класа «люкс», - уточнил Дракон.

- С парусами, - добавил де Бер.

- У неё вообще нет парусов.

- Потому что это не «Абрис», а «Фиолет», второе судно Герро, - угрюмо ответил Аэрба. И покосился на подошедшего Бенгу-Бенгу: - Как такое может быть?

Победа ненадолго привела капитана в прекрасное расположение духа, минут на десять, не больше. Сразу после того, как пираты Герро побросали оружие и его люди полностью захватили «Фиолет», Уэрбо ещё шутил и смеялся, но, узнав, что старого врага на борту не оказалось, помрачнел и перестал вспоминать о предложении «отпраздновать победу». Чуды, впрочем, тоже не получили желаемого.

- Рикки был здесь, я чувствую, - произнёс Кольдер и тут же осёкся, поймав укоризненный взгляд Вернона.

- Что значит «чувствую»? - немедленно уточнил серб.

- Всё правильно: пленника держали здесь, - поспешил влезть в разговор шаман. Последние двадцать минут он «общался» с пленными и как раз собирался поделиться новостями. - «Абрис» в Патайе не задержался: высадил Герро с каким-то белым и ушёл, так что сначала пленника доставили на «Фиолет».

- Где Рикки теперь? - быстро спросил Венсон.

- Никто не знает, - развёл руками Бенга-Бенга. - Сегодня утром ваш друг пытался бежать, но его поймали. Потом Луминар, его белый приятель и пленник исчезли, а капитан «Фиолета» получил приказ следовать прежним курсом и атаковать «Черепяху». А поскольку все понимали, чем закончится бой, Герро пообещал «забрать» «Фиолет» в самом начале сражения. Фактически речь шла о том, чтобы изобразить атаку.

- Но он их обманул... - Кольдер задумчиво посмотрел на пиратов: - Зачем Герро отправил судно на гибель?

- Дотторе как-то говорил, что «Фиолет» ищут китайцы и австралийцы, - припомнил Аэрба. - Луминар просто от него избавился.

- И предал команду?
- Такое случается.
- Они же пираты, - тихо проронил Дракон.
- Не все пираты свиньи, - скромно заметил Уэрбо. В ответ послышалось ожидаемое:
- Извини, имел в виду исключительно свиней.
- Хорошо. - Капитан кивнул, показывая, что инцидент исчерпан, после чего поинтересовался: - А что значит «исчезли»? Пленные не уточняли?
- Полагаю, речь идёт о катере, - осторожно произнёс де Бер.
- Других вариантов нет, - поддержал друга Венсон.
- Кроме того, что Герро - колдун, - неожиданно бросил Бенга-Бенга. - И тебе, Эрба-Эрба, об этом хорошо известно.
- Я лишь уточняю.
- Ты веришь в магию? - Режим секретности был одним из краеугольных камней жизни Тайного Города, поэтому Дракон отнёсся к двусмысленному диалогу довольно нервно.
- Бенга-Бенга умеет вызывать волнение на море и прятать «Черепашу» от вражеских радаров, - медленно ответил серб. - Герро однажды ушёл у нас из-под носа: я сам видел, как его «Абрис» растворяется в воздухе, а я привык верить собственным глазам... - Многозначительная пауза. - Но я не верю в магию, я её принимаю.

И умолк. Однако умолк так, что не задать вопрос было невозможно.

- В кого же ты веришь? - осведомился Кольдер.
- В Белую Черепашу, - последовал уверенный ответ. - Верить нужно в то, что древнее всего, по той простой причине, что именно тогда всё создавалось и именно та сила до сих пор крутит колесо нашей жизни.
- Черепашу породил океан?
- Черепаша породила Океан, а значит - породила всё на свете...

Бенга-Бенга с улыбкой уставился на волны, как поняли чуды - для того, чтобы не встречаться с ними взглядом, и им оставалось лишь догадываться о том, как старый колдун из Тайного Города относится к странному рассказу.

- Белая Черепаша плавает в безбрежных просторах Космоса, на самой границе Хаоса и Порядка, силой своей и волей смешивая их, создавая Мир и Жизнь. И вся сила Мира, включая вашу магию - есть сила Белой Черепашки, которой она щедро поделилась с вами, с Жизнью. И если она захочет - она лишит вас её.
- И у нас будут серьёзные проблемы, - не удержался от язвительного замечания Венсон. Однако произнёс он его достаточно тихо, не помешав и не перебив говорящего Аэрбу.

- Первым Белая Черепаха создала из Хаоса Океан. Великий, безбрежный, могучий... Он получился настолько замечательным, что Белая Черепаха полюбила его особенно и повелела стать Колыбелью. Океан дал жизнь всему. И он забирает жизнь у всего, когда приходит срок. И в его прекрасных водах плещется Белая Черепаха, когда образ её сходит полюбоваться красотой Земли... - Уэрбо неожиданно умолк и весело оглядел замерших чудов: - Понравилось?

- Полинезийская легенда? - предположил Кольдер.

- Не совсем, - продолжая улыбаться, ответил серб. - Туземцы о Белой Черепахе пока не знают.

* * *

Жара.

Гнетущая жара, от которой не спасал даже океан.

Тупой масан в помощниках; ещё более тупые челювские пираты; упрямые рыжие щенки - все эти раздражающие факторы не выводили Винсента из себя так, как проклятая жара, которая его тело превращала в омерзительно-липкий пот. Вонючий настолько, что Шарге сходил с ума. Не помогала и «Удивительная вода брата Мельвуса», гарантированно заглушающая даже секреты скунса - запах пота пробивал её крепчайший аромат и терзал старика. Майки, рубашки, брюки, нижнее бельё - Винсенту казалось, что все его вещи насквозь пропахли ненавистным потом, и потому он менял их едва ли не каждый час и не реже пяти раз в день принимал душ.

Жара.

Жара, жара,
Жареное солнце больших городов.
Жара, жара,
Жареное солнце.

Сейчас слышанная когда-то песня вызывала у старого Шарге затяжные приступы гнева, и он, подобно масану, мечтал о приходе ночи, когда «жареное солнце» нырнёт за горизонт радовать своим появлением западных соседей.

Жара.

Винсент включил воду и с наслаждением встал под плотную холодную струю. И тут же позабыл, точнее, наплевал на выговоры Герро и его вечные напоминания, что пресная вода на судне ценнее всего: под холодным душем нитьё вампира-морехода казалось глупой выдумкой.

Жара. Только здесь от неё можно было ненадолго избавиться.

Как следует намокнув и пропитавшись холодным, Шарге сделал воду чуть теплее и принялся намыливать, негромко насвистывая популярный мотивчик. И едва не прозевал атаку.

Но вовсе не потому, что не почувствовал движение - его опытный маг пропустить не мог, а вот наплевать из-за расслабленности - пожалуйста, наплевал. Размяк под прохладной струёй, на время позабыв об омерзительной жаре, вот и не среагировал на странное движение.

В отличие от Тусклого.

С другой стороны, Тусклый для того и создавался, чтобы не расслабляться и не размякать, и поэтому, когда Винсент понял, что готовится неладное, то решил, что лучшего случая проверить давно разработанную защиту представить трудно, и продолжил намыливать тело, не оборачиваясь и никак не показывая, что насторожился. И фальшивил, насвистывая, ровно столько, сколько нужно, сколько фальшивил бы, не заметив проникшую в душевую кобру.

Солнце забыло дома часы,
По телефону прощенья просить.
Сегодня, вчера и завтра с утра,
Завтра с утра и опять до утра.
Жара, жара...

Кобра прыгнула.

Точнее, совершила молниеносный выпад, который должен был закончиться ядовитым укусом, но за мгновение до атаки с мокрого плеча Шарге соскользнул Тусклый – прозрачный, тонкий, незаметный во сне, но быстрый и безжалостный в бою. Уникальный голем-телохранитель, нечто среднее между куклой и заклинанием, разработанный Винсентом исключительно для личных нужд. Уловив опасность и связав её со змеей, Тусклый не позволил ударить, окутав обречённую кобру собой: невидимым, но сильным. Несколько секунд на мокром полу шла драка: змея отчаянно пыталась отстоять свою жизнь, но результат был предreshён ещё при проектировании голема. Хрустнул змеиный череп, в последний раз свернулось в кольцо гибкое тело, и вот уже прозрачный Тусклый поднимается по ноге к плечу, чтобы вновь растечься по телу хозяина и замереть до появления следующего врага.

- Прекрасно, - одобрил Винсент и почувствовал, что голем стал немного теплее - доброе слово и кошке приятно. - Прекрасно.

Другими словами, полевые испытания завершились полным успехом. Оставалось обсудить результаты со всеми заинтересованными лицами.

Шарге досуха, насколько это было возможно во влажной душевой и влажных тропиках, вытерся, надел лёгкие брюки, тончайшую рубашку, вышел на палубу и, учитывая, что солнце село больше часа назад, обнаружил Герро в шезлонге на корме: вампир потягивал ром, таранился на звёзды, а на появление старика среагировал довольно равнодушно:

- Привет.

- Добрый вечер. - Чуд уселся рядом и нейтральным тоном заметил: - Кобра - это примитивно. Я без труда нейтрализовал бы её яд.

- Это была модернизированная кобра, - вздохнул масан и сделал большой глоток рома. - Её укус убил бы тебя за две секунды.

- В таком случае, хорошо, что у неё не получилось, - улыбнулся Винсент наливая себе спиртное и добавляя льда.

- Да как тебе сказать... - Ещё один глоток. - Я придерживаюсь обратного мнения.

- Хотел развлечься?

- За убийство Мясника братья поставили бы мне памятник.
 - А что сказал бы Ярга?
 - Полагаю, ему бы это не понравилось, – хихикнул Герро. – И мне пришлось бы затеряться среди тихоокеанских островов на полгода. А через полгода о тебе никто и не вспомнил бы, даже Ярга. – Масан протянул стакан. – Твоё здоровье.
 - Твоё.
- Стекло звякнуло, и мужчины пригубили рома. Каждый думал о своём.
- Что это за прозрачная дрянь по тебе ползает? – поинтересовался масан. – Зверушка?
 - Установил камеру в моей ванной?
 - Записывал происходящее через глаза змеи, хотел похвастаться.
 - Не зверушка, а голем. Если забыл, я – мастер по их изготовлению.
 - Хорошая модель, – одобрил вампир.
 - Моя личная разработка, – с законной гордостью сообщил Шарге.
 - Много врагов?
 - Очень.
 - Я почему-то так и подумал, – усмехнулся Луминар и тут же поинтересовался: – Но почему он действует? Ведь под защитным артефактом магия запрещена.
 - Создавая скрывающее нас поле, Ярга позволил мне выбрать одно заклинание, которое сможет работать, – объяснил чуд. – Я выбрал телохранителя.
 - Предусмотрительно.
 - Спасибо.
 - Ты придумал, что делать дальше?

Винсент поморщился.

Согласно предварительному плану, они уже должны были вступить в переговоры с великим магистром Ордена, причём – со спокойным магистром, осознавшим силу посланников Ярги. На деле же выходило, что Франц де Гир до сих пор понятия не имеет о трудной судьбе племянника, а на хвосте у похитителей два щенка и человские пираты.

Ситуация забавная, но только на первый взгляд, Ярга вряд ли оценит её юмористическую составляющую. Ему нужен результат, а не развлечение.

- Можно позвонить в Орден и самим всё рассказать, – предложил масан.
- «Здравствуйте, соедините меня с великим магистром, я похитил его племянника», – с издёвкой бросил Шарге.

- Вроде того.
 - Мы будем выглядеть жалко.
 - Меня начинает подташнивать от желания чудов выглядеть круто. - Герро залпом выпил половину стакана и налил ещё. - Одни отказываются звать на помощь, желая лично спасти дружка, другому стыдно звонить в Орден и требовать переговоров... Вы совсем идиоты?
 - Не любим терять лицо.
 - То есть лучше потерять голову?
 - Ты схватываешь на лету.
 - Я просто выбираю наибольшую глупость из возможных, говорю, что так поступил бы настоящий чуд, и не ошибаюсь.
 - Зато потом нам не стыдно, - протянул Шарге.
 - Потому что мёртвые не знают стыда, - парировал Герро.
 - И это тоже, - не стал спорить Винсент. - Лучше смерть, чем позор.
 - Почему же вас до сих пор не перебили?
 - Потому, что мы распространяем наши принципы и на врагов, - рассмеялся чуд. - Пусть лучше они умрут, чем опозорятся.
 - А-а... - Луминар помолчал, усмехнулся, переваривая залихватское заявление старика, после чего напомнил: - На послезавтра у нас намечен сеанс связи с Яргой. И что-то мне подсказывает, что он обязательно спросит о ходе переговоров с великим магистром.
 - Я знаю, - мрачно ответил Винсент.
 - Я знаю, - мрачно ответил Винсент.
 - И что ты ему скажешь? - Герро поднял брови. - За операцию мы отвечаем в равной степени, и гнев Ярги обрушится на мою голову тоже.
 - Ты спрашиваешь, почему я не хочу убить щенков и таким образом известить чудов о похищении Рикки? - устало спросил Шарге.
 - Да.
 - Потому что полтора года назад я потерял сына, - произнёс чуд, и не ожидавший честного ответа Луминар осёкся. - Моего Рудольфа убили человеческие ведьмы по приказу магистра Саламандр. Дети, которые пытаются нас догнать, почти того же возраста, что был мой Рудольф.
- Старик умолк, внимательно глядя на масана, и тот ответил предсказуемым вопросом:
- Отомстил?

- Всем.

- Хорошо.

- Я отомстил, но не обрёл спокойствия, - грустно улыбнулся Винсент. - Образ Ордена, которому я был предан всю жизнь, разрушился. Сначала они отдали Сантьяге Богдана ле Ста, сказали, что это политика и у них не было выбора. Потом случилось восстание Горностаев, которые сместили де Сент-Каре и посадили на трон де Гира. Потом магистр ложи убивает моего сына... Всё чаще и чаще чуд поднимают руку на чуда, и мною овладело жуткое разочарование. Я вижу в происходящем не случайные события, но гибель Ордена, вижу закат семьи, которая не пережила изгнания в Тайный Город, и хочу отыскать выход. Я хочу, чтобы чуды снова стали едины, и вижу в Ярге того, кто сможет их... нас... Кто сможет стать центром силы, кто всколыхнёт мир. Нужна мощная встряска.

- Только не масанам, - тихонько рассмеялся Герро. И это был отнюдь не весёлый смех. - Нас и так лихорадит последние тысячелетия. Мы распались на два крыла, а каждое из них - на кланы, и давно не верим в то, что нас можно объединить.

- Тогда почему ты служишь Ярге?

- Потому, что я - стоящий вне закона пират, да ещё и масан, отвергший Догмы Покорности. За мной охотятся все на свете, и я не захотел, чтобы среди охотников появился первый князь Нави. Это было бы чересчур даже для меня.

Мужчины помолчали, глядя на рассыпавшиеся по чёрному бархату звёзды, молча выпили, выслушали слугу, явившегося с приглашением на ужин, отпустили его, вновь помолчали, и лишь после этого Герро нехотя протянул:

- Я понимаю, почему ты не хочешь убивать щенков.

И эта неохотная фраза прозвучала совсем по-дружески.

- Завтра утром Рикки позвонит им и предложит убраться, - ровно ответил Шарге. - Объяснит, что в противном случае мы их убьём.

- Хорошо, - кивнул масан. - Завтра утром.

* * *

- Привет, дабл Бенга! Процветаешь?

- Тархан?! - Шаман, рассчитывавший получить из портала только ящик с заказом, ошеломлённо уставился на носатого Хамзи. - Какого хрена?

- Тебя забыл спросить.

- Поскользнулся и упал в переход?

- Побоялся отправлять серьёзный заказ полуграмотным контрагентам.

- Хамить не надо, - прищурился Бенга-Бенга.

- Напрягать честных торговцев тоже не следует, - не остался в долгу Тархан.

- Это кого же?

- Меня.

- Я ни тебя не напрягал, ни тех честных, о которых ты только что говорил, - категорически заявил шаман. - У нас с тобой нормальные отношения: ты мне - товар, я тебе - деньги. Так что повторю вопрос: какого хрена?

- А сам как думаешь? - прищурился шас.

Тархан Хамзи, законопослушный владелец знаменитого на всю Москву ювелирного салона «Золотой Дождь» - шестой или седьмой дом по Никольской, - несмотря на многие проблемы последних лет и весомые предупреждения от Великих Домов, до сих пор не прекратил заниматься контрабандой. Тархан был шасом, и отказаться от грандиозной прибыли, которую приносила поставка магической энергии и артефактов не связанным с Тайным Городом колдунам, было выше его сил. Бенга-Бенга имел официальную лицензию Зелёного Дома и основные закупки проводил через Торговую Гильдию, но быт пирата сложен и непредсказуем, враги образуются на каждом шагу, и дополнительные запасы энергии, объёмы которой наверняка удивили бы законопослушных менеджеров Гильдии, шаман приобретал у законопослушного Тархана.

Который до сегодняшнего дня не отличался напористым любопытством и в дела клиента не лез.

- Я не думаю, мне некогда, - окрысился в ответ Бенга-Бенга. - Рассказывай, что надо, и мотай. - Шаман театрально опустил взгляд к полу: - И ещё я не вижу своего ящика.

- Он пока в Тайном Городе, - любезно ответил торговец. - И останется там до тех пор, пока я не узнаю, зачем тебе энергия чудского Источника и нестандартный набор артефактов, больше смахивающий на заготовки для полноценного арсенала.

- Решил сменить ориентацию, - пожал плечами Бенга-Бенга. Он уже понял, что уклониться от расспросов ушлого шаса не удастся, и принялся валять дурака. - И стать чудом.

- Человские врачи и такое предлагают? - притворно удивился Тархан.

- Уверен, у меня получится.

- А теперь отвечай честно.

- В твоих устах это слово звучит парадоксом.

- Я не шучу. - Когда нужно, Хамзи умел быть предельно серьёзным. - Из-за этого Ярги Великие Дома на ушах стоят, чуть ли не каждый день проверки: то своих магов пришлют, то менеджеров Службы утилизации. Ходят, вынюхивают, роняют прибыль и угрожают, словно я и без них не знаю, как себя вести. - Шас тяжело вздохнул: - Короче, дабл Бенга, или ты говоришь, на кой ляд тебе заказ, или ты его не получаешь. И поверь, я на тебя время трачу исключительно в силу глубокого уважения и сложных дружеских чувств, которые я к тебе испытываю.

Простые дружеские чувства торговец не испытывал ни к кому, он их не понимал.

- Энергия и артефакты нужны мне, - громко произнёс вошедший в комнату чуд.

Тархан ожидаемо не удивился, он догадывался, что настоящий клиент подслушивает разговор, поэтому сразу повернулся к юноше, смерил его испытующим взглядом и осведомился:

- Имя у тебя есть?

- Кольдер де Бер.

- И зачем тебе всё это, Кольдер де Бер? Почему не позвонил маме и не попросил прислать посылку с твоими любимыми игрушками?

- Не тревожу родителей по пустякам.

- Пустяки тянут на весомую сумму, - заметил Хамзи. - И это вторая причина нашей встречи.

- Разве Бенга-Бенга тебя когда-нибудь обманывал?

- Так он никогда и не покупал чуждую энергию.

- И теперь я сказал, кому она нужна, - твёрдо произнёс Кольдер. - Ты удовлетворил своё любопытство, ты знаешь, что не получишь нагоняй от Службы утилизации, и я прошу тебя доставить наш заказ.

Но сомнения не оставляли честного торговца.

- Не знаю, как ты сумел уговорить осторожнейшего дабл Бенгу, но я принципиально недоверчивый, и со мной будет трудно, - проворчал шас, внимательно глядя на чуда. - На Яргу ты не работаешь, это видно. Но если ты устроишь магическую войнушку на глазах у заурядных челов, последствия для меня будут не менее печальными. Поэтому отвечай: что задумал?

Упёртость шасов не уступала знаменитому упрямству Драконов, и Кольдеру ничего не оставалось, как начать рассказ:

- Неподалеку бродит масан-пират...

- Герро Луминар, - машинально кивнул Тархан.

Де Бер многозначительно кашлянул и продолжил:

- У нас с ним возникло некоторое недопонимание, которое...

- Которое ты планируешь разрешить с помощью моих товаров, - перебил Горностая торговец. И потрепал парня по плечу: - Неплохо придумано, Кольдер де Бер: Великие Дома в целом приветствуют уничтожение диких масанов, так что вопросы закончились.

- Ты привезёшь наш ящик?

- А деньги вы перевели?

- Да, - буркнул Бенга-Бенга.

- В таком случае... Прошу! - В кают-компании вновь завертелся вихрь тёмного портала, но на этот раз из него вывалился не очередной шас, а крепкий ящик приятного зелёного цвета. Судя по плохо затёртой маркировке - случайно украденный с военного склада. - Увидимся в Тайном Городе, друзья! - попрощался Тархан, шагая в портал. - Если, конечно, выживете.

- В моей новой каюте пахнет какой-то дрянью, - небрежно сообщил Рикки. - Не то чтобы меня это сильно расстраивало, просто решил, что вы должны знать. Вдруг на судне кто-то сдох.

- И не один раз, - с ухмылкой подтвердил вампир. - «Чёрный абрис» - довольно опасное место, сынок, странно, что ты ещё не догадался.

- Догадался.

- Это делает честь твоему интеллекту.

- То есть в моей каюте пахнет опасным местом?

- В твоей каюте стоит устойчивый запах страха, - объяснил Герро. И веско добавил: - Обычно я использую её в качестве столовой.

Луминар специально перевёл Феллоу в это сумрачное помещение, распорядившись бросить на пол матрас вместо койки и заменив гальюн пластиковым ведром. Однако попытка напугать молодого чуда - если это была она - не увенчалась успехом. Рикки кивнул, показывая, что услышал масана, и прежним, довольно лёгким тоном, поинтересовался:

- Вы можете хотя бы пол помыть? - Выдержал паузу, увидел гневно вспыхнувшие глаза Луминара и уточнил: - Ну, в смысле приказать кому-нибудь?

- Молодец, - рассмеялся Винсент.

- Вы можете хотя бы пол помыть? - Выдержал паузу, увидел гневно вспыхнувшие глаза Луминара и уточнил: - Ну, в смысле приказать кому-нибудь?

- Молодец, - рассмеялся Винсент.

- Спасибо.

Вампир сопровождал диалог двух рыжих невнятным ворчанием.

- Надеюсь, ты понимаешь, что мы вызвали тебя не просто так? - деловым тоном осведомился Шарге. - Нам нужна услуга.

- Съездить к дяде?

- Ещё рано. - Старик протянул Горностаю телефон. - Позвони своим гордым друзьям, малыш, и попроси их отступить.

- То есть?

Рикки не ожидал подобной просьбы, а потому немного растерялся.

- «Чёрный абрис» надёжно защищён от магического сканирования и от радаров, - терпеливо объяснил юноше Винсент. - Ты больше не сможешь подать сигнал, а значит, пребывание твоих друзей в этих водах становится бессмысленным и лишь оттягивает момент возвращения. Как им кажется - позорного, а на самом деле - заурядного. Кольдер и Вернон хорошие мальчики, но им не по зубам тягаться со мной и Герро. Пожалуйста, попроси их отступить и рассказать де Гиру о твоём похищении. Сделай одолжение им и себе.

Феллоу прищурился, глядя на плотоядно улыбающегося вампира, и негромко спросил:

- Иначе?

И услышал жёсткое:

- Иначе мы их убьём.

- В два раза!

- У нас не было выбора, - пожал плечами де Бер.

- Ты понимаешь, что переплатил в два раза? - повторил Венсон. - Шас тебя поимел!

- Зато мы получили всё, что хотели. - Горноста́й пнул ногой ящик. - Энергии столько, сколько нам нужно, и артефакты.

- Мне уже доводилось слышать это странное слово, - проскрипел вошедший в кают-компанию Аэрба. - Не помешаю?

- Ни в коем случае, капитан, - смиренно ответил Бенга-Бенга. - Я догадывался, что ты придёшь.

- А я догадывался, что от меня скрывают что-то интересное... - Серб медленно прошёл по каюте, усмехнулся и кивнул на ящик: - В каком порту мы брали этот груз?

- Его только что доставили.

- Кто?

- По нашему заказу.

- Кто?

- Наши друзья.

- У них или у него есть имя?

- Есть, но оно вам ничего не скажет.

- В таком случае, я хочу услышать правду.

Аэрба подбоченился и очень жёстко посмотрел на чудов. Рыжие взгляд выдержали, и Венсон с достоинством ответил:

- Она заключается в том, что мы не имеем права её рассказывать.

- А придётся.

- Почему?

- Потому что нам идти в бой, и я должен знать, что меня ждёт.

Отступить Уэрбо очевидно не собирался, но его предложение вызвало понятное замешательство. С одной стороны, никто из них: ни чуды, ни шаман – не хотел идти на открытое нарушение режима секретности и рассказывать заурядному челу о Тайном Городе. С другой – капитан прав: им предстоит драка с вампиром, которого, вполне вероятно, поддерживает опытный маг, и серб должен быть готов к любому развитию событий.

- Видишь ли, Уэрбо, – осторожно произнёс Кольдер. – Бенга-Бенга не единственный колдун на свете.

- Я догадывался, – немедленно поддакнул капитан. – Вы – тоже колдуны. Так же, как Луминар.

Он не спрашивал.

- Мы с Герро из разных... гм... кланов, – продолжил импровизировать де Бер. Ни Венсон, ни шаман не спешили на помощь, поэтому приходилось изобретать подходящие, максимально близкие к действительности определения не только на ходу, но и в одиночку. – Наши кланы давным-давно враждуют, и Герро воспользовался возможностью захватить племянника нашего лидера.

- Откуда Герро узнал, что вы приедете?

- Что?

- Ничего, – махнул рукой Аэрба. – Продолжай.

«Откуда узнал? Как смог подготовиться?» До сих пор де Бер этими вопросами не задавался, однако неожиданно понял, что серб нащупал весьма правильную тему.

- В общем... – Параллельное размышление слегка сбило Горностая. – В общем, Герро приказал нам доложить о похищении великому магистру, но мы с Верноном рассудили иначе и решили, что должны помочь Рикки выбраться.

- Гордость, – с пониманием кивнул капитан.

- Или глупость, – вздохнул Дракон. – Если бы не наше упрямство, Рикки уже был бы свободен.

- Или мёрть.

- Или так, – не стал спорить Венсон.

- Сейчас он жив, и это главное. – Замечание Уэрбо заставило рыжих прекратить дискуссию. – Что в ящике?

- В нем... гм... предметы, которые помогут нам победить Герро...

Кольдеру отчаянно не хотелось рассказывать пирату о существовании боевых артефактов, которые могут использовать даже заурядные, не обладающие магическими способностями челы, и потому телефонный звонок показался ему манной небесной.

- Алло?

- Поставь на громкую связь, – прошипел Уэрбо.

Де Бер молча выполнил приказ и громко повторил:

- Алло?

- Коль!

- Рикки!

А подавшийся вперёд Вернон едва сдержал восклицание.

- Рикки, ты как? Мы идём за тобой!

- Поэтому я и звоню, Коль... - Феллоу замялся.

- Они обещают тебя убить, если мы не отстанем? - попытался помочь де Бер, но услышал неожиданное:

- Я им нужен, Коль, поэтому они обещают убить вас. - Рикки откашлялся. - В общем, они говорят, что потопят «Черепашу» и перебьют всех, кто окажется на борту. - Пауза. - И я им верю.

Мужчины переглянулись, а затем Аэрба прикоснулся рукой к плечу Кольдера и с улыбкой кивнул, показывая, каким должно быть единственно правильное решение.

- Мы не отступим, Рикки, - твёрдо произнёс де Бер. - Мы нашли и потопили «Фиолет», найдём и потопим «Абрис». И спасём тебя.

- Советую подумать, - послышался голос похитителя. По всей видимости, он тоже оставил свой телефон на громкой связи. - Я не шучу.

- Я тоже, - отрезал Кольдер. - Телефон я сейчас выброшу, так что захочешь поговорить - приходи сам.

И улыбнулся, увидев что Аэрба поднимает вверх большой палец.

* * *

- ...и не собираюсь! - закончил свою мысль Винсент. Поразмыслил и добавил: - Ты был прав, Герро: я жалел желторотых и слишком долго терпел их выходки. Теперь шутки кончились, и мы перебьём всех.

- И Аэрбу, - сверкнул красными глазами Луминар.

- И его, - подтвердил старый чуд.

Услышав наглое «Телефон я сейчас выброшу» и последовавшие за ним короткие гудки, Шарге взбеленился и предложил атаковать немедленно. Луминар оказал вялое сопротивление, указывая, что лучше действовать ночью - уж очень вампиру хотелось подольше поглазеть на разъярённого Мясника, - но вскоре сдался и велел играть тревогу. Пленника вернули в застенки, команде раздали автоматы и расчехлили тяжёлые «браунинги» - главную ударную силу «Абриса». Сам Герро облачился в «дневной» боевой костюм масанов - плотный, но мягко облегающий и не стесняющий движений комбинезон с капюшоном, перчатки, удобнейшие ботинки, закрытый шлем, - и вооружился излюбленной катаной. Кроме неё вампир прихватил автоматический пистолет, однако в первую очередь его интересовал ближний бой... Хотя, на самом деле Герро вообще не собирался воевать: костюм прочен, но не вечен, а любое его повреждение, даже лёгкое рассечение, грозило тяжелейшей раной. Именно поэтому Луминар

надеялся, что драться ему не придется.

- Команда готова к переходу?

- Вполне.

- Запускаю обратный отсчёт с полста, - произнёс Шарге и нажал на кнопку таймера.

Формирование динамического грузового портала, способного перебросить идущее на полном ходу судно за две сотни миль, было непростой задачей даже для такого опытного мага, как Винсент, поэтому старик выбрал «длинный» по времени артефакт портала, требующий гораздо меньше внимания при построении.

- Ты до сих пор не сказал, как отыскал «Черепашу», не используя магическое сканирование, - напомнил Герро.

Отключив защитный артефакт Ярги, чуд сразу же приступил к созданию своего заклинания, не объяснив толком, откуда взял координаты для портала и почему уверен, что Аэрба окажется именно там. Точнее, сначала Луминар переодевался и отдавал необходимые распоряжения по подготовке судна к бою, а когда заинтересовался неожиданными познаниями старика, тот сделал вид, что слишком занят.

- Это важно?

- Почему мы идём именно туда?

- Потому что «Черепаша» там, - отрывисто ответил чуд, не сводя глаз с экрана ноутбука - именно на нём отображалась текущая информация, касающаяся перехода.

- Откуда узнал?

- Старое доброе предательство.

- Другое дело, - расплылся в улыбке вампир. И принялся надевать шлем: до перехода оставалось десять секунд. - Извини, теперь моя речь будет глуховата.

- Я разберусь, - пообещал Шарге.

- И я, возможно, буду слышать не все твои слова.

- Я привык.

А в следующий миг «Абрис» начал погружаться в портал.

Точнее, сначала перед носом шхуны возник огромный бордовый вихрь, словно упало на волны и волчком завертелось закатное облако, а уж затем в него чинно вошёл «Абрис», ловко поместившись и в рост - от киля до реющего на мачте флага, и в ширину - от шлюпки до шлюпки, и в длину. Портал захватил судно целиком, заглотил, но не подавился и не пережевал, не качнул даже: подержал в себе и тут же передал почти на двести миль к северо-востоку, с аккуратной ловкостью вернув на воду. «Абрис» вышел из перехода, как некогда со стапелей: врубился в волны, вызвав бурю брызг, но не остановился, а продолжал двигаться вперёд, и его наблюдатели...

- Вижу цель!

Предатель не подвёл, и «Черепеха» оказалась именно там, где ожидал Винсент: безмятежно покачивалась в каком-то кабельтове от разогнавшегося «Абриса», и приказ последовал незамедлительно:

- Огонь!

Послушно заревели «браунинги», раздирая свинцовыми плевками надстройку «Черепехи», разрывая ошарашенных матросов и обещая побеждённым смерть, смерть, смерть и ничего, кроме смерти. Бешеной дробью поддержали «браунинги» автоматы, их пули много легче, но их огромное, несуразно огромное количество, и они – безжалостные москиты, укрыться от которых – адский труд. И напоследок – гулкие раскаты гранатомётов. Ударная команда бьёт, когда до истерзанной «Черепехи» остаётся не больше сотни футов, когда понятно, что уйти противник не сможет, скорость «Абриса» падает, и слышится победоносное:

- На бордаж! – приказ отдаёт Герро. И он же нетерпеливо пританцовывает на месте, напряжённо считая секунды до того момента, когда борт ударит в борт, крюки сцепят суда намертво и начнётся настоящее побоище. – На бордаж!!!

- Что-то не так... – шепчет Шарге. И подносит к глазам бинокль. – Слишком легко...

Израженная «Черепеха» начинает огрызаться: забаррикадировавшиеся матросы открывают автоматный огонь, пытаясь не пустить на палубу бордажников, однако «браунинги» и гранатомёты не дремлют, резко подавляют очаги сопротивления, профессионально прикрывая штурмовую команду.

- Вперёд!

Пираты послушно атакуют, бегут к «Черепехе», на ходу ведя огонь из автоматов, прыгают через борт, исчезают... И в этот героический момент старый чуд наконец-то находит причину своего беспокойства.

И орёт:

- Назад!!!

- Что?!

- Останови их! Стой!!! – Шарге неловко суёт масану бинокль. – Нет крови! На палубе нет крови!!

Сформировавший иллюзию маг отработал блестяще, сумев воссоздать «Белую черепаху», её команду, реакцию на атаку... Кто-то из мальчишек явно стажировался в мастерской иллюзий, и за такой экзамен ему смело можно было ставить «пять». Но то ли колдуну элементарно не хватило сил, то ли он попросту забыл – с молодыми такое случается, – но кровь на истерзанной палубе отсутствовала напрочь. Гора трупов и ни капли крови.

- Наша бордажная команда бултыхается в воде, – угрюмо произнёс Винсент.

- Это ненастоящая «Черепеха», – догадался наконец Луминар. И с размаху швырнул бинокль об пол.

- Я же говорил, что они купятся! Говорил!
- Герой! - хмыкнул Венсон.
- Отличная работа! - одобрил Аэрба. - Теперь им придётся туго!

А стоящий за штурвалом Бенга-Бенга молча хлопнул Горностая по плечу, честно показывая, что впечатлён.

- Им понравилось!

Кольдер чувствовал себя настоящим именинником, поскольку именно он, совсем юный маг, разработал и удачно провёл необычайно тонкую и сложную операцию, достойную бакалавра мастерской иллюзий. Да, в основе заклинания стоял привезённый Тарханом Хамзи «Магрибский мираж» - сложнейший артефакт, без которого де Бер не смог бы окутать обманным заклинанием всю команду «Абриса», однако «Миражем» ещё нужно было распорядиться, управляя динамическими изменениями во время операции, и с этой задачей Кольдер справился на «отлично».

Он создал иллюзию «Черепахи» в тот самый миг, когда Бенга-Бенга почувствовал нарождающийся портал, и пока призрачное судно отвлекало внимание врагов, настоящее - его прятал под мороком Венсон, - подошло к «Абрису» с противоположного борта.

- Только не дайте ему уйти! - прорычал Аэрба.
- Артефакт блокирует порталы, - отозвался шаман. - Однако и мы не сможем никого позвать на помощь: их заклинание отрезало всю связь.

Иллюзия была первым этапом, затем планировалось связать пиратов Герро боем и вызвать подмогу: в Замке всегда находилась оперативная группа боевых магов и её наверняка направили бы на помощь племяннику великого магистра. Но именно эта часть программы дала сбой.

- Справимся сами! - весело проорал капитан. - Не в первый раз!

А шквал огня с «Черепахи» уверенным грохотом подтвердил его слова.

И всё мгновенно перевернулось с ног на голову.

Только что «Абрис» наседали, победоносно расстреливая из «браунингов» растерянного врага, а в следующий миг сам оказался под огнём тяжёлых «КПВТ», потерял скорость, потерял почти всю абордажную команду, а самое главное - инициативу.

- Они идут на абордаж! - Шарге отнял от лица запасной бинокль.
- Тем лучше! - Шлем скрывал лицо вампира, но чуд понял, что Герро скалится.
- Кому лучше?
- Нам! Порвём их в клочья!

Один из «КПВТ» понизил прицел, и теперь его пули лупили по барахтающимся в воде абордажникам, выбивая бойцов со скоростью пятьсот выстрелов в минуту.

- Ты уверен? - На случай непредвиденных обстоятельств Винсент приготовил пару магических сюрпризов, способных доставить противнику массу неприятностей, и подумывал использовать их прямо сейчас.

- Расслабься! - спокойнее, чем можно было ожидать, ответил Луминар. - Моих ребят внезапной атакой не проймёшь!

И следующие секунды подтвердили слова масана.

Несмотря на неудачный оборот, пираты не ступали, развернулись и организовали ответный огонь по приближающейся «Черепаше»: оба «браунинга», автоматы и даже гранатомёты - все сместились на левый борт для отражения атаки. Естественно, приходилось тяжело. Естественно, Аэрба имел преимущество, однако не случилось паники, а значит, исход боя всё ещё не ясен.

- Но они заблокировали портал...

Через который можно было бы сбежать от кошмарного начала сражения.

- Выкрутимся! - Герро бросил взгляд на чуда и прорычал: - Выпускай кукол, старик, сейчас для них самое время!

- Уроды! Суки!

Рикки застучал изо всех сил. Понимал, что никто его не выпустит, но долбил так, словно мог хоть чем-то помочь своим. Невыносимо думать, что друзья бьются за тебя, возможно - проливают кровь, а ты сидишь в камере и ждёшь.

Как трус.

Как слабак.

Как маменькин сынок.

- Суки!

«Как я могу помочь?»

Остаться в живых! Ведь в конце концов, ради этого всё затевалось. Ты влип, тебя хотят выручить, сам бы так поступил, окажись на месте Кольдера и Вернона.

С этим утверждением Рикки спорить не стал: да, поступил бы. И дрался бы сейчас на палубе, торопясь освободить друга. Но... Что будет, если Кольдер и Вернон начнут побеждать? Как в этом случае поступит сидящий за дверью охранник? Какой приказ он получил? Скорее всего, чокнутый Шарге распорядился убить пленника, а значит, нужно готовиться к бою. Нужно добыть оружие, однако в камере это легче захотеть, чем сделать.

Феллоу вновь огляделся. Кровать - грязный матрас на полу. Стульев нет, шкафа нет, одежду предлагается бросать рядом с «кроватью». Из белья только простынь. Сплести из неё что-нибудь вроде верёвки?

- Свет!

Рикки поднял голову и посмотрел на тяжёлый стеклянный плафон, который надёжно

защищала проволочная сетка. Без инструментов не отвинтишь, но есть и другой способ: оторвать сетку, а затем разбить плафон. Ничего сложного.

Молодой чуд посмотрел на свои руки и...

...в голос расхохотался стоящий за пулемётом Аэрба.

- Я его сделал! Сделал!!!

«Черепаша» полностью доминировала над противником, жёстко подавляя невнятные попытки устроить серьёзный ответный огонь. Кормовой «браунинг» молчит, носовой под плотным обстрелом. Не отстают и автоматчики, с такого расстояния они решают «Абрис» не хуже «КПВТ», а подпевают слаженному оркестру периодически ухающие гранатомёты.

- Там же Рикки! - выдал Венсон. Он вызвался сопровождать капитана к огневой точке и теперь едва сдерживался, глядя на учинённый шхуне разгром.

- Ничего с ним не случится, - отрезает Уэрбо. - Пленников принято держать внизу, а мои ребята долбят по надстройке.

- А если ты ошибаешься?

- Обсудим после драки!

Дракон пытается что-то сказать, но в следующий миг затыкается, сообразив, что лучше не мешать: оставшийся за штурвалом шаман ведёт «Черепашу» на абордаж, и суда вот-вот встретятся. Бенга-Бенга уже сбросил скорость и теперь плавно подводил «Черепашу» к левому борту «Абриса».

- Приготовились!

Взлетели в воздух «кошки», зацепились за борта, за мачты, за трапы, поручни, оснастку, зацепились и вцепились, плотно связывая суда между собой, превращая их в единое поле боя.

- Вперёд! - рявкает Аэрба.

И словно услышав его команду, с «Абриса» бросаются на абордаж невысокие, дюймов по пятьдесят, вооружённые мачете фигурки. Хоть и маленькие, но быстрые и очень сильные.

- Я ведь говорил, что они молодцы! - не удерживается от хвастливого крика Шарге. - Низкий рост им здорово помогает!

- Вижу!

- Ты проспорил мне две сотни.

- Мы больше не спорили, - тут же отзывается Герро.

- Разве? - Старик хохочет и довольно потирает руки: - Значит, показалось.

А вот малорослые големы, сметающие со своего пути абордажную команду Аэрбы, - они не показались, они есть на самом деле и безжалостно рубят сунувшихся на «Абрис» пиратов.

Рубят в строгом соответствии с инструкциями Винсента, целясь в пах или бедренную артерию. И легко уходят от ответных ударов благодаря росту и невероятной скорости. Автоматные пули просто рвут искусственную плоть, на время останавливая, но и только: сдержать кукольный напор автоматные пули не способны, а пулемётчики не могут стрелять по собственной палубе. Потому что големы уже на «Черепaxe».

- Вижу!

- Ты проспорил мне две сотни.

- Мы больше не спорили, - тут же отзывается Герро.

- Разве? - Старик хохочет и довольно потирает руки: - Значит, показалось.

А вот малорослые големы, сметающие со своего пути абордажную команду Аэрбы, - они не показались, они есть на самом деле и безжалостно рубят сунувшихся на «Абрис» пиратов. Рубят в строгом соответствии с инструкциями Винсента, целясь в пах или бедренную артерию. И легко уходят от ответных ударов благодаря росту и невероятной скорости. Автоматные пули просто рвут искусственную плоть, на время останавливая, но и только: сдержать кукольный напор автоматные пули не способны, а пулемётчики не могут стрелять по собственной палубе. Потому что големы уже на «Черепaxe».

- Скольких моих ребят ты возьмёшь в команду?

- Судя по всему, десятка вполне хватит, - медленно отвечает Герро. - Куда больше?

Именно столько «карликов» отправил Шарге против абордажной команды Аэрбы, и результат лежал на ладони, точнее - на залитой кровью палубе...

- Десять бойцов? - ошарашенно повторяет Кольдер. - Всего десять?

- Это же големы, - ворчит от штурвала Бенга-Бенга.

- Они слишком хороши для големов.

- Значит, их делал великий мастер.

- Значит...

Десяток низеньких, но очень подвижных бойцов ухитряется переломить ход неудачно начавшегося для Герро сражения, отбить атаку абордажной команды и перевести бой на «Черепaxe». Нечувствительные к пулям големы режут пиратов острыми, как бритва, мачете, легко уходят от ответных выпадов и вновь атакуют, прорываясь всё дальше и дальше. При этом их потери минимальны: двум куклам разорвало головы пулемётным огнем.

- Ещё пара минут такого боя, и наша команда побежит, - предупредил шаман. - Ваш выход.

- ОК!

Рыжие договорились, что станут «предпоследним» резервом, войдут в бой с использованием магии, но только в том случае, если другого выхода не останется. Де Бер и Венсон не хотели нарушать режим секретности, демонстрируя пиратам свои возможности, но появление големов заставило наплевать на сохранение тайны.

Чуд покинул мостик, соскользнул по трапу на палубу, где его должен был ждать Венсон, и громко позвал:

- Вер!

И спасся лишь благодаря интуиции. Даже не реакции, а именно интуиции, позволившей шагнуть в сторону за полсекунды до того, как воздух разрезала голубая молния «Эльфийской стрелы».

- Проклятье! - выругался стрелок.

- Вернон?!

- Спящий тебя забодай, Кольдер, почему ты вечно всё портишь? - Дракон метнул в друга ещё одну «Стрелу» и вновь промахнулся. - Надо было уезжать, когда я предлагал...

- Магический бой? - удивляется Герро. Масан чувствует всплески энергии на «Черепаше» и поворачивается к Шарге. - Ты снабдил кукол артефактами?

- Нет, не снабжал, - с улыбкой отвечает старик. - В настоящее время Венсон не позволяет де Бэру помешать моим големам довести абордаж до логического конца.

Ждать которого осталось не так уж и долго: низенькие куклы почти задавили противника, заставив пиратов Аэрбы укрыться в недрах судна, и на «Черепашу» начинают переходить осмелевшие бойцы Герро.

- Предатель - один из чудов?

- А как бы ещё я узнал, что племянник великого магистра планирует развлечься в Патайе?

- Молодец...

- Знаю.

Однако искреннее уважение в голосе вампира быстро заменяется ехидством:

- Ты сам его купил или задавил авторитетом Ярги?

- Как я уже говорил, Ордену срочно требуется обновление, - медленно произносит старик. - И к счастью, это понимают всё больше и больше чудов.

- Жду с нетерпением.

- Чего?

- Когда твои мечты сбудутся, - смеётся Луминар, но мысль свою не объясняет: настораживается, внимательно разглядывая поле боя, и негромко интересуется: - Ты не замечаешь ничего странного?

- Мы проигрываем! - рявкает в рацию Аэрба.

- Вижу, - хладнокровно отзывается шаман.

- Что рыжие?

- Дерутся между собой.
- Другого времени не нашли?
- Чего ты хочешь от чудов?
- Гм...

Носовой пулемёт заклинило, команда забаррикадировалась в помещениях и не суётся на палубу, по судну носятся вооружённые мачете карлики, которых никто не может убить, рыжие выясняют отношения, а где-то на «Абрисе» затаились ещё не вступавшие в сражение маги.

- Хэ! - Один из карликов попытался добраться до капитана, но серб оказался шустрее: всаживает в голову недомерка две пули из «кольта», после чего съезжает по поручням вниз, на палубу, и выхватывает откуда-то тяжёлую абордажную саблю.

- Начнём!

- Как ты мог?!

- Как я мог что? - Венсон ловко отбивает выпад Горностаея и атакует сам, с силой рубанув по выставленному клинку. Дракон не сомневался, что без труда пробьёт защиту бывшего друга, но в последний момент Кольдер меняет блок на уклонение, и махнувший мечом Вернон едва устоял на ногах. - Что?

- Переметнуться...

Де Бер пытается запустить «Шаровую молнию», но защитный артефакт Венсона перенаправляет её в ближайшую переборку. Взрыв.

- Мне надоело наблюдать, как Орден гибнет в родственных связях! С тех пор, как подлый узурпатор уселся на трон, всё подчинено интересам Горностаев!

- Кому ты врёшь?

«Шаровая молния» стала последней попыткой использовать магию, противники поняли, что хорошо защищены от арканов, и сосредоточились на рукопашной.

- Ты младше меня на полгода, а уже рыцарь-мститель, - режет правду-матку Дракон, перепрыгивая на палубу «Абриса».

- Никто не виноват, что я лучше учусь. - Кольдер без колебаний следует за противником.

- И ещё тебе повезло родиться Горностаем!

- Чушь!

- Нет!

Как ни странно, быстрые коротышки с опасными мачете избегают вмешиваться в рыжую дуэль, то ли приказ получили, то ли опасаются жаркого дыхания магии, исходящего от артефактов, защищающих этих бойцов. Пару раз выстрелили пираты, но пули отлетели, не причинив драчунам никакого вреда.

- Вернон, опомнись!
- Ярга изменит Тайный Город и спасёт Орден!
- Послушай себя!
- Присоединяйся!
- Ни за что! - рявкает взбешённый де Бер и наносит удар.

Оскорбления в адрес Горностаев он ещё мог терпеть, знал, что далеко не все чуды спокойно восприняли возвышение Франца де Гира, и надеялся, что «время вылечит». Но признание в верности Ярге вывело Кольдера из себя, и он бьёт чуть раньше, чем собирался. Обманное движение, и сразу же выпад, который должен был стать смертельным. Дружба кончилась. Теперь они враги.

Рубящий удар сменился колющим, меч де Бера вот-вот вонзится в грудь Вернона, но в самый последний момент пытающийся уклониться Венсон поскользывается, падает на палубу и тут же, с четверенек, бросается в распахнутую дверь, скрываясь во внутреннем коридоре пиратского судна.

- Это что ещё такое? - возмущается Шарге.

- Не «что», а «кто», - мрачно отвечает вампир. - Это Аэрба. - Выдерживает многозначительную паузу и добавляет: - Я предупреждал.

Герро и сам не узнал старого врага, скорее догадался, кто вырвался на палубу и крошит теперь в капусту хваленых големов старого чуда, невзирая на их неудобный рост, невероятную скорость и виртуозное владение мачете.

- Ты говорил, что Аэрба обычный чел.

- Я говорил, что у него есть секрет.

- Высококласный защитный артефакт? - осведомляется Винсент, разглядев исходящее от серба сияние. Белого, без примесей, цвета. И через мгновение сам себе подтверждает: - Да, скорее всего, артефакт.

После чего выставляет вперёд правую руку, чуть сжимает пальцы, быстрым шёпотом читает короткое заклинание и выпускает из боевого перстня «Эльфийскую стрелу» четвёртого уровня. Которая полностью растворяется в широкой спине увлечённо дерущегося Уэрбо.

- Ты из-за этого никак не мог его убить?

- Да, - признаётся вампир.

- Нужно высосать из него энергию «Навским арканом». Артефакт разрядится, и чел останется без защиты.

- Попробуешь?

- Сделать за тебя твою работу? - Несмотря на неудачу со «Стрелой», голос старика звучит достаточно весело: он не сомневается в успехе.

- До сих пор мне ни разу не удалось применить к Аэрбе «Навский аркан», - ворчит под шлемом Луминар. - Но я решил, что сегодня произойдёт наша последняя встреча. Или я, или он.

Вампир обнажает катаны.

- Удачи, Герро, - улыбнулся Шарге. - Я же, с твоего позволения, займусь шаманом.

Масан безразлично пожимает плечами, затем прощается:

- Увидимся в человеческом аду, Мясник!

Выходит с мостика и резко прыгает, мгновенно преодолев половину расстояния, отделявшего его от капитана «Белой черепахи».

Руки изрезал, когда рвал сетку. Не поцарапал, а именно изрезал тонкой и грязной проволокой, причём в нескольких местах - до кости. Но не вскрикивал, даже не стонал. Убедившись, что сетка достаточно разошлась, соорудил из простыни повязки на окровавленные кисти, крепко стиснул зубы и резким прямым ударом разбил толстый, как щёки Гаргантюа, плафон, после чего медленно опустился на пол. Не отдыхать, а искать драгоценный, самый большой осколок, который должен был стать его оружием. Его надеждой на спасение.

- Теперь посмотрим, кто кого...

Подозрительная активность в вампирской «столовой» внимания стражников не привлекла, по всей видимости они были слишком заняты происходящим на палубе. Может, прислушивались, может, обсуждали - выяснять Феллоу не собирался. У него были другие задачи.

Заполучив клинок, пусть даже такой примитивный, как этот осколок стекла, настоящий чуд немедленно почувствовал желание обрести свободу. В конце концов, охранники - челы, хоть их и двое против одного пленника.

- И плевать я хотел на ваши «узи»! - пробормотал Рикки, после чего досчитал до пяти, глубоко вздохнул и заколотил в дверь: - Откройте!

В ответ послышались смешки: пираты не имели права входить внутрь, а потому сопроводили выкрики рыжего оживлёнными комментариями на малайском. Или на тайском. Или ещё на каком-то языке, которого Феллоу не знал. Да ему это было без надобности.

Привлекая внимание стражей, Рикки хотел подвести их к двери камеры, а когда получил желаемое - резким и сильным ударом вынес её на врагов. Вход в «столовую» закрывала довольно слабая преграда, и охранники сполна расплатились за непредусмотрительность капитана.

- Ха!

Удар был нанесён на мощном выдохе, дверь врезалась в невысоких малайцев, лишив сознания ближнего и заставив отпрыгнуть того, что стоял в двух шагах позади. Пират сорвал с плеча автомат, но подскочивший Рикки резанул его осколком по глазам.

- Ха!

Убить куском стекла трудно, его удел – резаные раны, а в случае Феллоу – резать надо было так, чтобы максимально сильно дезориентировать вооружённого противника.

– Ха!

Пират машинально закрыл окровавленное лицо руками, а Рикки изо всех сил ударил его ногой в промежность. Затем коленом в лицо, не забыв подхватить падающий «узи», и совершил резкий разворот, среагировав на лёгкий шум шагов.

– Вернон!

– Мля! – Дракон метнул в Феллоу «Стрелу», но подоспевший де Бер пнул предателя в спину, и молния ушла в потолок. – Опять ты!

– Вы спятили?

– Ещё две минуты! – почему-то кричит Венсон.

И тут же гремит объяснение Кольдера:

– Он служит Ярге!

– Запрет на порталы будет действовать ещё две минуты! – повторяет Вернон. Судя по прерывистости голоса, Дракон в бою, однако повторяет сообщение, поскольку не понял, услышал его Шарге или нет. – Было мало энергии, а этот артефакт жрёт её, как пьяный шас!

– Я понял! – кричит в ответ Винсент. – Понял!

И отчаянным усилием блокирует летящее по воздуху «Кольцо саламандры» – как выяснилось, это был любимый аркан Бенги-Бенги.

– Держись!

Ответ неразборчив, но это ерунда, потому что ответ старого Шарге, по большому счету, не волнует: он узнал, что хотел, а судьба Вернона – это проблема Вернона. Извини, малыш...

Хотя изначально казалось, что извиняться не придется...

Винсент бросился на Бенгу-Бенгу очертя голову: что может человский колдун сделать опытному рыцарю? Сбежать и так спастись? Умереть и не насмешить? Как выяснилось – чуть больше. Мало того, что мостик «Белой черепахи» оказался надёжно защищён мощными, поддерживающими друг друга арканами, так проклятый шаман и о нападении позаботился, мгновенно атаковав появившегося чуда мощными огненными арканами. Шарге «закрылся», попытался устоять, переждать накатывающий вал под «щитом», но через пару мгновений понял, что хитрый Бенга-Бенга подбирается к нему «Навским арканом», и отступил. Чел явно проигрывал старику в магических способностях, но с артефактами шаман работал виртуозно и уверенно вёл схватку к победе.

«Навский аркан» совсем рядом, выжидает, когда «Кольца саламандры» достаточно продавят «щит», чтобы можно было сорвать его одним неожиданным ударом и тут же вцепиться в мага, высасывая из него энергию. «Навский аркан» подл, но эффективен; если «щит» спадёт, спасения не будет.

– Дерьмо...

Винсент делает ещё один шаг назад. Он видит, что Бенга-Бенга смеётся за целёхоньким, несмотря на массированный обстрел, окном капитанского мостика, видит издевательский жест в свой адрес и лишь скрипит зубами:

- Мы ещё встретимся...

И отступает дальше. Фактически - бежит.

...Скорость - вот на что рассчитывал Герро. Немыслимая скорость масанов, состязаться в которой с вампирами могли только хваны и навы. Скорость должна была заставить Аэрбу растеряться, отступить под градом ударов, допустить фатальную ошибку и лишиться головы. Скорость стала ставкой Герро, искренне надеявшегося на то, что под странным защитным артефактом спрячется заурядный чел.

Однако достойный ответ заставил вампира засомневаться в правильности предположения.

Выпад, выпад, выпад, обманный манёвр и снова выпад, ещё один, ещё! Две катаны сверкали не хуже молний «Эльфийских стрел» и очевидно были не менее смертоносными, однако проклятый чел не только ухитрился парировать атаки и уклоняться от резких ударов разъярённого масана, но и вести непринуждённый диалог:

- Герро, давно хотел спросить: ты и впрямь пожираешь трупы врагов?

- Боишься умереть котлетой?

- Терпеть не могу каннибалов.

- Это страх жертвы перед охотником, Аэрба, - щерится вампир. - Овцы перед волком, козла перед тигром, курицы перед...

- Следи за собственной головой, кровосос!

Клинок Уэрбо сверкает совсем рядом с масанской шеей, заставляя Луминара резво податься назад и позаботиться о защите.

- Вижу, дружки сказали, кто я?

- Не шибко я им поверил, - хмыкает серб. - Православные братья обожают приврать.

- Укусить тебя?

- Любовнику надо было предлагать.

- Ещё успею.

- Не думаю.

- Скоро перестанешь думать, - обещает Герро.

Клинки издают громкое «цанг!» и замирают в силовом противостоянии: кто кого? И две головы рядом: улыбающаяся черноволосая сербская против зеркального масанского шлема.

- Я намерен сбрить тебе голову и засушить в назидание, - шипит вампир.

- Оглянись, - весело предлагает Уэрбо. - «Абрис» - мой. Так что сдавайся, придурок, и молись своему вонючему кровососущему богу, чтобы мои рыжие друзья не испекли тебя на солнце.

- Сдохни! - Луминар отпихивает Аэрбу и ныряет в призывно распахнутую дверь...

- Дерьмо!

Задание не выполнено, сорвалось по вине рыжего молокососа и какого-то чела - чела! - планы насчёт Ордена расстроены, Ярга будет в ярости, но... Но все эти соображения отступают на задний план перед единственной реальной проблемой: надо как-то убираться со сцепленных посуды.

Шарге не был трусом и паникёром, однако сражаться ему доводилось, и сейчас старый чуд видел поражение так же отчётливо, как пьяница видит каждый грамм спиртного в стоящей на барной стойке бутылке. Операция провалена, впереди маячит плен и неприятные расспросы в подвалах Замка, а значит, нужно любой ценой уходить с обречённого «Абриса».

Но запрет на порталы будет длиться ещё целых полторы минуты!

- Дерьмо...

Луминар дерётся с белеющим Аэрбой - окутывающее пирата сияние постепенно становится сильнее, заставляя сомневаться в том, что его испускает обычный, хоть и мощный, артефакт. Луминар дерётся, даже атакует, но Винсент стар, опытен, видел много боёв и понимает: раз Луминар не прикончил странного чела до сих пор, то не прикончит вовсе. Этот поединок проигран, а с ним и всё сражение, поскольку големы мертвы, пираты Герро полностью деморализованы и бьются из последних сил. Бьются только потому, что знают - пощады не будет.

- Дерьмо...

Луминар пытается спастись от Аэрбы во внутреннем коридоре, и старый чуд решает последовать примеру сражавшихся и покинуть палубу.

Поскольку для того, что он задумал, нужно оказаться где-нибудь в трюме. Желательно ниже ватерлинии.

- Вы меня запомните, - шепчет прыгающий по трапу старик. - Навсегда запомните!

В его левой руке искрится исполненный в виде брелока артефакт межконтинентального портала - он почти активирован, для формирования аркана осталось произнести всего одно слово, и мощная сила унесёт Шарге в далёкое и безопасное место. Но слово нужно произносить после того, как спадёт пелена запрета на порталы.

- Вы у меня попляшете...

А в правом кулаке старик сжимает бордовый шар размером с теннисный мяч, который разнесёт сцепившиеся суда на множество маленьких, раскалённых докрасна обломков.

Пятьдесят секунд до снятия запрета.

- Скорее! - умоляет время Винсент. - Скорее!

Он хочет отомстить.

Два Горностаи против Дракона? В рукопашной? Вы действительно нуждаетесь в подсказке, на кого ставить?

Рикки и Кольдера готовили на совесть, и в школе, и уж тем более в гвардии великого магистра молодых чудов тренировали безжалостно, превращая в настоящие боевые машины, однако против природы не пойдёшь, и без огнестрельного оружия или магии Горностаи могли надеяться лишь на скромный успех: например, убраться живыми, если разъярённый Дракон, к примеру, случайно споткнётся о какую-нибудь бочку...

- Уроды!

К сожалению для друзей, спотыкаться или падать Вернон не планировал.

- Ублюдки! - И меч едва не рассекает их обоих, заставляя в очередной раз резко податься назад.

- Долго же ты нас терпел, - выдыхает Кольдер.

- Ты даже не представляешь, насколько долго.

- Всю жизнь?

- Два последних года!

- Вер, но ведь мы были друзьями, - тянет Рикки.

- Лживые твари!

- Коль! Я не хочу его убивать!

- А у тебя и не получится!

Мощный удар рубит металлическую переборку, причём не в первый раз - их путь от «столовой» легко отыскать по рассечённым стенам и трапам. Обычный меч давно сломался бы или затупился, но клинок Венсона «выпрыгнул» из магического перстня и сохранит все свои выдающиеся качества до тех пор, пока не закончится магическая энергия.

- Ублюдки!!!

- Чёрт!

Горностаи отступали, но прекрасно понимали, что коридор вот-вот закончится и Дракон в буквальном смысле прижмёт их к стенке.

То есть к переборке.

Сколько шагов им осталось до гибели? Два? Пять? Стенка совсем рядом. Чуть раньше было ответвление, но разгорячённый Рикки его проскочил, а де Бер не оставил друга и тоже пошёл в тупик.

- Всё, - шепчет Феллоу.

Вернон улыбается и перехватывает меч для удара.

- Ну что, придурки, зовите мамочку...

И мамочка приходит.

- Вот так! - «предлагает» Аэрба.

- Чёрт! - отзывается вампир.

- Вот так!!!

- Чёрт!

- Вот так!!!

Скорость, говорите? Отличный показатель - скорость, очень хорошо, когда воин ею обладает, но что делать, если твой противник вдвое тяжелее, почти вдвое выше, невообразимо силён и при этом быстр, как сорвавшийся с цепи гепард? Герро честно делал всё, что мог: рубил, финтил, атаковал... Делал всё это в начале боя, но в последние томительно долгие секунды вампир лишь отбивался от длинного клинка, с ужасом понимая, что проклятый Аэрба не устаёт.

- Вот так!

С этим воплем капитан «Черепахи» атакует. А ругательствами масан сопровождает своё отступление.

- Вот так!!!

- Чёрт! - Пятясь, Луминар оказывается в соседнем коридоре и спиной входит в какого-то здоровенного бойца. - Мля!

- На!

Свистнул клинок, не разобравшийся, что к чему, Вернон машет мечом, намереваясь снести с ног неожиданную помеху, и Герро едва успевает увернуться от новой напасти.

- Я свой!

Нет. В смысле - уже нет. В смысле, всё ещё свой, но это уже не имеет значения, потому что мёртвый. Уворачиваясь от чуда, вампир на мгновение оставляет без контроля Аэрбу и сразу же теряет голову.

- Есть!

Чёрный шлем вместе со всем содержимым катится по палубе «Абриса», Рикки и Кольдер встречают промежуточную победу радостными криками, а Уэрбо немедленно атакует следующего противника.

- Вот так!

- Что за хня? - Вернон делает шаг назад и пытается пробить сербу корпус. - На!

С тем же успехом он мог попытаться пробить Эверест.

- Вот так! - привычно отзывается Уэрбо.

Капитан держит удар и тут же проводит свою атаку, заставляя Дракона отпрыгнуть.

- Да что ты такое?

- Твой конец, бывший православный брат! - ревет белый Аэрба. - Твой конец!

...Плевать!

Плевать на всё: на провал, на гибель Герро, на смерть или пленение Венсона и на всё, что расскажет мальчишка Великим Домам. И на гнев Ярги плевать.

На всё плевать. Сейчас - на всё!

Последние секунды Винсент отсчитывает вслух, роняя крупные капли пота. Лично ему, забившемуся в дальний конец трюма, ничего не угрожает, однако вонючий пот предательски льёт со старого чуда, ясно давая понять, какие чувства он сейчас испытывает.

Шарге боялся. Впервые за полтора последних года к нему пришёл настоящий страх. Винсент отчаянно не хотел сдаваться на милость молокососам и мечтал об одном: чтобы Герро и Вернон продержались как можно дольше, позволив ему уйти с «Абриса»...

- Скорее!

...и отомстить!

- Десять!

Проклятый пот!

Смеющийся Аэрба рубит наотмашь и - такое случается крайне редко! - пробивает блок Дракона. Могучий серб берёт верх в гордости Драконов - в силе, и ошарашенный Венсон способен только на то, чтобы повторить:

- Да что ты такое?!

И тут же уклоняется от следующего удара.

- Шесть!

- Сдавайся!

- Ни за что!

- Четыре!

Дракон пытается контратаковать.

- Не убивай его!

- Два!

- Сам не хочу!

Аэрба решил резким ударом выбить оружие из руки противника, но Вернон опытный фехтовальщик и успевает уйти.

- Время!

Шарге заканчивает аркан, бросает брелок на пол и улыбается, глядя на формирующийся вихрь портала. А затем активизирует бордовый шар, запуская обратный отсчёт на десять.

Он знает, что будет потом: пламя, взрыв, грохот, смешанные суда, мясо, кровь, вопли, разбегающиеся волны... Заметит ли могучий океан эти волны? Вряд ли, не цунами ведь готовится, а обыкновенный, хоть и сильный взрыв. Легчайшее, по океанским меркам, потрясение, даже с комариным укусом не сравнишь.

- Всё кончено! - Сербу всё же удастся выбить из руки Дракона меч.

Венсон затравленно озирается и делает два шага назад. Его левая рука прячется за спиной, возможно, парень готовится выхватить следующее оружие.

- Вернон! Не надо!

- Прощайте!

Винсент шагает в портал.

Дракон демонстрирует короткий нож и хрипло произносит:

- Я не сдамся, Коль, ни за что не сдамся.

А где-то неподалёку растворяется вихрь магического перехода, растворяется так, словно его и не было. Нет больше в трюме Шарге и нет брелока. Есть только бордовый шарик, который ещё через мгновение превращается в ужасное смешение огня, ударной волны и чистой, как слеза, энергии разрушения. Шарик разрастается в огромный шар, ему тесно в рамках трюма, и он рвёт переборки, шпангоуты, палубы, корпус «Абриса» и растёт дальше, намереваясь порвать «Белую черепаху». На куски. На мелкие осколки. А мелкое - в пыль. А что останется - сжечь. Не утопить, а именно сжечь, потому что внутри бордового шарика была заложена такая сила, что отправлять на дно морское оказалось бы попросту нечего. «Абрис» не взорван, а уничтожен, расплён и растерзан, лишь жалкие остатки будут плавать по волнам, напоминая о трёхмачтовой пиратской шхуне, и сила хватает второе судно. Наотмашь лупит в корпус, собираясь, как бумагу, разорвать металл, вывернуть «Черепаху» наизнанку, поступить с ней так же, как мгновение назад обошлась с «Абрисом».

В судно вонзается поток энергии чудовищной силы, и нет возможности укрыться, уклониться, убежать...

Нет возможности спастись.

Времени нет даже на то, чтоб осознать происходящее, подготовиться и уж тем более - ответить. Смерть должна была прийти вдруг...

Но за мгновение до неё, неотвратимой, белое сияние Аэрбы исчезает, «входит» в капитана, молниеносно наполняя его пронзительно-белым: глаза, волосы, кожа, одежда - всё вдруг

теряет цвет или собирает все на свете цвета, но что именно, не важно, поскольку белое настолько чистое, что режет глаза и заставляет вспоминать свои пятна, но это потом, много потом. А сейчас белый, впитавший сияние Аэрба разлетается, словно получив удар от бордового шара, но разлетается не огнём или кровью, а белым, чистым, и вовсе не для того, чтобы исчезнуть или сгореть, а стремительно создавая над беснующимся взрывом эфемерный образ гигантской и абсолютно белой Черепахи, с немым любопытством разглядывающей суестьющиеся на могучей груди Океана создания.

Эпилог

По чистому, необыкновенно чистому, необыкновенно белому и очень мелкому песку ползла по своим делам красивая раковина, оставляя тонкий, едва заметный след.

Ползла прямо перед распахнувшимися глазами чуда.

Взмаха ресниц хватило, чтобы обитатель раковины замер, но не спрятался – именно замер, словно прикидывая, что делать: бежать или перекусить тем, кого Нептун послал? Постоял и продолжил путь, не увидев ни угрозы, ни обеда.

- Примерно полдень, – негромко произнёс Аэрба.

Лица Кольдера серб видеть не мог, и о том, что Горноста́й пришёл в себя, догадался по какому-то таинственному, лишь одному ему известному признаку.

- Я был без сознания сутки? – удивился де Бер.

Он крикнул, приподнялся, уселся на песке и с удивлением понял, что голова не болит, кости целы, мышцы не ноют, и чувствует он себя на удивление хорошо. Отдохнувшим и выспавшимся.

- Никаких суток, – отрицательно покачал головой капитан. – «Дырка жизни» перенесла нас к западу от Сиамского залива, и мы снова проживаем этот замечательный, полный необыкновенных приключений день.

- Ты стал поэтом?

- Я потерял судно, – вздохнул Аэрба. – Подобное событие настраивает на философский лад.

- Сочувствую.

- Куплю новое.

- Где мы?

- На милом островке в Карибском море. У меня тут небольшой схрон с припасами и документами.

- Телефон?

- Разумеется, – зевнул серб. – Я уже вызвал такси.

- Серьёзно?

- Абсолютно.

Жизнь налаживалась на глазах. Только что, буквально мгновение назад, или меньше мгновения... в общем, перед тем, как потерять сознание, де Бер готовился к смерти, чувствовал приближение беспощадной, сжигающей всё на своем пути волны, чувствовал гибель «Черепахи», а в самый последний момент – ощутил поток магической энергии. Тогда Горностаи решил, что это знаменитый «последний выхлоп» – всплеск, который, по легенде, выдаёт умирающий маг. Но теперь понял, что это не финальный «выхлоп», а схвативший его портал, который ухитрился запустить умница Аэрба.

- Сочувствую.

- Куплю новое.

- Где мы?

- На милом островке в Карибском море. У меня тут небольшой схрон с припасами и документами.

- Телефон?

- Разумеется, – зевнул серб. – Я уже вызвал такси.

- Серьёзно?

- Абсолютно.

Жизнь налаживалась на глазах. Только что, буквально мгновение назад, или меньше мгновения... в общем, перед тем, как потерять сознание, де Бер готовился к смерти, чувствовал приближение беспощадной, сжигающей всё на своем пути волны, чувствовал гибель «Черепахи», а в самый последний момент – ощутил поток магической энергии. Тогда Горностаи решил, что это знаменитый «последний выхлоп» – всплеск, который, по легенде, выдаёт умирающий маг. Но теперь понял, что это не финальный «выхлоп», а схвативший его портал, который ухитрился запустить умница Аэрба.

Жизнь налаживалась, однако вопросы оставались.

- Откуда ты знаешь это название: «Дырка жизни»? – поинтересовался Кольдер.

Он помнил, что капитан узнал о Тайном Городе незадолго до нападения Герро.

- Бенга-Бенга как-то обмолвился, назвав так один из своих артефактов, – спокойно объяснил Аэрба. – Мне понравилось.

Прозвучало логично. И настолько просто, что де Бер устыдился собственной подозрительности. А в следующий миг молодой чуд покраснел ещё больше, потому что понял, какой вопрос нужно было задать первым:

- Мы... Ты спас только меня?

Три долгие, томительно долгие секунды серб пристально смотрел на рыцаря, а затем усмехнулся:

- Рикки пошёл за водой.

«Уф!»

Горностай ухитрился сдержать выдох облегчения, потому что заметил грусть в глазах Уэрбо и догадался, чем она вызвана.

- Бенга-Бенга?

И услышал скупой ответ:

- Остался на «Черепаше».

- Извини.

- Он был пиратом. Все они были пиратами. - Аэрба вновь улёгся на песок, подложил под голову руку и, глядя на зависшее над островом облако, негромко, но очень твёрдо произнёс: - А теперь, рыцарь-мститель Кольдер де Бер, расскажи мне о Тайном Городе...

Рассказы

Анна Свилет

Не всё то золото, что блестит

Офис клана Треми

Москва, ул. Вятская

2 сентября, среда, 18.07

Только у нас, только сейчас интервью финалистов первого в Тайном Городе конкурса «Стиляга ТГ». Встречайте: Мурций и Тосций!

Журналист: Добрый день. Скажите, Мурций, что вы думаете о костюме своего главного конкурента?

Мурций: Что это позор всей нашей семьи! Кто посоветовал бедному Тосцию надеть синий пиджак поверх оранжевой сорочки? Это было модно два года назад, а зелёные брюки...

Тосций: На себя посмотри! Думаешь, если ты надел зелёную рубашку и золотой пиджак, то...

Мурций: Кстати, пиджак от знаменитого Манира Турчи, который потратил на его пошив...

Тосций: А заодно и дал тебе скидку за рекламу! А вот разрабатывающий мой костюм Алир...

Мурций: Так кому из нас дали скидку?

Тосций: Грязные наветы, которые...

Журналист: Господа, господа! Давайте...

Муций: И я уже молчу о полностью провальном костюме из малинового атласа, который Тосций надел на вечер в честь начала конкурса!

Тосций: А твой бархат лучше?

Муций: Заметьте, цвет костюма полностью соответствует цвету найденного при раскопках флага Великого Дома Людъ, который...

Тосций: Надеешься, что феи поведутся на родовые цвета?

Муций: Они ведутся на меня и без цветов, всему виной моё природное обаяние.

Журналист (раздражённо): Так давайте поговорим о вашей семейной тайне!

Пауза.

Муций (неуверенно): Так, говоришь, эскиз разрабатывал Алир?

Тосций (преувеличенно бодро): Исключительно из-за нашей многолетней дружбы! А как поживает Манир?

Муций: Неплохо, неплохо. Прикупил новый автомобиль.

Тосций (мрачно): Надеюсь, он не кредит взял? А то что-то он давно цены не поднимал.

Муций (обречённо): С разработанным на заказ салоном.

Журналист: Что же, несомненно, это очень интересно! Но, возвращаясь к теме финала, чем вы удивите ваших поклонников?

Муций: Это будет незабываемо!

Тосций: Феерично!

Муций: Необыкновенно!

Тосций: Гениально!

Муций: Великолепно...

Журналист: А что именно?

Тосций: Волше... Хм, я обещаю вам настоящий шок!

Муций: Культурный?

Тосций: Только после тебя!

Муций: Спасибо, я ценю твою уверенность в моих силах.

Тосций: Конечно, второе место тоже достойно всяческих похвал!

Муций: С чем тебя и поздравляю!

Тосций: Ах ты...

Журналист: Господа! Уважаемые... кхм...

Невнятная возня.

Журналист: Давайте же пригласим слушателей на финал!

Мурций (пыхтя): Да-да, приходите на финал конкурса, и мы (возня и невнятное сопение)... мы подарим вам незабываемое зрелище!

Тосций (отдуваясь): Увидимся в воскресенье!

Журналист: Итак, вы прослушали прямой эфир с финалистами первого в Тайном Городе конкурса «Стиляга ТГ», финал которого состоится в это воскресенье, в «Ящеррице», чей управляющий любезно согласился предоставить для дефиле свою главную сцену! Заказать билеты вы можете по телефону...

Мурций и Тосций хором: От имени победителя, приглашаю вас на конкурс!

- Что слушаешь? - лениво поинтересовался Степан, выглядывая из кабинета.

- Да так, - смутился Николас. Он сидел перед кабинетом Захара, ожидая своей очереди на разнос, и украдкой подкручивал громкость радиоприёмника.

Захар Треми - епископ и боевой лидер клана Треми, кумир молодых масанов, во всех смыслах выдающаяся личность, чьи подвиги не сходили с языков сплетников, вызвал молодого масана «на ковёр» ещё час назад, но до сих пор так и не нашёл времени высказать соплеменнику своё неудовольствие. Первые полчаса Николас честно задумывался о своём поведении и подбирал оправдания, а потом пересел поближе к радиоприёмнику и включил эфир Тиградком, журналисты которого обсуждали финал конкурса на звание самого стильного кóнца в Тайном Городе.

- Иди уже, - подтолкнул его Степан. - Тебя заждались.

Настроение, повышенное перебранкой кóнцев, тут же упало до предыдущей отметки. Николасу даже показалось, что у него зачесался затылок, по которому утром пришёл отеческий подзатыльник в честь содеянного.

Масан сглотнул, одёрнул футболку, поправил волосы и осторожно заглянул в кабинет. Выходящий оттуда Степан подмигнул ему и украдкой показал большой палец, что было расценено как добрый знак. Если бы епископ собирался прикончить Николаса, старый масан не веселился бы.

Захар занимался бумагами, так что поднял голову не сразу, а когда всё же поднял, то некоторое время изучал Николаса красными глазами.

- Я знаю, что отец уже сказал тебе всё, что требовалось, но недавно имел неприятный разговор с представителем людов. Разумеется, у вас возраст, подходящий для сумасбродств, и характер требует своего, но ты просто обязан уразуметь, что твои действия не должны повредить масанам. Ты это понимаешь?

Николас торопливо закивал, изучая взглядом паркетный пол.

- Так вот, - продолжил Захар, - я пообещал, что вы извинитесь перед пострадавшими, оплатите все расходы на ремонт - глянешь потом на счёт, такое чувство, что вы этот клуб сожгли, - а также впредь будете вести себя пристойнее...

В этот момент зазвонил телефон епископа, и он, мельком глянув на экран, недовольно скривился.

- Да? Да, помню... Я же сказал, что помню! - рявкнул он, явно кого-то перебивая. - Да, приеду, приеду!.. Тебе тоже!

Не успел Захар отставить телефон подальше, как тот снова запиликал, и на этот раз разговор вёлся в куда более дружелюбном тоне.

- Да? Да, конечно, приеду прямо сейчас! Я тоже. До встречи! Ты всё понял?

- А? - подпрыгнул Николас, размышляющий, с кем епископ мог так дружелюбно общаться. - Да, всё. Извините, нам и правда стыдно. И счёт мы оплатим. Он большой?

Епископ молча показал листок бумаги с цифрами, и молодой масан возмущённо выдохнул:

- Да мы только два кресла сломали и столик погнули! Можно подумать, он был из красного дерева!

- Судя по стоимости ремонта, из золота, - покачал головой Захар. - Запомни, если уж вляпались в неприятности, то решайте их на месте. Ясно?

Николас покаянно кивнул.

- Да, передашь от меня кое-что Мурцию? - Захар перебросил ему брелок и натянул куртку.

Неимоверно гордый Николас стиснул драгоценность в руке и смог только кивнуть головой, не найдя слов. Кажется, его простили.

- Спасибо, - небрежно бросил Захар и ушёл, оставив молодого масана наедине с поручением.

Тот раскрыл ладонь и уставился на обычную ракушку, которая крепилась к кольцу. Первое впечатление было совершенно правильным - брелок. Но Николас подумал и решил, что в нём наверняка - нет, вот просто непременно! - спрятан какой-то аркан. Возможно, это даже часть интриги Тёмного Двора!

Тот раскрыл ладонь и уставился на обычную ракушку, которая крепилась к кольцу. Первое впечатление было совершенно правильным - брелок. Но Николас подумал и решил, что в нём наверняка - нет, вот просто непременно! - спрятан какой-то аркан. Возможно, это даже часть интриги Тёмного Двора!

Магией от брелка несло, но лезть в незнакомое заклинание юный масан не рискнул - вдруг испортит?! Он быстро вышел в приёмную, застегнул куртку и надел шлем - даже единственный луч заходящего солнца оставил бы на его коже болезненный ожог. В память о солнце у его отца остался уродливый шрам на руке, и даже сам Захар не избежал подобной участи - шрам темнел на его плече, прикрытый всегда белоснежной рубашкой.

Николас проверил перчатки и подтянул воротник, но как только он сел на свой мотоцикл и собрался его завести, требовательно запиликал телефон.

«Данил» – высветилось на сенсорном экране. Николас чуть-чуть подумал, но всё же ткнул пальцем в экран и кнопку громкоговорителя.

- Да.

- Ты где? – Судя по голосу, другу уже было весело. Издалека доносилась музыка, будто Данил вышел на балкон, оставив за спиной шумную компанию. – Мы тут решили встретиться и отметить... ой нет. Молодожёнов с нами не будет, у них есть дела поважнее. Но это же не повод не отметить?

Свадьба Карины и Никифора! Ясное дело, у них есть дела поважнее! Пятый день празднуют, половина Тайного Города на ушах, в «Ящернице» три пьяные драки и две дуэли. «Хорошо погуляли» – характеризировал выдающееся событие епископ Гангрел, имевший счастье разнимать драку между семьями жениха и невесты.

- Ну, вообще-то.... – Николас потянулся, чтобы почесать затылок, наткнулся на шлем и опустил руку. – Я немного занят. Мне нужно в «Три Педали».

Николас торопливо проверил, на месте ли брелок, но о задании умолчал. Не хватало ещё подвести Захара!

- Так давай там и встретимся! – с энтузиазмом подхватил Данил, которому уже явно было всё равно, где, что и каким образом отмечать. На заднем фоне прозвучал звон бьющейся посуды и восторженный вопль: – Опоздавшему штрафной!

Здравый смысл подсказывал, что ввязываться в новую пьянку до оплаты счёта за предыдущую, как минимум неблагоприятно, но метко упомянутый Захаром характер подбивал съездить.

«Я ненадолго, – пообещал себе Николас. – Отдам Мурцию брелок, выпью пива!»

- Идёт! – Он завёл мотор и выскочил из гаража на дорогу, подрезав возмущённо загудевший джип. Чёрная машина вильнула в сторону и раздражённо замигала фарами. Масан коротко хохотнул и проскочил на красный, в последний момент избежав лобовой встречи со спортивной, весёленько-жёлтой «Ламборджини». Не будь реакция у Николаса поистине нечеловеческой, одним испугом водитель «Ламборджини» не отделался бы.

В «Трёх Педальях» транслировались гонки, и бар был забит под завязку. Как-никак, самое спортивное и азартное заведение Тайного Города. В любое время дня и ночи тут можно было посмотреть гонки, забеги, заплывы, тараканьи бега и прочие соревнования, на какие было способно человеческое и не только воображение. Ну и, разумеется, сделать ставку. Семья кóнцев, к которой принадлежал Мурций, славилась не только развлечениями и любвеобильностью. Деньги она тоже любила.

Вокруг кричали, свистели, гудели и пытались общаться представители всех семей Тайного Города. Расслышать во всём этом гомоне можно было разве что собственные мысли, да и то не факт. В данный момент масану казалось, что его мысли подпрыгивают в такт грохоту кулаков по столам.

Николас пробился к стойке и окликнул бармена. Строций сегодня был одет скромно. По меркам кóнцев – вообще неприятно и неинтересно: синие брюки, жёлтая рубашка и зелёный пиджак. Глянуть не на что!

- Строций! – ещё раз позвал масан, пытаясь отвлечь кóнца от симпатичной феи. – Строций, к

печенкам Спящего! Дело есть.

- Какое? - осведомился кóнец, одновременно подмигивая совершенно другой блондинке. Любвеобильность кóнцев давно вошла в поговорки, и остальные жители Тайного Города искренне недоумевали, что же находят женщины в низеньких, абсолютно лысых и весьма пухлых кавалерах.

- Мне нужен Мурций. Срочно.

- Всем нужен Мурций, - флегматично отозвался бармен, без вопросов наливая рюмку. - А Мурцию нужна жена магистра, который уехал на два дня. Улавливаешь мысль?

Николас от души выругался и потянулся к налитому.

- Но к ночи Мурций обещал быть, - обнадёжил его приятель.

- Николас! - Данил повис на нём, одновременно подавая знаки бармену. - Пошли!

Пожалуй, и впрямь лучше подождать кóнца в клубе. Не стучаться же во все дома магистров Ордена с глупым вопросом: «Простите, а Мурций здесь? Он сейчас случайно не с вашей супругой?» И почему бы не подождать в компании приятелей?

Компания за столиком собралась разношёрстная: четыре масана, эрлиец, две феи, шаская пара и мрачный нав. Видимо, это были те из гостей, кто пережил вчерашнюю «Ящеррицу» без особых травм. Николас честно порылся в памяти - масаны праздновали с самого начала, Ляпсус дежурил вчера, и именно он осматривал драчунов, феи присоединились где-то под утро, влюблённая парочка вела дела с невестой... Нав, видимо, был приставлен к компании в качестве няньки, поскольку епископам надоело извиняться перед общественностью.

Вообще-то, когда уважаемый и весьма состоятельный масан выдаёт замуж единственную дочь, то ожидать стоит грандиозного праздника - отец невесты пригласил Птицием, и кнец всеми силами постарался сделать праздник незабываемым. Но когда компания масанов женит давнего побратима, с которым прошла не одну войну...

Праздновали в загодя снятом загородном доме, пригласив всех знакомых. Продолжили наутро в «Ящеррице», на ночь перебрались в штаб квартиру Трехи, утро встречали где-то в Подмоскowie, а на следующую ночь Николасу пришлось принять участие в небольшой драке в самом популярном клубе Тайного Города. Так что пока остальные катались на мотоциклах, он объяснял отцу, почему не сумел набить морду дружиннику Зелёного Дома. Не объяснять же, что тот пялился на Катерину?!

Сейчас остатки гостей выглядели почти пристойно, собираясь допить оставшееся, прогулять накопившееся и распозлзиться отсыпаться на несколько суток.

- Штрафная! - возвестил Данил, сноровисто наливая в рюмку. Николас выпил, занюхал хлебом и потянулся к закуске.

- Так вот, - продолжил начатую фразу Ляпсус, ловко перехватывая тарелку с сыром и подтягивая её поближе к себе. - Из моей диссертации ясно видно, что лучше всего ожоги после эльфийских стрел...

Оценив угрозу гулянке, сидевший рядом с эрлийцем шас ловко сунул тому полную рюмку, а фея затрепыхала ресницами, переведя внимание известного хирурга с чьих-то травм на

собственное декольте. Судя по слаженности действий собутыльников, Ляпсус не первый раз порывался рассказать что-то занимательное.

Данил разлил по второй, все выпили, и дальше беседа потекла без осложнений, плавно свернув на последние сплетни. Фей больше интересовало новое платье Всеславы, шасов – его цена, масанов – сами феи, а Ляпсус с навом, склонившись друг к другу, обсуждали какой-то заковыристый манускрипт, недавно доставленный в Цитадель.

По крайней мере, это Николас помнил достаточно твёрдо. Ещё он помнил третью и четвертую, традиционный тост за здоровье новобрачных, пьяную исповедь Ляпсуса про токсикоз Карины и грянувшие за этим свист и аплодисменты. Помнил он и тост за Никифора... а дальше всё помнилось весьма смутно, и количество рюмок между «четвёртой» и «последней» масан не сосчитал бы и под страхом смерти. Или очередного выговора епископа.

В какой-то момент масан нашёл себя жалующимся незнакомому хвану на отказ красавицы феи то ли в прошлом, то ли в позапрошлом месяце. Это тоже вспоминалось смутно. Похоже, на феях они и сошлись.

Николас сфокусировал взгляд и удивлённо моргнул: деревья, кусты, даже цветёт что-то. Следующий вопрос был весьма закономерным: «Где я?»

- В этом... - хван помахал верхней левой рукой, - парке.

- А что я здесь делаю?

Над этим вопросом хван думал дольше.

- Гуляешь? - неуверенно предположил он. И тут же споткнулся.

- Давно? - без особой надежды спросил масан.

Хван развёл руками - всеми четырьмя - и задумался. Потом почесал затылок верхней правой рукой, а нижней поддержал Николаса под локоть, едва не оторвав рукав рубашки.

- Не помню. А тебя хоть как зовут?

- Николас.

- Лёка, - представился хван.

Вот и познакомились.

И тут Николаса пронзила страшная догадка. Он схватился за одежду и застонал - куртки, а вместе с ней и драгоценного брелка не было. Парень осел прямо на землю и застонал.

- Захар меня убьёт!

Хван икнул, выровнялся и, подцепив его двумя правыми руками за шиворот, поставил на ноги.

- За что?

- Я артефакт потерял!

Выслушав горький рассказ, Лёка пожал плечами.

- Так давай найдём, - предложил пьяный, а потому мирный, доброжелательный и покладистый четырёхрукий.

- Так давай найдём, - предложил пьяный, а потому мирный, доброжелательный и покладистый четырёхрукий.

- Где?! - Николас схватился за волосы в попытке выдрать их с корнем.

- Спокойно, - с непробиваемой уверенностью профессионального убийцы произнёс Лёка, опасно качнувшись взад-вперёд. - Начнём с самого простого.

За столиком в «Трёх Педалях» куртки не было. Пьяная компания разошлась, оставив лишь мирно спящего на диване Данила. Но куртки не было. Масан снова застонал.

- Захар меня убьёт.

- Ты это уже говорил, - проворчал Лёка, икнул и задумался. - А куда мы пошли отсюда? А! Вспомнил, я повёл тебя смотреть свой новый джип!

Джип был хорош, Николас и сам бы от такого не отказался. А вот куртки не было ни там, ни на стоящем рядом мотоцикле масана.

- Захар...

- ...тебя убьёт, - закончил за него Лёка. - Что хоть за артефакт?

- Не знаю.

- Тогда ничего серьёзного, - уверенно заявил четырёхрукий, шаря в карманах в поисках чего-то алкогольного. - Иначе тебе бы не доверили.

Николас проглотил горькую правду без единого возражения. Действительно, не доверили бы. Да, Спящий раздери, он и с элементарным-то заданием не справился!

- Давай выпьем? - предложил Лёка, найдя флягу.

Николас покорно отпил глоток, прислонившись к чёрному джипу.

- Что делать? - непонятно у кого спросил он, возвращая хвану флягу.

- И-ик-скать? - предложил Лёка, качнувшись с пяток на носки и обратно. Подумал и глотнул из фляги сам.

- Как? - со слабой надеждой спросил масан.

- Э-э... - Хван задумался, между делом прихлёбывая из фляги. - А что ещё пропало?

- Куртка, бумажник... нет, телефон в кармане, - быстро провёл ревизию Николас.

Лёка задумался ещё крепче.

- Что-то на трезвую голову ничего в эту самую голову не приходит, - признался он. - Пойдём выпьем?

Масан с сомнением посмотрел на пьяного хвана, который уже начал путаться в собственных конечностях, но, за неимением лучших вариантов, кивнул. Они, придерживая друг друга, побрели в бар, уселись за стойку и заказали выпить. Выпили, закусили и устали друг на друга. Хван задумался...

- Лёка? - неуверенно уточнил он.

- Я помню, - печально кивнул Николас. - А! Николас, - дошло до него.

- Очень приятно, - кивнул четырёхрукий, подперев подбородок нижней правой рукой. В верхней был стакан. - Ну? Есть идеи?

- Ни одной, - по слогам произнёс масан, задумчиво рассматривая россыпь бутылок за стойкой. - Захар...

- Тебя убьёт? - подхватил хван. Тяжело поднялся и встряхнулся, как выбравшийся из речки пёс. - Идём. Ищет тот, кто найдёт!

Николас сполз с табурета, прихватил ополовиненную бутылку коньяка и поплёлся следом. За баром Лёка изучил свой джип, мотоцикл масана и попытался нагнуться. Николас поспешно подхватил его под мышки и привёл в вертикальное положение. Хван покачнулся и указал пальцем на что-то на земле. Николас добросовестно изучил обведенное хванским пальцем пространство, но ничего не увидел.

- Следы, - расшифровал Лёка. - Байк...

Масан огляделся, изучил след на земле и задумался, болтая остатками коньяка в бутылке. Хван тем временем прошёлся по стоянке, всплеснул руками и торжественно ткнул пальцем в землю.

Николас изучил улику и сглотнул. Если пьянку с приятелями незлобивый Захар не счёл бы ничем криминальным, то за *это* он собственноручно снимет с него голову любимой катаной. И будет прав.

- А когда какое дело обходилось без Красных Шапок? - философски осведомился Лёка, подкидывая на ладони крышку от дешёвого виски - любимого напитка дикарей, без которого их мозги попросту не могли нормально функционировать.

Николас застонал особенно горестно, но пьяного хвана это не тронуло. Он подцепил его за воротник и потащил обратно в бар. Следующие пятнадцать минут показали масану, что даже пьяный в хлам четырёхрукий разбирается с проблемами куда быстрее, чем трезвый и безалаберный масан. Видимо, мечту стать самым крутым наёмником Тайного Города, а потом и епископом клана придётся скорректировать... Например, сначала найти учителя.

Краткий опрос немногочисленных оставшихся под утро посетителей в меру вежливым хваном принёс три имени уйбуев Красных Шапок. Целых три, но Николас готов был расцеловать Лёку и за это.

Ещё пять минут ушло на то, чтобы заказать генетический поиск у вовремя подвернувшегося шаса (в принципе, шасы всегда подворачивались вовремя). За деньги у этой семьи можно было купить всё - от путёвки на Мальдивы и гранатомёта до авиалайнера и острова.

- М-да, - заметил уже более трезвый, но всё ещё миролюбивый хван, когда им вручили

распечатку с местонахождениями и именами. – Как-то не очень хочется ехать.

– Я тебя и не прошу, – смущённо заметил Николас. – И спасибо за помощь.

– Да ладно, – махнул двумя руками Лёка. – Не бросать же тебя одного.

Подтекстом явно шло: «Опять вляпаешься», но масан решил не заострять на этом внимания. Тем более ехать действительно не хотелось.

Ещё больше не хотелось вспоминать, как вёл машину пьяный хван.

Бутовский лесопарк

Москва, Южное Бутово

2 сентября, среда, 21.34

День у Сони не задался с самого начала: ещё в тот момент, когда за полчаса до выхода из дома зазвонит телефон, девушка знала, что середина рабочей недели будет на редкость неудачной.

Первые же слова начальницы полностью подтвердили её опасения – никакого отпуска, никакой премии, никакого выходного в пятницу. Отпуск и премию брала любовница шефа, а ей поручали заменить длинноногую блондинку.

«Обязательно, вот прямо сегодня возьму и перекрашусь! – мрачно решила девушка, изучая в зеркале свои рыжие волосы. – Придумали тоже, натуральность, естественность! Испортишь волосы, станешь лысой! Лучше быть лысой и в отпуске, чем волосатой и на работе».

Соня кивнула сама себе, подхватила сумочку и сбежала вниз по лестнице. Про курточку и обещанную Гене прогулку по парку Соня вспомнила только на работе, о чём сейчас и жалела. Сентябрьский вечер был довольно прохладным, а снять пиджак с кавалера девушке не позволила гордость. И запах любимого Генкиного одеколona, который Соня ненавидела вот уже месяц. Увы, именно она его подарила, другу он понравился, и обижаться следовало только на свой нос, так не вовремя её подведший в магазине.

Девушка незаметно поёжилась, всё ещё надеясь возродить романтику вечерней прогулки, но та стремительно таяла под натиском суровой реальности.

– Ну как же так? – безнадёжно ныл парень, шаркая ногами по тропинке. – Мы же всё распланировали! И друзей я предупредил, и мама тебя ждёт, и билеты уже есть...

Девушка только вздохнула, уныло бредя следом за кавалером. Ну да, и маму предупредили, что возможная невестка приедет, и друзей, и билеты уже на руках... Кто бы объяснил это её начальнице?! И шефу, который уезжал в отпуск с секретаршей?

– Гена, ну... поедem в следующем месяце, – неловко перебила друга Соня. – Погостим подольше...

– В следующем месяце у меня сессия, – буркнул парень.

– Ну не конец же света! В жизни всякое бывает...

- У нормальных людей такого не бывает! - хмуро заметил друг, демонстративно вытаскивая сигарету и затягиваясь. - Говорил я тебе, уволься оттуда к чёрту.

- А жить на что?!

- Ну...

Соня только вздохнула: жить на Генкину зарплату и заниматься детьми она была пока не готова. Более того, вообще не была уверена, что их роман зайдёт так далеко. У Генки всё было как-то проще: закончит университет, вернётся в родной город, женится, заведёт пару детей и будет жить дальше. Не то чтобы Соня и сама не хотела чего-то подобного, но девушку не покидало неприятное ощущение, что «жениться» парень собирается не из-за любви, а потому что... Ну, надо же! Учёба почти закончена, надо и о семье подумать. Всё как у людей.

- Нет, Гена, пока что я с работы не уйду, - твёрдо заявила она.

- Ну и выходи замуж за свою работу! - вспыхнул парень. - Всё равно больше никто не возьмёт.

- Ах так?! - вскинулась Соня. - Очень надо!

Развернулась и побежала прочь.

Парень некоторое время кричал ей вслед, потом безнадежно сплюнул в придорожную пыль, затоптал окурок и выругался. Нет, ну бывают же девушки! Ей отпуск не дали, а виноват он!

Гена выругался ещё раз, потянулся за сигаретами и наткнулся рукой на телефон.

Москва, Южное Бутово

3 сентября, среда, 01.07

- Так вот, заказали мне конкуренты этого наркобарона, - делился опытом Лёка, перестраиваясь через две полосы. - Обязательно от сердечного приступа, на кой он им дался? Но за дост-ик-товерность десять процентов доплатили, так что я подписался. Взял у эрлийцев укол, пробрался в дом, сел в спальне и давай ждать. Сижу-ик я, значит, жду, а тут чую, кто-то морок навёл. Ну, я выглянул, гляжу, по комнате масан ходит - на тебя чем-то похож, - увидел меня, за оружие схватился, я, само собой, тоже. Ну и стоим, как два болвана, друг на друга смотрим. Я спрашиваю: тоже за клиентом? А он головой кивает, говорит: «Голову принести просили, двадцать процентов приплатили». Ну, сели мы, давай думать, как соединить сердечный приступ и отрезанную голову, а тут дверь открывается, и наркобарон вваливается: без штанов, зато с бутылкой и девочкой. Вышли мы в соседнюю комнату, разговорились, выпили за знакомство, а тут слышим - выстрел в спальне. Мы туда, а барона этого начальник охраны замочил.

- И что? - спросил Николас, пытаясь уверить себя, что решение сесть в машину пьяного хвана было не последним в его жизни.

- А что дальше? - хмыкнул тот, подрезая «бумер» и перестраиваясь в крайний правый ряд. - Сам понимаешь, дыра во лбу для сердечного приступа не подходит, так что масан голову упаковал, да и унёс. А я десять процентов вернул.

- А заказчики не ругались?
- После того, как в новостях увидели безголового конкурента? Не, даже премию перевели. Я потом по их заказу ещё одного конкурента убрал, но уже без сердечного приступа.
- А я в Азию летал, так меня там одна банда ночью ограбить хотела, – поделился Николас воспоминаниями о первой самостоятельной охоте.
- Зато наелся, – флегматично произнёс хван, сверяясь с навигатором.
- И набегался, – вздохнул Николас, припоминая, как выискивал по тёмным подворотням последнего бандита. – А тебе заказы часто перепадают?
- Бывает, – усмехнулся хван. – Челы обожают сводить друг с другом счёты. То то им не понравилось, то-ик это. Жили как-то в Южной Америке два-ик клана, так они пять лет друг друга заказывали, покуда деньги не закончились. Я туда уже-ик как домой ездил, на пляже загорал между контрактами. Оно как, только одного убьёшь, тут же-ик родственники звонят, второго заказывают.
- Я тоже хочу стать наёмником, – набрался смелости Николас.
- А что-ик, бесплатно уже выслушивать неохота? – удивился Лёка.
- Да ну тебя, – обиделся масан. – Я же не из-за этого!
- А-а, – понимающе протянул четырёхрукий. – Слава Кортеса жить не даёт?

Николас примолк, понимая, что его желание выглядит мелким ребячеством. Казалось бы, зачем масану идти в наёмники, если жизнь и так полна приключений: охота, войны Великих Домов, междоусобицы с сабат... Ну не объяснишь же, что хочется именно из-за того, что не пускают? Зачем, зачем? А вот просто так, чтобы все поняли, что он уже не маленький и...

- Та-ак, – сориентировался Лёка, выкручивая руль. – Налево.

Масан вцепился в приборную панель, пытаясь удержаться на сиденье. Хорошо хвану: одной рукой руль держит, второй передачи переключает, а остальными сам держится!

Первый номер в списке находился неподалёку – десятка дикарей загружалась виски в круглосуточном магазине. Увидев компанию из хвана и злого масана, они почти протрезвели и быстро замотали головами. Даже карманы вывернули, божась Спящим, что ничего и никогда у масанов не крали. Лёка изучил перепуганных дикарей взглядом и захлопнул дверцу джипа.

- Куда дальше? – осведомился он, поворачивая ключ в замке зажигания.
- Поворачивай направо, – командовал масан, сверившись с компьютером.

Ул. Южнобутовская,

район круглосуточного магазина

Москва, Южное Бутово

3 сентября, четверг, 1.42

- Да ладно, пацаны, чо вы трусите-то? - Крепкий детина сплюнул сквозь зубы и оглядел напарников - троих парней, одетых в чёрные куртки с капюшонами. - Всё будет ОК: денег отвалят, выпьем на халяву. Читай, супермены!

- Так это... суперменов не просил, - быстрее прочих сориентировался самый худосочный из парней. - Говорил, только напугать, а не геройствовать.

Шура задумался, между делом прихлёбывая пиво из бутылки. Вроде бы Славик логично заметил, суперменов Генка действительно не просил. Просил девушку напугать, помахать кулаками и, сделав вид, что испугались его кунг-фу, сбежать. За всё это три штуки, считай - деньги сами в руки плывут.

- Ладно, - решил он, убедившись, что телефон безнадёжно разряжен и связи с Генкой нет. - На месте разберёмся, супермены или нет. Девка в белой кофточке, с красной сумкой. Главное, не пугать слишком сильно и чтобы не пострадала.

Пацаны понимающе закивали, натягивая на головы капюшоны.

Гулять вечерами нравилось Соне всегда, а когда появился Гена, то район приобрёл особую, ни с чем не сравнимую прелесть. Долгие прогулки последнюю неделю заканчивались у него дома, так что девушка почти постоянно витала в облаках первой влюблённости.

И тем неожиданнее была первая крупная ссора, которая на целый вечер испортила девушке настроение. Именно поэтому она молча развернулась и ушла, собираясь назло всем показать, что может прожить и без Генки.

Устроилась в кафе и, запивая горькие размышления не менее горьким кофе, сидела там до самого закрытия. Когда молодая официантка извинилась и сообщила, что кафе закрывается, Соня молча достала бумажник, расплатилась и вышла на улицу.

Идти домой отчаянно не хотелось, десяток пропущенных вызовов от Генки обещали неприятный разговор, поэтому девушка медленно побрела по улице, собираясь немного пройтись и подумать.

Будь она менее расстроена, сообразила бы, что время и место для прогулок не самое приятное, но сейчас Соня просто шла вперёд, мысленно прощаясь с первой любовью.

А когда шумная группа парней целенаправленно пошла ей навстречу, вспоминать наставления мамы было поздно, оставалось бежать. Судя по целеустремлённому топанию за спиной, отпускать её так просто компания не собиралась.

Девушка завизжала, забрыкалась, но дёрнувшие её назад руки держали крепко. Второй парень подхватил её за ноги, и Соня ощутила, что теряет равновесие... и способность соображать.

Остался только страх, желание вырваться и странное мельтешение перед глазами.

Девушка рванулась и внезапно ощутила свободу - руки парней разжались, и она упала на асфальт, ободрав локти. Не прекращая визжать, подхватила на ноги, оттолкнула какого-то коротышку и бросилась прочь. Мимо молодого парня, прямо в руки...

- А-а!!!

Южный форт,

Штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Южное Бутово

3 сентября, четверг, 1.58

Если бы Красные Шапки хоть что-то смыслили в философии, то непременно оценили бы мрачные мысли Гвоздя. Но в силу собственной тупости они просто решали, что с ним делать: вешать сразу или дать ещё день на раздачу долгов? На счастье Гвоздя, кредиторов у него было намного больше, чем должников, и поэтому его отпустили, дав на добычу денег ровно сутки.

Боец поднялся с пола, где ждал решения собственной судьбы, отряхнулся и, удачно прихватив со стола почти полную бутылку виски, отправился в ночь, искать деньги. Вариантов – чего уж греха таить? – было немного, так что будущее вырисовывалось Гвоздю в сплошь мрачном свете. Скучная фантазия не могла в полной мере продемонстрировать бойцу мрачные картины, но на схематический рисунок виселицы с петлёй на его шее сподобилась даже она.

Гвоздь отхлебнул добрый глоток и пошёл в ночь, надеясь на то, что в кои-то веки он сумеет выкрутиться, как постоянно выкручивается Копыто. Но, несмотря на виски, умные мысли в голову не лезли, а может, наоборот, в этом было повинно виски? Может, палёное попало?

Как бы там ни было, но услышав визг «Грабят!», Гвоздь неожиданно для себя выдал странную ассоциативную цепочку, состоявшую примерно из таких мыслей: «Грабят?» – «Наши?» – «Чужие!» – «Чужие в родном доме?!».

Возмущённый боец вытащил ятаган и завернул за угол, собираясь и честь родного района отстоять, и пар спустить, и при возможности деньгами разжиться. Грабят ведь что-то!

А раз грабят, значит, оно чем-то ценно! А если оно ценно, то Урбек точно знает, что с этим делать.

Ул. Южнобутовская,

район круглосуточного магазина

Москва, Южное Бутово

3 сентября, четверг, 1.45

- Та-а-ак, – сверился с картой Николас. – Клиент должен быть...

- Да я и отсюда слышу, где дерутся, – хмыкнул хван, тормозя. – И колдуют.

- Дерутся? – встrepенулся масан, прислушиваясь. – Точно!

И выпрыгнул из джипа, собираясь выяснить, кто и с кем дерётся.

- Молодёжь, – хмыкнул хван и гораздо медленнее последовал за ним, прихватив с собой начатую бутылку коньяка.

Магический всплеск был слабым и хаотичным, так что спасти молодого оболтуса не от чего. Если он правильно разобрался в ситуации, то сейчас успокаивать придется горе-мага, впервые использовавшего магическую энергию.

Из-за угла действительно выбежала растрёпанная девушка, голосившая «Убивают!».

- Спокойно, - с непробиваемой уверенностью заявил Лёка, встряхивая девушку за плечи, - полиция!

И в доказательство помахал жетоном. Девушка заморгала, но энергия у неё уже закончилась, и поэтому перед собой она видела только молодого спортивного мужчину, а не четырёхрукого пришельца.

За углом уже всё было спокойно, чему способствовал масан, но хван впервые поймал себя на том, что не может с уверенностью сказать, кто и кого собирался убивать. На тротуаре валялись четверо парней в чёрных куртках, а напротив Николас удерживал одной рукой Красную Шапку, а второй мелкого парня, пытающегося всеми силами вырваться. Судя по небольшим ожогам, именно парни и «убивали» горе-ведьму.

- Сонечка! - обрадовался парень, безуспешно дергаясь, как рыба на крючке. - Ты жива!

- Полиция, - проворчал Лёка, ещё раз помахав жетоном.

- Сонечка! - обрадовался парень, безуспешно дергаясь, как рыба на крючке. - Ты жива!

- Полиция, - проворчал Лёка, ещё раз помахав жетоном.

- Они первые начали! - мигом сориентировался боец, поправляя бандану и пряча в ножны ятаган. - Я типа того... ни при чём. А у девки вообще артефакт.

Николас выразительно хмыкнул, тряхнув дикарём, как детской погремушкой.

- Я правда ни при чём! - заголосил тот. - Это они, адназначна они. Девку в кусты тащили, я вмешался...

- Зачем? - осведомился хван.

- Дык это... - стушевался боец.

- Обиделся, что тебя не пригласили?

- Я это... родной дом от этого... поругательства, мля, защищал! - гордо выпятил грудь Гвоздь. - Ну и типа это... денег нету, - гораздо тише добавил он, поняв, что врать в подобной ситуации не стоит.

- А вы что скажете? - поинтересовался хван у четвёрки.

- Мы ничего не хотели! Это всё он... Славика порезал... У него нож настоящий! А у неё какой-то шокер! - наперебой загалдели парни.

- Это всё они, они, - вмешалась висящая на хване жертва, растирая по лицу слёзы вперемешку с косметикой. - Они меня изнасиловать хотели!

Шура медленно начинал бледнеть, сообразив, во что они вляпались.

- Мы ничего не хотели! - возмутился Славик, баюкая раненую руку. - Мы просто напугать. Генка подтвердит.

Шура ткнул его в бок, но было уже поздно.

- А это, я так понимаю, Генка? - уточнил Лёка, рассматривая второй улов масана.

Парень подавленно молчал, уныло уставившись в асфальт.

Первой в ситуации разобралась спасённая девушка, молча вlepившая кавалеру оплеуху и усевшаяся в машину хвана. Николас поморщился, понимая, что сейчас им придётся ехать к ней, а не за брелком, но промолчал. Действительно, глупо было бы сперва спасти, а потом оставлять в такой компании.

Хван закутал девушку в свой пиджак, сел за руль и завёл мотор.

- Насчёт сегодняшнего, - заметил он, вырyливая на дорогу, - расскажешь кому, оторву голову.

- Нем, как печёнка Спящего, - понятливо откликнулся масан, представив себе реакцию Захара на пересказ ночных событий.

Южный форт,

Штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Южное Бутово

3 сентября, четверг, 3.45

- Уж на что чeлы странный народ, но нанимать гопников, чтобы произвести впечатление на девушку, это слишком даже для них, - заметил хван, вырyливая на дорогу.

- Ну не скажи, - протянул масан. - Романтика.

Возмущённая девица была доставлена домой и напоена успокоительным, четвёрка суперменов образцово напугана и отправлена восвояси, печальный кавалер ушёл в направлении ближайшего бара, а обрадованный четырьмя утащенными под шумок бумажниками и красной сумкой Гвоздь злорадно сдал уйбуя Полено, который и ошивался вечером возле байка Николаса. А напарники как раз заметили, что коньяк в бутылке закончился.

- Романтика?! - фыркнул Лёка. - Ты ещё сам четвёрку придурков для этого дела найди.

- У меня денег не хватит сабат нанять, - приуныл Николас и получил отеческий подзатыльник. - За что?!

- За отсутствие мозгов, - кратко отозвался хван, тормозя перед магазином. - Сходи выпить купи. А то скучно что-то.

Масан послушно выбрался из джипа и пошёл за коньяком, размышляя над поступком тщедушного Гены. С одной стороны, девушку напугали зря, с другой - каждому мужчине, даже

челу, порой хочется состроить из себя героя. Просто Николасу жизнь предоставила для этого все возможности, а парню пришлось как-то выкручиваться.

Может, ну его, это наёмничество, что он, в жизни ещё мечом не намашется? Лучше уж Катерину куда пригласить, должна же она когда-то согласиться!

Штаб-квартира Красных Шапок – Южный Форт – имела ни с чем не сравнимый вид и запах помойки. Ею же, по сути, она и являлась. Без заклинания, отбивающего нюх, остальные жители Тайного Города старались сюда не заходить. Посреди двора красовалась неизменная мусорная куча, от запаха которой дохли все крысы, кроме осских. Одна из стен форта была украшена огромным плакатом с фюрером Красных Шапок – одноглазым Кувалдой, уже довольно давно успешно удерживающимся на самой вершине власти в этой не слишком умной, но весьма воинственной семье. Рядом с плакатом дремал выставленный караульный, следящий за порядком. Точнее, за тем, чтобы плакат с изображением великого вождя не изгадили.

Работать в тамошнем баре «Средство от перхоти» решались лишь самые отчаянные или нуждающиеся в деньгах кóнцы. Обычно конкуренция была весьма небольшой.

Явление туда всё ещё не совсем трезвого хвана, который даже в мирный вечер мог похвастаться немалым арсеналом, и злого масана, которого подгонял рассвет, обыватели приняли за вполне объяснимое явление.

- Мля, – высказался ближайший коротышка, поправляя красную бандану. – Вроде только виски пил.

- Чо надо? – мрачно спросил устроившийся за ближайшим столиком уйбуй. – Мы тут ничем при-проти... кароче, ничем плохим не занимаемся. Сидим, эта... пьем.

- Где Дрель? – тихо, но внушительно спросил хван, оглядевшись по сторонам.

- Не знаю, – пискнул уйбуй, на всякий случай отодвигаясь.

- А если спрошу? – поинтересовался хван, чуть качнувшись с пяток на носки и обратно. – Хорошо спрошу. Почти вежливо.

- Он недавно вышел, – пискнули из-за другого стола.

- Куда?

- Мля, я ему чо, мама?

- Нехорошо, – заметил Лёка. – Очень плохо.

Красные Шапки коллективно побледнели, но в разговор никто не полез. Наиболее сообразительные уже понемногу продвигались к чёрному ходу, но одного взгляда Леки было достаточно, чтобы все замерли на своих местах.

- И как мне его найти? – вмешался Николас.

- Слышь, кровосос, да мы откуда знаем?

По глазам хвана масан понял, что вмешался зря.

- Ты, – Лёка ткнул в ближайшего коротышку. – Пойдёшь с нами.

- А чего это я? Мля, Спящим клянусь, я ничего...

- Потому, что я так сказал, - мягко произнёс хван, нижней левой рукой вытаскивая Шапку из-за стола, а верхней отвешивая дикарю подзатыльник.

- Мля, да я тут при чём? Я ничего не знаю, мамой клянусь.

- Искать, - скомандовал Лёка, отпуская коротышку. - Найдёшь, получишь две сотни.

Дикарь икнул и огляделся.

- А чё его искать? Она там лежит!

Николас осмотрел неподвижное тело, но вождёленной куртки не увидел.

- Слышь, кровосос, гони деньги. Я ж его, типа того, нашёл.

Почувствовав вкус лёгкой наживы, Шапка даже временно позабыл испугаться.

Масан сунул дикарю купюру, лишь бы тот исчез.

- Эй, ты! - Лёка, не церемонясь, ногой растолкал спящего. - Подъём!

Тот пробормотал нечто нечленораздельное и засопел ещё радостнее. Ещё бы, в куртке был бумажник. Абсолютно ничей.

Хван размахнулся и ударил сильнее, заставив дикаря открыть глаза.

- Чо, мля, да я... ой!

- Сегодня вечером возле «Трёх Педалей» ты нашёл куртку. Законному владельцу хотелось бы её вернуть, - негромко говорил хван, прохаживаясь взад-вперёд. Дикарь сидел на земле и судорожно икал, поправляя красную бандану. - Итак?

- Чо?

- Куртка где?! - потерял терпение Николас. - Я тебя спрашиваю, ты, отрыжка Спящего...

Лёка без церемоний ухватил его за шиворот и дёрнул назад.

- А чо я? - спросил дикарь. - Она просто так валялась. Я ж не знал, что ваша. Мля, да если б знал, то ни в жизнь. Спящим клянусь!

- В каком бреду он вас только делал? - устало осведомился Лёка. - Где она?

- Дык это, в казарме. Я её в счёт долга отдал. Мля, можете сами спросить...

- Брелок! - взвыл Николас. - Где брелок?

- Та фиговина на кольце? - Дикарь почесал лысый череп под банданой. - Выкинул.

- Куда?!

- Я бы тебе, конечно, помог, - рассуждал Лёка, прислонившись к стене кабака, - но посуди сам: напился на задании ты? Ты. Куртку потерял ты? Ты. Вот и по помойкам лазь тоже ты.

Николас ногой разворошил ещё одну кучу мусора и бросил на хвана полный ненависти взгляд. С медленным протрезвлением приходило понимание того, что четырёхрукий убийца происходит из другого Великого Дома. К тому же сегодня они впервые встретились. Как вывод: действительно, с чего ему копаться в помойке Красных Шапок? Придётся наплевать на брезгливость и сделать это самому. А хвана ждёт спасённая девица и Служба утилизации.

- Есть! - воскликнул масан, выхватывая из мусора вожделенный брелок. - Слава Спящему!

- Слава мне, - флегматично поправил его Лёка. - И пошли отсюда, наконец. Костюм я никогда не отстираю, а туфли выкину сейчас же.

- Подкинешь? - с надеждой осведомился Николас.

Хван смерил его взглядом, приняхался и поморщился.

- Подстелишь на сиденье клеёнку.

Спустя три часа, два из которых он провёл в душе, Николас снова стоял в баре «Три Педали», протягивая Мурцию отмытый брелок. Мурций поправил жёлтый галстук в зелёный горошек, который просто шикарно гармонировал с красной рубашкой и зелёными брюками, и бережно спрятал брелок в карман.

- Ну наконец-то! - воскликнул ко́нец. - Успел!

- Подстелишь на сиденье клеёнку.

Спустя три часа, два из которых он провёл в душе, Николас снова стоял в баре «Три Педали», протягивая Мурцию отмытый брелок. Мурций поправил жёлтый галстук в зелёный горошек, который просто шикарно гармонировал с красной рубашкой и зелёными брюками, и бережно спрятал брелок в карман.

- Ну наконец-то! - воскликнул ко́нец. - Успел!

Николасу очень хотелось спросить, что же там за аркан, но Мурций уже растворился, как по мановению волшебной палочки материализовавшись возле ближайшего скопления фей. Масан даже не успел уточнить, почему у ко́нца царापина под глазом - тщательно наложенный тональный крем не помешал Николасу её разглядеть.

Масан вздохнул, вытащил телефон и набрал заветный номер, сжимая в кулаке два билета на финал конкурса «Стиляга ТГ».

- Катерина?

Клуб «Ящеррица»

Москва

3 сентября, четверг, 21.20

Первый в Тайном Городе конкурс «Стиляга ТГ» собрал в «Ящеррице» публику, достойную премьеры Птиция. Количество концов на квадратный метр зашкаливало, а это автоматически означало, что количество красавиц также не поддастся разумному объяснению.

Прохаживались мимо сцены легкомысленные феи, посылая организаторам шоу многозначительные взгляды. Свирепо поглядывали на конкурентов их кавалеры, готовые сразиться за честь избранниц. Порхали представительницы остальных рас, придерживая кавалеров, чтобы те не слишком глазели на фей. Где-то курсировал с изяществом авианосца Сантьяга, видели возле бара Биржара, мелькал за кулисами Алир да метался между гардеробом и гримёрками участников запыхавшийся Птиций, которого сопровождал кордебалет.

Николас протолкался к своему столику, помог сесть Катерине и приветливо кивнул сидящему по соседству Лёке. Хван отсалютовал стаканом, выразительно бултыхнув бутылкой коньяка, но масан твёрдо качнул головой – предыдущий счёт ещё не оплатили.

Наконец все замерли, зал медленно погрузился во мрак, и на сцену вышел Птиций.

- Дорогие мои, сегодня знаменательный для всех нас день...

Николас слушал конца вполуха, больше занятый спутницей. Катерина заливисто смеялась, встряхивая роскошными волосами, и приветствовала каждый выход участников громкими аплодисментами.

Прошёлся по залу Мурций в нежно-фисташковом пиджаке, жёлтой сорочке и красных брюках, появился Тосций в ядовито-сиреновом костюме и зелёной рубашке, вернулся Мурций...

Что скрывать, Птиций отработал на славу, соорудив из дефиле настоящее представление: перерывы между выходами конкурсантов заполнялись шутками и танцами, ведущие, перебивая друг друга, комментировали наряды, а прекрасное жюри, состоящее сплошь из женщин, выставляло оценки.

Четвёртый выход закончился почти вничью – с отрывом в два бала лидировал Тосций, и всем стало ясно, что судьба конкурса решится сейчас. Птиций всплеснул руками, торжественно указал на кулисы и отодвинулся.

Вышагивающий по сцене Тосций поражал воображение. Вряд ли ещё кому-то из жителей Тайного Города пришло бы в голову надеть золотой пиджак, красную рубашку, синие штаны и жёлтые в горошек ботинки, но самым странным было то, что во всём этом кошмаре сюрреалиста Тосций выглядел очаровательно.

Публика взвыла, и жюри подняло оценки. Схватился за голову помощник Мурция – чтобы победить, его шефу нужно было получить четыре десятки из шести. Зал замер, луч света скользнул по сцене и осветил скромную фигуру в бежевом костюме, синей рубашке и жёлтых туфлях.

Публика замерла, изучая своего героя, который неспешно шёл к середине сцены.

- Друзья мои, – громко произнёс Мурций. – Благодарю вас за поддержку, и да победит сильнейший!

С этими словами конец выхватил что-то из кармана и разорвал пополам.

Мгновение ничего не происходило, а потом костюм Мурция засверкал разноцветными искрами, мерцающими всеми оттенками радуги. Мгновение, другое... и на сцене стоял герой дня, сверкающий костюмом, как рождественская ёлка огнями.

Синий, красный, зелёный, жёлтый...

Зал взорвался аплодисментами, а жюри взметнуло оценки.

И только Николас пытался сползти под стол, заметив на краю сцены знакомую ракушку.

Софья Косова, Ольга Лаврешина

Берег невозврата

Историю эту, любезный читатель, поведал мне Гисберт де Блер, Хранитель библиотеки Великого Дома Чудь, ещё в ту пору, когда я писал, да всё никак не мог завершить большой исследовательский труд «Шасы и их коммерческая деятельность во времена Ордена: мифы и реальность».

Вы, пожалуй, удивитесь, как это шаса допустили в библиотеку другого Великого Дома. Однако в науке так же, как в любви, границ нет, и мы, учёные, нередко работаем сообща. Поэтому, по рекомендации моего уважаемого учителя, мне открыли доступ пусть не ко многим, но редким и весьма полезным трудам наших уважаемых коллег из Ордена.

Забегая вперёд, скажу, что книгу свою я так и не закончил. Оно и к лучшему, всё равно цензура Тёмного Двора не пропустила бы. С другой стороны, запрет уже сам по себе делает автору некоторое имя и вызывает интерес к его работе. Впрочем, сейчас это не имеет значения, в Тайном Городе никакая слава меня уже не ждёт.

С самого начала можно было предположить, что так и выйдет. Как ни стыдно в этом признаваться, я никогда всерьёз не интересовался ни предпринимательством, ни историей собственной Семьи. Но профессии у нас передаются из поколения в поколение, от этой преемственности зависит и статус, и положение, и благосостояние. Подразумевалось, что я буду преподавать историю нашим финансистам. Учился я прилежно, но всё больше и больше времени посвящал человеческим наукам – физике и астрономии.

Заклинаю вас, не смейтесь, хотя «шасы и астрономия» звучит не менее абсурдно, чем, например, «Красные Шапки и дивидендные арбитражные сделки», но так уж вышло. Нелюди никогда не смотрели в космос – зачем это тем, кто знает о Большой Дороге? Но у людей свой путь, и мне кажется, когда-нибудь он уведёт их много дальше, чем нас. Семья, конечно, знала об этом увлечении, посмеивались даже первое время, но только до тех пор, пока я не сообщил о своём намерении получить второе образование в человеческом университете.

«Ты в долг бери, но в ипотеку-то не залезай!» – строго сказал мне отец, что в переводе означает «У любой придури должны быть границы».

Пришлось послушаться. Тем более, тогда я встречался с шасой из семьи Хамзи, мы любили друг друга, союз обещал быть счастливым во всех отношениях. И всё было бы хорошо, но работа моя не шла, день ото дня я мрачнел душой и понимал, что занимаюсь нелюбимым делом. А кому нужны книги или даже научные статьи, написанные из одной корысти? Удивительно, но родные ничего не замечали, а вот рыцарь де Блер – он заметил. Возможно,

потому, что, работая в библиотеке Ордена, вместо исполнения своих прямых обязанностей я решал задачи на определение лучевых скоростей звёзд, а, возможно, Гисберт просто проявил ко мне участие.

Однажды он пригласил меня выпить чаю и побеседовать – о жизни, не о науке. И я рассказал ему о своём нелёгком выборе, о решении, на которое мне не хватает мужества. Тогда-то он и поведал мне эту историю. Правда она или вымысел, не мне судить, но дело было так...

Часть 1

Про дракона

Начнём с самого начала. Место, где родился Сорен, называлось Золотым городом. В насмешку, не иначе, потому что золота здесь было не больше, чем в протянутой руке попрошайки. Зато тут жил дракон. Сложно поверить, но дракон этот не разрушил ни единого дома, не задрал ни одной овцы и не похитил даже самой кривобокой и захудалой девственницы. Просто прилетел однажды, лет буквально семьдесят тому назад, забрался в грот единственной в округе горы, и ни гугу, только дымок над вершиной вьётся, точно печку топят.

История дракона печальна. Далеко-далеко, за Янтарным хребтом, был его дом, но однажды ударила молния и раскрошила скалу, словно сухое тесто. Вместе с камнепадом рассыпались по расщелинам драконьи сокровища. Собрал дракон, что сумел – монеты за щёку, короны да кубки золотые в лапы, – и полетел искать новый дом, подальше от Янтарного хребта и других драконов, потому что стыдно, наверное, ему было. От сумы, как говорится, и от тюрьмы. Так дракон обосновался в горе у Золотого города, когда тот ещё не был Золотым.

Горожане перепугались – страсть. Каждый день ждали, что взметнётся пламя до небес и выжжет урожай, но минул год, другой, третий, а дракон всё спал. Или не спал, а просто грустил и раскладывал горками остатки своего золота.

Время шло, дракон не показывался, а люди, не будь дураками, придумывали истории о несметных драконьих богатствах, одна другой невероятнее. Сами сочиняли, сами верили. Опять же, не дело, чужую гору занял, разлёгся там, как король, только храп разносится, аж волки в лесу от страха разбегаются.

Давно настроения назревали, а тут как раз молодой правитель к власти пришёл, и вопрос решился. Одна шестая сокровищ и рука принцессы тому, кто принесёт во дворец голову дракона. По случаю предстоящего подвига и грядущего избавления города от чудища, которого никто никогда не видел, при дворе назначены были турниры, игрища, балы и прочие галантные действия, где будущие герои могли бы предстать перед принцессой во всём блеске. А желающих было немало...

Давно настроения назревали, а тут как раз молодой правитель к власти пришёл, и вопрос решился. Одна шестая сокровищ и рука принцессы тому, кто принесёт во дворец голову дракона. По случаю предстоящего подвига и грядущего избавления города от чудища, которого никто никогда не видел, при дворе назначены были турниры, игрища, балы и прочие галантные действия, где будущие герои могли бы предстать перед принцессой во всём блеске. А желающих было немало...

Вот тогда-то Сорен понял, что надо спешить. Три года он готовился, но, конечно, не ожидал,

что всё случится так скоро. Как я уже говорил, почтенный читатель, город только назывался Золотым, но, чтобы заработать там даже медную монетку, простому человеку надо было очень постараться. Вот Сорен и старался, медь лудил, кровли крыл, дрова рубил, кирпичи таскал, глину месил, горшки в таверне мыл, да чего только не делал. Ему необходимо было добыть хотя бы один золотой, но всё, чем он разжился, так это горстью мелких монет, которые прятал под полом, в старом штопаном носке.

Будь что будет, решил наконец Сорен и с тем, что есть, отправился к горе – дракона будить. Он очень боялся, что от звона меди тот не проснётся, но это был единственный шанс.

Сорен встал у входа в пещеру, ухватил покрепче носок с монетками и затряс, словно юродивый колокольчиком. Потом со страху, что полыхнёт, спрятался за выступ и крепко зажмурился.

- Кто тут? – прогудело трубно, и из темноты высунулась чешуйчатая голова, вернее, кончик носа.

- Меня зовут Сорен, – сказал юноша. – Я пришёл предупредить, что сюда скоро заявятся люди, чтобы убить тебя.

- Зачем? – спросил дракон и зевнул, окрасив воздух отсветами – синим и оранжевым.

- Чтобы сокровища твои отнять, – объяснил Сорен, выглядывая из-за своего укрытия.

- Отнять сокровища? – расстроился дракон.

Он вытянул шею и недовольно сощурился на солнечный свет. Кажется, с непривычки у него даже глаза заслезились.

- Да, – Сорен не хотел расстраивать дракона, но ничего тут не поделаешь.

- У меня же почти ничего не осталось, – растерялся дракон. – Как же я без сокровищ?

Тут, наверное, следовало объяснить, что никак, потому что людям понадобилось не только золото, но и его безобидная клыкастая голова, но Сорен просто не смог так огорчить дракона.

- Тебе надо улететь, – дипломатично предложил Сорен. – Я знаю про твою беду, хотел принести тебе золотой или даже два, но не успел скопить. – И неловко раскрыл ладонь, показывая то, с чем пришёл.

В самом деле, чудо, что дракон проснулся. Драконы ведь просыпаются только от звона золота или если чувствуют, что кто-то собирается их ограбить.

- Поможешь мне собраться? – вздохнул дракон.

- Конечно! – кивнул Сорен.

- Но, смотри, если вздумаешь хоть один камушек прикарманить...

- Ты же дракон, ты же читаешь мысли и должен знать...

- Враки, – пробубнил дракон. – Неважно. Заходи, – и скрылся в пещере.

Сорен поправил перевязь, мысленно похвалив себя, что догадался прихватить два новёхоньких холщовых мешка. Их можно будет приспособить к холке дракона, так ему будет удобнее нести

своё имущество.

А ещё Сорен знал, что больше никогда-никогда не вернётся в Золотой город, и от этого сердце его билось часто и радостно.

* * *

Новый дом дракону сыскался в самом сердце Трижды Мёртвого леса, в гроте у подножия поросшей можжевельником горы. Если верить легенде, жители деревни, соседствующей с лесом, издревле задабривали местных духов человеческими жертвами. Духи были исключительно кровожадны и требовали страшных, кровавых ритуалов. В ночь жертвоприношения жители деревни прятались под дерюжками и затыкали уши паклей, потому что ветер доносил вопли несчастных даже из самой глубины чащи. И вот однажды три девушки, коим по жребию выпало умереть за день до наступления зимы (а именно тогда проводился обряд), испугавшись предстоящей боли, сами сбежали в лес да и повесились на ветвях старого дуба.

Духи, конечно, разгневались, послали неурожайный год, много народу погибло от голода. И ни один охотник, уходивший в лес, не вернулся домой.

С тех пор минуло немало времени, справная деревня выросла в богатый город, но и по сей день дуб этот – как веха на границе со страшным, неведомым миром, где властвуют злые силы и маются неупокоенные души. Смертным туда ходу нет.

- Духи тебе не страшны, а люди сюда не придут, – сказал Сорен на прощание.

- А сам ты духов не боишься? – спросил дракон.

- Совсем нет, – улыбнулся Сорен, хотя при нём не было ни меча, ни оберега. – В детстве цыганка нагадала, что я встречу свою судьбу у большой воды. А здесь только озёра, осокой поросшие. Не могу же я умереть до встречи с судьбой.

- Так ты судьбу свою искать отправляешься? – прищурился дракон.

- Да! – отважно ответил Сорен.

- А знаешь, зачем драконам золото? – неожиданно перевёл тему дракон и положил голову на большой кованный сундук.

- Все драконы охраняют сокровища, – пожал плечами Сорен. – Такова ваша...

- Судьба? – подсказал дракон.

- Природа, – подобрал Сорен точное слово.

- Золото для нас, как для вас солнце или огонь. Греет оно, мы на нём спим, видим сны о прошлом и будущем, – объяснил дракон и вздохнул – дым пыхнул из его ноздрей. – Твоя медь не разбудила бы меня, но я давно уже не могу уснуть.

У Сорена сжалось сердце, и он опустил глаза. Надо же, такое древнее, огромное существо, внутри огонь, а вот мёрзнет и спать не может.

- А почему ты... – начал было Сорен, но замолчал.

- Хочешь спросить, почему я не ограблю ближайший город? - угадал дракон. - Потому что не хочу отбирать чужое. Хотя это вполне в моей, как ты выразился, природе. И вот что, - дракон снова сменил тему и лапой пододвинул к Сорену маленький кожаный мешочек, - возьми одну, на память.

Сорен расшнуровал мешочек - внутри обнаружилось несколько дюжин медных, почерневших от времени монет, на которых был изображён заострённый книзу гербовый щит, а на нём - вставший на дыбы единорог.

- Никогда таких не видел, - удивился Сорен, бережно кладя монету на ладонь. - Они из очень далёкой страны, верно?

- Как сказать... - раздумчиво ответил дракон. - Но ценности они не имеют, и волшебства в них никакого не заключено.

- Подарок от дракона - это ли не волшебство? - Сорен горячо поблагодарил дракона и повесил одну из монет на шею, вместе с перламутровой ракушкой каури, цыганским амулетом - напоминанием о том самом предсказании судьбы.

- Заходи, если будешь в этих краях, - сказал дракон.

- Обязательно! - пообещал Сорен.

Ему очень хотелось погладить драконью морду, но это было бы, конечно, верхом бестактности. Поэтому он просто помахал рукой на прощание и отправился своей дорогой, напрямик через лес.

Часть 2

Про мага

Стоит ли удивляться, что к незнакомцу, вышедшему из леса, а не прибывшему к городским воротам, как все честные люди, с торговым обозом, у стражников возникло немало вопросов. Сорен не сумел внятно объяснить, как добрался из Золотого города, до которого пять суток верхом, и путь этот настолько опасен, что никому и в голову не приходило отправиться по нему в одиночку. Тут Сорена, конечно, скрутили и потащили напрямик в замок правителя, в подземелья которого попадали все мало-мальски подозрительные пришельцы. Поскольку в данный момент двор изволил выехать на озеро, стрелять уток, допрашивать Сорена было некому, и пленника просто швырнули в камеру.

- Шпион? - скучным голосом спросили из темноты.

Поднявшись на ноги и отряхнувшись от соломы, гнилыми пучками раскиданной по полу, Сорен пошёл на голос.

- Нет, - ответил он и оступился, едва не влетев лбом в каменную кладку.

- Сядь здесь и не мельтеши, - велел голос, и откуда-то сбоку негромко зашуршало.

- Я ничего не вижу, - пожаловался Сорен, но наконец уселся, дую на ободранные ладони.

- Привыкнешь.

- Я не шпион, - повторил на всякий случай Сорен.

- Откуда это у тебя? - Чужой палец резко и больно упёрся в солнечное сплетение - точно палкой ткнули.

Сорен не заметил, как из распахнутого ворота рубашки выпало его единственное богатство - ракушка и монетка на потёртом кожаном шнуре. Он инстинктивно прикрыл талисманы ладонью и отодвинулся.

- Откуда? Это? У? Тебя? - повторил мужчина, и по голосу было слышно, как он взволнован.

- Ракушку мне дала цыганка, она...

- К татам ракушку! Ты понял, что я не об этом!

Сорен уж было хотел спросить, кто такие таты, но опасался разозлить этого странного человека.

- Если я скажу, что монетку мне подарил дракон, вы всё равно не поверите, - пробормотал Сорен.

- Представь себе, поверю, - ответил незнакомец неожиданно и шумно отпил из глиняной кружки.

И Сорен рассказал - а почему не рассказать? И про дракона, увидеть которого мечтал с детства, и про то, как отправился его спасать - с пригоршней медных монеток. В общем, про всё. Пока говорил, привык к темноте и уже различал очертания своего соседа по заключению, оттопыренные уши и даже рыжую щетину, многодневную такую, почти бороду. Назвался он Бенедиктом.

- Видно, тебя сам Спящий выбрал, - вздохнул Бенедикт. - Встретить одного из разумных - небывалая удача. Хотя мы и знаем, где они обитают, но нам запрещено ходить в те края... Давным-давно на земле жил народ, который был дружен с драконами, но шло время, и драконы стали вырождаться, начали всё больше походить на обычных животных. И тогда часть из них, желая сохранить свободу и знания, ушла. Мы не препятствовали, и много веков они живут обособленно, не пуская чужаков на свои земли. Некоторые пытались счастье, кто-то возвращался ни с чем, а кто-то не возвращался вовсе.

- А что за народ такой? - Сорен слушал, затаив дыхание.

Бенедикт помолчал, а потом ответил:

- Маги.

- И ты, ты тоже маг? - изумился Сорен. - Но тебя же сожгут!

- Будешь ещё орать - сожгут, - осадил его Бенедикт. - Никто не знает, других магов в городе нет. И я здесь не поэтому.

- А почему?

Сорен, конечно, понимал, что задаёт слишком много вопросов, но он впервые видел живого мага, пусть и при таких невесёлых обстоятельствах.

- Другу помогал в одном деле, противозаконном, конечно, - вздохнул Бенедикт, а потом добавил безучастно: - Завтра нам головы отрубят, обоим. Или послезавтра.

- Погоди, - зашептал Сорен, - но раз никто не знает, что ты маг и на тебе нет оков, значит, ты можешь бежать?

- Могу, - рассеянно кивнул Бенедикт.

- Так за чем же дело стало?

- Тогда все поймут, что я маг. И друга моего в пособничестве заподозрят. Я сбегу - его пытать станут. А так нас убьют быстро и почти безболезненно. - Бенедикт говорил едва слышно, через паузу на долгий глоток воздуха. - Я знаю, что такое пытка, и не... - Он замолчал, привалившись плечом к стене.

- Почему ты мне это рассказываешь? Вдруг я твою тайну выдам? - некстати засомневался Сорен.

- Тебя выбрал дракон, и я чувствую, что ты не врешь, - Бенедикт слабо взмахнул рукой и вновь погрузился в свои мысли.

Сорен не стал дальше расспрашивать.

- Расскажи про дракона, - попросил Бенедикт.

Сорен поёжился и отодвинулся от стылой каменной стены.

- Жил он за Янтарным хребтом...

Часть 3

Про кузнеца

Грохот пушечного выстрела был похож на далёкий раскат грома - Сорен отошёл от города на милю, но всё равно вздрогнул и остановился, на мгновение закрыв глаза. Мрачная громада городских стен высилась в рассветной дымке за спиной, вороньё с криками вилось над призрачными зубцами.

Он всю ночь рассказывал Бенедикту про дракона - про свою жалкую, в несколько медяков, но всё же удачную попытку спасти беднягу, про золото, про бессонницу, про то, как не решился погладить удивительное существо по чешуйчатому носу. Рассказывал, пока не охрип, пока не лязгнула дверь и в камеру не вошли стражники - оказывается, уже пробило четверть седьмого. Мага увели, не позволив попрощаться толком, а Сорена вытурили внаше, туманно наказав «зря не шляться».

И сейчас, стоя вдалеке от городских ворот, он слушал эхо далёкого выстрела и медленно осознавал, что того, кто так хотел узнать о драконе, больше нет.

Когда Сорену удалось сдвинуться с места и вновь отправиться туда, куда глаза глядят, он толком не помнил. Шёл себе, загребая ногами густую жёлтую пыль, облизывал губы, потрескавшиеся от жары, перекидывал с плеча на плечо тощий узелок и старался ни о чём не думать.

Дорога привела его в безымянную деревушку, приткнувшуюся на излучине быстрой реки. Несколько кособоких домиков, что-то вроде постоянного двора с трактиром, возделанные местными аккуратные участки полей. В неподвижном воздухе позднего полудня далеко разносились удары кузнечного молота.

И Сорен отчего-то направился не на постоянный двор, а туда, откуда доносился этот перестук.

Кузница притулилась на околице и смотрела на мир узкими слюдяными окошками. Под навесом, занимавшим едва ли не полдвора, высился горн, рядом стояла бочка с водой, лоток с песком и наковальня, на которой, под размеренными ударами молота, так и норвила выпрыгнуть из щипцов раскалённая подкова.

Сорен остановился, разглядывая кузнеца: литые мускулы загорелых рук и длинная девичья коса, небрежно переброшенная через плечо. Он кашлянул, привлекая внимание, и девушка обернулась, опустив молот и развязывая стянутый в узел широкий отрез ткани, повязанный на лоб, как лента.

- Здравствуй, странник, - приятным низким голосом проговорила она. Зелёные глаза смотрели на Сорена без страха, спокойно и дружелюбно. - Что привело тебя ко мне?

Сорен и сам не знал. Но развернуться и уйти, налюбовавшись, было неудобно, поэтому он сказал:

- Да вот, ищу, где остановиться на ночь.

Прозвучало глупо и нескромно, но девушка даже не порозовела, только глаза блеснули озорно да лёгкая улыбка тронула уголки губ. Она шагнула вперёд, стаскивая рукавицу, и протянула для пожатия маленькую крепкую ладонь.

- Ганна.

- Сорен.

- Проходи, странник Сорен. Закончу с делами, покормлю тебя и на ночлег устрою. - Она смерила его пристальным, долгим взглядом и вдруг усмехнулась: - Не бойся, платы не возьму. *Никакой.*

Сорен подумал было обидеться - надо же, *никакой!* - но тут же сообразил, что девушка над ним посмеётся, и вежливо кивнул в ответ. Ганна махнула рукой - располагайся, мол, - и снова взялась за молот. Звонкое эхо рассыпалось в душном, дымном воздухе.

Когда солнце коснулось верхушки леса, они сели ужинать. Ганна, переодевшись в чистую белую рубаху и холщовые штаны, сноровисто собрала на стол: простую похлёбку, хлеб, домашний эль. Они сидели друг против друга, почти соприкасаясь коленями. Её чисто умытое, гладкое лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени. Когда она подносила кружку к губам, рука её едва заметно дрожала - Сорен решил, что от усталости, всё ж таки не женское это дело - кузнечное ремесло. Но спросить так и не решился.

Ганна заговорила сама - когда они вдвоём помыли посуду в большой бочке и уселись бок о бок на крыльце, глядя, как стелются по земле долгие сизые тени.

- Тебе, наверное, много чего спросить хочется, странник Сорен, да не знаешь, как начать?

Усмехнулась, подтолкнула локтем в бок: смелее, не робей. И опередила Сорена на мгновение:

- Почему такая девушка, как я, занимается таким делом?

- Именно.

Ганна склонила голову - волосы мягкой волной скатились по плечу, закрывая лицо. Сорен смотрел на её руки - жёлтые застарелые мозоли, пальцы с набухшими суставами и кожей в мелких ожогах, ногти обломаны. Она бессознательно сжимала и разжимала ладони, морщась, словно преодолевая боль.

- Многие хотели бы знать, - сказала она и добавила совсем уж странное: - Даже я.

Сорен открыл было рот, но Ганна легко хлопнула его по колену.

- Нет, погоди. Сама всё расскажу. Этим и заплатишь - выслушаешь меня. - Она выпрямилась, снова поморщившись, откинула волосы назад, устремила взгляд в темнеющее небо. - Мало кто забредает сюда случайно, а остаются и того меньше. Слушай, странник. Я родилась не здесь, а в далёком, удивительном городе, в семье, где девочек с самого рождения прочат в волшебницы. - И рассмеявшись вдруг, спросила: - Веришь, что есть такое место?

- Верю, - честно сказал Сорен. Как не поверить, после всего, что с ним приключилось.

Ганна посмотрела на него удивлённо и благодарно и продолжила:

- Я родилась не такой, как мои сёстры, ни силы волшебной во мне не было, ни таланта, учить меня не учили, бесполезно же, а сосватали за старого богатого барона, чтобы хоть какой-нибудь толк от меня был. Мне исполнилось семнадцать, свадьбу назначили на День урожая. Накануне я подмешала няньке в вино сонный порошок и сбежала. Думала, обдурю судьбу свою, живут же другие без магии и славы добиваются, и почестей. Решила, докажу, покажу, на что способна, и тогда только вернусь домой. Да не вышло ничего. Я скиталась нищенкой по чужим землям, батрачила где придётся, денег немного скопила и обосновалась тут - место здесь глухое, путники редко заходят, да и времени прошло достаточно, чтобы решили, что меня уже нет в живых. Теперь вот думаю, правильную ли дорогу я выбрала?

Кожа Ганны, при свете пламени показавшаяся Сорену золотистой, в сумерках обрела почти мертвенную бледность. Он словно только что её разглядел - полукружья теней под глазами превратились в глубокие синяки, резче обозначились скулы. Девушка поднялась со своего места, сцепив зубы, удерживая стон, сунула руку в карман, достала и закинула в рот какой-то корешок.

- Лечебная трава, - объяснила она. - Облегчает боль, помогает уснуть.

- Ты... - начал было Сорен, да осёкся. Ганна смотрела на него сверху вниз, спокойно, даже сочувствующе как будто.

- Жар горна опалил моё горло, - проговорила она. - Дым разъел нутро. Молот сорвал спину. Железо отравило кровь. Но это всё равно, что обвинять ручей, что он землю размывает, или пламя - что пожирает дерево. Я сама сделала выбор.

Она похлопала Сорена по закаменевшему плечу, поднялась по ступенькам и исчезла в доме.

Она похлопала Сорена по закаменевшему плечу, поднялась по ступенькам и исчезла в доме.

На бледном небе выступили первые редкие звёзды.

Часть 4

Про море

Не так Сорен представлял себе завершение своего путешествия. Он никогда не видел моря, но много о нём читал – о просторах величественных и необозримых, об изогнутой линии горизонта, о кораблях, чьи паруса белее снега, а мачты – выше церковных шпилей. Сорен спешил навстречу сказке, а оказался на торжище. Вокруг сновали лоточники, одной рукой отсчитывающие мелкие монетки на сдачу, а другой размахивающие скрученными в жгут полотенцами, отгоняя ос от подносов со сладостями. Тут же бродили нищие, яростно стуча костылями по брусчатке и выкрикивая ругательства вслед нарядным, богатым экипажам. Под вызывающий хохот пьяных с ночи женщин из «весёлого дома» моряки с синими татуированными руками перетаскивали пудовые мешки из трюмов на повозки. Вереницей спускали по трапам рабов и лошадей. От запахов – кислых, горьких, резких, пряных – кружилась голова.

Отвратительно здесь было всё – кроме кораблей. Сорен видел драконов, видел магов, но кораблей не видел никогда. А сейчас с носа высокой четырёхмачтовой каравеллы, внахлёт обшитой тёмным дубом, на него, раззявив пасть, взирала химера. И ещё – стоящая на палубе девушка, прекраснее которой он не встречал никого. Она смотрела на Сорена с лучистой улыбкой, а за спиной её, нестерпимо сияя золотом, крутились прикрепленные к мачтам птицы-флюгеры.

- Эй, парень! Иди сюда! – Сорена привёл в чувство басовитый окрик – спускаясь с трапа корабля, к нему спешил то ли моряк, то ли портовый, в ухе у него покачивалось золотое кольцо, а загорелое лицо заволакивало клубами едкого дыма – он попыхивал толстой самокруткой и говорил, не вынимая её изо рта.

- Грамотный? – спросил, уперев руки в бока.

- Грамотный, – кивнул Сорен.

- Работу ищешь?

- Я? – Сорен удивился и вновь поднял глаза к борту – девушка всё так же улыбалась ему.

Неужто сбылась ворожба старой цыганки? Вот она, его судьба – большая вода, солнце в зените, солёный ветер?

- Судно торговое, мастер Форель, хозяин мой, с дочерью путешествует, – принялся объяснять моряк. – В трюмах подсобить нужно, книги учётные вести, а у нас, как назло, человек с тифом слёг. Завтра в море, три монеты серебром в неделю. Ну?

- Я готов! – выдохнул Сорен, сердце его забилося у самого горла.

- Учти только – уйдём надолго, пять портов, да и моря не самые спокойные... Год палубу потопчешь, как пить дать.

Год? Да хоть сотню лет – если *она* будет рядом. Улыбка её светлая, взгляд ласковый, голос, наверняка похожий на тихий, мягкий шелест волн.

- Согласен!

- На рассвете будь здесь, – тяжёлый кулак толкнул его в плечо, чуть не сбив с ног.

Моряк хохотнул и вернулся к трапу, напевая что-то весёлое, а ошеломлённый Сорен всё глядел вверх и не мог наглядеться... Он вдруг понял, что так и не спросил моряка, как зовут эту девушку, но на самом деле это было не важно.

Пока поднимался по широкой каменной лестнице, ведущей из порта, Сорен всё теребил ракушку, свой счастливый талисман. Чего он только себе не надумал! Уже представил, как на корабль нападут пираты, а он, конечно, будет сражаться храбрее всех, и мастер Форель (кажется, так звали хозяина судна?) отдаст свою дочь ему в жёны.

Очнулся Сорен от грёз у дверей трактира. У него оставалось немного денег, как раз на обед и ночлег, а утром – утром начнётся долгожданная новая жизнь.

Внутри оказалось мрачно и многолюдно, чадили свечи, пахло капустой и кислым вином. Сорен попросил самую простую похлёбку и устроился на дальней скамье, за длинным столом.

- Не возражаешь, приятель? – напротив присел высокий худой человек, облачённый в длинный шерстяной плащ с откинутым капюшоном, прямой взгляд и скупые жесты выдавали в нём воина.

- Пожалуйста, – кивнул Сорен.

Он взглянул в лицо незнакомцу – и испугался. Как в темнице, когда Бенедикт увидел монетку с единорогом на его шее. Сейчас она точно так же выпала из ворота, и мужчина смотрел на Сорена, словно у того крылья за спиной выросли.

- Кто ты? – спросил незнакомец одними губами, наклоняясь почти к самому лицу Сорена.

- Меня зовут Сорен, – сухо представился тот, быстро пряча талисман за пазуху.

- Ты человек? – спросил мужчина совсем уж странное.

- Вы пьяны, – Сорен подхватил свой узелок с намерением немедленно уйти, но незнакомец вцепился в его руку, хватка у него была железная.

- Постой, я ничего тебе не сделаю, хочу только поговорить. – Он медленно разжал ладонь и даже отодвинулся, но тут же спросил нетерпеливо: – Откуда у тебя эта вещь?

- Мне подарил её друг, на память, только и всего, – ответил Сорен. – И сказал, что она не имеет никакой ценности. Не вы первый спрашиваете – что в ней особенного?

- Только то, что твой друг – из Тайного Города, – мужчина прищурился, ожидая реакции.

- Ничего об этом не знаю, – растерялся Сорен.

- Узнаешь, если расскажешь мне о нём. И о себе. – И достал из поясной сумки массивную старинную брошь – серебро тончайшей чеканки, яркие, очень чистые камни и единорог, такой же, как на монете. – Я попрошу вина, кажется, нам есть о чём поговорить. Кстати, меня зовут

Вернер.

Сорен пожал протянутую ладонь, и Вернер отошёл к прилавку, за которым хозяйничал хмурый трактирщик, разливая по кувшинам кому пиво, кому вино.

Рассказывал Сорен, как ему казалось, путано, его быстро разобрал хмель, но Вернер слушал внимательно, не перебивал.

- Те, кого ты встречал, не были людьми, - сказал он, когда Сорен закончил свою историю. - Я тоже человек только наполовину, мать открылась мне перед смертью и дала вот это, - он бережно тронул серебряную брошь. - Потомки древних народов, которые населяли землю задолго до нас, мой отец один из них, скрываются в Тайном Городе, и я хочу найти его.

Сорен молчал. От выпитого свечной огарок двоился перед глазами, и, охваченное нехорошим предчувствием, ныло сердце. Он попросил простой воды, одним махом опорожнил кружку, немного брызнул себе на лицо.

- Желаю тебе удачи, Вернер, - Сорен поднялся, ему очень хотелось на свежий воздух, побыть одному, подумать.

- Пойдём со мной, - предложил Вернер.

- Не могу, - покачал головой Сорен. - Я нанялся на корабль, он уходит на юг, а там... - Он улыбнулся своим мыслям. - Там моя судьба.

- Я помню, да, цыганское предсказание, - кивнул Вернер. - Женщина, любовь, море... Возможно, ты прав.

Сорен уже стоял на пороге, когда Вернер окликнул его:

- Если передумаешь, я останусь здесь и тронусь в путь на рассвете!

Сорен ничего не ответил.

* * *

Оказывается, где-то есть удивительные края, там живут могущественные волшебники - прячутся, потому что людей много, а их мало. Сколько знаний, сколько чудес хранит в себе этот Тайный Город? Оттуда родом храбрый Бенедикт, который мог вернуться домой, но предпочёл умереть опозоренным, на плахе, но не обрекать друга на страдания. Там родилась Ганна, девушка-кузнец, которая тоже отвергла свою судьбу и которую ждёт горькая старость в одиночестве и болезнях. Вот бы отыскать родных Бенедикта и Ганны, рассказать им...

Самый простой путь - отправиться к дракону, спросить у него дорогу к Тайному Городу и помочь Вернеру отыскать отца. И воочию увидеть мир, о котором мало кому ведомо. Другое дело, что дракон может ничего не сказать. Или он уже вернулся за Янтарный хребет, а смертным туда нет дороги.

Все, кого встречал Сорен, восставали против своей судьбы, шли трудным, безрадостным путём. И юноша знал, что если решит искать Тайный Город, то потеряет всё. Не будет второй «встречи у большой воды», ничего уже не будет, только бесконечная дорога.

Рассвет застал Сорена на ступенях трактира, он сам не заметил, как провалился в сон,

прислонившись щекой к нагретому за день дереву.

- Я знал, что ты придёшь, - сказал Вернер, подавая юноше руку и помогая подняться.

- Куда мы идём? - спросил Сорен.

- В порт, - ответил Вернер.

В сердце Сорена легонько защемило - нет, не отпускает предсказание, упорно сводит дороги в одну. И когда он увидел ту самую каравеллу с поднятыми полосатыми парусами, пронизанными солнцем, то на мгновение замер - не могло ему настолько повезти. Действительно, не могло - Вернер тянул его дальше, туда, где причал изгибался каменным полумесяцем и покачивались на волнах рыбацьи лодки. Сорен шёл и всё смотрел на каравеллу, тщетно пытаясь разглядеть среди спующих на палубе людей того моряка и... её, удивительную незнакомку с волосами цвета солнца. И когда Вернер остановился, Сорен с размаху ткнулся ему в спину и замер, не веря своим глазам.

Старая шхуна с печально обвисшими парусами, которые некогда были голубыми, но за многие годы выцвели до бледно-серого, качалась у причала. Возле неё пыхтел трубкой бородатый рыбак, лицо которого напоминало рисунок на коре старого дерева. Увидев Сорена и Вернера, он проскрипел недружелюбно: «Думал, вы уж не явитесь. Живо на борт», - и первым полез по сходням, опасно кренясь из стороны в сторону.

Старая шхуна с печально обвисшими парусами, которые некогда были голубыми, но за многие годы выцвели до бледно-серого, качалась у причала. Возле неё пыхтел трубкой бородатый рыбак, лицо которого напоминало рисунок на коре старого дерева. Увидев Сорена и Вернера, он проскрипел недружелюбно: «Думал, вы уж не явитесь. Живо на борт», - и первым полез по сходням, опасно кренясь из стороны в сторону.

Сорен в отчаянье обернулся - каравелла с полосатыми парусами медленно отчаливала, горделиво устремив нос в бескрайний морской простор. Но признаться себе в том, что ещё чуть-чуть и он, возможно, принял бы иное решение, Сорен не мог. Чувствуя себя подавленным, он поднялся на борт шхуны и встал у борта, плотнее запахнув плащ.

Шхуна отчалила неспешно - провонявшее тиной судно тащило путешественников и нехитрый свой груз по мелким весёлым волнам. День прошёл без происшествий, правда, капитан то и дело с беспокойством поглядывал за борт и ворчал что-то про рыбу-луну. «Всплывая к поверхности, она предвещает бури», - объяснил Вернер.

Когда над головой, расправляясь ветром, захлопали паруса, Сорен спросил:

- А почему морем?

Вернер помолчал, взглядываясь в даль, потом ответил:

- Мать сказала, что отец уплыл на север, на большом корабле с золотым единорогом на гроте.

А каравелла продолжала своё движение, отставая от них, если верить капитану, на полторы морские мили, словно не решаясь окончательно отвернуть в сторону и навсегда разлучить Сорена с написанной на роду судьбой. Он смотрел на её силуэт и тщетно гадал, стоит ли на палубе та девушка и видит ли она маленькую неуклюжую шхуну?

Перед закатом ветер стих, а солнце стало красным, как нагретая пламенем монета. Горизонт заволокло дымкой, где-то далеко, над смутными очертаниями земли, заворчал гром. Капитан спешно отдал приказ убирать паруса: «Будет буря, да ещё какая...» Темнота обрушилась вместе со шквальным ветром, и вода, повинувшись луне, пошла на убыль, утаскивая шхуну на гибельные мели. Валы высоко поднимали судно, между ними разверзались провалы, открывая неровный грунт, и уже не было спасения. Румпель переломился, палуба прогибалась и трещала. Из последних сил цепляясь за мачту, Сорен видел, как от страшного крена люди катились за борт, как с последним приказом – распустишь стаксели! – исчез в чёрной пучине капитан, и только Вернер держался рядом, сплёвывая едкую морскую воду, висел, цепляясь за канаты, и умирать не собирался. У него был Тайный Город. И у Сорена теперь тоже.

Они спаслись чудом – на обломке мачты, за которую так отчаянно держались. Глаза и израненные ладони горели от соли. Из вспененной воды то и дело выплывали толстые обшивные доски, но ветер унялся, тучи разметало, и в небе показалась розовая луна. Ноги сводило от холода, и отчаяние накрывало волнами, одна за другой, было страшно так, как никогда в жизни.

И вдруг...

– Смотри! – прокричали Сорен и Вернер одновременно, с той только разницей, что смотрели они в разные стороны.

Сорен видел ставший вдруг невозможно близким силуэт каравеллы – паруса спущены, на палубе мелькают огни, слышны крики людей. А к ним, разгоняя обломки, плывёт лодка, подчиняясь дружным взмахам вёсел: их заметили, их пытаются спасти.

А Вернер глядел в другую сторону. Неотрывно, неверяще, не слыша, как Сорен орёт ему в ухо, как тормозит и пытается заставить плыть навстречу лодке.

– Смотри, – повторил он, кашляя и сплёвывая воду. – Туда... Видишь, где земля?

– Что? Что? – Сорен не понимал, его трясло от холода, а лодка была ещё так далеко, и нужно было плыть к ней и кричать, что они здесь и они живы...

– Дракон, – сказал Вернер.

И Сорен замер, чуть было не отпустив спасительный обломок. Сощурился, вглядываясь в клубящийся на горизонте мрак уходящей бури. Что-то было в нём – причудливое, нездешнее, и Сорен вдруг понял, что вот сейчас пришло время принимать решение по-настоящему.

– Дракон... – повторил он.

Вернер засмеялся – хрипло, сорванным горлом.

– Поплыли!

За спиной, шлёпая вёслами по воде, лавировала лодка, человек с фонарём звал живых, и каравелла возвышалась над ними опутанной огоньками громадой, и где-то на ней его ждала девушка с бирюзовыми глазами. А впереди маячила далёкая земля, и Сорену чудилось, что холодный отражённый свет луны, приближаясь, заслоняет золотое драконье крыло.

* * *

Вы, конечно, спросите, неужели разумные драконы существовали в действительности? История Великого Дома Чудь говорит, что да, но они одомашнились все до единого, и нигде, даже в самой старинной книге, не найти подтверждения тому, что часть драконов покинула Тайный Город. Но рыцарь де Блер любит повторять, что он хранитель библиотеки, а не веститель истины. Возможно, в этой притче гораздо больше правды, чем полагает он сам. Я хотел бы в это верить, так же, как в то, что Сорен и Вернер выжили и отыскали Тайный Город и их история закончилась лучше, чем моя.

Я всё-таки поступил в чешский университет, вопреки воле отца. После этого, конечно, пришлось покинуть дом, да и друзей в Тайном Городе у меня со временем не осталось. Я ушёл к челам, насовсем, работаю младшим научным сотрудником в Институте астрономии, снимаю жильё неподалёку. Район, конечно, дорогой, но мама и братья помогают деньгами. На жизнь зарабатываю уроками, с девушкой расстался, смешно даже думать, что она захотела бы встречаться с таким, как я.

Скучаю ли я по Тайному Городу? Скучаю. Гуляя по Краснопресненской набережной, часто думаю, правилен ли был мой выбор? Не ошибся ли я? И ответа не нахожу. У меня есть телескоп, большое и интересное дело, целый космос, который изучить – жизни не хватит. Но нет Семьи, и никого по-настоящему близкого тоже нет. Прав ли я? Время покажет.

Елена Лис

Сказки Тайного Города

Сказка о монетном деревце

Пожилый шас вошёл в спальню к сыну, тихо прикрывая за собой дверь. Жена уже спала, и он не хотел будить её. Сын не спал, ждал его и во все глаза смотрел на отца.

- Ты обещал сегодня старую сказку...

Тот улыбнулся:

- Да... И пришёл тебе её рассказать. Но для начала вот тебе маленький подарок... - Он протянул сыну коробку. - Осторожно... Оно хрупкое!

Сынишка, не дыша, развязал ленточку, снял крышку и заглянул внутрь. Там в маленьком горшочке стояло растеньице, которое он часто видел в лавке отца. И дома у них жило такое же. Он разочарованно поднял на отца большие чёрные глаза.

- А теперь я расскажу тебе сказку... И ты сам всё поймёшь. Устраивайся поудобнее. - Старый шас подложил под спину подушку, полуложась на кровать, а сынишка, устроив рядом с собой странный подарок, устроился у отца головой на плече...

- Многие века назад гарцевал по Земле огненный единорог. Рыжие сыны вечно молодого Пламени потрясали оружием, ища супостатов во всех уголках покорённого Мира. Но сокрытым от них оставался один закуток – Город, куда уходили побеждённые.

Думаешь, кому-то там было грустно или страшно? Нет!

Рыжие много теряли – из-за собственного нрава и количества стали они не могли войти в доверие... и в Двери этого фантастического места! Там кипела жизнь, там продавали и покупали всё, что можно было продать и купить, там крутили романы и убивали, а продолжительности интриг позавидовали бы и сейчас.

И вот, в этом шумном и непередаваемо прибыльном месте жил один молодой шас. Звали его Мишвар. Был он, увы, беден. От родителей ему осталась только побитая временем лавчонка на отшибе да кое-какой скарб.

Выдался погожий денёк, и Мишвар решил проветрить дом и сделать наконец уборку. Он выносил на улицу пыльные коробки, перебирая хлам, и на дне очередной нашёл обычную мелкую монетку. «Ну хоть что-то», – подумал Мишвар. Он взял монетку, любяще потёр её и увидел, что на монетке с одной стороны кто-то ножиком нарисовал улыбающуюся рожицу. «Испортили, гады... Теперь ничего с ней не сделать, наверное». Расстроился он очень, да, так и не закончив уборку, пошёл в город. Ноги несли его мимо чужих уважаемых лавок, мимо счастливых лиц торговцев...

И вдруг он увидел воткнутую в землю палку, на которой сидела небольшая сова. А рядом висела табличка «Кому не жалко монетки – помогите. Вам же в разы приумножится счастье сделанное». Написано было корявенько.

Шас постоял, посмотрел на сову, на забавную надпись. У него и была-то с собой всего одна монетка. «Всё равно ты подпорчена. Мне вряд ли пригодишься. Может, ты порадуешь того, кому плохо?» – Он посмотрел ещё раз на улыбающуюся нацарапанную рожицу и опустил монетку в тарелочку для подаяний.

Пошёл дальше Мишвар, что толку глазеть на чужое счастье? Вернулся он к себе. Прибрал оставшийся беспорядок, перекусил да спать лёг.

Прошло два дня, и на третье утро проснулся шас и понял, что заболел. Видать, в щели окон продуло. Надо в город за лекарствами.

Собрался, забрал все деньги, что были, и пошёл. Зашёл в одну лекарскую лавку, в другую, но цены казались непомерными. Закашлявшись, он вышел из последней лавки, и вдруг его поймал за рукав подросток, люд.

– Идёмте к нам. Мы поможем...

Ничего не понял Мишвар, но отправился за ним.

Привёл его мальчик к тому дому, около которого и сидела совушка. Завёл внутрь, а там уютно, тепло, и от запаха целебных трав шасу сразу полегчало.

Навстречу ему из-за прилавка вышла красивая пожилая люда.

– Здравствуйте, чего желаете?

– Вот... Приболел я. Мне бы что-нибудь недорогое. Может, найдётся?

Люда кивнула ему с улыбкой, ушла куда-то и вынесла небольшую корзиночку.

– Тут вот от кашля, тут вот от простуды...

- Но у меня не будет столько денег!

- Не волнуйтесь, я возьму с вас совсем немного.

И правда, названная цена была, кажется, сказана просто, чтобы даром не отдавать. Протянул он женщине монеты, а она ему с лукавой улыбочкой вложила в ладонь сдачу. И сказала на прощание:

- Заходите ещё.

Вышел от неё шас счастливый и очень удивлённый, смотрит в ладонь - а там среди прочих его монетка лежит. Улыбается. Улыбнулся и он ей невольно...

Пошёл домой и вдруг слышит - ругань, шум! Около кузницы стоит могучий нав-кузнец, а рядом люд какой-то, шириной плеч не уступающий. А на табурете рядом - изящная, красивая статуэтка девушки. И сделана так легко, воздушно, как живая! Люд мастеру говорит:

- Убирайся с этого места, не мастер ты, не кузнец! Разве что подковы гнуть тебе! Работа твоя - дрянь! Никто даже и гроша за неё не заплатит!

Нав возражает:

- Я только недавно купил эту кузницу, только приехал. Неужели мои работы не стоят того, чтобы стоять в домах, радовать всех?

Люд пуще прежнего злится:

- Конечно, нет! Если хоть монетку кто заплатит тебе - тогда живи тут. А пока - это наша территория!

- Хорошо.

- Вот тебе час... А нет - съезжай обратно на окраину!

Сжал зубы нав, но что поделать, не всем соседи - малина. А люд-то был кузнец местный, понятно, почему так злится...

Мишвар стоял и слушал перепалку, а сам не мог налюбоваться на статуэтку. Красивее не видел он работы. Подошёл шас и положил тихонько на табурет монеты из ладони - купить её денег не хватит. А даже если купит на всё, что есть, - то самому на еду совсем не останется. Да ладно... Пусть какая-никакая помощь хорошему человеку.

И ушёл тихонько, пока те друг на друга рычали. Пришёл домой, чаю заварил с травками лечебными. О, какой аромат наполнил дом! А болезнь так и вообще растаяла. «Какая чудесная женщина...» - подумал шас, засыпая.

Наутро его разбудил негромкий стук в дверь. Поднялся он бодренький, открыл, а на пороге женщина та стоит и мальчик. А за ними небольшая тележка.

- Узнала я, что есть у тебя лавочка, да товара нет. Я в центре торгую, а на окраине-то нет нормального аптекаря. Давай я размещу у тебя лекарства свои, сын мой помогать будет поначалу, чтоб быстрее освоился в ассортименте. А деньги пополам делить будем.

Рад был гостям и предложению Мишвар. Согласился, не раздумывая, чаем напоил, всем, что

имел, – угостил. К вечеру уже шёл он, приплясывая, заказывать вывеску. Проходит и видит – а кузнец-то на месте. Не выгнал его белобрысый! «Ему и закажу вывеску!» – решил шас. Заходит в лавочку к кузнецу – тот встал ему навстречу, улыбаясь.

– Хочу я вывеску у вас заказать... Лекарствами буду торговать от фаты Милославы.

Молчаливый нав кивнул:

– К завтраму готова будет, я сам привезу её вам.

И снова разбудил шаса стук поутру, только не в дверь. То вывеску кузнец приколачивал. Вышел хозяин из дому и залюбовался. Руки у кузнеца и правда золотые! Такой красивой вывески ни у кого в городе не было, честное слово! Нав же слез с лесенки, убрал инструмент в сумку и вынул оттуда мешочек, отдавая шасу, когда тот деньги протянул мастеру.

– А это вам. От меня, – и ушёл.

Шас, не заходя в дом, развернул – а там статуэтка, та самая! Где стоял, там и сел он на землю. «За что?» – вынул статуэтку из бумаги, а под ней монетка его лежит. Рожицей вверх. «Может... Счастливая ты? Талисман?» – подумал шас.

Но зачем гневить судьбу? Не стал проверять у мастеров всяких. Говорят – нельзя рассказывать, что везёт, удача застесняется и убежит!

Так стал наш молодой шас обрастать клиентами, деньги появились: он дом поправил, обставил его мебелью, у кузнеца того заказанной. А на прилавке всегда статуэтка стояла, улыбалась покупателям.

И вот... Может, год прошёл, может, два. Зашёл к нему один из тех, кому он продавал лекарства.

– Заболела мама у меня, старенькая она... Но врачи уже съели все деньги. Прошу, помоги!

Взыграло было в шасе желание потрясти покупателя, но вспомнил он, как его когда-то вылечили, собрал лекарств в корзинку и отдал за копейки. А спустя какое-то время пришла к нему старушка.

– Лекарства те, сынок, ты для меня собирал. Спасибо тебе. Но словами одними я благодарить не привыкла. Выращиваю я растения, и принесла я тебе зёрнышко одно. Занятое оно. Росло у меня деревце, чахленькое, ставила я его на подоконник. А рядом блюдечко с мелочью стояло. И одно зёрнышко, созрев, упало не в почву, а на монетки... И смотри, какое оно большое и красивое стало! Решила я подарить его тебе. Только закопай его в горшочек вместе с денежкой – видимо, любит оно их. Будь счастлив...

И ушла, оставив на ладони Мишвара крупное золотистое семечко. Нашёл шас горшочек у себя, насыпал земли и подошёл к копилочке с монетками – тут и вспомнил про монетку, что счастье его сотворила! Нашёл её, протёр, улыбнулся ей, как старой любимой подруге, и положил с семечком. Поставил рядом со статуэткой. А вскоре выросло у него деревце, толстенькие листики-капельки, всё такое мясистенькое – прямо как сам шас. Любовался он им часто, и как-то, глядя против солнца, увидел, что в каждом листике деревца – монетка лежит!

«Монетное деревце!» – нарёк его шас.

А чем больше и выше оно становилось, тем больше богатство Мишварово множилось. Удача и

счастье поселились вместе с ним. И с тех пор стали шасы разводить это растеньице и холить его, как самих себя. И что характерно – всего одной монетки-листика хватает, чтобы пошло оно в рост, как когда-то благосостояние того шаса. Вот такая история, сынок...

Старый шас вздохнул, умиротворённый давними воспоминаниями и шасским счастьем, а сынишка с восторгом смотрел на маленькое деревце с четырьмя толстенькими листиками.

- Монетное деревце...

Сказка о том, как Ярга стал Повелителем драконов

...Когда-то очень и очень давно, далеко-далеко отсюда, в красивой маленькой долине среди гор жил один нав. Он разводил лучших драконов для навской армии... С его зверями не могли соревноваться ни другие навские драконы, ни животные других рас. Этого нава звали Аранга.

У него не было помощников, он всё и всегда делал сам – от ухаживания за яйцами и малышами до объезды драконов. Он обожал своих драконов, и они у него были ладные и сильные.

Но вот как-то намаялся он с одной драконицей – не слушалась она его ни в какую. Молодая, сильная, красивая. Она была быстрее многих, была очень умна, но что бы ни делал заводчик – драконица не давалась под седло... и не несла яйца. Время подходило отправлять новую партию, а у него не хватало одного дракона. «Что же делать? Я никогда не подводил, и на меня рассчитывают...» – подумал Аранга и в день отправки послал с партией вышколенных драконов одного молоденького, брата той драконицы. Отправил и пошёл дальше делами заниматься.

На следующее утро зашёл он поутру в ангар, где драконы жили, и упёрся в стоящую прямо перед ним драконицу. Та просто смотрела на него, не сводя золотого взгляда, но нав попятился. Он не мог объяснить, почему её взгляд вызвал в нём... вроде как стыд. И чувство, что он что-то сделал не так. Аранга отошёл в сторону, не стал трогать зверя, зашёл к другим, проверить, покормить. А днём, снова вернувшись туда, нав увидел, как драконица, постарше, свесив голову в другой загон, шепчет что-то молодой, урчит... А та отвечает.

«Они... общаются, – понял нав и сам удивился такой мысли. – Если бы я знал их язык! Я бы спросил, что сделал не так и почему она не пускает меня к себе...»

Нав стал всячески пытаться найти какой-то контакт с драконицей: часами стоял рядом и тихо разговаривал с ней. Поначалу она огрызалась, но как-то раз Аранга пришёл к ней под вечер с ужином и маленькой лампой, положил ей еды и сам сел рядом. Драконица на удивление аккуратно ела, глядя на нава каким-то странным взглядом, и он чувствовал, что она всем сердцем хочет что-то сказать ему... но не может. Что-то очень важное. Драконица протянула к нему морду, не то урча, не то скуля. Вскочив, он обнял её за шею, но что сделать ещё, он не знал. Драконица, пожалуй, первый раз позволила ему остаться рядом. Аранга так и уснул, привалившись к тёплому боку и положив ей на лапу голову.

А во сне Аранга увидел бой, где навы дрались с выскочившими из засады врагами. И был в строю сородичей молоденький дракон... И такой же молоденький нав. Они рванулись в гущу сражения – горячая пара, они чувствовали друг друга без слов и повода... Но молодость сыграла злую шутку, и кости судьбы выпали сегодня не им. Копьё из баллисты попало в грудь горячему зверю, пробивая насквозь и его, и всадника. Они так и рухнули на землю вместе,

связанные навсегда. Чёрная ткань и чёрная чешуя, два юных сердца, остановившиеся на одном ударе.

А во сне Аранга увидел бой, где навы дрались с выскочившими из засады врагами. И был в строю сородичей молоденький дракон... И такой же молоденький нав. Они рванулись в гущу сражения – горячая пара, они чувствовали друг друга без слов и повода... Но молодость сыграла злую шутку, и кости судьбы выпали сегодня не им. Копьё из баллисты попало в грудь горячему зверю, пробивая насквозь и его, и всадника. Они так и рухнули на землю вместе, связанные навсегда. Чёрная ткань и чёрная чешуя, два юных сердца, остановившиеся на одном ударе.

Аранга вскочил, не в силах вздохнуть, и, распахнув глаза, он увидел точно такие же, залитые дикой болью и слезами глаза драконицы.

И в этот миг нав понял всё.

Как навы-братья чувствуют друг друга без слов и ощущают, как свою, гибель близких, – так и драконица видела смерть каждого из драконов, она знала, что может случиться, когда Аранга послал в армию молодого дракончика...

Нав хотел закричать от боли, сводившей с ума, и, вторя его мыслям, взвыла драконица. Он обнял её крепко-крепко, и в нём осталось только одно желание. «Если бы у меня были крылья, я бы обнял её и прижал к себе! Если бы я мог сказать, чтобы она поняла – я бы всю жизнь молил её о прощении!» – и развернулись из-за спины Аранги чёрные крылья, и руки его стали лапами. А драконица, вскинув морду, замерла. А потом обняла его в ответ...

В очередной день, когда в городе ожидали партию драконов, ничего не пришло. На запросы – тишина. Отослали тогда пару гарок проверить, что произошло, но, вернувшись, те лишь растерянно сказали, что загоны сломаны и нет там никого. И следов нападения тоже нет. К удивлению остальных, туда отправился сам князь. И ушёл он туда один. Это поразило навов, но поведение Ярги не обсуждалось.

Князь прибыл на место, медленно прошёлся по заброшенному двору... Ещё ночью в городе он почувствовал странный зов, но до того, как ему сообщили, что не прибыли драконы, он не придавал зову значения.

Безо всяких экспертиз он понял, что драконы ушли сами, разломав загоны. И его повело вперёд то самое странное чувство, возникшее ночью. Вскочив на своего дракона, одинокий всадник полетел в горы.

Раннее утро, только начало светать... Ярга летел над горами, не желая пользоваться магией. Это было состязание. Уже полчаса он чувствовал на себе чужие взгляды. Он понимал, что за ним следят. И даже понимал кто.

И вот он увидел неприметный лаз в трещине скалы. Другой бы, пожалуй, и не заметил, даже нав, если бы не знал точно, что ищет. Мягко посадив своего дракона, князь спешил и вошёл в пещеру. От него брызгами разлетелась свора малышни, несколько больших драконов зарычали, но прижались к стенам – они знали, что навы могут колдовать, у них есть бич...

Вдруг прямо перед Яргой с грохотом опустился дракон. Он был значительно меньше других и весь какой-то худенький, нескладный...

Но князь остановился, глядя на зверя, которого мог бы задушить голыми руками. А зверь его не боялся. Не просто не боялся, а точно узнав, встал перед ним, отгораживая от других.

Ярга смотрел в глаза отважному зверю и чувствовал в нём дракона... но и нава. Князь не мог ошибаться.

«Аранга...»

Он протянул руку, желая коснуться морды зверя, но тот, оскалившись, убрал её, и в тихом раскатистом рычании князь расслышал слова: «Князь. Многие расы идут рука об руку с навами под твоим мудрым правлением. Каждая из них помогает тем, что лучше получается у неё. Так пусть и драконы будут равными союзниками, а не зверями бессловесными. Вы станете первым, кто будет повелевать могучими стаями, и наши крылья понесут в бой не укротителей... а братьев, равных себе».

И Ярга склонил голову, признавая слова дракона достойнейшими.

Драконы вернулись в столицу и в загоны. И другие мастера вместо Аранги занялись их выращиванием. Но теперь, после того как Ярга повелел беречь крылатых зверей, относились к ним как к партнерам, а не как к животным.

Навь воевала. Навь ликовала. Навь жила. И вся она гордилась своим князем. Могучим навом, выходящим в бои и на парады на величественном драконе...

Но нет-нет, да ползли слухи, что в самые отчаянные бои, в самые яростные сражения Первый Князь Нави седлал маленького, несуразного дракона, которому в бою не было равных и который за своего князя готов был низвергнуть Миры...

Сказка про то, как Приставник своё призвание нашёл

Давным-давно, когда Спящий ещё не спал, а творил направо и налево, создал он уже асуров, навов... Ну и прочих, кто после них. И вот создал он первого Приставника. Встал молодой Приставник перед ним, а что сказать-то, и не знает.

- Зачем я есть? - спросил он робко у Создателя, а тот ему весело отвечивал:

- Найди сам, чем заняться, найди то, что раскроет твоё истинное призвание!

И отпустил он своё создание с миром... В Мир. В большой Мир, новый... Но уже полный всяких недоразумений. И вот идёт наш Первый и думает, что же ему делать?

Вон с одной стороны дерутся какие-то - но как-то покорило его от звона мечей и стонов чужих. «Нет, не моё это...»

Дальше идёт - видит: мужики лес топорами валят. «Силы-то о-го-го сколько, помочь, что ли?...» Но... Опять сталь там что-то губила. Ломала. Корёжила.

Понял тогда, что не может он работать тем, кто уничтожает... И подошёл к маленькому росточку, пробившемуся у дороги. «Я... Буду тебя охранять!» - решил Приставник и, гордый собой, устроился поудобнее рядом. Сидел-сидел он некоторое время и тут видит: по дороге чудо странное идёт - зелёное, чешуйчатое, хвост, крылья. И три головы.

Оно, видать, тоже заприметило Приставника и так, трусцой, подбежало.

- Ты кто? Я таких ещё не видел! - сообщило существо одной из голов.

- Я? Приставник... А ты кто?

- Я?! - поразилось чудо, видимо, не ожидавшее, что его могут не признать сразу. - Я - Змей Горыныч! Я - дракон, стерегущий клады!

- Стережешь?! - удивился Приставник. - Нет, это я стерегу. Берегу, точнее.

- А звать-то тебя как, для начала? - уже не очень доброжелательно осведомился Горыныч.

- Меня-я-я... - а как его звали, он и не знал. Никак его ещё не звали. - Дорофан! - решил Приставник.

Имя само, казалось, появилось в голове, и так оно пришлось Приставнику по душе, что он снова про себя его повторил: «Дорофан!» Такое тёплое, мягкое, а не злое, как вон у тех, с мечами.

- И что же ТЫ бережешь? - насмешливо поинтересовался Змей тем временем.

- Это вот маленькое деревце.

- Его?! - Зелёный аж наземь покатился со смеху. - Какое-то никчёмное... Маленькое... Обычное деревце?! Да ты сумасшедший!

- Почему? - не понял насмешек спокойный гигант. - Оно маленькое, и всяк может обидеть его. А того хуже - погубить!

Горыныч только отмахнулся:

- Ничего ты не понимаешь в том, что хранить надо! Хранить надо ценное! Золото, например. Самоцветные камни... А этого полно: вон - весь лес!

Но как спокоен был Дорофан, так и непреклонен он был.

- Нет. Это ты ничего не понимаешь. Деревце это живое. Оно будет расти, цвести. Может, когда мужики вырубят всё вокруг - именно это деревце положит начало новому лесу!

Дракон пристально посмотрел на Приставника:

- Давай посоревнуемся? Кто победит, тот и станет охранять сокровища, все, какие пожелает, а второй у него в помощниках бегать будет и учиться правильному!

- Давай. Но только так - по два задания. Я загадываю - ты загадываешь. А по итогам и посмотрим.

- Идёт! - радостно осклабился Горыныч в три пасти.

На том и порешили.

- Давай, я первый загадаю задание, - предложил Горыныч.

Дорофан кивнул - не любил он спорить. А Змей продолжил:

- Вот ты сказал, что бережёшь это деревце, чтоб лесорубы его не уничтожили. Ты сказал, что они могут и весь лес погубить. Давай посмотрим - сможешь ли ты спасти этот лес? Или ты так, по мелочи только? Три дня сроку, и каждый из нас потом покажет свой вариант.

Приставник кивнул, а дракон раз - и взлетел. Улетая, крикнул только:

- На этом же месте через три дня и встретимся!

Сел Дорофан обратно на землю. Вот ведь история! Получается, влез в профессию, которая занята уже. Нехорошо как-то...

Но чувствовал Приставник в себе призвание к этому делу. Только как бы теперь обыграть Горыныча? Не хотелось бегать у зелёного в учениках.

«Деревья-то люди рубят на дома да на огонь в очаге. Это понятно - нужно это им. А как же помочь им тоже... И лес оставить невредимым?» - думал Дорофан.

Встал он, решил посмотреть, как живут эти люди? Деревня тут недалеко была. Но вот беда - пока он будет ходить, кто же защитит деревце? Услышав где-то рядом шум воды, пошёл туда Дорофан. Увидел - ручей бежит. Сел он на бережок, напился вкусной воды. А когда зачерпнул последнюю пригоршню водицы, видит - щепочка какая-то попала в ладонь. Решил вынуть - а из грязинки той лапки тоненькие и усики высунулись, и поплыла себе веточка в воде, куда хочет. Пригляделся Дорофан - то мелкая живность водяная. И живёт она в домике, что из камушков и песчинок слеплен.

- Вот и выход! - воскликнул приставник. Отпустил козявку с миром, набрал он камешков из ручья, вернулся к деревцу и обстроил его камешками - теперь ветер не сломает его! Принёс ещё воды в ладонях, полил.

А потом и смекнул: «Научу-ка я людей из камня да из глины дома делать, чтоб лес не трогали!.. А в огонь сухие дрова лучше идут - и лес очистят для новых, молодых побегов, и живые деревья трогать не понадобится».

Пришёл в деревню, попросился на ночлег в крайнем доме, а наутро пошёл к старосте да честно всё рассказал. Выслушал его пожилой крепкий мужик, улыбнулся в усы.

- Хорошими делами мир полнится... - решили жители. - Пусть покажет, а там посмотрим.

Три дня делал Дорофан с вызвавшимися помощниками домик из камней: глиной обмазали, крышу приладили. Миленький домик вышел. Беленький, чистенький. И подновлять его проще оказалось, чем менять нижние брёвна, что гнили по весне.

Благодарны были жители деревни за советы и помощь. Пришёл через три дня назад Приставник, а его деревце уже листики новые распустило, хорошо ему оказалось в своей хатке, тепло. Полил Приставник его ещё и стал Змея ждать. Под вечер прилетел тот.

- Ну что, идём, покажешь.

- Идём.

Отправились они в деревню и слышат шум - драка. Подбегают, а там народ деревенский с

незнакомцами какими-то кричит, разбирается.

Слушает Приставник разговор, а те, что пришлые:

- Вы почто на нас зверя лютого натравили? Дома нам все порушили? К себе вот утащили? Жили ведь мирно всё время...

Дорофан нехорошо так на Горыныча посмотрел:

- Твоя работа?

Тот:

- Ну... А чего не так-то? Я взял и принёс деревья. Теперь рубить не надо! Сразу материал готовый! О как! Не то что ты... Хотя, а ты-то что предложил им?

Приставник только головой покачал:

- Что же ты сделал? Где же тут помощь? Ты у одних забрал, другим отдал. Этим-то не надо сейчас больше - дерево пропадёт лежа, а те только активнее в лес пойдут топорами махать - к зиме дома спешно восстанавливать! Иди, возвращай всё на место!

Услышав их, народ расступился, решили: и правда - если вернёт всё, то ладно. Когда все разошлись, подошёл к нему староста:

- Добрый ты... Хороший.

Накормили Приставника всей деревней, и правда, оказалось, что добро делать очень приятно и хорошо.

На следующий день встретились они с драконом на том же месте у дороги: Змей был еле живой, ведь всю ночь брёвна таскал обратно. А вот Дорофан отоспался и был бодр и свеж. Сидел, улыбаясь солнышку и зелёному росточку.

- Ну что ж... Теперича моя очередь.

- Твоя... - со вздохом ответил проигравший первое соревнование Змей.

- Отвадили мы лесорубов из лесу, но растёт-то деревце у дороги. Поедут тут обозы - и разминуться не смогут - будут разъезжаться по обочине. Наедут на деревце - сломают. Кто из нас решит эту проблему через три дня... Тот и достойнее, - сказал Дорофан.

- Хорошо, - процедил дракон, улетаю.

А Дорофан вновь сидел и смотрел на деревце. Как же переделать дорогу, чтоб лес не ломать?

Пошёл он в деревню, к старосте.

- Почему к вам ведёт такая узкая дорога через лес? И неудобно по корням ездить... и узкая же, кривая.

Тот, чаю налив гостю, сел напротив:

- Да сначала был у нас тракт хороший, ровный, крепкий... Но в километре от нас пересекал

дорогу ручей лесной. Мы над ним мостик построили... И всё хорошо было, пока в половодье не подмыло валуны большие там, где ручей в реку впадает. Упали валуны, да прибило к ним несколько старых деревьев. Вышла плотина. Она создала запруду, и на месте дороги нашей болото теперь. Мы всей деревней ходили, чтобы убрать камни те, да не смогли...

Допив чай, пошёл Дорофан к ручью. Пойдя вдоль воды, вышел вскоре к болотине. Тут лес кончался, и хорошая некогда дорога тонула в тёмной цветущей жиже. Кое-как, весь вымокнув, добрался Приставник до того места, где валуны в реку упали.

Да-а... Такие огромные камни он видел впервые! Правду сказать, он вообще мало что видел пока в своей жизни, но это не мешало ему поразиться их величине... И неподъёмной их тяжести. Провозившись до вечера, так он и не смог валуны с места сдвинуть. Вернулся в деревню уставший, в отчаянии. Как помочь людям, он не знал пока.

На следующий день Приставник вновь пошёл к ручью – полить деревце – и увидел, как маленькая забавная рыбёшка из-под камушков еду себе добывает. Подкапывает, а потом аккуратно туда плоскую морду сует, и – оп! – она его перевернула. Смотрел-смотрел Дорофан – и бегом побежал к валунам своим. Подкопал он камни, навалился изо всех сил... Но никак. Вросли, будто проклятые!

Снова мокрый и еле живой пришёл он в деревню, а ему навстречу те мужики-лесорубы.

– Ты нам помог тогда, помогаешь и сейчас. Давай, и мы тебе поможем? Вместе, наверное, сладим дело?

А и правда. Одни руки хорошо, а вместе-то лучше выйдет! На следующий день пошли уже вместе. Мужики лопаты взяли. Подкопали получше камни, навалились! Шевелится чуть камень, но с места ни-ни... Один лопату-то под камень подсунул и вверх потянул, аж зубы заскрипели с натуги... Дорофан, увидев, схватил за рукоять и как рванул её! Дерево расщепилось, не выдержав нагрузки. Но и камень со скрежетом отвалился в сторону от русла бывшего ручья.

– Силён ты, ох, силён! – ликовали деревенские. К вечеру вернулись уже довольные, уставшие и с победой.

Вода скоро уйдёт, а жаркое лето быстро подсушит дорогу.

– Быть гулянью! – решил староста.

А тут и Горыныч прилетел.

– Ну я...

– Потом померяемся! Идём пить-есть! Угощают!

Дорофан, уставший, но радостный, не обратил внимания на довольно странное настроение Змея. Сели за стол все, деревня накрыла столы так, что кружку ставить некуда было. Хмель тёк рекой!

– Ха! А давай, кто кого перепьёт! – азартно воскликнул Горыныч, а Приставник только кивнул ему... И понеслось!

Рассвет застал мирно храпящую деревню. Спали, валялись под кустами все. Дракон лежал на

столе, на пустом блюде от кабанчика запечённого.

И только Приставник, покачиваясь на стуле, пытался мутным взглядом найти хоть какую-нибудь ещё не пустую бутылку...

До следующего дня все приходили в себя, отсыпались, опохмелялись. Подходит под вечер Дорофан к сидящему Змею:

- Ну что там?.. Загадывать-то ещё что-нибудь будем?

Дракон молча покачал тремя головами:

- Твоя взяла. Ты сильнее... - и вздохнул тяжело.

Приставник хлопнул его широкой ладонью по плечу:

- Не горюй! Не в кабалу ж я тебя, чай, беру! Чутка умишка поднаберёшься, внимательности и станешь не хуже меня!

Не слишком это порадовало Горыныча, но что поделать - сам спор затеял... Самому теперь и расхлёбывать.

А Дорофан пошёл со старостой прощаться - не всё ж в одной деревне-то сидеть.

- Началось всё с деревца маленького... А вон как теперь обернулось. Но, может, и правда, лучше золотишко беречь? - спросил он седого старика.

- Нет, правильно ты всё делаешь, только и тебе чуть умишка надо.

Протянул он Приставнику резной ларчик небольшой. Шкатулку. Тот открыл - внутри разная мелочь: вот несколько гвоздей, вот монетка-другая, вот украшения женские, а вот и просто камешки красивые из речки и ракушки.

- Что это и зачем? - удивился Приставник.

- Это - тебе. Мы не были богаты, ты пришёл и изменил нашу жизнь. Теперь наши дома другие, и плотники стали каменщиками, ты вернул нам дорогу, и мы поедем в город на ярмарку, купим жёнам красивые новые бусы... Ты дал нам новую ступень в жизни. И мы дарим тебе старую. Нашу память. Всё это сделано нашими руками. Приглядишься, и во всём ты увидишь маленькую фантазию, историю. Порой смекалку. Прежде чем научить нас, ты тоже научился этому у других...

Старик взял полено около печки и протянул Дорофану:

- Посмотри на срез. Видишь кольца? Это годки деревца этого. Каждый год - ступенька, мудрость маленькая, но сохранённая. Вот видишь - близко кольца друг к другу - плохое лето было, холодное. А тут видишь, как закрутилось? Поранили ствол чем-то... Кусок дерева - а на самом деле история и мудрость. Вот что хранишь ты... Приставник.

Сказка о жажде и Слове для Солнца

- Сын... Подойди, пожалуйста...

- Мама? - Долговязый юноша с влажными волосами после душа, в домашних брюках, подошёл к спокойной масане, сидевшей около небольшой настольной лампы. - Что-то случилось?

- Отец задерживается.

- Что...

- Сегодня в Городе Саббат. Посиди немного тут.

- Саббат?! Опять... Эти грязные, тупые...

Изящная рука женщины сжала его запястье, не сильно, но так, что вмиг оборвала его тираду.

- Не стоит. Сейчас они, может быть, и грязные, и тупые. Но они всё же братья нам.

- Ты и Захара приняла, хотя он не больно-то чист! - сразу же вспылил юный масан.

- Шшш... Ты слишком молод. Ты поймёшь. Потом. Сядь... Я хочу рассказать тебе одну сказку.

- Сказку?! Мам, не хочу, конечно, тебя упрекать, но я не мелкий сосунок! - криво ухмыльнулся масан, жалея старушку-мать. А та положила ладони на стол и, глядя на уже морщинистую кожу, улыбнулась. Ехидство и несерьёзность сына никогда не обижали её. Молодость такая штука...

- Знаешь, говорят, когда-то у всех масанов был один город и свой мир. И одна на всех *пицца*. Не было Саббат и не было Камариллы. Мы жили нелегко, нет, но были едины. Была работа, и были праздники. А ещё, говорят, масаны ходили под Солнцем...

- ЧТО?! Мам, ты меня, конечно, извини, но ты, кажется, уже даже для детской сказочки перегибаешь! - Парень вскочил, фыркая на умолкшую масану. - Под Солнцем! Где ты такого бреда набралась?! Я взрослый такое слушать!

Та кивнула:

- Конечно... Ты взрослый, Лиам. Ты едешь на машине, болтаешь по телефону, катаешься по клубам... и водишь к себе Марианну и Анжелу. Но, наверное, вы все такие взрослые. Что даже имена у вас давно человеческие. И прозвища тоже.

Последние тихие слова тронули всплывшего масана. Застыв у выхода из комнаты, он медленно обернулся.

- Я... Прости.

Он подошёл и сел напротив матери, накрывая её кисти ладонями.

- Продолжи... Я хочу послушать.

- Ну зачем же? Сказки ведь для малышей. Они глупые и самонадеянные.

- Нет... Расскажи, пожалуйста. Сказки часто рассказывал дед, когда вы с отцом уходили на работу, и... Пусть я не всегда верил в них, но они всегда дарили тепло и спокойствие.

Он прикусил губу, не зная, что бы ещё сказать. А ничего и не надо было. Речь матери потекла,

как встарь, тихим переливом далёкой мелодии...

- ...Так вот, масаны ходили под Солнцем, и не было у них *жажды*. Они воевали, охотились. Искали *пищу* только на пропитание и то порой договаривались, подряжались к кому-нибудь помочь с разбойниками. Ну а какая разница, КАК татей, спаливших соседнюю деревню, казнят? Наш город был прекрасен, словно закат... Прозрачный из-за множества окон, высокий, как небо, и лёгкий, как туман. Правил масанами единственный Истинный Кардинал. Он был стар, многие считали, что даже вечен. Он жил всегда один в высокой башне в центре города. И не было никого справедливее и умнее его. Он заботился о народе, следил за тем, чтобы не было междоусобиц, разрешал споры и помогал нуждающимся: кому советом, а кому - делом.

Около главного здания, где он жил, на площади стояла статуя. Прекраснейшей работы юноша, тонкие черты лица, волосы будто настоящие. Он казался живым! В лёгкой одежде, с двумя кинжалами в руках, он замер навеки в танце - уникальное творение Мастера. На статуе были украшения - в рукоятках обоих кинжалов по крупному рубину, брошь, браслеты... На голове диадема и ещё несколько украшений.

Около этой статуи на площади раз в год проводили карнавал, праздник Алого Цветка. Самый пышный и самый красивый праздник семьи Масан. Рассказывать о нём я могу долго. Да только не о быте нашем речь...

Масана вздохнула, переводя дыхание, воспоминания отдавались где-то глубоко только ей известной болью, сын больше не перебивал и тихо ждал, когда она продолжит.

- Знаешь, этот сон я вижу очень часто. Потому, наверное, я и впрямь могла бы написать об этом книгу. Но нужна она будет только мне...

- Ну почему же... Я бы тоже почитал и предложил бы друзьям прочесть...

Она вновь грустно улыбнулась:

- С рассказом, как твоя мама сходила с ума? Видела масан под Солнцем?

Юноша опустил глаза:

- Нет. Я знаю, ты часто видишь сны... и потом рассказываешь их, и они похожи на сказки. Но, может, кому-то просто надо такие сны видеть? Может, ты не «ослепла», как многие?

Только теперь, впервые за всё время повествования, сказительница подняла на молодого масана глаза. Тёплый взгляд сказал ему коротко: «Да. Ты прав. Не ослепла». А вслух женщина продолжила:

- Молодёжь есть и была всегда. И вот отгремел очередной праздник, и парочка юных масанов, переждав схлынувшую толпу, присела на краю площади на лавочку. Юноша робко обнимал огненную, дерзкую красавицу, которая давно вскружила ему голову. Он знал, что она его тоже любит, но такой уж был у неё нрав, она хотела показать себя неприступной. Сильнее её нрава были только её фантазии и выдумки. Одеться по-особенному, забраться на уступы водопада и голышом прыгать на скорость, переходя в туман... И многое другое.

Девушка сидела рядом и смотрела на статую.

«Ты ведь хочешь на мне жениться?» - спросила она. «Да», - насторожился парень.

Такое начало с ходу и сразу... Так, что-то опять выдумала!

«Я выйду за тебя. Но только тогда, когда ты мне сделаешь точно такую же диадему! – указала девушка на статую. – Хочу такую!»

Что ж... Парень давно мечтал об этом, но его избранница всё время сворачивала с темы женитьбы, а тут вдруг сама начала. Почему бы не сделать такое же? Тем более украшение и правда было очень красивым.

Всю неделю молодой масан метался между ювелирами, на последние сбережения заказав точно такую диадему. И вот он забрал прекрасную копию у Мастера, приехал окрылённый к подруге.

«Смотри! Точь-в-точь, как ты хотела!» Девушка взяла диадему, так-сяк примерила: «Не то. Она не такая, как та! Та чем-то отличается! Достань ту!» – «Но... Нельзя. Никто и никогда не трогал ничего со статуи...» – «Ты что, трусишь? Ну и чего такого-то? Побудет статуя денёк без этой «блестяшки». – «Днём точно заметят... Давай всё-таки в этой. Ну чем она хуже?» – На парня накатило отчаяние. Не хотелось ему даже трогать эту статую, не то что украшение с неё снимать. Неладное что-то было с ней: приближался к ней, как говорили, только Кардинал, и только он мог ее касаться. Ходили слухи, что у Кардинала есть Источник энергии масанов, какой-то особенный, потому и не нуждался он в *пище*.

Но девушка была неумолима! Забравшееся в голову причудницы желание укоренилось там. Она месяц изводила бедного жениха своего, а потом ультиматум объявила – вообще встречаться не будет с ним, если он не придёт с ТОЙ диадемой.

Да... Молодость и любовь творят порой великие подвиги, а порой – великие ошибки. Днём парень не отважился пойти к статуе, а вечером он всё-таки пришёл на площадь. Просто так снять с головы изваяния диадему было невозможно – статуя стояла на постаменте. Скинув лишнюю одежду, масан осторожно подошёл к статуе и, легко вскочив на камень подставки, дотронулся до самого танцора... Ему показалось, что его что-то укусило. Он отдёргнул руку. Смеющееся лицо статуи резко перестало казаться ему весёлым, а качество работы напугало. От изваяния тянуло обжигающим холодом, желанием, сути которого он не смог уловить. Но вот там, чуть повыше, была его цель – диадема. Снять, не прикасаясь к танцору, и спрыгнуть. И всё! И бежать к своей девушке, и больше НИКОГДА не приходить к этому памятнику неизвестно кому.

Масана вновь прервала повествование, поджимая губы, чуть покусывая их. Сын буквально поедал её глазами.

Так было всегда – сначала кажущийся бредом рассказ под конец становился слишком интересным. Может быть, потом, через часик, после прогулки, он снова станет бредом. Но сейчас... сейчас Лиам хотел знать, что произошло дальше.

– Он, парень тот... Он снял диадему?

– Да, снял.

– И что?! Ну что, за него вышла та девушка? Это ж сказка! Счастливый конец! А Кардинала небось обличили в каком-нибудь чародействе?

Парня уже понесла бурная река воображения, но прохладные пальцы матери, коротко сжав его руки, осадили пылкого фантазёра.

- Нет. Счастливого конца не случилось.

- Что?! А... что случилось? - Он замер, приоткрыв рот, совсем как в детстве, когда его обрывали на полуслове. Переведя взгляд на лампу, масана очень тихо, казалось, даже не шёпотом, а одними губами, продолжила:

- Он дотянулся и снял диадему. И поскользнулся, ведь он не держался ни за что. Да только вместо того, чтобы оказаться на земле, молодой масан зацепился за что-то. Опустив взгляд, масан обмер от ужаса - его поймала статуя. Только не рубины были теперь в глазницах танцора, а живые глаза, и в этих глазах горел *Голод*.

Парень, вырвавшись, вихрем слетел с постамента, а следом мягко и хищно спрыгнул тот, кто был статуей. Наверное, парень бы там и умер от страха, да только на ожившую статую бросился Кардинал. Бросился, чтобы спасти свой народ.

В его руках был острый меч, но и у танцора имелось оружие. Лязг стали о сталь, смертельный танец. Кардинал был умелым воином, он теснил статую к постаменту, он пытался выбить у танцора кинжалы и убить существо. Но статуя не знала усталости, и меч только царапины оставлял на теле юноши, а у Кардинала кровь текла из нескольких ран.

Он оступился, и в этот же миг танцор прыгнул на Кардинала, впиваясь длинными *иглами* в его горло. А после ледяной красавец поднял голову и взвыл злым голодным Зовом. И все, кто слышал его, а слышали его все, вспомнили, что такое *Жажда*. Вспомнили, что они Хищники...

Сын, замерев, смотрел на мать, не понимая, что это было... Концовка «сказки»? Или...

- Мама?.. Я не очень понимаю... И как-то странно становится от этой твоей сказочки... Кто был этот танцор?

- Это было наше пойманное Проклятие, сынок. Кто что услышал тогда для себя, тот так и повел себя. Так впоследствии и разделились масаны на Клань: Бруджа, Малкавиан, Носферату... Только единство всех держало Его взаперти. А ещё там было Слово, которым Кардинал говорил с Солнцем, и Светило не причиняло нам вреда. Но Кардинал давно уже мёртв, а более никто не знает этого Слова...

- Это было наше пойманное Проклятие, сынок. Кто что услышал тогда для себя, тот так и повел себя. Так впоследствии и разделились масаны на Клань: Бруджа, Малкавиан, Носферату... Только единство всех держало Его взаперти. А ещё там было Слово, которым Кардинал говорил с Солнцем, и Светило не причиняло нам вреда. Но Кардинал давно уже мёртв, а более никто не знает этого Слова...

Наступила тишина. Странная, тягучая тишина... и её разорвал резкий, как пистолетный выстрел, звонок в дверь. Гарки позвонили бы по-другому - если бы пришли сообщить о гибели масана, а такой звонок, условный, означал, что отец вернулся сам.

Юноша вскочил со стула, кидаясь к дверям, а масана проводила его долгим взглядом, печально повторяя:

- Никто не знает этого Слова, мой мальчик. Слова, которое позволит нам снова жить под Солнцем.

Андрей Краснов

Ночь живых мертвецов

Южный Форт,

Штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово

28 октября, воскресенье, 20.49

- Кто здесь? - громко спросила молодая белокурая девушка в розовом топике и легкомысленной мини-юбке того же цвета. Несмотря на то что с кухни доносились весьма зловещие звуки, в её голосе было больше любопытства, чем страха.

- Мграххх! Умм! - нечленораздельно промычал кто-то из темноты.

- Кто вы? Ну-ка! Выходите! - Девушка удивлённо захлопала длинными ресницами. - Имейте в виду - я вызову полицию!

Мычание стало громче - очевидно, неизвестного не пугали возможные проблемы с законом.

Не слишком умная, но очень целеустремлённая девица нащупала в темноте выключатель и попробовала включить свет. Однако загоревшаяся лампочка внезапно лопнула, и кухня вновь погрузилась во тьму.

- Ах так! Ну хорошо!

Девушка взяла фонарик, вооружилась лежавшим на столе хлебным ножом и храбро пошла искать источник мычания. Жуткие звуки, казалось, доносились со всех сторон сразу. Разыскивая незваного гостя, блондинка внимательно осмотрела шкафчики для посуды, заглянула под раковину, сунула голову под стол. За пять минут она проверила все укромные места, в которых мог бы поместиться разве что лилипут, и удовлетворённо отметила:

- Слава богу! Почудилось!

Но тут луч фонарика случайно упал на стеклянную дверь, ведущую во двор, и блондинка в ужасе завизжала. На улице толпились невообразимые создания с перекошенными лицами и гниющими телами. Ближайший монстр отшатнулся - фонарик ослепил его, - но потом со всей силы обрушился на хлипкую дверь. В тот же миг с оглушительным звоном вылетели все окна, и в кухню полезли мычащие чудовища. Они обступили орущую девушку и... какая-то тень закрыла собой всё самое интересное.

- Э-э-э, что за дела? - возмутился уйбуй Дыня. - Какой урод перед экраном шляется?

- Это чел по залу бродил, пока я на камеру снимал, - объяснил Кнопка Шибзич. - Случайно, мля, в кадр попался!

- Так пристрелил бы его! - заявил агрессивный уйбуй. - Чего он там гуляет без спроса? Посмотреть не дает, в натуре!

- Как его пристрелишь, мля? - пожал плечами Кнопка. - Я же на задних рядах прятался! И так чуть не поймали!

- Заткнулись все! - одёрнул спорщиков Булыжник Дурич. - Всё кино нам проболтаете, адназначна!

Окрик помог - до конца фильма Красные Шапки вели себя прилично и помалкивали.

Нельзя было сказать, что представители самой непредсказуемой семьи Тайного Города так уж любят кино. Обитатели Южного Бутова с одинаковым пренебрежением относились ко всем видам искусства: стихов они не читали, от книг, которые были толще шестнадцати страниц, шарахались, а всем песням предпочитали застольные. Фильмы же Красные Шапки смотрели нечасто. По душе им были разве что боевики с большим количеством спецэффектов и бесконечные криминальные сериалы. Остальные жанры не пользовались у дикарей популярностью. До сегодняшнего дня.

Когда ушлый боец Кнопка Шибзич начал зазывать соплеменников на «крутой киносеанс», который должен был ночью пройти в «Средстве от перхоти», все поначалу решили, что он так глупо шутит. Потом кто-то из посетителей «Средства» рассказал, что боец притащил в бар старый, откопанный на какой-то свалке телевизор и не менее старый видеоманитофон, после чего принялся их настраивать, постоянно ругаясь и поглядывая на часы. После этого недоумение народа сменилось оторопью, а потом и приступом безудержного веселья. Остаток дня обитатели Южного Форта состязались в остроумии, сочиняя всё новые и новые шуточки про «кинолюба» (меткое прозвище, придуманное Булыжником, прилипло к Кнопке моментально). Но в любом случае в «Средство от перхоти» собирались заглянуть очень многие - для большинства Красных Шапок кабак давно стал вторым домом. «Виски от души напьёмся, погуляем, а заодно и посмотрим, чем нас собрался развлекать этот придурок», - решили они, не сговариваясь.

К назначенному часу в бар нагрянуло больше сотни дикарей. Кнопка, при виде толпы потенциальных зрителей, радостно запрыгал и засуетился вокруг аппаратуры, громко обещая показать «ужасное кино» про «зомбов», снятое им на камеру в Человском кинотеатре. Сородичи с усмешкой следили за его манипуляциями - Шибзич слыл чудаковатым фантазёром, голова которого была переполнена смешными и нелепыми затеями. Большинство дикарей просто не верило, что из «киносеанса» выйдет что-то путное.

Но Кнопка, казалось, не замечал неуместного веселья зрителей. Закончив колдовать над магнитофоном, он отошёл в сторону:

- Сейчас начнется, мля, - тихонько пробормотал боец и принялся привычно протирать очки с треснувшим левым стеклом. Их он стащил полгода назад и с тех пор носил, практически не снимая. Считавший себя умнейшим из Красных Шапок, Кнопка искренне верил, что очки делают его ещё более мудрым и солидным, и упорно игнорировал чужие насмешки.

Шибзича никто не слушал - все уставились на экран телевизора. «Ужасное кино» вызывало у Красных Шапок неподдельный интерес, заставляло восхищённо охать и в ужасе вздрагивать при появлении очередного мертвяка. Можно было смело сказать, что лента заинтриговала

неискушённых дикарей с первых же кадров.

Хотя создатели фильма с громким названием «Нашествие оживших мертвецов 5: Тень апокалипсиса» без ложной скромности называли его «лучшим блокбастером года», он не заслуживал особых восторгов. Картина не могла похвастать ни оригинальным сюжетом, ни достойной актерской игрой, ни сногшибательными спецэффектами. Зато крови, зомбяков и оторванных частей тела в «Нашествии...» было столько, что хватило бы на пять фильмов. Самопровозглашённый блокбастер заслуженно провалился в прокате, но, вопреки всякой логике, сумел понравиться обитателям Южного Форта. Им низкокачественный фильм ужасов с предсказуемым сюжетом казался увлекательнейшей историей противостояния горстки недотёп-челов и сотен мертвецов.

Когда по экрану поползли титры, все принялись эмоционально делиться впечатлениями:

- Уф, мощное кино!

- В натуре, стопудовый хит!

- Монстры, мля - закачаешься! Я так не пугался с тех пор, как ночью на моряну напоролся!

- А видали, как проняло Отвёртку? Бледный, мля, как масан! Эй, Отвёртка, тебе штаны поменять не надо? Запашок от тебя идёт подозрительный.

- Это не я - гадом буду! От Гниличей надуло - они рядом со мной сидели!

- Ты на запах тут не намекай! Может, тебе и клан наш не нравится?

Отвёртка действительно недолюбливал пахучих собратьев, но смолчал - провоцировать Гниличей на драку без поддержки уйбуя и всей десятки было слишком опасно. Булыжник же, как назло, вместе с бойцом Маркером направился к сияющему, как начищенная монета, «кинолюбу».

- Молоток ты, Кнопка - порадовал сегодня! - важно заявил Дурич. - Глубокое кино украл, адназначна! Пересматривать долго можно!

- Спасибо, коль не шутишь! - неуверенно пробормотал Кнопка. Он не мог понять, просто так ли его нахваливает Булыжник или ему что-то от него понадобилось. - Тока это ещё не всё! Я на этом кине деньги делать буду, в натуре!

- В кинотеатр за вознаграждение вернёшь? - заржал Маркер.

- Не, я кино в Интернет выложу! На этот... как его... Трент... Нет, туррет... Тьфу, торрент! - кое-как выговорил непривычное слово боец.

- А смысл? - задал резонный вопрос Булыжник. Про торренты он немного знал от знакомых человеческих наёмников, но ни разу не слышал, чтобы они кого-то озолотили.

- Тут, Дурич, схема хитрая, но верная! - вступил в разговор подошедший Кошелёк Шибзич - уйбуй Кнопки. - Челы кино обожают, а бабки за билеты отдавать не хотят. Цены, мля, кусаются, словно драконы чудские! А у нас та же кина, что и в кинотеатрах, но бесплатно! Все челы смотреть и качать фильмы будут только у нас!

- Красота! - невольно вздохнул Маркер. Ему стало очень обидно, что какой-то заморыш в

дурацких очках придумал столь замечательный способ заработка. Захотелось немедленно раздобыть где-нибудь камеру и засесть в кинотеатре на недельку, богатея не по дням, а по часам. Или потихоньку зарезать выскочку, взять его камеру, засесть в кинотеатре...

А вот Булыжника «хитрая схема» заставила пренебрежительно скривиться:

- Лажа какая-то получается, адназначна! Вы фильм в Интернет выложите?

- Выложим, - сказал Кнопка.

- В кинотеатре его только за большие бабки показывают?

- Ага! Обдираловка, мля, как будто у шасов!

- А у вас, типа, халява будет?

- В натуре, халява. Все к нам попрут!

- Бабки тогда откуда возьмутся? - огорошил Кнопку неожиданным вопросом Булыжник. - Все же задаром! Народ, в натуре, счастлив будет, а вы?

Растерянный боец не знал, что сказать, поэтому Булыжнику ответил Кошелёк:

- Не переживай, Дурич, - деньги будут! Или ты забыл про моё везение?

- Про него, мля, забудешь, - проворчал Булыжник и отвернулся, потеряв интерес к разговору.

О том, что уйбую Кнопки постоянно сопутствует удача, знал весь Южный Форт. «Спящий пошутить решил! Мозги от шаса Кошельку дал и бабки вынюхивать научил!» - завистливо твердили его сородичи. Уйбуй обладал совершенно немыслимым для Красной Шапки даром регулярно добывать деньги, и его десятка ни разу не оказывалась на мели. Купюры у него в кармане появлялись словно из воздуха, но безо всякой магии. Кошельку просто везло: он мог за один день раздобыть и выгодно продать скупщику краденого большую партию товара, обчистить без лишнего шума пару прохожих, а ближе к вечеру, вернувшись в Южный Форт, безошибочно зарезать именно того старого недруга, который не успел потратить собственные деньги. Стать самым богатым дикарем уйбую мешала только привычка мгновенно растрачивать заработанное на новое оружие, виски и гулящих женщин. Копить Шибзич не умел и считал, что чем быстрее закончатся старые деньги, тем раньше Спящий пошлёт ему новые.

- Булыжник... это... гм... совсем страх потерял, короче, - пробасил ещё один боец из десятки Кошелька - плотный здоровяк, у которого не хватало левого уха. Драться он любил и умел, но соображал очень туго. - Вмазать ему надо, чтоб... это... уважал больше!

- Лом дело говорит! - востропнул Кнопка. - Давайте я с нашими договорюсь! Что им, сложно Дурича побить?

- Не, - поразмыслив, решил уйбуй. - Не побьют! Повод, в натуре, несерьёзный. Да и нелегко Булыжника прижать. Он, сука, хитрый! Почти во все междоусобицы последние влез, великого фюрера пару раз скинуть пробовал, а на виселице до сих пор не болтается! Тоже, мля, везунчик!

- Э-э-э... Ну пусть живёт! - пробормотал Лом. Оспаривать приказы Кошелька бойцы не смели, а

уж о бунте против него и не думали – боялись, что со смертью уйбуя сплошное везение закончится и они останутся у разбитого корыта.

– К черту Дуричей, мля! – подвёл итог Кошелёк. – Надо отметить премьеру! Всей десятке поставлю виски за свой счёт!

В руке десятника появилась солидная пачка купюр, которая минутой раньше исчезла из кармана замечтавшегося Маркера. Кнопка и Лом уставились на уйбуя с восхищением – на такую сумму можно было поить десятку не один день. Ловкость рук и феноменальное чутьё на деньги в очередной раз помогли Кошельку.

Частный жилой дом

Москва, улица Короленко

28 октября, воскресенье, 22.16

Сейчас уже мало кто помнит, когда была создана первая боевая кукла, получившая имя «голем». Никто не знает, умели ли их делать асуры – первая раса сгорела вместе со своими секретами, а их победители не спешили давать ответ на этот вопрос. Но уже во времена правления Тёмного Двора создание боевых кукол было поставлено на поток. Из сокрытых от чужих глаз мастерских выходили всё новые и новые образцы големов, вооружённые самым лучшим оружием и закованные в навскую сталь. Эти искусственные существа не испытывали эмоций, не оспаривали приказы и не боялись смерти. Они безропотно шли в самоубийственные атаки, закрывали своими телами хозяев и даже служили убийцами-смертниками, взрываясь магическими бомбами после короткой команды-аркана. Идеальное оружие для прагматичной расы, которая готова была бросить в горнило битвы десять тысяч недешёвых големов, чтобы сохранить жизни десятку гарок.

Шли тысячелетия, появлялись новые расы и новые методы ведения войны. Творения Нави столкнулись на поле боя с боевыми куклами Зелёного Дома, а потом люди ощутили на себе силу големов Ордена. Началась грандиозная гонка вооружений между мастерами, которая не прекратилась даже после того, как все три некогда господствующие расы оказались в Тайном Городе. Напротив, это дало толчок к усовершенствованию старых и изобретению новых кукол. Теперь уже не только навь, но и люди с чужаками осознали, насколько ценна жизнь каждого уцелевшего потомка древних рас. Кровопролитные войны могли окончательно уничтожить прежних правителей Земли, поэтому в поредевшие армии Великих Домов вновь влились большие отряды големов.

Но у всякой медали есть обратная сторона. Пока одни мастера создавали големов-разрушителей, другие занимались мирными моделями. Такие куклы не были беззащитны – в них зачастую закладывали базовые навыки самообороны, – но на поле боя им было нечего делать. Мирные големы занимались чересчур тяжёлой и утомительной работой или выполняли мелкие поручения. Позволить себе приобрести искусственного слугу могла только элита Тайного Города, но зато эти счастливчики могли рассчитывать на исполнение своих самых смелых пожеланий.

«Мирные» мастера големов активно рекламировали свои услуги, и их имена были у всех на слуху. Желаете не особенно красивого, но толкового и долговечного помощника? Альфред де Вейр из ложи Горностаев поможет вам за небольшую по сравнению с коллегами плату. Цените изящество кукол, узнаваемую внешность и смелый дизайн? Эксцентричный творец Намир

Турчи сделает точную копию любимой знаменитости, похожую на оригинал всеми родинками, или воссоздаст по эскизу представителя любой расы. Хотите, чтобы ваш помощник сочетал в себе красоту, ум и массу полезных навыков? Тогда вам нужна фата Варвара. Очень дорогой, но невероятно талантливый специалист.

Варвару с детства тянуло к големам. Она проводила много времени в лаборатории матери – опытного мастера, помогала ей, постигала секреты мастерства. Когда же постаревшая мать решила провести остаток своих дней в глухой Сибири и передала мастерскую старшей дочери, недавно получившей титул фаты, счастью женщины не было предела. Варвара была готова творить.

Начала фата с малого – с помощи соседям, которым было не с кем оставить маленького и шаловливого сына. Не сумев найти ребёнку хорошую няню, молодая мать в какой-то момент вспомнила, чем занимается сидящая без заказов подруга, и попросила её сделать для своей семьи голема. Хотя бы самого простого, способного последить за непоседой и подать сигнал хозяевам, если с малышом что-то случится.

Варваре задача показалась интересной. Настройка поведенческих программ кукол всегда была любимым занятием женщины, и она решила, что легко сможет привить голему навыки няньки. Фата погрузилась в работу, и через неделю из её мастерской вышел образцовый мирный голем, способный и поиграть с ребёнком, и покорить его в нужное время, и уложить в кровать.

Осчастливленные родители малыша были очень благодарны Варваре и рассказали о её таланте всем своим знакомым. Вскоре к женщине потянулись новые клиенты, желающие приобрести дворецкого, повара, водителя, горничную... Чтобы успеть со всеми заказами, фата работала не покладая рук и порой сутками не покидала лабораторию. Её программы с каждым разом становились всё сложнее, а дизайн кукол – всё более смелым и разнообразным. Через полгода фата Варвара прослыла талантливейшим мастером, а среди её почитателей и постоянных клиентов стали появляться самые известные персоны Тайного Города. Когда же их ряды пополнил барон Мечеслав, заказавший искусственного помощника для поддержания порядка в охотничьем домике, авторитет женщины взлетел до небес.

Стоит ли после этого удивляться тому, что бессменный управляющий «Ящеррицы» Птиций, которому для очередного представления срочно понадобилась партия големов, обратился именно к Варваре? Его помощник Фунций, выполняющий роль посредника, посулил большие деньги, но предупредил, что заказ срочный – куклы требовались уже к понедельнику. Чтобы успеть к сроку, Варваре пришлось работать все выходные. Она придавала законченный вид стандартным заготовкам, по мере сил украшала кукол, в соответствии с немного диковатыми запросами Птиция, придавала их движениям нарочитую неестественность. Шаблоны поведения для големов концы просили самые простые: при виде живого существа идти прямо к нему, автоматически двигаться к наибольшему скоплению народа, а когда рядом нет ни души – останавливаться и входить в «спящий режим». Набор управляющих команд вроде «Стой!», «Иди!» и «Отключись!» прилагался по умолчанию – его мастера встраивали в первую очередь.

Закончив возиться со сборкой, отделкой и программированием, Варвара наполнила десяток кукол энергией и поняла, что выдохлась. Увлёкшись заказом, она не спала более суток. Можно было зачерпнуть свежей энергии из аккумулятора на столе, развеять усталость магией... но фата не видела в этом необходимости. Работа была сделана, и Варвара решила отдохнуть самым простым способом – отправиться в спальню и немного подремать.

Закончив возиться со сборкой, отделкой и программированием, Варвара наполнила десяток

кукол энергией и поняла, что выдохлась. Увлёкшись заказом, она не спала более суток. Можно было зачерпнуть свежей энергии из аккумулятора на столе, развеять усталость магией... но фата не видела в этом необходимости. Работа была сделана, и Варвара решила отдохнуть самым простым способом – отправиться в спальню и немного подремать.

«А послать големов Функцию сможет и Раиса. Она должна вернуться через пару часов. Позвонить ей? Нет, может забыть по дороге. Лучше оставлю записку».

Вырвав листок из блокнота и написав на нём несколько фраз, Варвара успокоилась. Пока всё шло как нельзя лучше.

Раиса – младшая сестра фаты – вернулась домой уже после полуночи. Она тоже провела выходные с пользой: общение с любвеобильным белокурым здоровяком, путешествия по клубам, казино и ресторанам. Легкомысленной фее постоянно доставалось за такой образ жизни от покойного отца, матери, старшей сестры, но она не спешила меняться. Раиса была уверена, что глупо посвящать молодость – лучшее время жизни – тяжёлой работе или изнурительной учёбе, и жила одним днём.

– Уже уходишь? – с сожалением спросил очередной ухажёр, который подвозил её. – Я думал, что ты задержишься у меня ещё на денёк!

– Не могу, Вышемир! – вздохнула Раиса. – Я обещала сестре завтра быть дома. К нам гости придут – надо всё подготовить.

– Обещала? Давно ли ты стала примерной девочкой?

– Не стала и не собираюсь! – обворожительно улыбнулась девушка. – Но если я не помогу Варе, она взбесится и меня изгрызёт! Лучше уж денёк побыть послушной!

– Тогда пока! Скоро увидимся, – сказал Вышемир и, поцеловав фею на прощание, вернулся за руль.

Помахав уезжающему ухажёру, Раиса зашла в дом, напевая себе под нос песенку. Алкоголь слегка туманил её голову, уверяя, что праздник только начался и прерывать его сном не стоит. Девушка уже подумывала заглянуть в холодильник в поисках ещё чего-нибудь крепкого, но тут её взгляд упал на записку, которую оставили в прихожей на видном месте. Она гласила:

«Рая, в мастерской остались новые големы. Их надо переслать Функцию этой ночью. Пожалуйста, позвони ему, наведи портал на телефон и отправь активированных големов. Варвара».

«Только пришла, а уже заставляют работать! – подумала недовольная Раиса. – Плюнуть бы на всё и тоже пойти спать! Но нельзя – для сестрёнки этот заказ слишком важен. Не отправлю – точно изгрызёт!»

Утешая себя тем, что задание вроде бы несложное – позвонить кóнцу, активировать кукол и затолкать их в портал, – девушка взяла телефон.

Южный Форт,

Штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово

29 октября, понедельник, 00.40

После киносеанса в «Средстве от перхоти» осталось предостаточно посетителей, ещё не готовых отправиться спать. В зале царил привычная атмосфера душевной коллективной попойки. Кто-то пил, кто-то пел, кто-то играл в сику, а некоторые развлекали себя старой доброй дракой. Но хватало и тех, кто до сих пор обсуждал картину.

- Слышь, Булыжник, - спросил разомлевший от выпитого Маркер, - а ты бы хотел стать зомбом?

- С чего вдруг? - искренне удивился уйбуй.

- А чего тут плохого? - принялся рассуждать боец. - Прикинь: ты живешь дольше, чем навь, и тебя фиг кто замочит! Ты и так дохлый, мля! Ещё и мозги жрать можно!

- Не, мозги пускай осы едят! Им, в натуре, всё нипочем! Мне больше виски по нраву! - занервничал Отвёртка. - Не хочу быть зомбом!

- Виски они в фильме вроде бы не пили, - вспомнил боец Трубка.

- Потому что фильм про челов и с одними челами, - презрительно ответил Булыжник. - Они даже после смерти не умнеют. Я, если меня какая сволочь укусит, так и буду веками виски пить! Адназначна!

- Гляньте туда - Баян из своей норы выполз! - Маркер ткнул пальцем в центральный стол, вокруг которого собирались другие дикари. - Опять чего-то рассказывать будет.

Баяном звали престарелого Гнилича, который почти не покидал казарму. Денег на виски у него никогда не было, поэтому он привык выпрашивать выпивку у соплеменников, расплачиваясь с ними какой-нибудь жутковатой байкой. Никто не мог понять, откуда Гнилич узнал столько историй - его товарищи уверяли, что в молодости Баян был вполне нормальным дикарем и никогда не прикасался ни к каким книгам (кроме, пожалуй, меню). Однако факт оставался фактом - ради бесплатной выпивки Баян вспоминал самые необычные байки и ещё ни разу не повторился.

- Зомбы. Ходячая гниль, мля! - пробурчал Гнилич, усаживаясь поудобнее. - Думаете, этих страшил челы придумали? А зря! Раньше они появились. Намного раньше.

- Расскажи, Баян! - Гильза Шибзич подсел к рассказчику поближе. - Расскажи, как всё было, в натуре!

Старик зевнул и принялся рассеянно рассматривать пустую бутылку из-под виски. Гильза понимающе хмыкнул, сунул несколько купюр своему бойцу и подтолкнул его в сторону барной стойки. Когда гонец вернулся с любимым красношапочным напитком, лицо Гнилича разгладилось, и он наконец начал рассказывать:

- Было это лет двести назад - когда ведьмы зелёные морян придумали. Рыжие тогда так испугались, в натуре! Моряне-то не каждый хван сердце вырезать сможет, а уж чудов она

разбрасывала, словно котят. Чего? «Око василиска»? Не придумали его тогда, мля! Не перебивай, неслух, а то вообще рассказывать перестану!

Дикари пихнули под бок любопытного бойца, и тот сразу замолк.

- Так вот, - продолжил Баян, прихлёбывая виски. - Нашёлся у чудов один умник - мастер превращений Грэм де Рип. Он заявил, что найдёт на оборотней управу - создаст ещё более злобных тварей. Отловил он чела какого-то, заперся в лаборатории и принялся колдовать. Три дня проводил он страшные обряды, а потом чела кинжалом заколол. А тот помер, мля, и ожил в ту же секунду. Так появился первый зомб. Только чуд древний слов таких не знал. Он своё создание назвал попроще - оживлённым.

- А дальше-то что, мля? - вновь не выдержал любопытный боец.

- А дальше пришёл черед людов бояться, - усмехнулся старик. - Оживлённые боли не чувствовали, страха не испытывали, из зелёных новых чудовищ одним укусом делали. Убить их было нельзя - оживлённый заново себя из кусков собирал и сильнее прежнего становился. Совсем уж люды сдаваться надумали, но тут навь вмешались. Они с Зелёным Домом тайно сговорились, целое войско оживлённых распыляющим арканом уничтожили, и к Замку все вместе двинулись. Понял великий магистр, что против двух Великих Домов не устоит, и мира запросил. Навь с людьми потребовали оживление мёртвых в книжку запрещённых заклятий вписать, а де Рипа наказать за его злодеяние. Только мастер превращений суда ждать не стал - сам на меч бросился. Перед смертью, говорят, просил ученика провести обряд и превратить его в оживлённого, но молодой чуд не послушался. Взял да и сжёг тело вместе с лабораторией, чтобы никто больше не мог мёртвыми управлять. Так, в натуре, и пропало древнее знание.

- Пропало, и хрен с ним! - откровенно заявил кто-то из слушателей. - Нам в Тайном Городе таких уродов не надо!

- Рано радуешься, мля! - хитро улыбнулся Гнилич. - Не все оживлённые были убиты Великими Домами. Мамой клянусь! Некоторые мертвецы исчезли, но возвращаются каждый год в одно и то же время - в день человского Халловина. Ночью слуги де Рипа бродят по городу, ловят беспечных прохожих, а потом вновь пропадают. До следующего года!

Сообразив, что история подошла к концу, Красные Шапки загалдели, не уставая поражаться мудрости и памяти старика-фантазёра. Но пока одни поражались и восхищались, другие вспоминали, какое сегодня число, и мрачнели. Отвёртка Дурич относился именно ко второй группе слушателей.

- Жутко, мля, - поёжился он. - Халловин послезавтра уже! Вдруг, в натуре, кто-то дохлый придёт и начнёт кусаться?

Булыжник в ответ громко фыркнул. Он вовсе не был бесстрашным, но легенда об оживлённых не произвела на него особого впечатления.

- А ты бы ещё больше старого козла слушал! Врёт Баян и не краснеет! Аднозначна!

- Но он ведь столько всего знает! - усомнился Трубка. - Умный, мля, как наш великий фюрер!

- На прошлой неделе он твердил, что чудов в Западные Леса послал сам Спящий. Наказать хотел за то, что наши предки без разрешения сорвали Запретный Гриб, - скривился Булыжник. - Ты и в эту лабуду поверил?

- Нет, но... - Трубка попытался оправдаться, но Булыжник не дал ему закончить.

- Раз в год вылазят, мля! - передразнил он старика. - А в другое время их почему никто не видит? Зомбы у осов в Лабиринте прячутся и крыс там ловят?

Дурич мог бы ещё долго издеваться, но тут дверь «Средства от перхоти» с грохотом распахнулась. Кнопка Шибзич ворвался в кабак с такой скоростью, словно за ним гнался целый арнат гарок. Задыхаясь и ни на что не обращая внимания, «кинолюб» подскочил к столу удивлённого Кошелька и попытался под него забиться. А когда Лом, повинувшись знаку уйбуя, достал Кнопку из-под стола, бойца прорвало, и он завопил на весь бар:

- Прячьтесь! Они идут за нами!

Объяснять, кто идет, не потребовалось - многие дикари заметили возникшие в дверном проёме массивные фигуры, и стены «Средства от перхоти» сотряс крик, вырвавшийся из десятков глоток одновременно:

- Зомбы!!!

Это были именно они - герои недавно увиденного Красными Шапками фильма. Их было десятеро, и выглядели они чудовищно. Ужасные язвы на серо-красной коже, оскаленные клыки, подгнившие части тела... У переднего мертвеца было располосовано лицо и туловище, словно он обнимался со взбесившейся моряной. У второго монстра левая рука была ободрана до мяса, а ближе к плечу - и вовсе до костей. Третий мог похвастаться обожжённым лицом и болтающимся на жилке правым глазом. Каждый из мертвецов выглядел так, что пугал даже привыкших к междоусобицам и изувеченным трупам Шапок.

Оглядев оцепеневших дикарей, зомби потащились к ним, вытянув когтистые руки и тоскливо подвывая. В переднего мертвеца ударил заряд дроби - Кошелёк первым справился с замешательством и решил пустить в ход оружие. Кошмарный ходячий труп покачнулся от сильного удара в грудь, но потом выпрямился и преспокойно пошел дальше.

- Братцы, у них кровь не течёт! - взвизгнул кто-то. - В натуре, зомбы! Бежим!

Это стало последней каплей для перетрусивших Красных Шапок. Желаящих драться с чудовищами больше не нашлось, и все бросились врассыпную. Бар стал похож на горящий курятник - дикари метались, спотыкаясь об лавки и сбивая друг друга с ног. Их отступление было настолько беспорядочным, что сбило с толку даже монстров. Они только дёргались из стороны в сторону, не зная, кого ловить в первую очередь.

Самые смекалистые Красные Шапки быстро сообразили, что прятаться от неведомых чудищ удобнее всего за надёжными стенами родных казарм. Однако те, кто уже находился в них, оказались ещё умнее. Услышав вопли «Мертвецы проснулись!», «Мы все умрём!» и «Не хочу, в натуре, чтобы меня ели!», они предусмотрительно заперлись изнутри и подпёрли двери. Крики, мольбы и угрозы слышались из трёх мест сразу - идея оставить паникёров ночевать на улице пришла в головы Гниличам, Дуричам и Шибзичам одновременно.

- Мля! - затравленно оглядывался уйбуй Гильза. - Что делать будем?

Задавая вопрос, он почему-то смотрел на остановившегося рядом Кошелька. И тот нашел выход.

- Собирай наших! У фюрера в башне схоронимся!

Хотя кабинет и личные покои лидера семьи тщательно охранялись, вход в самую башню закрывался только в исключительных случаях – чаще всего, во время междоусобиц. И сейчас к гостеприимно распахнутым воротам помчались сперва Шибзичи, а потом и остальные дикари. Кошелёк заскочил внутрь одним из первых, но, в отличие от остальных, наверх не помчался, а остался в «прихожей». Сделал он это не зря – ворвавшись в башню, уйбуй Дыня воровато огляделся, не заметил стоящего в тёмном углу Шибзича и налёг на ворота, собираясь закрыть их перед носом отставших сородичей. Кошелёк вышел из тени, с удовольствием дал хитрецу в челюсть и, выглянув наружу, призывно помахал рукой. Не то чтобы ему было жалко припоздавшего Булыжника и его бойцов, но позади них мчался раскрасневшийся Кнопка, а его отдавать стонущим чудовищам уйбуй пока не собирался.

- Ай! – схватился за челюсть Дыня. – Ты мне зуб выбил, сволочь!

- Скажи спасибо, что шею не сломал! – дружелюбно улыбнулся Шибзич, запирая за Кнопкой ворота. Кошелёк действительно хотелось хорошенько ударить Дыню по голове и, пользуясь случаем, обыскать его карманы, но потом он вспомнил, что недавно лишил соплеменника всей наличности после очень удачной игры в сику.

Ответ Дыни потонул в общем гомоне собравшихся. Кто-то доказывал, что ничуть не испугался и готов драться с мертвецами хоть до утра, но хватало и тех, кто собирался безвылазно сидеть в башне до тех пор, пока всё не уладится само собой. Но все дикари в первую очередь рассчитывали на своего лидера, которого не могли не поднять с постели вопли доброй сотни подданных.

- Вы чего тут, в натуре, устроили! – завопил спускающийся по лестнице Полено – один из самых верных Кувалде уйбуев. – Какого хрена орёте, как на пожаре? Почему из-за вас, олухов, наш великий фюрер глаз сомкнуть не может?

- Так ведь... это... Беда у нас! – раздались робкие голоса. – Зомбы, мля... Злющие и голодные... Штук двадцать... или пятьдесят.

- Виски палёного напились? – покраснел от гнева Полено.

- Высунь башку наружу, если не веришь, Шибзич! – хмуро посоветовал Булыжник. – Только, мля, не жалуйся, когда её тебе отгрызут!

- Это я виноват! – тем временем стонал Кнопка. – Я их позвал! Я!

- В натуре, он! – оживился Трубка, задолжавший сотню бойцу Кошелёка. – Гляньте на него – чистый шпиён и враг народа! Дайте я его сам повешу!

- Перебьёшься! – Ретивому Дуричу в живот упёрся ятаган Кошелёка. – Рассказывай сейчас же! – приказал уйбуй подчинённому.

Кнопка всхлипнул и извлёк из кармана мобильник. Телефон был новеньким, блестящим, да ещё и отделанным стразами. В руках Красной Шапки он смотрелся так же дико, как рация в медвежьих лапах.

- Вот! У к-к-онца стащил, – от волнения боец начал заикаться. – Вчера! Я же не з-знал, что так п-получится!

- Давай по порядку! - встряхнул его Кошелёк.

«Кинолюб» вздохнул и начал каяться.

О роскошном телефоне со стразами Кнопка мечтал много месяцев. Провожая завистливыми взглядами владельцев гламурных трубок, он представлял себе, как придёт в Южный Форт с таким же мобильником и покорит падких на всё блестящее женщин своего клана. Даже строптивая Нитка, которая постоянно отвергала ухаживания бойца и дразнила его из-за очков «четырёхглазым», должна была растаять при виде красивой игрушки. Однако сбережений Шибзича не хватило бы даже на один стразик (без телефона), и мечты оставались мечтами.

Но в конце концов удача, сопутствующая Кошельку, решила порадовать и его подчинённого - гламурная трубка сама «нашла» Кнопку. Спешащему на «премьерный показ» бойцу пришлось задержаться у «Ящеррицы» - надо было поменять колесо у джипа. Тут-то дикарь и увидел улыбающегося кóнца в красно-жёлтом пиджаке и клетчатых брюках. Он беспечно шёл по улице и разговаривал именно по такому телефону, о котором мечтал Кнопка. У «кинолюба» даже ладони вспотели от вожделения - так ему захотелось подскочить к кóнцу и вырвать у него из рук мобильник. Но здравый смысл вовремя остановил Шибзича - ограбленный толстяк немедленно пожаловался бы людям, а те не привыкли церемониться с Красными Шапками. Страх перед виселицей пересилил вожделение, и дикарь решил любоваться трубкой с безопасного расстояния.

А дальше произошло настоящее чудо. Закончив разговор, беспечный кнец сунул телефон в карман... и в тот же миг его лишился - мобильник выпал из штанины, провалившись в дыру. Кнопка едва не подпрыгнул, а лысый толстяк, напротив, ничего не заметил. Посвистывая, он скрылся за углом, ни разу не обернувшись. А телефон уже через десять секунд сменил владельца - Кнопка не собирался отказываться от такого подарка судьбы. Любуясь обновкой, радостный «кинолюб» даже не вспомнил о главном правиле карманника: «украл телефон - сразу избавься от сим-карты».

Из-за этой оплошности и случилось непоправимое.

Мобильник затрезвонил очень некстати - получивший свою порцию поздравлений после кинопоказа Кнопка как раз вышел на улицу и принялся поливать главную мусорную кучу Южного Форта, освобождая место для ещё нескольких литров виски. Он и сам не мог объяснить, почему решил ответить на вызов - как-то само получилось.

- Алло, это Фунций? - Шибзичу звонила молодая и, судя по интонации, слегка нетрезвая женщина.

- Э-э-э... Ага! - заявил после паузы Кнопка.

- Что у тебя с голосом?

- Да я простыл немного! Ничего страшного! - поспешил развеять подозрения собеседницы дикарь. Привычное «мля» он проглотил в самый последний момент.

- Ну хорошо, - успокоилась девушка. - Заказ выполнен. Все как договаривались. Я пришлю его прямо сейчас!

- Угу! - Кнопка решил говорить, как можно меньше, чтобы не выдать себя. В душе он ликовал и

хвалил себя за то, что не выбросил симку. Наивная девчонка не только поверила ему на слово, но и собиралась прислать что-то ценное. Чем не повод для радости!

- Держи телефон включённым – сейчас наведу портал!

Через мгновение рядом с кучей закружился зелёный вихрь. Глупо улыбающийся боец растопырил руки, как будто ожидал, что прямо в них упадёт несметное богатство. Но из портала вышли десять уродливых созданий, и дикарь оторопел. Когда же они замычали и потянулись к «кинолюбу», Шибзич опомнился, развернулся и с нечленораздельными воплями ринулся в бар, желая оказаться как можно дальше от ожившего кошмара.

Сбивчивый рассказ Кнопки окончательно запутал Красных Шапок, но убедил Полено в том, что положение нешуточное. Связавшись с великим фюрером и вкратце пересказав ему услышанное, Шибзич внимательно выслушал ответ и объявил, что лидер семьи вызывает к себе уйбуев из Фюрерского совета для срочного совещания. Остальным дикарям было велено сидеть внизу и не шуметь. Исключение сделали только для Кнопки – входящий в Совет Кошелёк решил, что боец может вспомнить ещё что-то важное, и взял его с собой.

Сбивчивый рассказ Кнопки окончательно запутал Красных Шапок, но убедил Полено в том, что положение нешуточное. Связавшись с великим фюрером и вкратце пересказав ему услышанное, Шибзич внимательно выслушал ответ и объявил, что лидер семьи вызывает к себе уйбуев из Фюрерского совета для срочного совещания. Остальным дикарям было велено сидеть внизу и не шуметь. Исключение сделали только для Кнопки – входящий в Совет Кошелёк решил, что боец может вспомнить ещё что-то важное, и взял его с собой.

- Явились, крикуны? – поприветствовал уйбуев недовольный Кувалда. – Почему орём и к своему лифферу посрефи ночи ломимся? Фавно я вас не вешал?

Его привычных телохранителей – Иголки и Контейнера – в ту ночь в Форте не было – уйбуй Копыто взял бойцов с собой в роскошный ресторан, чтобы показать «как, в натуре, гуляют миллионеры и настоящие диссиденты». Поэтому фюрера защищал верный Полено. Лидер семьи не доверял до конца своим советникам и в общем-то правильно делал.

- Кто первым крикнул про зомбов? – допытывался великий фюрер.

Дыня мстительно выпихнул вперёд Кнопку.

- Вот этот вредитель очкастый! И шум, в натуре, поднял, и уродов мычащих позвал! Сам сознался, предатель!

- Кнопка первым крикнул, твоё высокопревосходительство, – подтвердил Кошелёк. – Да и как, в натуре, не крикнуть? Настоящие оживш... мёртвые... тьфу, то есть дохлые, но ожившие, – сформулировал он мысль. – Твари де Рипа, мля, о которых Баян рассказывал.

- Старика уже из казармы выпускать нельзя – кажфой байкой смуту сеет! – Высказавшись, одноглазый глянул в окно, внимательно рассмотрел слоняющихся внизу чудищ, а затем сплюнул. Взять фюрера на испуг было непросто, а соображал он гораздо лучше большинства Красных Шапок.

- Значит, говорите, – обратился он к уйбуям, – у этих зомбов не течёт кровь? Прямо, как будто у големов?

- Лично стрелял, - поклялся Кошелёк. - Поганая тварь хоть бы почесалась, в натуре!
- Хофят они еле-еле и смотрят тупо, словно големы, - продолжал рассуждать одноглазый.
- Ты всё видишь, великий фюрер! - с благоговением протянул глуповатый Дыня, не понимая иронии лидера.
- А сейчас они топчутся под окнами, как слепые... или как тупые големы!
- Так и есть! - радостно подтвердили уйбуи.
- Так, может, это всё-таки големы, мать вашу! - взорвался Кувалда.
- Какие големы? - Члены Фюрерского совета были потрясены логикой лидера.
- Беглые, мля! - В своё время Иголка с Контейнером рассказывали великому фюреру подробности памятного похода за золотом, и он знал, что боевые куклы теряются не так уж редко и иногда ведут себя очень странно. - Фо сих пор не поняли, ослы лопаухие? Какой-то кретин, врофе вас, прозевал боевых кукол, и их закинуло в Форт. Обычных безмозглых кукол! А вы мне тут байки из склепа травите!

До Кошелька, Булыжника и ещё пары уйбуев начало доходить, и они неуверенно заулыбались. Но нашлись недоверчивые.

- Может, это всё же зомбы? - спросил Дыня. - Всё, типа, сходится одно к одному! История Баяна, Халловин грядущий, трупы с перекошенными лицами...

У Полено зачесались кулаки - так ему захотелось врезать идиоту, усомнившемуся в правоте великого фюрера. Но сам Кувалда внезапно сказал:

- Не веришь, значит? Тогфа фавай проверим! Есть офин верный способ.

Прогуливающиеся под башней «мертвецы» подняли головы и с недоумением уставились наверх. Одно из окон здания распахнулось, и из него принялись спускать на верёвке упирающегося Кнопку. Тот вопил, ругался, выгибался и хватался за верёвку, словно пытался по ней же забраться обратно. Из окна тоже неслась отборная ругань - Полено с Кошельком несколько раз чуть не уронили дергающегося бойца.

Один из монстров проявил любопытство и остановился прямо под Шибзичем. Кнопка болтался в трёх метрах над его головой. «Зомби» обиженно замычал и уткнулся лбом в стену. Потом отошёл и снова уткнулся, бессмысленно двигая вытянутыми руками. Он не пытался поднять их и попробовать достать дикаря - просто таранил стену под успокоившимся Кнопкой. Другие «зомби» вообще не приближались к башне, поглядывая на бойца издали.

- Голем, адназначна, - вынес вердикт Булыжник. - Он ещё тупее, чем зомбы из того кина!

- Или Кнопка невкусный совсем! - упорствовал Дыня. - Надо ещё кого-нибудь попробовать!

- Давайте Дыню им кинем! - предложил Полено. - Без верёвки! А то чё он с великим фюрером спорит?

- Не хочу, мля! - попятился уйбуй. - Я зомбов боюсь! Они мои мозги сожрут!

- Было бы что жрать! - заржал Булыжник. - С тобой они от голода подохнут, адназначна!

- Ах ты... - засучил рукава Дыня.

- Молчать! - прервал дискуссию Кувалда. - Пофнимайте умника обратно! Всё с вашими куклами ясно. Проваливайте теперь из моего кабинета и не беспокойте фо утра! А как солнце встанет, мы избавимся от этих пугал огорофных!

Уйбуи поспешили оставить своего лидера в покое и побежали к лестнице. Остались с Кувалдой только Полено и Кошелёк. «Денежное чутьё» подсказало последнему, что приблудившихся големов можно не просто уничтожить, но и использовать с выгодой для себя. Оставалось только договориться с одноглазым.

- Твоё высокопревосходительство, разреши вопрос задать!

- Ты ещё зфесь? - недовольно глянул на Кошелька Кувалда. - Зафавай и выметайся!

- Как избавляться-то от кукол будем?

- Чего тут фумать? За нас фавно прифумали Службу утилизации. Позвоню им, и они всю нежить из моего Форта уберут! А я потом меры приму, чтобы нароф больше не пугался. Холую твоему очкастому, к примеру, пофозрительные фильмы показывать запрещу, а Баяну язык вырву, чтобы трепать нечем было!

- Правильно говоришь, твоё высокопревосходительство! - признал Кошелёк. - Только Служба за спасибо работать не станет. Големов отловят, пересчитают, счёт нам выпишут и уйдут, в натуре, не попрощавшись! Но если мы этих зомбов сами схватим, а потом найдём хозяина и предложим вернуть за большое вознаграждение...

- Голова! - уважительно кивнул великий фюрер. - Из всего умеешь фенги фелать! Уже прифумал, как поймать урофцев?

- Есть одна мыслишка, твоё высокопревосходительство. Ты только прикажи остальным, чтобы не высывались и моей десятке не мешали! Мне, типа, и без сопливых скользко будет!

Частный жилой дом

Москва, улица Короленко

29 октября, понедельник, 06.50

В доме на улице Короленко с раннего утра бушевала буря и гремел гром. Пока ещё - в переносном смысле слова, но взбешённой Варваре очень хотелось запустить в стену «Шаровую молнию». За фатой по комнатам таскались причитающий кнец и Раиса, которая страдала не столько от мук совести, сколько от похмелья.

- Как это могло случиться? - в который раз воскликнула Варвара. - О чём вы думали?

- Варенька, успокойся и не кричи, - попросила Раиса. - Может, всё ещё обойдётся?

- Обойдётся? После того, как Птиций поднял меня в шесть утра и сообщил, что так и не получил свой проклятый заказ? - злилась фата. - Признавайся, дуреха, куда ты послала кукол?

- По нужному номеру, - поджала губы девушка. - Тот мужик, который мне ответил, был каким-то странным, но я же не думала...

- Надо думать! Ты не Красная Шапка - от литра выпивки в желудке умнее не станешь!

- Девочки, не ссорьтесь! - попытался утихомирить сестёр кнец. - Она ведь и вправду не...

- Не лезь, Фунций - ты тоже виноват! - сразу забыла про Раису Варвара. - Почему я только сейчас узнаю, что ты остался без телефона? Когда он пропал?

- Вчера вечером. Сразу после ужина он точно был - я назначал свидание очаровательной Магдалене. Золото, а не женщина. Хотя до тебя, Варенька, ей очень далеко.

- Я спрашиваю, когда пропал телефон? - Варвара была слишком раздражена, чтобы поддаваться природному обаянию кнца и выслушивать его лесть.

- Не знаю! Магдалена была столь приятной и умелой дамой, что я совсем забыл о таких мелочах! Я бы и не хватился телефона, если бы не муж моей Магдалены, вернувшийся в неурочный час. Он у неё рыцарь-узурпатор, а значит, убил бы меня с особым наслаждением, застав в своей постели!

- Думаю, ты бы легко отделался, - заметила Варвара. Она буквально кипела от возмущения, но злилась не только на Раису и Фунция.

«Больше никогда не буду работать с Птицием! Затеяник чёртов! Неужели он не мог обойтись без проклятых зомби?»

Просьба создать големов с внешностью разлагающихся мертвецов из человеческих фильмов сразу не понравилась фате. Дело в том, что управляющий собирался с помпой отметить пришедший из-за океана праздник Хэллоуин и в честь него переделывал интерьеры своего клуба. Новый стиль был мрачно-готическим: тёмные стены, свечи и масляные светильники вместо ламп, свисающая с потолка искусственная паутина и, конечно же, несколько центнеров тыкв с характерными рожицами. Персонал был под стать обновлённой «Ящеррице»: скелеты-официанты, вервольфы за барной стойкой и танцовщицы-мумии, «прикрытые» полупрозрачными бинтами. Ну а зомби, по замыслу Птиция, должны были стать по-настоящему пугающей изюминкой тематического представления.

Любой другой управляющий ограничился бы тем, что заказал для актёров соответствующие костюмы, но Птиций не зря слыл перфекционистом. Ряженые «зомби» показались ему скованными, нелепыми и совсем не страшными. Кнец был уверен: с ролью мертвецов хорошо смогут справиться только специально запрограммированные големы. Големы, за которых расточительный управляющий готов был выложить огромную сумму.

И которые исчезли в неизвестном направлении.

«Катастрофа!»

- Надо срочно искать големов, иначе нам всем не поздоровится!

- Что же делать? - опустила голову Раиса. - Ни одной зацепочки!

- Эх, надо было маячки в кукол вставлять, - досадливо протянула фата. - Придётся искать по

телефону! Собирайтесь!

- Куда? - спросил Фунций.

- В Тиградном - у меня там есть знакомые челы, - сказала Варвара, быстро создавая портал. - Попробуем определить местоположение твоего телефона! Если поиск ничего не даст... Тогда не знаю!

Южный Форт,

Штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово

29 октября, понедельник, 07.00

Убедившись, что големы неагрессивны, Кошелёк отложил операцию по их поимке до раннего утра. За ночь «зомби» разбрелись по округе и застыли, автоматически перейдя в энергосберегающий режим. А ровно в семь утра во дворе Южного Форта появился испуганно оглядывающийся Кнопка. К его поясу опять была привязана длинная верёвка, которая тянулась через весь двор. За другой её конец держались все бойцы Кошелька. С одной стороны, они не давали малодушному товарищу сбежать, а с другой - готовились выдернуть его из лап монстров, если потребуется.

План Кошелька был довольно прост. Используя Кнопку в качестве привычного для «зомби» живца, он собирался заманить кукол в самое укрепленное место Форта, из которого невозможно вырваться. Этим местом был подвал под казармой Шибзичей, ранее отданный под вискиделательную машину Копыто. Сама машина давно была похоронена под градом обломков, но прочные ворота и толстые стены никуда не делись. По замыслу уйбуя, големы должны были пойти за бойцом прямо в подвал. Когда же они окажутся внутри, сидящая в казарме десятка вытянет Кнопку через дыру в потолке, закроет её тяжелой плитой, которую Шибзичи временно положили на пролом, рассчитывая залатать пол через два-три месяца, а сам Кошелёк быстро запрет ворота снаружи. Из такой ловушки големам деваться будет уже некуда.

Повторяя про себя заверения уйбуя, что всё под контролем, Кнопка ковылял по заплёванному асфальту двора и смотрел на обернувшегося в его сторону «мертвеца» с ободранной рукой. Одновременно с этим големом начали один за другим «оживать» прочие куклы, словно у них в головах сработал будильник. Они приближались к «живцу» со всех сторон, и внезапно оказавшийся в кольце Кнопка запаниковал. Дикарь дрожащими руками схватил верёвку и подёргал, давая знак товарищам. Веревка начала натягиваться, но один из големов наступил на неё и прижал к земле. Паника дикаря усилилась.

«Бежать надо! - пронеслось в его голове. - Ну и что, что это не зомбы! Големы тоже убивать умеют, да ещё как! Их для того и собирают!»

Расцарапанный «зомби» приблизился к дикарю вплотную и, бестолково размахивая руками, задел укрытую красной банданой голову. Задел случайно, но Кнопка вообразил, что рукотворное чудовище напало на него, и повёл себя единственно возможным в данной ситуации способом.

- Убери лапы, мля! Живым не дамся! - завизжал боец и взмахнул ятаганом. О том, чтобы в

одиначку драться против десяти кукол, он и не думал – жертвой меча стала верёвка. «Отвязавшись» от покотившихся кубарем бойцов десятки, Кнопка проскользнул между ног «мертвеца», выскочил из окружения и бросился наутёк. Боевые куклы машинально последовали за «кинолюбом».

– Стой, дубина! Поворачивай обратно! – завопил из своего укрытия Кошелёк, видя, что боец приближается к главным воротам Форта. – Если они на улицу выскочат, великий фюрер нас всех повесит!

Бесполезно – Кнопка не слушал и не слышал десятника. Он упорно бежал не в ту сторону. Секунд через десять големы должны были вместе с ним покинуть Форт, потеряться на улицах столицы и переполошить всех челов Тайного Города. Допустить это было нельзя.

– Лом, выводи ребят! – рявкнул Кошелёк. – Пускай они, в натуре, разнесут эти гнилушки в клочья!

Из казармы Шибзичей выскочила вся десятка уйбуя, и каждый тащил трубу реактивного гранатомёта. Сверхмощное оружие Кошелёк достал из арсенала и берёт на самый крайний случай. Угрозу побега кукол вполне можно было считать таким случаем.

«Зомби» были уже у ворот, но в последний момент повернулись на шум и, помявшись, пошли обратно. Заложённая в кукол программа заставляла тянуться к наибольшему скоплению народа, поэтому они в одночасье забыли про убегающую жертву. Однако Кошелёк истолковал поведение големов по-своему:

– Хотят, типа, помереть с музыкой, – буркнул он, забирая у Лома свой гранатомёт. – Щас мы им покажем наш духовой оркестр! Начинаем по моей команде! Раз! Два! Пли!

Гранаты с шипением вылетели из труб и, пролетев метров двадцать, врезались в толпу кукол. Усиленный в девять раз взрыв выбил окна на нижних этажах башни, оглушил Красных Шапок и заставил их припасть к земле. У големов, угодивших в самый эпицентр, не было шансов уцелеть – злая и необузданная энергия, заключённая в гранатах, расколола их тела, расплавляла важные органы, изувечила все части. На месте взрыва остались только внушительная воронка и обугленные фрагменты кукол.

Над двором повисла мёртвая тишина. Следившие за коротким сражением дикари с опаской посматривали на дымящиеся останки и даже дышать старались как можно тише. Но прошло пять минут, а почерневшие части тел так и не сложились в целых и невредимых «зомбов».

От суеверного страха дикарей не осталось и следа. Выбежав во двор, они радостно заорали, пустились в пляс, принялись стрелять в воздух от избытка чувств. Одни предлагали отметить успешно подавленное «восстание живых мертвецов» грандиозным праздником в «Средстве от перхоти», другие славили неустрашимого великого фюрера, третьи ревниво заявляли, что смогли бы поймать големов лучше, чем «бестолковый Шибзич»...

Но тут во двор вышел Кувалда, и безудержное веселье его подданных само собой сошло на нет.

– Ломать форогих големов – это, конечно, не по-хозяйски, – рассуждал великий фюрер, прогуливаясь по полю битвы в сопровождении уйбуя Полено. – Мастер их строил, напрягался, в натуре. Я уже тоже прикинул, сколько наша великая семья заработает на этих завофных игрушках. А тут Кошелёк со своими гранатами! Стратег нефофеланный!

– Непорядок, мля! – поддакнул Полено.

- Но с фругой стороны, он кукол взорвал вовремя, - продолжал Кувалда. - Если бы люфы узнали про беглых големов, крику было бы много! Хотя тут, в натуре, ещё всё проверить нафо! Выяснить, почему твари из зелёного портала полезли! Вфруг фиверсия какая?

- Явная диверсия, мля! - опять согласился Полено. - А Кошелёк - молодец! Правильно всё сделал!

Фюрер одобрительно кивнул и остановился у обломков големов, которые старательно сгребали в кучу Красные Шапки. Кувалда приказал «убрать весь мусор» к обеду, пригрозил лентяям виселицей, и теперь дикари работали не разгибая спины. Поэтому не все из них заметили, что неподалёку закрутился вихрь портала. Из него буквально выпрыгнули две белокурые ведьмы - постарше и помоложе - и кóнец.

- У меня срочное дело! - сразу перешла к сути Варвара. - Где у вас тут Кувалда?

- Это я! Чем могу помочь? - Тон незнакомой ведьмы великому фюреру категорически не понравился.

- Сегодня произошла дерзкая кража, - ответила фата. - У меня украли очень ценных кукол.

- И телефон новенький утащили! - пожаловался Фунций. - Я им попользоваться толком не успел! Верните, сволочи!

- Я уверена, что моё имущество находится здесь, - продолжила ведьма.

Тут Варвара осеклась и присмотрелась к куче обломков. Они ясно давали понять, что големы действительно были здесь.

Кувалда проследил за её взглядом и развёл руками:

- В натуре, были големы - не спору. Только они... это... са-мо-лик-ви-фи-ро-ва-лись! - произнёс он сложное слово.

Полено посмотрел на одноглазого с восхищением - такие длинные слова ему пришлось бы заучивать не одну неделю. Но больше восторгаться успехом Кувалды никто не спешил.

- Вы мне за это заплатите! - прошипела Варвара. - Причём немедленно и наличными!

- Ещё чего! - Обычно Кувалда не позволял себе повышать голос в присутствии людов - вассальная присяга требовала от дикарей учтивости. Но сейчас перед великим фюрером стояла не грозная посланница Зелёного Дома, а едва не нарушившая режим секретности хозяйка големов, поэтому одноглазый решил позволить себе некоторые вольности в разговоре. - А кто буфет возмещать убытки нам? Ваши куклы тут такое устроили! Фвор мне, в натуре, раскурочили, в баре всё поломали, уйбуев верных поубивали! - приврал он для убедительности. - Как это понимать?

- Вы сами виноваты! - вмешалась Раиса. - Никто не просил вас брать телефон! Портал сюда случайно угодил.

- Вы ещё и порталы вслепую открываете? - наседал великий фюрер. - А если бы ваши урофы к человеческому презифенту прилетели? Служба утилизации за такую беспечность три шкуры сфирает!

Варвару буквально трясло от ярости, но она поняла, что проклятый дикарь прав. Она недоглядела, доверила важное дело беспечной сестре, позволила куклам разгуливать без присмотра. Если великий фюрер обратится к третейским судьям, то они вполне могут встать на его сторону. Прикинув величину грядущих расходов – потери из-за потраченных впустую материалов и энергии, неустойка за сорванный контракт, штраф Службе – Варвара вздрогнула и решила любой ценой стоять на своем.

- Не смейте мне угрожать! У меня много влиятельных друзей! Сам барон Мечеслав приобрёл у меня голема и высоко оценил моё мастерство!

Кувалда открыл рот, чтобы возразить... и сразу его закрыл. Крыть ему было нечем. Повелитель домена Сокольники был одним из самых влиятельных людей и отличался тяжёлым нравом. Одноглазый сомневался, что фаворит королевы будет слушать его сбивчивые жалобы на взбесившихся големов, которые что-то поломали и кого-то «пубивали». Скорее уж он посоветует извиниться перед настырной ведьмой и добровольно возместить ей все убытки. Иначе...

- Зачем нам ссориться? – пошёл на попятный одноглазый. – Все знают, что Красные Шапки – самая справефливая и честная семья! Конечно, я всё оплачу!

Варвара с кривой усмешкой протянула Кувалде заготовленный листок, на котором изложила все свои притязания. Тот взял его, но, присмотревшись, едва не выронил. Такого количества нулей Кувалда не видел очень давно. До этого фюрер и не подозревал, что создание големов – настолько дорогостоящее занятие. Когда же он добрался до графы «Итого», то заорал не своим голосом:

- Кошелёк гфе? Найти врефителя, мля! Лично на куски порежу!

- Э-э... Я что-то не понял! – почесал затылок Лом, глядя на сидящего за рулём уйбуя. – Фюрер-то наш... гм... почему орёт так громко?

- Как резаный прям, – пискнул с заднего сиденья Кнопка. Сбежав от кукол, он трясся в кустах до тех пор, пока его не подобрал куда-то спешно уезжающий вместе с десяткой Кошелёк. – Големы опять напали?

- С големами, мля, вопрос решён уже! – проворчал десятник. – Тама новое бедствие нарисовалось! К фюреру ведьма прилетела и бабки требует за своих чудищ. Много, в натуре, хочет – чуть ли не четверть казны!

- Фюрер отдаст?

- Раз орёт – значит, отдать придётся!

- А он... это... про нас чего орёт? – допытывался одноухий.

- Нашу десятку ищет, – со странным спокойствием ответил Кошелёк. – Повесить, в натуре, хочет. Кнопку за то, что големов в Форт притащил, меня – за то, что уничтожил их, остальных – чисто за компанию.

- Я не хотел, мля! – запричитал Кнопка. – Страшно было! Аж жуть! Режьте меня – я тут самый виноватый! И башку мою, в натуре, фюреру отнесите – вдруг простит!

- Резать не будем, – обнадёжил его Кошелёк. Внезапно он ударил «кинолюба» в левое ухо. Не

дав опомниться, десятник поставил бойцу фингал под правым глазом, после чего спокойно объяснил:

- Это, типа, тебе наказание будет. Первый удар - за то, что кукол наружу повёл, хотя я тебе орал. Второй - за то, что тащишь что попало и симки потом не выкидываешь! Считай, что мы в расчёте!

- Так типа всё? - нахмурился Лом. - Кончилась у нас... эта... светлая полоса, короче?

- Ненадолго, мля, - заверил его Кошелёк. - Надо на месяц-другой в Питер уехать и подождать, пока великий фюрер не остынет! Я как раз на днях встречался с одним челом знакомым из питерской братвы. Он, в натуре, что-то крупное затеял, а стволов ему не хватает! Долю обещал.

- Наваримся, типа? - наярив извилины одноухий здоровяк.

- Верняк! - уверенно отозвался Кошелёк. - Деньги сами нас найдут! Как всегда!

В копилку курьезов:

*Интересные новости пришли от наших непредсказуемых Красных Шапок. Сегодня днём великий фюрер Кувалда подписал указ, запрещающий без его разрешения показывать на территории Южного Форта любые фильмы «со всякими зомбами, упырями и прочей непонятной пакостью» (конец цитаты). По утверждениям Кувалды, такие фильмы плохо действуют на его подданных и подрывают их высокий боевой дух. Пресс-служба Зелёного Дома отнеслась к инициативе великого фюрера с пониманием. «Современные режиссёры привыкли заигрывать с кровью и насилием, и их произведения нередко наносят психологические травмы добропорядочным челам или толкают их на преступления, - сообщил её представитель. - Что уж говорить об изначально предрасположенных к беспорядкам дикарях!» **(Тиградом)***

Игорь Горбунов, Борис Харькин

Три шага к пропасти

Большинство представителей семьи шас - прожжённые дельцы и редко ошибаются в клиентах. Старенький Правин Кумар - владелец небольшой лавки с артефактами - не был исключением.

Когда висящий над входом колокольчик мелодично звякнул и дверь отворилась, впуская посетителя, первая мысль шаса была: а не кликнуть ли стоящего снаружи охранника. А следом пришла вторая мысль: как вообще охранник додумался впустить такого типа!

Вошедший чел был типичным алкоголиком с заросшей одутловатой рожой и в грязной одежде, запах от которой тут же распространился по лавке.

Посетитель, заметно прихрамывая на правую ногу, доковылял до витрины и пробежался взглядом по многочисленным артефактам.

- Мне нужен этот. - Грязный палец указал на чёрную пятиконечную звезду с небольшой дырочкой в середине.

Шас еле сдержал смешок. Надо бы как-нибудь поделикатнее объяснить этому челу, что «Звезда Арна» не по карману обладателю замызганного свитера и опухшего от пьянства лица.

Посетитель криво улыбнулся и прохрипел:

- Не надо смотреть на меня, как на пациента психушки. Я знаю, что это за вещь и сколько она стоит.

Правин ещё раз внимательно оглядел вошедшего, и в далёком уголке памяти вдруг всплыла размытая картина. Если вместо грязной одежды представить строгий костюм, вместо седой щетины - аккуратную эспаньолку, а вместо мутного шального взгляда - вкрадчивый и с хитринкой - то это будет копия Данилы Лисина. Точно! Данила Лисин. В рейтинге наёмников Тайного Города он когда-то входил в первую десятку. А около трёх лет назад внезапно исчез, и теперь шасу стало ясно, куда - на дно бутылки дешёвой водки...

- В чём дело? - недовольно буркнул Данила, заметив, как пристально продавец его разглядывает. - Мне нужна «Звезда Арна». Только... Наличных у меня нет...

- Извините, - развел руками Правин, - я не продаю в долг.

- И не нужно, - фальшиво улыбнулся клиент. - Могу предложить кое-что, не менее интересное, чем хрустящие бумажонки.

Несмотря на то что выгода и спившийся наёмник понятия совсем уж не близкие, шас сверкнул хитрыми глазами и подался вперёд. Кто знает, вдруг Спящий решил послать старенькому Правину удачу в таком вот неприглядном, дурно пахнущем виде.

- Я открыт для предложений. Но только выгодных... Взаимовыгодных.

- Двухкомнатная квартира на Чистых прудах годится? Я перепишу её на вас прямо сейчас же. Но мне понадобится неделя на переезд.

Шас чуть было не присвистнул. И правда, пути Спящего неисповедимы!

- Вы уверены? - ради приличия произнёс он, уже прикидывая, кому бы продать выгодно полученную недвижимость.

- Абсолютно.

Заполняя документы, владелец лавки думал, что стареет - впервые в жизни он не опознал выгодного покупателя с первого взгляда.

* * *

Глотая дым дешёвой сигареты, Данила глядел на дисплей старенького мобильника, на котором высвечивалось имя «Алла».

Он уже полгода не слышал её голоса, немного низковатого и тихого. Иногда, стыдясь самого себя, он скучал по её серым глазкам, по её длинным ухоженным ногтям, но по-прежнему ненавидел её безразличие и пустую душу.

Бывший наёмник нажал кнопку дозвона.

- Да, - сонным голосом ответила Алла.

- Здравствуй. Ангелине нужна твоя помощь.

- Что у вас там случилось? – Алла будто выдавливала из себя слова, отчего бывший наёмник начал закипать внутри. – Если нужны деньги, я перешлю тебе на счёт.

- Приезжай ко мне сегодня.

- Но...

- Я не беспокоил тебя больше года, и за всё это время ты ни разу не удосужилась узнать, как живёт твоя дочь. Так что будь любезна, отложи дела и навести мою берлогу.

Данила отключился и готов был швырнуть мобильник в стену, вспоминая, как некогда любимая жена бросила его с малолетней дочерью ради молодого любовника...

* * *

Алла явилась ровно в девять – она никогда не опаздывала. Как всегда, сногшибательна: с каре из поблёскивающих светлых волос, в платье кораллового цвета и с жемчужной ниткой на шее. На её тонком предплечье висел бежевый клатч.

Алле было тридцать восемь, но вряд ли кто-то дал бы ей больше тридцати – она слишком пеклась о внешности и тратила на неё фантастические деньги.

Алла явилась ровно в девять – она никогда не опаздывала. Как всегда, сногшибательна: с каре из поблёскивающих светлых волос, в платье кораллового цвета и с жемчужной ниткой на шее. На её тонком предплечье висел бежевый клатч.

Алле было тридцать восемь, но вряд ли кто-то дал бы ей больше тридцати – она слишком пеклась о внешности и тратила на неё фантастические деньги.

Оглядев грязные обои прихожей, она, не снимая туфли, прошла в гостиную. Присела на диван и брезгливо поморщилась, словно под ней была не мебель, а грудa мусора.

- Во что ты превратил квартиру?

- Я не волшебник и «превращать» не умею. – Данила, прихрамывая, прошёл к подоконнику и закурил.

- Хромаешь? – ехидно осведомилась Алла. – Небось пьяный сверзился с лестницы?

Бывшего наёмника не сильно задело циничное оскорбление, злость вызвал другой факт.

- Слушай, ты не видела Ангелину полгода и даже не спросишь, где она находится в девятом часу вечера?

- Она уже не маленькая, в пятнадцать лет среднестатистические девочки по вечерам гуляют с мальчиками. В её возрасте это нормально.

- Значит, нормально... – процедил Данила и затушил сигарету в банке от тушёнки. – Вообще-то, ей четырнадцать... Впрочем, для тебя это не имеет значения...

- Может, перейдём к делу, противно слушать жалкие завывания унылого алкоголика.

Даниле немыслимо захотелось врезать по холёному личику Аллы. Его, когда-то успешного наёмника Тайного Города, втаптывала в грязь продажная шлюха. Десять лет назад он принимался за любые заказы, лишь бы их дочь ни в чём не нуждалась. Он давал жене деньги на раскрутку бизнеса. А ей уже тогда было наплевать на дела мужа. Она даже не интересовалась, откуда он берёт зелёные бумажки. И Данила решил не делиться с ней информацией о существовании Тайного Города. Он сказал, что работает в ФСБ, и ей этого было достаточно.

«Жалкие завывания!» Эта тварь даже не подозревала, что значит браться за дело, не зная, удастся ли вернуться домой живым и вновь увидеть семью.

- Воздержись от выплескивания своего яда, - пытаясь не сорваться на крик, проговорил Данила. - Я тебя не для этого позвал...

- Я вся - внимание. - Алла посмотрела в мутные глаза бывшего мужа и саркастически улыбнулась.

- Ангелина - фанатка певца Ивана Демишева. Ты, наверное, знаешь его - гламурный паренёк с модной причёской...

- Знаю, сейчас многие девочки сохнут по нему. И что дальше?

- Нет, ты не поняла. Пойдём... - Бывший наёмник жестом позвал Аллу в комнату дочери.

- Почему ты просто не можешь сказать, чего от меня хочешь?!

- Пожалуйста, иди за мной.

Стены комнаты Ангелины были сплошь обклеены плакатами с изображениями молодой эстрадной звезды. Вот Иван Демишев улыбается на фоне розового лимузина, а здесь хитро подмигивает, держа в руке коктейль в высоком бокале. Самый большой плакат висел над кроватью. На нём певец был одет в строгий костюм, а над его головой авторучкой было написано: «Для Ангелины с любовью. Иван Д.»

- Этот он подписал ей после концерта в «Лужниках», - отметил Данила.

Алле, судя по её кислой физиономии, музыкальные пристрастия дочери были до лампочки.

- Ну и пылица... - Она провела пальцем по компьютерному столу. - Вы б хоть иногда уборку проводили. Или вам нашу домработницу прислать?

Пламя ненависти разгоралось в Даниле всё сильнее, но выпускать это разрушительное чувство наружу было нельзя. Нужно потерпеть, совсем немного, ради дочери...

- Так вот, - громко сказал бывший наёмник, не обращая внимания на слова Аллы. - Ангелина очень хочет сделать Демишеву подарок...

- Ну а я здесь при чем?

- Может, хватит перебивать! - проскрежетал Данила, смахнув со лба капельки пота. - Вот этот подарок.

Он достал из кармана брюк небольшой металлический амулет в виде пятиугольной звезды, края которой были украшены красными камушками, а в центре зияло маленькое отверстие,

размером с ноготь. Алла взяла амулет и, без особого интереса, стала разглядывать.

- Бред какой-то... Неужели жизненно необходимо дарить такую побрякушку?
- Для тебя это побрякушка. А для Ангелины - очень важная вещь.
- Повторяю вопрос - при чём тут я? Хочет подарить - пусть дарит.
- Демишев круглый год колесит по стране, Ангелине его не выловить. Но у него есть продюсер, и о нём ты тоже, скорее всего, слышала. Люнций Хейз.
- Не слышала. Что за дурацкое имя?
- Не знаю, - соврал Данила, хотя прекрасно знал, у кого в моде подобные имена, кто подмял под себя весь шоу-бизнес Тайного Города, а теперь расширяет сферы влияния на Человской территории. - Наверное, иностранец. У него свой продюсерский центр на Малой Никитской. Ангелина хотела передать подарок через него, но её к нему не пропустили.
- Так передай сам. - Алла внимательно уставилась на экс-супруга, и её губы скривились в презрительной усмешке. - А-а... понимаю. Такое убожество, как ты, к продюсеру тоже не пропускают.

В воображении бывший наёмник уже сломал Алле нос и спустил её с лестницы вверх тормашками. Но в реальности он опустил голову и глухо произнёс:

- Ты права. Кто меня впустит в таком виде!
- Ну так побрейся, помойся и неделю не пей! Речь же идёт о твоей горячо любимой дочурке! Неужели ради неё ты не можешь вымыть рожу?
- Я пробовал, не впустили. - Данила стиснул зубы и отвернулся. - Преуспевающие продюсеры не встречается с такими, как я. Но ты ведь запросто можешь добиться аудиенции.
- Ну хорошо. Я выполню вашу просьбу при одном условии.
- Каком?

Алла скрестила руки на груди:

- Больше вы никогда не будете тратить моё время по таким пустякам.

Данила кивнул. Бывшая жена небрежно бросила амулет в сумочку.

- Я пошлю своего человека, завтра подарок передадут.

Данила крепко взял Аллу за локоть и тоном, который не допускает возражений, сказал:

- Хотя бы раз в жизни сделай что-нибудь для дочери сама.

* * *

Не успели звёзды полностью усыпать ночное небо, как вернувшаяся домой Ангелина, одетая в длинное белое платье, босиком вошла в неухоженную комнату отца. Данила сидел на краю кровати и курил. Хромоногий столик, стоящий рядом, был завален десятком окурков. В

комнате было темно, бледный свет луны, падающий на лицо бывшего наёмника, делал его похожим на безжизненную статую.

- Привет, папа, - сказала девочка, скромно пристроившись рядом со шкафом.

- Ангелина, - Данила резко повернулся к ней и впервые за несколько дней улыбнулся. - Почему ты так долго не приходила?

Он не видел лица дочери, слабый свет, лившийся из окна, позволял различить лишь её хрупкий силуэт. Девочка по-детски пожала плечами и ответила:

- Ты не хотел, чтобы я пришла, не ждал меня.

Данила вскочил с кровати и, затушив сигарету прямо о мозолистую ладонь, быстро проговорил:

- Нет, что ты! Я только о тебе и думаю... День и ночь...

- Думать и хотеть - не одно и то же.

- Да, ты права, - бывший наёмник бросил окурок в угол комнаты. - Знаешь, родная, я в последнее время чувствую себя совсем плохо, голова раскалывается, и в груди жжёт...

- Ты постоянно пьёшь, папа. Это тебя убивает.

- А я не могу по-другому! Когда я трезвый, а ты не приходишь, только и остаётся смотреть на фото. А мне больно, понимаешь?! - На глазах Данилы заблестели слезы. - Мне тебя слишком мало!

Он сделал шаг навстречу дочери, но она попятилась.

- Стой! Не подходи близко! Ты продал меня, а деньги спустил на водку.

Бывший наёмник почувствовал, как горький ком встал у него в горле. Ещё одно слово Ангелины, и он сорвётся.

- Нет, родная, я...

- Ты продал меня!

- Замолчи! - Данила схватился за голову. - Я ведь уже тысячу раз объяснял! У меня не было другого выхода! Но, клянусь, завтра всё наладится!

- Ты что-то придумал?

- Да... План очень хороший. Если удастся, я накажу их.

Девочка прошла к окну и, встав к отцу спиной, тихо спросила:

- Почему мама никогда меня не любила?

- Потому что она... - Бывший наёмник осекся. Умом он понимал, что лучше сказать дочери, что мама её очень любит, но обстоятельства заставили её уйти. Одно не позволяло произнести эти слова - безграничная ненависть к своей бывшей жене и к её мерзкому любовничку.

- Твоя мама никого не любит. Только себя. Такой уж она человек. Материнский инстинкт у неё полностью атрофирован. Тебе не повезло.

- А ты? Ты любишь меня?

- Да! Поэтому и не бросил тебя.

- Но предал, - холодно промолвила девочка, продолжая смотреть в окно.

- Я всё исправлю, - пробормотал Данила.

Наконец Ангелина обернулась, её лица по-прежнему не было видно, и в белом платье она походила на призрака.

- Слушай, пап, а как там Ванька Демишев? Есть новые хиты?

- Честно говоря, не знаю. Я телевизор не включал несколько месяцев.

- Жаль... А ведь в тот день я спешила на его концерт, помнишь? Там должна была состояться премьера новой песни. А я так её и не услышала... Пап?

- Да.

- Обними меня.

Бывший наёмник бросился к девочке и заключил её в крепкие объятия до смерти истосковавшегося по дочери отца. Лишь на мгновение он ощутил тепло её тела, а затем, будто сотворённая из мыльного пузыря, она разлетелась на мелкие частички, и в комнате вновь стало тихо и пусто.

* * *

Челы настолько же сведущи в моде, насколько Красные Шапки сильны в высшей математике. Это безумно огорчало Люнция Хейза. В обществе челов он был вынужден рядиться в скромный белый костюм. Надень Люнций нечто более стильное, яркое, разноцветное - педантичные челы стали бы за глаза называть его клоуном. Единственное, что он мог себе позволить, - оранжевый в синий горошек галстук. Так и на него они кидали косые взгляды.

Но зато эта семейка ничего не смыслила в шоу-бизнесе. И это Люнция радовало. Его ушлые соплеменники давно заняли все ниши в Тайном Городе, и кóнец был вынужден работать с челами.

Люнций подошёл к зеркалу и, бросив взгляд на белоснежный костюм, буркнул:

- Ну прямо не кнец, а какой-то Санть...

Договорить он не успел: громко запищал мобильник. Высветившийся на экране номер был незнакомым.

- Слушаю.

- Здравствуйте. - Из трубки послышался уверенный женский голос. - Вас беспокоит Алла Германова, я - владелица салона красоты «Ангелина».

- Добрый день. Чем обязан?

- Господин Хейз, у меня к вам деликатная просьба. Вы не могли бы уделить мне сегодня несколько минут? Обещаю, что не останусь в долгу...

- Даже не знаю... - замялся продюсер. - А в чём, собственно, дело?

- Просьба самая простая - передать маленький сувенир Ивану Демишеву от моей дочери. Она его большая поклонница, и уже просто нет сил слушать её мольбы... Взамен могу предоставить вашей жене кварталный абонемент в мой салон.

- Эх, жаль, что месяц назад я развёлся... - хмыкнул кнец. В его голосе не было ни грамма сожаления. - Что ж, сегодня, ровно в три, у меня будет двадцать свободных минут, считайте, что они ваши.

* * *

Уже битый час Алла вертелась у зеркала, не зная, какое украшение подобрать под светлый кожаный пиджачок.

А если это, подумала она, приблизив к шее тоненькую золотую цепочку. Минимализм всегда в моде...

- Конфеточка моя?! - Из ванной вышел мускулистый блондин с полотенцем на бёдрах. - Может, ты останешься, и мы поваляемся в джакузи с морской солью? Я сделаю тебе эротический массаж...

- Не могу, Валентинчик, - ответила Алла, остановив свой выбор на цепочке. - Сегодня много дел, поэтому твоя конфеточка будет только ночью...

Блондин, массивными руками обхватил талию жены и поднял её, будто пушинку. Она обожала, когда он так делал, потому что сразу чувствовала себя молоденькой, лёгкой и беззащитной. Такой, какой она уже давно перестала быть.

- Ну зайчик, ты мокрый...

- Я хочу тебя!

Алла таяла, словно льдинка, когда прикасалась к его мощному телу. В эти моменты всё вокруг исчезало, становилось ничтожным, пустым и ненужным. И если бы она могла убить в себе убеждённую бизнес-леди, то наверняка день и ночь валялась бы с ним в джакузи...

- Не уезжай, - прошептал он, бережно опуская жену на пол.

- Прости, нужно уладить одно дело...

В ясных голубых глазах блондина мелькнула грусть вперемишку с раздражением. Он устал мириться с тем, что на первом месте у его жены всегда бизнес. Она редко готовила ему завтрак, они никогда не ездили в отпуск вместе, а хуже всего было то, что Алла не хотела детей. Это тема была под запретом в их шикарной пятикомнатной квартире, в которой так не хватало детского смеха.

- Не понимаю, - строго произнёс Валентин. - Мой фитнес-центр приносит нам неплохую прибыль, ты вообще можешь продать свой салон и не работать.

- Не начинай, - Алла вытянула вперёд ладонь. - Я же сказала, мне нужно уладить дело. Потерпи до вечера.

- Ну хорошо, - сдался блондин. Он взял руку жены и нежно поцеловал.

- Вот так-то лучше, - обворожительно улыбнулась Алла и упорхнула из квартиры, оставив после себя лишь запах роз и жасмина.

* * *

Данила проснулся от жуткого кошмара, за окном только начинало светать. Кинувшись в комнату дочери, первые десять секунд он не мог понять, почему там никого нет.

- Она в школе? - спросил себя бывший наёмник. - Нет, ещё слишком рано. Но тогда где? - Машинально он распахнул ящик стола, и его ноги подкосились. Он рухнул в кресло и взревел, словно раненый медведь. В ящике лежала фотография Ангелины с чёрной лентой в нижнем углу.

Его дочь мертва. Уже год!

Он часто забывал об этом, поглощая огромные дозы алкоголя и теряясь в пространстве и времени. Ангелина являлась к нему в самые невыносимые моменты отчаяния. Она упрекала и ругала его за бездействие, за жалкое существование и за то, что он не смог отомстить проклятому Люнцию.

В моменты прозрения Данила понимал, что галлюцинации становятся всё реальнее и что рано или поздно он сойдёт с ума окончательно и бесповоротно. И тогда смерть Ангелины так и останется безнаказанной. Псих, пускающий слюни, вряд ли сможет отомстить.

Он понимал это, потому придумал хитрый план - продал квартиру и купил артефакт-бомбу, которая сегодня разорвёт на куски тех, кого он ненавидит всем сердцем.

Этот факт немного успокоил Данилу, и он, дабы заранее отпраздновать триумф вендетты, открыл холодильник и достал бутылку водки.

- За тебя, родная!

Отпив граммов двести, бывший наёмник почувствовал, как головная боль постепенно отступает.

Он вынул из кармана мобильник и набрал номер бывшей жены.

- Чего тебе? - недовольно буркнула Алла.

- Ты исполнишь обещание?

- Да, сегодня у меня встреча с продюсером.

- Во сколько?

- Какая тебе разница?

- Просто скажи, - настоял Данила.

- В три часа, доволен? Я передам ему побрякушку, только ты обещаешь, что оставишь меня в покое.

Данила злобно улыбнулся:

- Даю слово бывшего... офицера Федеральной службы безопасности, что если ты сегодня отдашь медальон Люнцию Хейзу, то больше никогда не увидишь ни меня, ни свою дочь. Ты ведь этого хочешь?

- Зачем же так строго? Видеть свою дочь я бы хотела. Иногда.

Улыбка бывшего наёмника стала ещё злее, а в покрасневших глазах вспыхнул огонёк.

- А знаешь, быть может, ты с ней ещё встретишься...

На пару секунд Алла замолчала, наверное, о чём-то задумалась.

- Ты, как я слышу, в своём привычном состоянии... И как это Ангелина с тобой живёт - ума не приложу. Может, всё-таки стоит её забрать? Хотя вряд ли эта затея понравится Валентину...

- Вот и я думаю, что затея не очень хорошая. Удачного дня.

- Тебе того же.

«Всё просто великолепно! - радостно подумал Данила и снова приложился к горлышку бутылки. - Сегодня я взорву тебя, тварь!»

- Ты уверен в этом? - спросил голос Ангелины из-за спины.

Бывший наёмник обернулся и вскочил со стула. Его зрачки расширились.

- Родная моя, ты пришла! Как я рад тебя видеть...

Девочка была одета в длинное чёрное платье, затянутое поясом на узкой талии.

- Пап, мне кажется, ты запутался, - Ангелина опустила серые глаза.

Данила подошел к дочери вплотную и обхватил ладонями её личико.

- Посмотри на меня, родная. Ты так похожа на мать, хорошо, что только внешне. Ведь внутри у неё пусто. Она монстр...

- А кем станешь ты, когда бомба взорвётся? - спросила Ангелина, прожигая отца недетскими глазами.

- Я стану тем, кто отомстит за дочь, кто восстановит свою честь, опущенную на самое дно!

Вдруг позади раздалось:

- Пап, это не я.

Данила в ужасе обернулся и увидел перед собой ещё одну Ангелину. Точно такую же, но только в белом платье.

- Не может быть. - Он вытер лоб, по которому струями стекали капли пота.

«Белая» Ангелина пожала плечами и, улыбнувшись, произнесла:

- Ты же знаешь, если бы мама не ушла от нас, со мной ничего бы не случилось. Она заслужила смерть!

- Если ты их убьёшь, - возразила «черная» Ангелина, - тебя будут судить. Люды не простят смерть кóнца. Меня уже не вернуть, убей ты хоть всех москвичей.

Данила хотел ответить, но осёкся. Что-то в словах дочери было неправильно! «Люды», «кóнец»...

- Откуда ты знаешь про Тайный Город?!

Внезапно виски пронзила невыносимая боль, такая, что Данила свалился на колени и зажмурил глаза. Голова стала разрываться от яростных криков:

- Убей!

- Прости!

- Отомсти!

- Забудь!

- Ты, это я!

- И я!

- Ты запутался!

- Нас нет, есть только твоя совесть...

Бывший наёмник с трудом поднялся на ноги. Иллюзия растворилась, разум стал чистым. Он понял - всё, что сейчас произошло, было лишь галлюцинацией. А потом в полной мере осознал все последствия своего плана - страшный взрыв покарает не только тех, кто заслужил смерть, но и невинных - тех, кто может случайно оказаться рядом с Люнцем!

* * *

Валентин накинул бамбуковый халат, откупорил бутылку боржом и уже собрался включить порноканал, но тут раздался дверной звонок. Странно. Он никого не ждал, а Алла не собиралась возвращаться домой до вечера.

Валентин накинул бамбуковый халат, откупорил бутылку боржом и уже собрался включить порноканал, но тут раздался дверной звонок. Странно. Он никого не ждал, а Алла не собиралась возвращаться домой до вечера.

В глазок блондин разглядел мужика в помятом застиранном костюме. Где-то он уже видел это опухшее лицо с покрасневшими глазами. Ах да, это же бывший муженёк Аллы. Судя по виду, он спился окончательно... Интересно, что ему здесь понадобилось? Какое-то время любопытство боролось с нежеланием открывать дверь. В конце концов, любопытство победило.

- Знаешь - кто я? - безо всяких предисловий с порога спросил мужик. Изо рта дыхнуло кислым

запахом перегара.

- Ну, - буркнул Валентин, припоминая, как же зовут этого типа. - Чего хотел?

- У меня к тебе очень важное дело.

Блондин нехотя кивнул и жестом пригласил незваного гостя войти. Тот, несмотря на сильную хромоту, резво проследовал внутрь и скинул обувь. Они сели в гостиной за журнальным столиком подле искусственного камина. «Данила, кажется, его зовут Данила», - вспомнил хозяин квартиры. Он видел его всего пару раз. А ведь первое время, когда Алла ушла к Валентину, он побаивался, что её муж - фээсбэшник может стать проблемой. Что он не захочет отпускать Аллу. Но нет, всё обошлось. Так какого хрена ему понадобилось сейчас?! Валентин окинул его взглядом. Грязный пьяница. На фоне изысканного интерьера гостиной он выглядел как нечто инородное.

- Ты в курсе, кем я работал?

- Ну, вроде в ФСБ. - Валентин про себя улыбнулся. Значит, «работал». Хоть по виду гостя и было понятно, что в органах он уже не служит, но сомнения всё равно оставались - чем чёрт не шутит...

- Хорошо, раз ты в курсе, значит, понять суть проблемы тебе будет легче.

- Слушай, - прищурился блондин. - Ведь сейчас середина дня, откуда ты знал, что я дома?

Бывший фээсбэшник ухмыльнулся, обнажив жёлтые зубы.

- Алла как-то перед разводом похвасталась, что её новый бойфренд имеет свой фитнес-центр и может позволить себе целыми днями валяться на диване. В отличие от меня... Ты доволен?

- Понятно, теперь давай побыстрее к делу.

- Побыстрее не получится! - отрубил Данила так жёстко, что блондину стало не по себе.

Теперь он начал жалеть, что открыл дверь. Конечно, если этот алкаш набросится на него с кулаками, Валентин быстро усмирит его пыл, но ведь у него может оказаться нож или того хуже - пистолет. А против пули никакие мускулы не помогут...

- Есть выпить? - резко спросил незванный гость.

Валентин нехотя распахнул бар, достал бутылку рома «Бакарди». Поставил на стол два стакана. Он заметил, что Данила всё время нервозно поглядывает на наручные часы.

- У нас ещё есть время, - сказал незванный гость.

- Для чего?

- Для того, чтобы я тебе все объяснил. - Губы бывшего фээсбэшника стали подрагивать.

Валентин кивнул. Он видел, что собеседник явно не в себе, и решил с ним не спорить. Пусть скажет, что хотел, и проваливает.

- А теперь слушай очень внимательно, - Данила подался вперед. - Я совершил огромную ошибку! И сам я не в силах её исправить. Но это можешь сделать ты.

Бывший фээсбэшник ненадолго замолчал, вперив мутный взгляд в стакан. Потом залпом выпил и заговорил. А точнее, начал нести бессвязный бред:

- Она ведь звала меня с собой. А я не пошёл! Я не люблю музыку! А ведь мог пойти, и, возможно, ничего бы не случилось! Понимаешь?! - Он прожёл Валентина взглядом, полным лютой ненависти, и продолжил: - Нет, ты не понимаешь! У Люнция - «Рендж Ровер». Обычно, он ездит с водителем, но в тот проклятый день водитель подвернул руку и кон... продюсер решил сам сесть за руль. Он сбил Ангелину! Насмерть!

Данила обхватил голову руками, было видно, что он еле сдерживает слёзы.

- Как сбил?! Когда?! - растерялся Валентин. В мыслях промелькнуло - бредит, этот спившийся идиот бредит.

- Год назад. Ровно год назад этот проклятый урод лишил меня дочери! - Теперь разгорячённый пьяница не смог сдержать хлынувший из глаз поток.

- Как?! - тупо повторил Валентин. - Почему Алла не знает?!

- Этой суке плевать на Ангелину!

Блондин проглотил оскорбление.

- Когда мне позвонили, я не мог поверить, - всхлипывая, продолжил бывший фээсбэшник. - Я до последнего молился, чтобы это оказалось неправдой! Я не помнил, как выбежал из квартиры, как нёсся вниз по лестнице и споткнулся. Я разбил голову, сломал ногу, но отчаянно полз, как беспомощный червяк... Я смог увидеть её лишь на следующий день. В морге. Ангелина была как сломанная кукла. Проклятый джип переломал ей все косточки! Врач сказал, что она умерла на месте...

Валентин почувствовал, как задрожали у него ноги. Он понял, что Данила не бредит. Что это правда, что Аллиной дочери больше нет!

Данила налил себе полный стакан рома, опорожнил его и прошипел:

- Люнций заплатил за похороны и купил меня! Он отвалил мне кучу бабла, лишь бы я не предъявлял обвинений и не трогал его, чтобы я забыл про этот инцидент. Он рыдал и клялся, что больше никогда не сядет за руль. Он знал, что я... фээсбэшник, и очень боялся мести. Я был не в себе и пообещал, что не трону его. Так я остался без дочери! Я уже год живу один, тая в душе эту горечь!

Валентин не знал, что сказать, все слова казались неуместными и неуклюжими. Страшная весть ошаршила его. Наконец он виновато молвил:

- Всё-таки надо было нам рассказать. Мы бы помогли...

- Я скрыл это от Аллы, потому что ненавижу её!

- Ей надо рассказать, - настаивал блондин.

- Подожди! Это ещё не всё! Слушай! Полгода я пил, не просыхая, пропил все продюсерские деньги. А потом... потом у меня начались видения. Я слетел с катушек! Ко мне, словно наяву, приходила дочь и обвиняла меня. Говорила, что я её предал и продал. Что я должен отомстить.

И продюсеру, и Алле. Ангелина ненавидела мать за то, что та её бросила. Это длилось полгода, видения становились всё чаще и реалистичнее. И я понял, что должен отомстить. Отомстить им обоим! Вот только добраться до продюсера было непросто – он нанял телохранителей. И если бы мне даже удалось каким-то чудом его прикончить, с моей хромотой я бы вряд ли смог скрыться. Меня бы посадили, и Алла осталась бы безнаказанной!..

Валентин слушал, и с каждым словом ему становилось всё страшнее.

- Но я придумал хитрый план мести! – продолжил Данила. – Решил всё сделать красиво, убить двух зайцев одновременно. Взорвать к чёртовой матери! Мне пришлось воспользоваться старыми связями, чтобы достать бомбу. Она выглядит как магический амулет. Сегодня ровно в пятнадцать ноль пять они взорвутся!

Блондин задрожал всем телом, рука потянулась к мобильнику – нужно срочно позвонить Алле!

- Стой! Не вздумай! Позвонишь – она запаникует, чего доброго выкинет амулет, и тот сметонирует от удара. А взрывная сила у него страшная!

Валентина трясло, но он совладал с собой и положил телефон на стол.

- Я понял, что жажда мести свела меня с ума! – раскаянно произнёс Данила. – Знаешь, если бы Алла и Люнций взорвались, я бы это пережил, мне на них наплевать. Но погибнут невинные люди. А их смертями Ангелину не вернуть. Каким же я был идиотом! Но ещё можно всё исправить!

- Нужно действовать! – затараторил блондин. – Звонить в полицию, вызывать сапёров!

- Послушай, главное – без паники! Время ещё есть! Бомбу легко обезвредить. Надо вставить вот это в центр амулета. – Данила вынул из кармана пиджака металлический, поблескивающий красным, шарик. – Сделай это, и Алла будет спасена!

- Как?! – пролепетал Валентин. – Я ничего не понимаю в бомбах!

- Тут нет ничего сложного, просто вставь предохранитель, и взрыва не будет! Не говори о бомбе, а то начнётся паника! Просто вставь шарик!

Валентин сжал кулаки и зажмурился. Смерть дочери Аллы, месть, бомба – всё это походило на безумие.

- А если я не успею?!

- Я поставил таймер на пятнадцать ноль пять. Алла не опоздает и не зайдёт раньше, ты же знаешь её бзик на пунктуальности.

- Но почему ты поехал не за ней, а сюда! – выпалил блондин. – Ты ведь сам мог обезвредить бомбу!

- Как я – хромой пьяница, по-твоему, догоню Аллу с её «Лексусом»?! А к офису продюсера меня на пушечный выстрел не подпустят!

Данила глянул на часы.

- Всё, тебе пора ехать! Иначе...

Валентин схватил ключи от машины и бросился к двери. Воображение рисовало в голове ужасные образы – взрыв, окровавленное тело Аллы, в неестественной позе лежащее на земле. И её взгляд, полный ужаса и осуждения.

«Я спасу, – решительно подумал блондин. – Спасу и больше никогда не отпущу от себя!»

* * *

Охранник на входе вежливо попросил Аллу расписаться в журнале посетителей и проводил до лифта. На седьмом этаже перед дверью продюсера стоял ещё один охранник – кряжистый блондин с мутно-зелёными глазами. Он достал из кармана пиджака какую-то штуковину, возможно – металлоискатель, поводит ею перед удивлённой Аллой и лишь потом распахнул дверь.

«Похоже, этот продюсер кого-то очень боится», – подумала она.

Люнций Хейз оказался маленьким, пузатеньким и абсолютно лысым. А ещё – толстогубым и улыбчивым. Странно, Алле никогда не импонировал подобный типаж, но в Люнции было что-то притягательное, в самом его облике скрывалась какая-то тайна. Он был одет с иголки в элегантный белый костюм. Только оранжевый галстук смотрелся излишне крикливо.

– Алла, вы чудесно выглядите! – воскликнул Люнций и улыбнулся. Он весь прямо искрился позитивом. – Выпьем вина за знакомство?

– Почему бы и нет, господин Хейз.

– Люнций, просто Люнций, – махнул пухлой ручкой продюсер, доставая из мини-бара бутылку красного вина и два бокала. – Как зовут вашу дочурку?

– Ангелина.

– Какое редкое имя! – Люнций расплескал вино по бокалам. – Так что я должен передать Демишеву?

Алла достала из сумочки амулет.

– Интересная вещь, – хмыкнул Люнций, пристально разглядывая подарок.

Тут в дверь постучались.

– Да? – сказал продюсер.

Заглянул охранник.

– Тут какой-то молодой человек. Представился Валентином, говорит, что он – муж Аллы и просит войти. Говорит, что это очень важно.

Люнций вопросительно глянул на Аллу. Та слегка покраснела и пробормотала: «Странно. Что ему понадобилось?»

– Впускай, – распорядился продюсер.

Охранник отодвинулся, и из-за его широкой спины вышел Валентин.

Алла заметила, что он какой-то бледный.

- Любимая, дай мне, пожалуйста, амулет, – сказал он. – Это очень важно!

- Зачем? – удивилась Алла.

- Просто дай его сюда!

Алла никогда не слышала, чтобы Валентин говорил таким жестким убедительным тоном.

Она передала амулет. Валентин вытащил из кармана металлический шарик и вставил его в отверстие в центре звезды.

* * *

- С вами приятно иметь дело, господин Лисин! – радостно объявил шас, держа в руке документы, которые делали Кумара полноправным владельцем двухкомнатной квартиры, ещё несколько минут назад принадлежавшей его клиенту.

- С вами тоже, – улыбнулся Данила, в его ладони лежала «Звезда Арна».

- Вы не пожалеете. Этот редкий артефакт – произведение военного искусства! Чтобы активировать бомбу, необходимо всего-навсего вставить шарик-взрыватель в отверстие. Через пять секунд произойдёт взрыв, по силе сопоставимый со взрывом С4!

- Да, – улыбнулся Данила, в его глазах плясали сумасшедшие искорки. – Это то, что мне нужно.

Шас был в приподнятом настроении, и ему захотелось немного поболтать с клиентом.

- А вы знаете, что у этого артефакта есть одно очень интересное свойство? Его нельзя определить никакими детекторами магии, при условии, если взрыватель находится на расстоянии больше двух метров от бомбы. В военной истории Великих Домов зафиксирован случай, когда благодаря этой особенности «Звезды Арна» двум феям удалось обхитрить чудов. Они напросились на аудиенцию к Бастиану фон Штегеру – магистру ложи Горностаев. Одна фея взяла с собой бомбу, а другая – взрыватель. Но из-за того, что одна пришла на встречу с запозданием, стоявший на входе охранник не смог обнаружить бомбу детектором артефактов. Конечно, феям не удалось избежать взрыва, они пожертвовали жизнями, но так люды избавились от очень серьёзного противника, метившего на трон Великого Магистра. Вот такая история... А вы, господин Лисин? Надеюсь, вы не собираетесь стать камикадзе?

- Нет, – ухмыльнулся Данила. – На эту роль у меня есть более подходящие претенденты...

* * *

Данила стоял на крыше двенадцатиэтажки и смотрел на дом напротив – бизнес-центр, где находился офис Люнция Хейза. Он ждал. Ждал с предвкушением. Чувство мести согрело. Сегодня не два, а три зайца отправятся туда, куда им давно пора отправиться, – в ад.

Мощный взрыв вышиб стену седьмого этажа и спугнул птиц, сидящих на деревьях. Запищали сигнализации машин, слышались испуганные женские визги.

- Всё кончено, – выдохнул бывший наёмник и протёр лицо.

- Ты ошибаешься, – донёсся сзади тонкий и до боли родной голос.

Данила резко обернулся, и улыбка невольно растянулась на его небритом лице. Ангелина пристально глядела на бывшего наёмника, белое платье развевалось на прохладном ветру.

- Родная, я отомстил. Сделал всё, как ты хотела, - тихо сказал Данила и шагнул ей навстречу.

- Знаю, папа. Ты обманул и наказал их всех, ради меня...

- Я не мог позволить растоптать память о тебе.

- Но теперь нужно, чтобы ты не позволил им растоптать память о себе.

- Не понимаю... Чего ещё ты хочешь? Я устал, Ангелина, я больше не могу...

Девочка гневно сдвинула брови.

- Ты ведь знаешь, люди не оставят убийство конца безнаказанным. Они найдут тебя и будут судить. Ты останешься в памяти обитателей Тайного Города как хромой, спившийся и безумный неудачник. Да и то, вряд ли эта память будет долгой. Нет, не о таком отце я мечтала! Пусть тебя запомнят героем, отомстившим за свою дочь.

- Но как это сделать? - спросил Данила, глядя на Ангелину полными слёз глазами.

- Всего лишь три шага назад, к пропасти.

Бывший наёмник оглянулся и посмотрел вниз, он стоял почти на самом краю крыши. Она права, трёх шагов хватит.

Внезапно рядом с Ангелиной, прямо из воздуха возникла размытая фигура, которая вскоре приобрела облик ещё одной Ангелины, точно такой же, но одетой в чёрное платье.

- Папа, не делай этого, - взмолилась «чёрная». - Ты запутался! Ты же знаешь, я не могу желать тебе смерти!

- Не слушай её! - прошипела «белая». - Ты не слабак и не ничтожество! Уйди достойно! Прыгай!

Данила схватился за голову. Вой сирен за спиной, призраки Ангелины - всё это приносило ему невыносимую душевную боль.

- Уходите!!! - взревел он, и девочки, как две капли воды похожие одна на другую, сначала стали прозрачными, а затем разлетелись на тысячи песчинок, которые взмыли в синее небо.

Данила опустился на колени. В голове всё ещё шумел отзвук приказа «Прыгай!», но разум постепенно прояснялся. Он вспомнил - Ангелина лишь плод его воспалённого воображения.

Но, тем не менее, она была права - папа запутался. Запутался окончательно и бесповоротно. В душе всё перемешалось - чёрное и белое, хорошее и плохое, доброе и злое. И был лишь один способ распутать этот клубок. Сделать три шага к пропасти...

Софья Косова, Ольга Лаврешина

Письма счастья

Частный жилой дом

Чатем, Ричард-стрит

05 сентября, среда, 06.06

Кебмен уже принял багаж, когда Видана произнесла последние слова напутствия: «Дорогой, в Тайном Городе ты должен помнить следующее: навы опасны, чуды опасны, шасы – опаснее всех».

Она расцеловала Рослава и взяла с него обещание никому не доверять и не задерживаться в Москве ни одного лишнего часа.

Сыграл Спящий шутку, нарочно не придумаешь! Двадцать лет жили, горя не знали, угораздило же этого старого скрягу, Радослава, так странно распорядиться своим имуществом. С одной стороны, удача просто фантастическая, с другой – этот ужасный Тайный Город, где что ни день, то Лунная Фантазия или ещё какая-нибудь гадость...

Здесь, пожалуй, стоит прерваться и немного рассказать о родителях Рослава, которые покинули родной Лосиный Остров ровно двадцать лет тому назад. О подлинных причинах переезда – вернее, ссылки, будем называть вещи своими именами, – известно мало. То ли Селимир, глава семьи, ввязался в какую-то авантюру, на поверку обернувшуюся чистой воды криминалом, то ли супруга его, Видана, оказалась замешанной в неблагоприятных политических интригах, но факт налицо. В один прекрасный день Всеслава поставила вопрос ребром – либо Селимир с женой и сыном покидают Тайный Город, либо скандал. А где скандал, там и суд, а где суд, там и реквизирование имущества.

Супруги приняли единственно верное решение и ни разу о нём не пожалели. Приобрели коттедж в тихом городке неподалёку от Лондона – с твёрдым намерением зажить жизнью обычных челов. Были средства, было желание начать всё сначала, Селимир выкупил долю в большом оружейном магазине, а Видана, изучавшая английский по романам Диккенса, увлеклась разведением роз. Учитывая, что Зелёный Дом на магию запрета не накладывал, а только ограничил уровень заклинаний до бытового, сад Виданы стал истинным украшением Чатема. О жизни в Тайном Городе супруги Эртон (именно под такой фамилией их знали соседи) предпочитали не вспоминать. Но, как ни велико было желание порвать с Тайным Городом навсегда, скрывать правду от сына было бы нечестно и даже опасно. Когда пришло время, Рослав узнал и о месте своего рождения, и о генетическом статусе. Родители опасались, что он захочет вернуться в родной мир – ну как же, магия! – однако мальчик рассудил здраво: какая разница, человек ты или нет, если всё равно не обладаешь никаким даром? Родился бы рыцарем или навом – другое дело. А так – что за интерес? Рослава вообще мало что интересовало, кроме главной его страсти – хоккея. Он играл за сборную Оксфордского университета и считался одним из лучших форвардов за всю историю команды. Зачем ему Тайный Город, если там не играют в хоккей?

И всё бы шло своим чередом, если бы не письмо.

Когда на пороге возник маленький шас в форменной синей куртке «Кумар-экспресс» («Мгновенно. Конфиденциально. Дорого»), Видана сперва хотела его прогнать, потом – забрать письмо и сжечь, не читая, а пеплом удобрить розы. Однако курьер исключительно вежливо предупредил, что, если Зелёный Дом не получит ответа в течение трёх дней, он направит повторное письмо, но уже за счёт получателя. Желает ли фата... простите, миссис Эртон

ознакомиться с прайсом?

Вот так, спустя почти двадцать лет, Тайный Город вновь вернулся в их жизнь. Вести с родины были поистине невероятными. Радослав – как говорят в Чатеме, нашему лорду троюродный зеленщик – под конец жизни впал в гневный маразм и перессорился со всеми родичами. Переписывая по такому случаю завещание, он вспомнил, что был у него замечательный внучок, которого он когда-то качал на коленях и угощал яблоками из любимого сада. На этом ностальгическом основании он завещал Рославу всё, чем был богат, – фамильное оружие и дом с нехитрой обстановкой. Дом был старый, скрипел от малейшего ветерка и, очевидно, сам по себе ничего не стоил. Но земля, на которой он стоял, – на эти деньги в Англии можно отстроить настоящий замок, и ещё останется. Одна проблема – чтобы вступить в права владения, необходимо прибыть в Тайный Город лично, такова традиция. Видана и Селимир многое бы отдали, чтобы оградить сына от враждебного, как им казалось, места, но ничего не попишешь, миллионы не разбрасываются. Поэтому уже на следующий день, заверив родителей, что будет предельно осторожен, Рослав отправился в Москву.

Борт «Боинга 737-400»

Где-то над проливом Ла-Манш

05 сентября, среда, 11.59

– Извините, вас не затруднит поменяться со мной местами? – обратился к соседке Рослава бойкий черноволосый парень. Он прижимал к груди планшет, ультрабук, кожаную папку для документов, на локте у него болтался пиджак, а из карманов брюк торчали два айфона – один белый, другой чёрный.

– Простите, но мне здесь удобно, – ответила дама, уже предвкушающая четыре часа полёта в обществе молодого симпатичного блондина.

– Дело в том, что это мой давний приятель, – черноволосый заговорщицки подмигнул Рославу. – Не виделись со времён мирового экономического кризиса, вот подумал, если вы всё-таки не против...

Рослав не успел даже рта раскрыть, как дама улыбнулась и с блаженным видом удалилась в хвост салона.

– Челы, – вздохнул парень и уселся рядом с Рославом. – Упрямее чело только чуды, гибкость мышления на уровне гидравлического пресса.

Он откинул столик, водрузил на него свои бесчисленные гаджеты, а сверху поставил маленькую пирамидку. Рослав узнал эту вещь, навский оберег, у отца был такой, хоть тот им и не пользовался – принципиально.

– Запрещённый приём, конечно, – парень махнул рукой, указывая себе за плечо, очевидно имея в виду внезапную поклонницу Рослава. – Но кто здесь засечёт? – И представился: – Авид Хамзи.

За всей этой суетой Рослав не заметил, в какой именно момент его новый знакомый перешёл на русский. Рослав уже хотел спросить, что выдало в нём не-англичанина, но фамилия – Хамзи – рассеяла все вопросы.

- Эй? - Авид прищёлкнул пальцами. - Ты чего?

Звучит глупо, но Рослав никогда не видел живых тайногородцев, кроме собственных родителей, разумеется. Не то чтобы он ожидал чего-то особенного, но мама говорила о шасах как о неприятных, жадных, беспринципных интриганах, которые покидают свою штаб-квартиру только для того, чтобы отобрать у ближнего кусок хлеба. Авид же как две капли воды походил на одного из приятелей Рослава по колледжу, скрипача, книжника и редкого добряка.

- Всё в порядке, - смутился Рослав. - Я давно не был в Тайном Городе, немного волнуюсь.

- Во имя Спящего, ты как на приёме в Денежной Башне по случаю годовщины подписания торгового соглашения с Зелёным Домом, - Авид широко улыбнулся. - Давай на «ты»?

- Конечно, - кивнул Рослав и тоже представился.

- Чем занимаешься? Бизнесом?

- Нет, я учусь.

Авид заметно поскущел, но тут же извлёк из пиджака визитку, на ней золотым по тёмно-синему было выведено: «Комиссионная контора Хамзи».

- Я риелтор - покупка, продажа, поджог с целью получения страховки.

- Что? - Рослав не сразу понял шутку.

- Странный ты, - Авид прищурился. - На кого учишься?

- В Оксфорде, - невпопад ответил Рослав, который катастрофически не успевал за логикой собеседника и резкой сменой тем.

- Стоп! - Авид потянулся было за телефоном, но передумал. - А не ты ли тот самый загадочный внук, которому Радослав завещал дом в Переделкино?

- Странно, - нахмурился Рослав. - В письме было сказано, что официально завещание ещё не оглашали, я ведь за этим и еду...

- Конечно, не оглашали, - фыркнул Авид. - Но уже три агентства составили приблизительную оценку.

Рослав понятия не имел, как реагировать, поэтому решил взять паузу и попросить у стюардессы чай. И очень удивился, когда она не поняла его ни с первого, ни со второго, ни с третьего раза - он совсем забыл про артефакт.

- Ты хоть знаешь, что это? - насмешливо спросил Авид, отключая и вновь активируя пирамидку.

- Знаю, - сухо ответил он. - Нашей семье разрешено пользоваться магией, но тем, кто ничего не скрывает и никого не обманывает, она ни к чему.

Теперь пришёл черёд Авида удивляться.

- Я не хотел тебя обидеть. - Такие честные и грустные глаза Рослав видел только у соседского бассетхаунда. - Позволь в качестве извинения помочь тебе с продажей дома?

- Не уверен, что это хорошая идея, - Рослав вспомнил наставления матери.

- Ты решай, а я пока введу тебя в курс дела по недвижимости в Тайном Городе, - Авид открыл планшет и вывел на экран разноцветные графики и схемы. - Даже если ты изучал вопрос раньше, эту информацию тебе взять неоткуда. Москва и Подмосковье, как известно, поделены на зоны влияния, стоимость земли в этих зонах, в свою очередь, зависит от усиления или ослабления того или иного Великого Дома. Ты, конечно, спросишь про политическую обстановку... - Авид сделал паузу.

Рослав спешно закивал, хотя с ходу не назвал бы и пяти вещей, которые интересовали бы его меньше, чем политическая обстановка в Тайном Городе.

- Как верный вассал своих сюзеренов, я отвечу, что Тёмный Двор силён по-прежнему. Но как риелтор скажу: вся эта политика - полная чушь и придумали её бездельники. Зачем вникать в подобные глупости, когда есть биржа? Курс акций - зеркало мира. Вот смотри...

Авид водил пальцами по экрану, то приближая, то перелистывая очередную блок-схему, говорил вдохновенно, но, Рослав готов был поспорить на свою любимую клюшку, даже оксфордские профессора не поняли бы и половины шасской тарабарщины. Но не беда, жил он без этих цифр и дальше проживёт, главное - самому не наболтать лишнего и не дать шасу вмешаться в свои дела. Рослав хорошо помнил, о чём его предупреждала мама.

Сбыть бы дом поскорее, получить деньги - и домой, домой...

Нотариальная контора

«Томба, Нихиндзон и сыновья»

Москва, Краснопресненская наб

06 сентября, четверг, 12.23

Шасы всегда охотнее других вели дела с челами. Во-первых, им было искренне всё равно, на ком наживаться... Вернее, с кем налаживать взаимовыгодное сотрудничество. Во-вторых, челы, в отличие от чудов и людов не обременённые тяжким грузом размышлений о величии своего Великого Дома, умели сосредоточиться на вещах действительно важных. По крайней мере, такие слова, как «бонификация» и «ремитент», не были для них пустым звуком. На первые паевые компании навы смотрели скептически и даже ввели дополнительный налог на данную форму коммерческой деятельности, всё-таки режим секретности ещё никто не отменял. Но К.К. Томба уговорил князя отнестись к происходящему как к неизбежной рыночной адаптации, взял процесс под свою ответственность и, как обычно, не прогадал. В компаньоны шасы выбирали самых надёжных, и дела шли лучше не бывает, ко всеобщему довольству и доходности. Нотариальная контора «Томба, Нихиндзон и сыновья» стала одним из первых примеров подобного межрасового сотрудничества, здесь заверяли сделки обычные клерки, здесь, за семью арканами, лежало завещание К.К Томбы. Здесь же предстояло вступить в права наследования Рославу.

- Как мне лучше к вам обращаться? - спросила строгая шаса, встретившая Рослава в приёмной, не то помощник нотариуса, не то секретарь, не то всё вместе.

В семье было не принято об этом говорить, но, вероятно, у его отца был какой-нибудь титул,

который Рослав мог бы наследовать – если бы не изгнание. Или шаса намекает на Радослава, который вместе с домом передал внуку право называться виконтом или кем-нибудь ещё? Даже если так, пусть знают, что ему это и даром не нужно.

Поэтому Рослав ответил со всем высокомерием, на которое только был способен:

- Мистер Эртон.

Поэтому Рослав ответил со всем высокомерием, на которое только был способен:

- Мистер Эртон.

- Могу я предложить вам чай или кофе, мистер Эртон? – Шаса и бровью не повела.

Рославу стало немного стыдно за свою мнительность. Девушка просто проявила вежливость, а он уже возомнил себе невесть что. Впрочем, ни на чай, ни на муки совести у него не осталось времени, потому что уже через минуту его пригласили в кабинет.

Главный нотариус Тайного Города, шас весьма почтенных лет, напомнил Рославу типичного профессора истории из голливудского кино – озабоченного, немного суетливого, с седой встрёпанной шевелюрой. Он восседал за огромным длинным столом имперских времён с разложенным на нём умопомрачительным количеством папок и подшивок. Помимо хозяина кабинета, Рослава ожидали две дамы, белокурые и зеленоглазые. Зелёные ведьмы, настоящие красавицы – такие же, как его мама.

- Добрый день, молодой человек! – Шас смотрел на Рослава с нескрываемым любопытством. – Мое имя Ифран Томба, а это, – он указал на зелёных ведьм, – фата Алёна и фея Полина, они засвидетельствуют оглашение и передачу завещания.

- Очень приятно, – улыбнулся Рослав, залюбовавшись младшей из девушек, Полиной. Та улыбнулась в ответ, в то время как старшая фата лишь сдержанно кивнула.

- Присаживайтесь, молодой человек, – Ифран указал на кресло по другую сторону своего необъятного стола. – Как говорится, не будем тянуть дракона за хвост, время – деньги.

Шас продемонстрировал собравшимся тонкий конверт, бережно надломил сургучную печать, извлёк оттуда завещание и принялся читать.

Надо признать, слушал Рослав не очень внимательно, а всё больше любовался на Полину и думал о том, под каким бы предлогом пригласить её на свидание. В конце концов, он теперь богатый наследник, что изрядно увеличивает шансы любого мужчины. А про дом он решил просто: наймёт риелтора – из челов, разумеется, – и поручит ему продажу.

От легкомысленных фантазий Рослава отвлёк строгий голос шаса:

- Молодой человек, я понимаю, что вы уже мысленно разбазариваете дедушкино наследство, но будьте так любезны, подпишите здесь и здесь... – Ифран многозначительно постучал по столешнице золотым «Монбланом».

Рослав послушно расписался (спасибо, что не кровью, с этих магов станется) и открыл было рот, чтобы спросить, требуется ли от него ещё что-то, но его опередил звонкий голос Полины:

- Сколько ты хочешь за свой дом?

От неожиданности Рослав только глупо захлопал глазами.

- Простите, что?

- Я покупаю твой дом, сын Селимира-изганника. Сколько за него хочешь? Двенадцать миллионов хватит?

Ифран в умилении сложил руки на груди и слушал с огромным любопытством. Торг, даже чужой, доставлял шасам наслаждение не меньшее, чем кому-то другому просмотр интересного фильма или поход в оперу.

- Я, знаете ли, не уверен... - замямлил Рослав - надо сказать, не без умысла. А вдруг предложит больше? Всё-таки общение с шасом не прошло даром.

- Двенадцать миллионов - не уверен? Да этому сараю красная цена десять!

А вот это она зря. Рослав почувствовал азарт почти спортивный, а уж в этом случае он не даст оттеснить себя к борту, в смысле, не уступит ни фунта, то есть...

- Пятнадцать. И время на размышление до завтра.

Полина вздернула бровь.

- Я предлагаю сумму, которую ни один чел не даст за эту развалюху.

- Завтра, - Рослав стоял на своём.

- Упрямый, как чуд! - сообщила всем присутствующим Полина.

Ифран одобрительно закивал.

- Достаточно, - вмешалась фата Алёна. - Владелец принял решение. Завтра, если он согласится, уважаемый Ифран составит соответствующий договор.

- Я дам знать вашему секретарю, - Рослав намеренно проигнорировал ведьм, обратившись к шасу.

- Как вам будет угодно, молодой человек, мы с огромным удовольствием проведём для вас любую имущественную сделку.

Полина сузила глаза. Рослав усмехнулся и, уже покидая кабинет, неожиданно для себя послал ей воздушный поцелуй.

- Четырнадцать, - обозначили её губы.

Рослав медленно покачал головой, и, чувствуя себя победителем, покинул контору.

Уже в такси он размышлял, откуда у девчонки едва ли не младше его самого, такие деньжищи? Вероятно, муж этой Полины какая-то большая шишка в Зелёном Доме. М-да, а он уже размышлял о свиданиях... Или она просто кажется юной, а на самом деле ровесница королевы? Магия, одним словом, иллюзия и обман. Ничего хорошего, мама была права.

Но очень скоро Рослав прекратил размышлять о минувшей встрече, залюбовавшись на проплывающий за окном город. Красивая эта Москва. Не чета Лондону, конечно, но всё равно

здорово. Пожалуй, стоит потратить день на прогулку по центру. Решено, завтра смотреть Переделкино – нельзя же продавать кота в мешке, затем экскурсия, а послезавтра он уже будет дома.

- Отель «Матрёшка», – сообщил таксист, заворачивая в Театральный проезд.

Рослав расплатился и вышел.

«А вот так, – позлорадствовал он про себя, уже поднимаясь по лестнице. – Зона Кадаф, и идите вы все с вашими секторами влияния!»

Отель «Матрёшка»

Москва, Театральный проезд

06 сентября, четверг, 17.47

Рослав перекусил в соседнем грузинском ресторанчике (кто жалуется, что Москва дорогой город, тот просто не пытался пообедать в Лондоне чем-то, кроме сэндвичей и бурды из китайских забегаловок), поболтал по скайпу с родителями (мама посетовала, что сделка отложена, а отец, наоборот, обрадовался, мол, в сыне просыпается предпринимательская жилка) и теперь изучал хоккейный портал на предмет каких-нибудь интересных московских матчей в ближайшие дни. Побывать в России и не увидеть русский хоккей – да ребята из команды его засмеют.

Отвлёк стук в дверь, Рослав открыл, нисколько не сомневаясь, что это горничная или кто-нибудь из персонала, но...

- Какого?.. - От удивления он перешёл на родной непечатный английский.

В дверях стоял Авид Хамзи и сиял, как лёд катка после утренней заливки.

- Я бы позвонил, но у меня нет твоего телефона. - В знак искренности своих слов Авид приложил руку к груди.

Вот только Рослав не был уверен, что сердце у шасов расположено там же, где и у него. Возможно, данный орган у них вообще отсутствует, за ненадобностью.

- А адрес, значит, есть? - нахмурился Рослав.

- Ты сам мне его дал.

- Нет.

- Да.

- Если пойму, что ты применяешь ко мне эту вашу... магию, выйдешь отсюда через окно, учти, - предупредил Рослав, пропуская нежданного гостя в комнату.

- Шасы пацифисты, нас нельзя выбрасывать в окно! - возмутился Авид и, по-хозяйски выложив на тумбочку оба свои айфона и ключи от машины, плюхнулся в единственное кресло.

- Эрлийцам об этом расскажешь, - проявил осведомлённость Рослав. - Зачем пришёл?
- Как прошла встреча с зелёными ведьмами? - невинно поинтересовался Авид, оглядывая маленький номер взглядом высокородного лорда, вынужденного проводить время во флигеле для слуг.
- Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?
- Ничего не могу поделать, это генетическое, - невинно улыбнулся Авид. - И как прошла встреча?
- Прекрасно, продаю дом за пятнадцать миллионов какой-то то ли фее, то ли фате, мне один чёрт.
- Зная, как на шасов действуют цифры со множеством нулей, Рослав сообщил новость с нарочитой небрежностью, будто речь шла о деле пустяковом и даже скучном.
- «Продаю» или «продал»? - мгновенно переспросил Авид.
- Тебе-то что за дело? - Рослав медленно, но верно начал закипать. Он прекрасно понимал, что у шаса есть цель и какой-нибудь хитрый план, но поди ж ты, залезь к нему в голову...
- Мне что за дело? - Авид напустил на себя самый оскорблённый вид. - Во имя дебетов Спящего! Вот скажи, ты вообще интересовался, что продаёшь, кому продаёшь? Ты Переделкино это в глаза не видел! Кто так делает бизнес? Кто так заключает договоры? Ты понимаешь, что тебя сейчас нагрели минимум на... на... - От возмущения Авид не смог подобрать правильных эпитетов и только разводил руки в рыбацких жестах, что, вероятно, означало колоссальные размеры понесённого убытка.
- Эй, эй, ну ты чего... - растерялся Рослав. - Никаких бумаг я ещё не подписывал. Объясни нормально, что случилось?
- Ага-а, - Авид насупился и принялся мерить шагами крошечное пространство от стены до двери. - Все вы такие! Шасы - небогатая семья учёных и скромных торговцев, шаса каждый обидеть может! Не ты ли пять минут назад обещал выкинуть меня в окно? А теперь хочешь, чтобы я нормально объяснил...
- Всякий житель Тайного Города, хоть раз имевший дело с представителями этой ушлой и склочной семьи, отнёсся бы к происходящему философски. Пока шас вещает о том, как жесток и несправедлив мир по отношению к их маленькому народу, можно выпить кофе, проверить почту, поболтать по телефону - в общем, с пользой провести время. В конце концов, шас выговорится, и к нему вернётся всегдашний его деловой настрой. Но Рослав-то об этой особенности не знал и принял причитания Авида за чистую монету - слушал, открыв рот, и в итоге даже проникся сочувствием. Про хитрый план помнил, про матушкины наставления помнил, но, выходит, Авид пришёл сообщить ему что-то важное, а Рослав чуть было его не прогнал. Нехорошо получилось, в который раз.
- Я не хотел тебя обидеть, извини, - искренне покаялся Рослав.
- Авид удивлённо вздёрнул бровь - он, кажется, забыл, когда в последний раз кто-то воспринимал подобные его речи всерьёз.

- Забудем! - Внезапно он горячо пожал Рославу руку, совсем по-человски. - Тем более, у меня действительно потрясающие новости. - Он вернулся в облюбованное кресло и потянулся за белым айфоном. - После нашего знакомства я решил внимательнее изучить историю твоего дома, не спрашивай почему, просто деловая интуиция.

- Тоже генетическое? - хмыкнул Рослав, усаживаясь на подоконник.

- Ага, - кивнул Авид, и продолжил: - С тридцать девятого по сорок второй год дом твоего деда принадлежал человскому писателю Евгению Катаеву, более известному под фамилией Петров. Вернее, не принадлежал, во времена Империи действовала какая-то странная система бесплатной аренды для представителей определённых профессий, но не суть. Важно другое - было у господина Катаева безобидное хобби, он собирал марки из разных стран. А пополнял коллекцию довольно оригинальным образом - писал письмо, например, в Мексику, адрес брал из головы, изобретал с ходу улицу, дом и даже людей, которых в реальности никогда не существовало, и отправлял по этому адресу письмо. Оно, само собой, ему возвращалось, но уже с марками.

- И? - Рослав не понимал, какое отношение к его наследству имеет какой-то там писатель с его дурацким хобби.

- Слушай дальше. - По лицу Авида было ясно, что он подбирается к самому интересному. - И вот однажды наш чел отправляет письмо в Новую Зеландию и пишет очередное глупое послание, мол, дорогой друг, прими искренние соболезнования по случаю кончины любимого дядюшки, передавай привет жене, целуй дочку, обнимаю, надеюсь на встречу, и прочая чушь. Представь себе удивление Катаева, когда он получил ответ от адресата, которого и на свете-то быть не должно. Более того, попадание оказалось стопроцентным - и адрес, и имена, и даже дядюшка, который на днях скончался. Чел, которому Катаев написал письмо, вспоминал их недавнюю встречу и вновь звал в гости. Это, учитывая тот факт, что Катаев никогда в жизни в Новой Зеландии не был.

- Бред, - поморщился Рослав.

- Бред? - Авид ухмыльнулся. - Зайди в Интернет и проверь.

- Не в том дело, я не тебе не доверяю, просто история абсурдная, согласись.

- Тяжёлый случай, - Авид забарабанил пальцами по подлокотнику и внезапно стянул с запястья кручёный кожаный браслет, на котором болталась монетка.

Сняв монетку, он положил её на ноготь большого пальца и подбросил, словно гадал на аверс-реверс. Монетка, несколько раз перевернувшись в воздухе, зависла на мгновение, и в узком проходе материализовался прямо из воздуха и засиял хромированными боками новенький чопер «Хонда».

- Отец подарил в день моей первой самостоятельной сделки, - похвастался Авид. - В смысле, договорился с дядей Биджаром о пониженной кредитной ставке, и я ещё не до конца выплатил долг, но это всё равно, что подарил.

- Круто... - Рослав обошёл мотоцикл по кругу, тронул обод блестящего круглого зеркала. - Он был спрятан в монету? Или как?

- Не важно, - отмахнулся Авид. - Я показал тебе его для того, чтобы ты понял: в нашем мире не бывает историй, как ты выразился, достаточно абсурдных. Это магия, приятель, - добавил он

тоном супергероя из дешёвого блокбастера, мол, это жизнь, детка, привыкай. – Готов слушать дальше?

Рослав кивнул отстранённо и продолжал изучать мотоцикл, пока Авид не нажал что-то под фарой и «Хонда» не обратилась обратно в монетку.

– Так вот, я имею все основания полагать, что к господину Катаеву каким-то образом попал один из Конвертов судьбы, артефактов старинных, запрещённых и считавшихся давным-давно утерянными.

– Конверты судьбы? – Рослав не сдержал улыбки. – А колец всевластия в вашем Тайном Городе нигде не завалялось?

– Ну-ка, поподробнее, не слышал о таких, – заинтересовался Авид.

– Забудь, – пробормотал Рослав и вернулся на свой подоконник. – Продолжай.

– Работают конверты просто. Допустим, я хочу стать сыном К.К. Томбы...

– Кого?

– К.К. Томба, личный финансист князя Тёмного Двора, денег – прорва!

– Оу... – Рослав сделал вид, что впечатлился.

– Так вот, хочу я стать наследником К.К. Томбы. Чтобы это осуществить, мне потребуется самая малость – ручка, бумага и Конверт судьбы. Я пишу своему потенциальному папочке письмо, где рассказываю о том, что всю жизнь искал своего настоящего отца и вот нашёл. Вкладываю письмо в конверт – и дело сделано. Адресат верит всему, абсолютно всему, что сказано в послании, вложенном в такой конверт. Представь, ЧТО можно сделать, обладая таким могущественным артефактом!

– И ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что, возможно, в этом доме хранится некоторый запас этих конвертов! Вот, почитай, я отсканировал...

Авид сунул Рославу айфон, демонстрируя на дисплее какой-то документ. Рукопись – чёрным по жёлтому (тому жёлтому, который присущ старой, выцветшей бумаге) – рассказывала о создателе конвертов, некоем Рагибе Кумаре, который размножил их до количества пятидесяти штук, о череде противозаконных событий, которые были совершены с помощью данных артефактов, об устранении последствий, о случае с челом Катаевым, для которого неизвестная, случайно попавшая к нему в руки магия оказалась роковой (он погиб в авиакатастрофе), о внесении конвертов в реестр запрещённых артефактов, и далее, далее, далее, автор явно не поленился по части подробностей.

– Как ты успел убедиться, не я один в курсе истории твоего дома. Та зелёная ведьма не зря предложила такую хорошую цену...

– Погоди-погоди, – Рослав не стал читать статью – и так всё ясно. Он достал из мини-бара фляжку «Джеймсона» и плеснул по бокалам, слегка разбавив водой.

– За родственников, – предложил Авид.

- Угу, - Рослав выпил залпом и вполне закономерно спросил: - А зачем покупать дом? Он сейчас стоит ничейный - залезай да ищи...
- Есть такие тайники, которые открываются только владельцу дома, - объяснил Авид.
- Ну да, магия...
- Ну да, магия, - передразнил шас. - И прекрати делать вид, что к тебе это не имеет никакого отношения. Ты не чел, ты принадлежишь Великому Дому Людъ, и магия - это нор-маль-но!
- Моих родителей изгнали из Тайного Города, - хмуро напомнил Рослав. - Я не считаю это место своей родиной или чем-то подобным. Я англичанин, подданный Её Величества...
- Королевы Всеславы.
- Королевы Елизаветы, - закончил свою мысль Рослав. - Остальное меня не интересует.
- Допустим, - примирительно произнёс Авид. - Допустим. Но ты продашь дом и отдашь артефакт какой-то там тупой блондинке?
- Мне он не нужен, - отрезал Рослав. - Ни дом, ни конверт, ничего.
- Хорошо, - Авид демонстративно отставил бокал. - Продавай за пятнадцать миллионов то, что можно продать за тридцать, валяй!
- Кто ещё может знать? - сквозь зубы спросил Рослав. - Ну, про конверты?
- Тот, кто не ленится посещать библиотеку. Таких немного, но достаточно.
- И что ты предлагаешь? Ты ведь шёл сюда с готовым планом.
- С чего ты взял? - Авид сделал невинные глаза.
- Ты же шас.
- Ну, были у меня некоторые соображения... - скромно откликнулся Авид, но тут же зачастил вдохновенно: - Организуем аукцион, неделя на подготовку и оформление, тем временем попытаемся найти конверты, и...
- Я повторяю, мне не нужны конверты, - Рослав шагнул к шасу, глядя на него сверху вниз - он был почти на полголовы выше.
- Сборная Англии не принимала участия в прошлой Олимпиаде, если я ничего не путаю, - вдруг сказал Авид.
- По взгляду Рослава стало понятно - нет, ничего не путает. Да и как могло быть иначе, шас же специально собирал информацию, зачем бы ему понадобился хоккей, он небось до сегодняшнего дня и слова такого не знал.
- Что ты имеешь в виду? - спросил Рослав очень осторожно, как спрашивают, когда боятся услышать ответ.
- Что к следующей Олимпиаде всё может измениться.

- Ни хрена ты не понимаешь! В спорте так нельзя!

- Спорт - это тоже политика, не станешь же ты отрицать! - Кажется, у Авида и это было продумано и отрепетировано. - Я не призываю тебя играть нечестно, я говорю, что если ты чувствуешь в себе силы привести команду к победе, то...

Ничего не скажешь, прямое попадание, и контрольного не надо. Шас угадал его главную мечту - сыграть на Олимпиаде с канадцами и русскими. Однажды, в далеком 1936 году сборная Великобритании выиграла Олимпиаду. Правда, в тот год команда состояла сплошь из канадцев, но это не важно. Любой подвиг можно повторить, Рослав верил в это.

Он отвернулся и отошёл к окну.

По соседним крышам гуляли голуби, качались провода, на кремлёвские звезды наплывал вечер.

- Займёшься аукционом? - негромко спросил Рослав.

- Всё будет в лучшем виде, друг! - Авид хлопнул его по плечу. - Мы всех сделаем!

Он отвернулся и отошёл к окну.

По соседним крышам гуляли голуби, качались провода, на кремлёвские звезды наплывал вечер.

- Займёшься аукционом? - негромко спросил Рослав.

- Всё будет в лучшем виде, друг! - Авид хлопнул его по плечу. - Мы всех сделаем!

Интересно, когда это они успели стать друзьями?

Частный жилой дом

Посёлок Переделкино, ул. Тренева

07 сентября, пятница, 10.21

Сворачивая на Переделкино, проезжали мимо белоснежной церкви с девяти верхах, с удивительными куполами - зелёным, синим, красным и золотым, а ещё двуцветными, где цветные полосы плавно сходятся к венчающему луковку кресту. Под ворчание шаса об уличной духоте и климат-контроле, Рослав опустил стекло и по пояс высунулся из машины - залюбовался. Даже знаменитый храм в самом сердце величественной зоны Кадаф не произвёл на него такого впечатления.

- Слушай, - спросил он, щурясь на ослепительное сусальное золото, - а как в Тайном Городе к этому относятся?

- К чему? - не понял Авид.

- Ну, храмы? Религии? Ведь вы же верите в Спящего, а они...

- Придёт же в голову, - фыркнул Авид. - Спящему всё равно, верю я в него или нет, он же спит. Мы живём бок о бок с навами тысячи лет и платим налоги этим кровопийцам, и платим, и платим, и платим, и конца края...

- Ты отвлекся, - кашлянул Рослав, уже наловчившийся в беседах подобного толка.

- Короче, - Авид сбавил скорость и завернул с шоссе на улицу между дачными участками. - Не знаю, как там остальные, а мы к этому никак не относимся. Тут сезонные колебания на рынке недвижимости не всегда предсказать можешь, а ты говоришь - религия. Спящий с тобой, друг мой. Кстати, мы приехали...

Участок оказался изрядных размеров, акров пять, если не шесть, но запущенный и совершенно бестолковый. Горками свалены поленья, да такие огромные, что из них впору корабли строить, а не отапливать дома. Проглядывало подобие газонов, но всё заросло сорняками, и клёны, повсюду клёны - настоящая роща. В общем, бардак. Увидела бы мама - в обморок бы упала от такого небрежного отношения к саду.

И дом не лучше, тут терраса, там пристройка, окна на первом этаже некрасиво забраны решётками - зачем, спрашивается, это тому, кто может защищаться с помощью магии?

Ключи от дома - здоровенную ржавую связку - Рославу вручил Ифран вместе со всеми документами. Теперь он с опаской сунул один из них в скважину и со скрежетом повернул. Авид с любопытством вытягивал шею, приплясывал сзади, торопил:

- Ну чего ты там возишься?

- Что, боишься, убегут сокровища, не дождутся тебя? - огрызнулся Рослав и распахнул дверь.

Завизжали петли, в лицо пахнуло пылью и ветхостью.

Авид потянул носом и быстро обогнул Рослава, по-хозяйски устремившись в недра дома.

- Клянусь складами Спящего, есть чем поживиться! Но надо спешить, пока тут всё не сгнило!

- Ну знаешь! - обиделся Рослав, пробираясь следом за юрким шасом по узкому коридору, заставленному старой мебелью. - Это мой дом, вообще-то. Захочу - ничего отсюда забирать не буду, продам всё вместе.

- Мне назло, что ли? - хмыкнул Авид, рассеянно щупая край ковра, скромно украшавшего стену в небольшой гостиной. Рослав наконец-то огляделся по-настоящему и восхищённо присвистнул.

В маленькой темноватой комнате было собрано множество интересных и, вне всякого сомнения, дорогих вещей. Например, инкрустированный серебром череп животного, которого Рослав, после некоторых размышлений, признал кабаном. Или две скрещённые секиры, висящие над старым диваном: лезвия выглядели изрядно побитыми временем, но резные рукояти смотрелись внушительно. И богато. На полках, тянувшихся вдоль стен, пылились безделушки - хлам вперемешку с ценными штуковинами, типа вон той шкатулки с изящным цветком лотоса на крышке или фарфоровой статуэтки со сколами на подставке.

Вплотную к подслеповатому окну стоял массивный письменный стол, заваленный связками пожелтевших газет, окружавшими древнюю, как мир, пишущую машинку. На полу, возле тумб, громоздились стопки книг. Подходя ближе, Рослав зазевался и споткнулся о перевязанный

верёвкой чемодан.

- Ах ты... - выругался он и добавил любимое английское выражение.

Авид покосился на него насмешливо, переступил через чемодан и подошёл к столу.

- Ну что, - сказал он, приняв совершенно наглый вид. - Будем искать. А заодно прихватим особо ценные экспонаты, я кое-что понимаю в древностях. Что бы ты там ни говорил, продавать будем отдельно от дома. Надеюсь, понимаешь почему?

Рослав потёр ушибленную щиколотку и буркнул, в манере шаса, вопросом на вопрос:

- А как будем искать?

Авид рассеянно сдул пыль с ближайшей кипы газет и помахал рукой, разгоняя сизое облачко.

- Ну, - туманно начал он, - как я и говорил, такие артефакты обычно хранят в тайниках, которые могут обнаружить только истинные хозяева дома. Документы оформлены, формальности соблюдены, так что можешь приступать.

- Каким образом? - растерялся Рослав.

- Ну, попробуй как-то почувствовать... Твои предки были магами, неужели совсем ничего не ощущаешь?

- Ощущал бы, может, в первой лиге сейчас играл, - огрызнулся Рослав.

- Всё впереди, друг мой, всё впереди, - заявил шас и широким жестом обвёл захламлённую комнату. - Давай, сосредоточься.

Через два часа насквозь пропотевший Рослав и до отвращения бодрый шас, перевернув дом вверх дном, сволокли по широкой лестнице со второго этажа сундук, набитый бесценными, по мнению Авида, сокровищами, и оставили его на террасе. В большую полосатую сумку шаса (в которую влезало раз в десять больше, чем она реально могла вместить) они загрузили оружие, картину со стены в кухне, изображающую угрюмого бородатого мужика, статуэтку, шкатулку с лотосом, книги и старинный подсвечник в потёках жёлтого воска. А заодно прихваченную Рославом с письменного стола солонку не солонку: пузатую стеклянную колбу с тяжёлой бронзовой крышкой, украшенной прыгающей рыбой. Сквозь толстое стекло просвечивалась слежавшаяся от времени соль.

Рослав кинул солонку в сумку на самый верх, Авид застегнул молнию, и они переглянулись.

Самое главное найти так и не удалось.

- Ну, ничего страшного, - бодро заявил шас. - Уверен, что недели нам хватит.

- Я ничего не почувствовал, - буркнул Рослав. - И не факт, что сумею.

- А ты потренируйся, - посоветовал шас, выволакивая сумку на крыльцо и с сожалением глядя на сундук. - Ладно, потом через портал... Поехали в твой клоповник, надо разобрать всё это. А что? - Шас с удивлением вытаращился на набычившегося Рослава. - Ты тут, что ли, ночевать собрался? Брось. Грязь, сырость и привидения.

- Зато без тебя, - лаконично парировал Рослав.

- Не переживай, я не собираюсь задерживаться в твоих апартаментах, - фыркнул Авид. - Отщёлкаю для каталога и уйду.

Рослав только отмахнулся - мол, делай что хочешь. Его грызло чувство разочарования - как ни старался, он не сумел почувствовать ни единого проблеска магии. А, значит, найти тайник, устроенный дедом, им вряд ли удастся.

И, следовательно, никаких конвертов, исполняющих желания.

Отель «Матрёшка»

Москва, Театральный проезд

07 сентября, пятница, 19.58

Рослав только вздыхал и послушно исполнял указания шаса, который прыгал с навороченной фотокамерой вокруг живописной свалки старинных безделушек и беспрестанно щёлкал. Рослав добросовестно держал на весу, прикладывая к стене, смущаясь, надевал на руку (в шкатулке с лотосом неожиданно обнаружили несколько изящных золотых браслетов и часы-луковка). Авид даже солонку отснял в разных ракурсах, хотя Рослав сомневался в её ценности.

По правде сказать, он вообще не понял, зачем её прихватил. Может быть, потому что она стояла там, где в принципе солонкам не место: на письменном столе...

- Ну что же, - шас, наконец, выключил камеру и огляделся. - По самым скромным подсчётам, всё это хозяйство потянет тысяч на триста, одни топоры чего стоят.

- А что за топоры? - заинтересовался Рослав.

Авид напустил на себя важный вид.

- Клеймо мастерской Томба, вторая четверть эпохи Ордена, я полагаю. Сто тысяч минимум.

- Вот как... - уважительно протянул Рослав.

Осведомлённость Авида в вопросах, связанных с наживой, притом совершенно во всех, не могла не вызывать восхищение.

Авид как почувствовал. Весь просиял вдруг, протянул руку.

- Предлагаю отпраздновать, - радостно произнёс он. - Ты же не против того, чтобы проставиться за наши будущие миллионы?

От возмущения Рослав как стоял, так сел. Под рукой что-то звякнуло, шас побледнел, но это оказалась не шкатулка и не статуэтка, а солонка - та самая, в ценности которой Рослав сомневался. Крышка слетела, несколько крупинки соли высыпались на покрывало. И только Рослав открыл рот, чтобы высказать наглому шасу всё, что он думает о его предложении, как в дверь деликатно постучали.

Для трёхзвёздочной гостиницы, где персонал не стеснялся смеяться и разговаривать в полный голос в пять утра, даже слишком деликатно.

Рослав проглотил всё, что хотел сказать, а Авид на всякий случай запинал топоры под кровать. Дверь отворилась, и изумлённые молодые люди увидели сервировочный столик с ведёрком, из которого торчало обтянутое чёрной фольгой горлышко бутылки, двумя бокалами и хрустальной вазочкой с чёрной, на минуточку, икрой. Всё это великолепие вёз официант – рослый негр в безупречном жилетном костюме и белоснежной бабочке.

Он вкатил столик в номер и невозмутимо осведомился:

- Господа желают, чтобы я разлил шампанское?

Рослав всё ещё не мог обрести дар речи. Авид сориентировался быстрее.

- Послушайте, – затараторил он, – вы что-то перепутали. Мы не заказывали ни шампанское, ни... ни икру. – Шас покосился на вазочку и быстро добавил на всякий случай: – И мы не собираемся за это платить.

Негр выслушал его с невозмутимостью вышколенного официанта и сообщил, что никакой ошибки нет, и откланялся прежде, чем Рослав и Авид успели возразить. А когда шас высунулся в коридор (с момента исчезновения негра не прошло и двух секунд), там никого не оказалось.

- Чудеса... – протянул Рослав.

- Чудеса – это «Дом Периньон» в задрипанном трёхзвёздочном отеле, где вправе существовать только пахнувший клопами купажированный виски, – задумчиво произнёс Авид и почесал подбородок. – Чудеса – это икра, которой здесь, между прочим, достаточно, чтобы купить маленькую африканскую страну. И официант из этой самой страны, у которого один пиджак стоит, как эта икра.

- Думаешь, это всё же ошибка? – Рослав с сожалением отступил от столика.

- Клянусь погребями Спящего, ты хочешь продать дом, чтобы расплатиться за чужой ужин? Шучу, – поспешно добавил шас. – Но всё-таки...

Рослав потянул за горлышко запотевшую бутылку.

- Если вам, шасам, никто не доверяет, это не повод, чтобы вы не доверяли никому.

- Чего? – Авид выпучил глаза. – Сам-то понял, что сказал?

- Как хочешь. Ты же сам требовал отпраздновать, видишь, как удачно всё сложилось.

- Ага, – медленно проговорил шас, глядя куда-то за спину Рослава. – Именно что удачно.

- Ты что?

Авид указал на кровать, где на покрывале валялись безделушки, включая солонку с отвёрнутой крышкой. Взгляд у шаса был таким, словно он умножал в уме десятизначные цифры.

- Что это? – Рослав от неожиданности накренил бутылку, и драгоценное шампанское полилось мимо. Авид, не отводя взгляда от солонки, подставил бокал под пенную струю.

- Вот тебе и чудеса, – задумчиво изрёк он. – Сдаётся мне, мы нашли кое-что действительно ценное.

- Соль? - Рослав недоумевающе повернулся к Аvidу.

- Артефакт! - Шас назидательно поднял вверх указательный палец, сцапал солонку и подошёл к окну, глядя на темнеющее небо. - Смотри-ка.

Он вытряхнул на ладонь несколько крупинок, потёр рыбку на крышке и одновременно с этим действием громко сообщил в пустоту:

- Хочу, чтобы стало светло, как днём.

Ничего не произошло. Унылая темень за окном никуда не делась. Рослав перевёл взгляд с шаса на бутылку шампанского, плюнул и принялся наполнять бокал.

И едва его не выронил, когда за окном вдруг затрещало, загромыхало ворчливо, и вместе с потоком сильнейшего ливня одна за другой засверкали молнии, озаряя комнату с чёткостью фотовспышки. Одна, вторая, третья, четвёртая... Авид хмыкнул, дождался конца представления и задумчиво произнёс:

- Работает. Но как-то странно, не находишь?

Рослав, который ещё не до конца пришёл в себя после грозового фейерверка, неопределённо покачал головой и залпом махнул бокал.

Эта магия... она раздражала. Рослав не любил чувствовать себя в чём-то ущербным, но выходило так, что здесь он только и делал, что сталкивался если не с магией в чистом виде, то с постоянным и незримым её присутствием. И, с одной стороны, Тайный Город вызывал в нём желание немедленно сбежать, а с другой - манил к себе, то и дело загадывая загадки. Солонка эта. Такая ерунда - а волшебная.

- Я бы ещё поэкспериментировал, - признался Авид. - Но пока не понимаю, как эта штуковина работает.

- Ну ты же загадал желание, - пожал плечами Рослав. - Солонка и выполнила его так, как сочла нужным.

- Вот я и говорю. - Шас поднёс солонку к свету. - Надо выяснить, каким образом управлять этим артефактом.

- Задавать вопросы поточнее? - Рослав опрокинул второй бокал шампанского и повеселел.

- Попробуй, - ухмыльнулся Авид и на всякий случай отступил подальше.

Рослав уставился на солонку. Ему показалось, что рыба на крышке тоже смотрит на него, притом неодобрительно.

- Но-но, - он погрозил рыбе пальцем.

- А вдруг не сработает? - Он покосился на Авида. - Может, она только тем подчиняется, у кого есть магические способности...

- Да ты попробуй! - не выдержал шас. - Загадай что-нибудь, не знаю. Может...

- Тихо ты! - шикнул Рослав. - Сам!

Он сосредоточился, осторожно открыл крышку и высыпал на ладонь несколько крупинок, сообщив в пространство:

- Хочу, чтобы на моей карточке оказалось в два раза больше денег, чем было.

- Дело! - восхитился Авид из своего угла.

У Рослава тренькнул телефон.

- Так, эсэмэс из банка...

- Ну?

- Ну, как тебе сказать... Было три с половиной тысячи, стало семь. Только три с половиной так и остались в фунтах, а ещё три с половиной отчего-то зачислились в зимбабвийских долларах.

Авид от души расхохотался.

- Уточнил, называется. Теперь я...

- Слушай, - Рослав вдруг посерьёзnel. - А может, не будем зря тратить соль? Изведём на пустяки, а когда поймём, как ею правильно пользоваться, будет поздно.

- И то верно, - Авид с сожалением пожал плечами. - Хотя я-то точно знаю, как попросить, чтобы...

- Нет! - Рослав забрал солонку, проверил, хорошо ли закрыта крышка, и сунул её в карман. - Сначала мы должны всё выяснить. - Он посмотрел на шаса и нацелил на него указательный палец: - И ещё, между прочим, найти конверты.

- Ах да. Конверты... - Авид как-то вдруг поскущел, но, допив свой бокал, тоже воодушевился: - Шампанское - это как-то несерьёзно... Может, в бар и по коньяку? Или спортсменам не положено?

- Обижаешь!

Близилась ночь, волшебная для всех генетических статусов, невзирая на толщину бумажника и наличие магических способностей, - ночь с пятницы на субботу...

Книжный магазин Генбека Хамзи

Москва, улица Арбат

08 сентября, суббота, 11.34

За ночь Рослав успел полюбить Москву как родную, а утром - так же отчаянно её возненавидеть. Что характерно, шас был до неприличия бодр, поспал два часа, сменил рубашку - и хоть в космос его отправляй. Глядя на смурного Рослава, он утверждал, что предлагал ему эрлийский бальзам (говорят, панацея от всех бед, а при похмелье - вообще первое дело), но Рослав же упрямый, не буду, говорил, травиться вашей магией. И вот результат.

Но пьянка пьянкой, а барыши по расписанию. Утром друзья отправились на Старый Арбат - за

информацией, которую в Тайном Городе можно было найти только здесь, в книжном магазине старого Генбека Хамзи. Услышав имя, Рослав понял, что от ушлых шасов в этом мире никуда не деться и ему, видимо, придётся с этим смириться. Тем более что чувствовал он себя, прямо скажем, неважно. Можно было, конечно, списать всё на чёрную икру, но Рославу что-то подсказывало, что виновата текила, которая случилась после коньяка в третьем по счёту кабаке. Как ни старался, а вспомнить окончание вечера он так и не сумел...

Книжный магазин Генбека Хамзи оказался тихой и уютной лавочкой, торгующей старинными книгами. Она прекрасно вписывалась в архитектурный ансамбль Старого Арбата и была тем редким местом, над которым не властны никакие перемены. Сам же Генбек, колоритный старик, выглядел именно так, как, по мнению Рослава, должен выглядеть владелец подобных богатств.

- Чем могу помочь, молодые люди? - с лёгким подозрением в голосе поинтересовался старый шас.

Рослав, внезапно оробев, вспомнил, что он как-никак вырос в стране победившей вежливости и заулыбался так искренне, как только мог, однако Генбек был не в духе. И на улыбку Рослава не ответил.

- Мне нужны каталоги антиквариата Тайного Города, касающиеся предметов либо утерянных, либо хранящихся у представителей Зелёного Дома, - Авид напустил на себя скучающий вид и вручил Генбеку список мастеров, чьи клейма обнаружил на вещах из дома Радослава.

- А мне...

- А тебе нужно помочь мне, - перебил Рослава шас. - Ты не представляешь, сколько у тебя там, в доме, реально дорогих вещей... Утром, пока ты спал, я - на свои деньги, между прочим, - купил портал и перенёс в гостиницу сундук. Он, зараза, не поддаётся уменьшению. Отфотографировал всё, до сих пор руки дрожат.

- У тебя они не от этого дрожат, - огрызнулся Рослав.

- Даже если бы я с Красными Шапками пил их отраву, с Эрлийским бальзамом ничего не страшно.

- У тебя они не от этого дрожат, - огрызнулся Рослав.

- Даже если бы я с Красными Шапками пил их отраву, с Эрлийским бальзамом ничего не страшно.

Рослав никогда не видел живых Красных Шапок и не горел желанием восполнить этот пробел, так что он отмахнулся и вернулся к вопросам насущным:

- Не видел я никакого сундука... И вообще! - Рослав, хоть и соображал туго, а всё же сообразил: - Как ты в дом попал?!

- Позаимствовал твой ключ, - скромно признался Авид.

- Что?!

- Да ты сам мне его дал, - шас на всякий случай отошёл подальше. - Помнишь? Вчера, после

«Б52»...

- Не помню!

- Если не помнишь, это не значит, что ничего не было, - с достоинством отозвался Авид. - А сундук через второй портал я отправил в безопасное место. Такие вещи нельзя хранить на виду. Представляешь, сколько денег я на тебя ухлопал?

- Честно говоря, не представляю, - мрачно откликнулся Рослав.

- Поверь мне, много. И труд на наше общее благо, хоть немного, но искупит твою вину.

Рослав подозревал, что шас вообще бесплатно скатался в Переделкино и обратно, но спорить не стал. После вчерашнего гудела голова, и любые громкие звуки только усугубляли проблему. Поэтому он послушно поплёлся за Генбеком и Авидом в глубину заставленной стеллажами комнаты и уселся за стол.

- Вот, - шас бухнул перед ним толстый, пыльный каталог и стопку фотографий. - Приступай.

У Рослава мелькнула крамольная мысль воспользоваться солонкой, которая так и лежала у него за пазухой. Загадать, например, чтобы каталог сам открывался на нужных страницах. Вряд ли эту задачу можно было истолковать превратно, но Рослав всё же засомневался. В конце концов, он только второй день в Тайном Городе, а с магией так вообще столкнулся впервые в жизни.

Авид словно мысли прочёл, покосился на него нервно, но смолчал.

В толстых потрёпанных книгах они добросовестно искали описания предметов на снимках, и шас заносил их в электронный каталог на своём планшете. Имена шасских оружейников и ювелиров ничего Рославу не говорили, но, судя по всему, это были известные и уважаемые в Тайном Городе мастера. А горящий взгляд довольного Авиды свидетельствовал о том, что он в своих прогнозах не ошибся и дедушкино наследство сулит неплохую прибыль.

Они уже заканчивали, когда Рослав, листавший каталог в поисках шкатулки с лотосом, внезапно остановился на нечеткой чёрно-белой фотографии. Не веря своим глазам, полез в карман и достал солонку. Сравнил.

С крышки пузатого флакона на Рослава со снимка неодобрительно пучила глаза знакомая рыба.

Шас оторвался от планшета.

- Чего там у тебя?

- Солонка. Точнее, не солонка, а... чернильница. - Рослав ткнул пальцем в подпись под фото. - «Чернильница «Форель», восемнадцатый век, приблизительно тридцатые годы, создана мастером Амином Кумаром в пяти экземплярах. На данный момент известно о сохранившихся двух, которые находятся в частных коллекциях...» - Рослав запнулся, пробежал взглядом последнюю строчку и умолк. Авид бесцеремонно выдернул каталог у него из-под носа, прочитал вслух:

- «Известно, что чернильница «Форель» является предметом активного поиска многих аукционных домов и частных коллекционеров...» Ага. Три штуки пропали без вести - наверняка

нелюди разобрали. Две всплыли у челов, а именно у Петрова, он же Катаев...

И тут Рослава осенило. Да так, что он едва со стула не сверзился, поражённый собственной гениальной догадкой. Всё ведь на самом деле так просто и логично! Рослав был невыразимо горд собой – не зря, не зря он вырос в стране, где появился на свет один из величайших сыщиков эпохи.

- Авид, дело не в конвертах! – выпалил Рослав.

- А?

- Чернильница – артефакт! – Он вскочил на ноги и забегал по комнате, натываясь на стеллажи.

- Да тише ты! – Авид сделал страшные глаза.

- Что такое? – Рослав от неожиданности перешёл на шёпот.

- Генбек услышит!

- И что? – не понял Рослав. – Он же твой родственник, тоже Хамзи. Разве ты ему не доверяешь?

- Доверять шасам? Ты в своём уме?

- Ты же сам шас, – напомнил ему Рослав.

- Я – другое дело, – Авид даже не смутился. – Так что там с этой чернильницей?

- Говорю же, артефакт – чернильница, а не конверты! Скорее всего, адреса на них просто были написаны чернилами из неё, надо ещё покопаться там, где ты нашёл ту статью, что мне показывал.

- Допустим, – Авид потёр подбородок.

- Катаев мог не знать, что это так... даже скорее всего, не знал. Просто написал то, первое письмо, а потом, к своему удивлению, получил ответ. Ты показывал мне конверты – они были подписаны каллиграфически и, уж конечно, не шариковой ручкой. Катаев думал, что это совпадение, но на самом деле так сработала сама чернильница! Авид, эта штука... Эта штука исполняет то, что написано чернилами, налитыми внутрь.

- Логично, – шас задумался. – А соль...

- А соль, получается, тоже обрела магические свойства!

- Кстати, почему твой дед хранил в чернильнице соль?

- Откуда мне знать? И какая теперь разница?

- Слушай, – прищурился Авид. – А давай-ка мы с тобой к Урбеку Кумару съездим. Он в запрещённых артефактах хорошо смыслит и, если что, не станет болтать лишнего.

- Если что? – насторожился Рослав.

- Ну так, что-нибудь, – невнятно ответил Авид.

Рослав закатил глаза.

- Лучше скажи, почему я не удивляюсь, когда очередной благодетель на нашем пути оказывается шасом?

Авид назидательно поднял палец.

- Потому что шасы, друг мой, единственные в Тайном Городе, кто дружит не только с деньгами, но и с головой. - Он зачем-то подозрительно огляделся и добавил: - После навов, конечно.

- Ну да, - пробубнил Рослав. - Себя не похвалишь... Ладно, - вздохнул он, - поехали к этому твоему Урбеку. Ему-то хоть доверять можно? Или как тебе?

- Быстро учишься, - хмыкнул Авид.

Складской комплекс «Кумар Карго Экспресс»

Москва, улица Левобережная

08 сентября, суббота, 17.07

Складской комплекс самого известного в Тайном Городе скупщика краденого - вернее, специалиста по трофеям, как сам Урбек предпочитал именовать своё скромное занятие, - напоминал территорию преуспевающей транспортной компании. У Рослава вообще создалось впечатление, будто он наблюдает срочную эвакуацию небольшой страны. Тут и там парковались и отъезжали фуры - от гроыхающих двенадцатиметровых «КамАЗов» до шикарных красно-белых «Фрайтлайнеров». Какие-то из них разгружали вручную, к каким-то прилаживались краны-манипуляторы, жужжали электрокары, перекрикивали друг друга грузчики, сновали туда-сюда клиенты и сотрудники, кто с накладными, кто с расписками, кто бережно нёс дизайнерские пакеты с нарядным золотым тиснением - кроме наличных, шасы охотно принимали в дар коньяк.

Друзья застали Урбека за важнейшим занятием - он самолично руководил перераспределением товара. Троица Красных Шапок перетаскивала какие-то ящики из прицепа одного тягача в другой.

Даже гиперборейский погонщик рабов, окажись он сейчас на месте невысокого шаса, не произвел бы на подчинённых впечатления столь же сурового и грозного.

- Куда, куда ты потащил?! Я же сказал, с зелёной маркировкой направо, с чёрной налево! Что сложного? Зелёный и чёрный, как люд и навь! Вас, когда королева к себе вызывает, вы тоже сначала в Цитадель ломитесь? Идиоты!

- Привет, Урбек! - окликнул его Авид. - Как бизнес?

- Сплошные убытки, клянусь оборотами Спящего! Скоро по миру пойду, вместе с женой и детишками, а их у меня, между прочим, семеро!

Ни один житель Тайного Города не мог сказать наверняка, сколько детей у Урбека Кумара, его собственные рассказы о многочисленности своего потомства варьировались от трёх до двенадцати, в зависимости от настроения и дневной выручки.

- Покрышка, ошибка Спящего! Ты ж не женщину в кусты тащишь, это хрупкий товар, рисовый фарфор, богемское стекло! Аккуратнее, уж будь так любезен, не то донесу Кувалде, и перевешают вас всех к тату лысому! - Урбек снова отвлекся на Красных Шапок, а затем, понизив тон, пояснил: - Представь себе, взяли аванс, а поставку просрочили на два с половиной часа. Тридцать процентов набежало, вот, обрабатывают...

- Что значит «женщину в кусты»? - донеслось возмущение откуда-то из глубины кузова. - Покрышка, это ты меня собрался в кусты? Да я тебе...

- Мама! - завопил Покрышка и юркнул под колёса.

Возмущённый голос принадлежал Облигации, для своих - Вобле, даме уйбуя Фуры, который в этот как раз момент утрамбовывал здоровенную коробку в соседнюю, простите за тавтологию, фуру.

- Ох ты ж... - Как всегда при сильном удивлении, Рослав перешёл на непечатный английский.

Ладно, просто Красные Шапки, Рослав был наслышан о них, даже смотрел репортажи из Южного Форта. Но Красная Шапка в алой шляпе с цветами - это что-то с чем-то.

Пока Рослав стоял с разинутым ртом, Вобла где-то раздобыла длинную палку с крюком на конце и начала тыкать наугад под днище машины - туда, где укрылся Покрышка.

Пока Рослав стоял с разинутым ртом, Вобла где-то раздобыла длинную палку с крюком на конце и начала тыкать наугад под днище машины - туда, где укрылся Покрышка.

- Повешу!!! - рявкнул Урбек, восстанавливая мир и возобновляя рабочий процесс, и наконец-то обратил внимание на Рослава: - Прибыльного вам дня, юноша, какими судьбами?

- Это Рослав, мой друг, - ответил за Рослава Авид.

- Твой... кто? - переспросил Урбек, удивлённо приподнимая бровь.

- Мой клиент, - недовольно пояснил тот.

- Рослав, внук Радослава, знаем-знаем, - Урбек как-то неприятно и скрипуче захихикал, так что только глухой не прочитал бы подтекст, обращённый к Авиду, мол, как же тебе, молодой Хамзи, удалось заполучить в свои неавторитетные сети такую рыбу?

- Интересно, есть в этом городе хоть один нелюдь, который бы меня НЕ знал, - Рославу не нравились эти полунамеки.

- Вы богатый наследник, юноша, - пожал плечами Урбек. - Уверен, зелёные ведьмы выстроились в очередь, чтобы пригласить вас на свидание...

- Только свиданий мне сейчас и не хватало, - пробубнил Рослав, вспоминая и тут же забывая красавицу Полину.

Мимо прогрохотал грузовик, распространяя вокруг себя едкий, маслянистый дым.

- Может быть, продолжим беседу в офисе? - предложил Авид, поморщившись.

- Фура! - позвал Урбек уйбуя. - Я в офис, а ты тут головой за своих придурков отвечаешь!

Мотка бечёвки недосчитаюсь – на ней же вздёрну, ясно?!

– Тренер, а денег-то потом дашь? Пригоним товар, в рот мне ноги! – пламенно заверил уйбуй.

– Посмотрим, – Урбек отпустил Фуру царственным жестом.

– Ты что, серьёзно доверил им грузить богемское стекло? – спросил Авид уже по дороге к офису.

– Мальчик, ты за кого меня принимаешь? – обиделся Урбек. – Там каминные решётки! Но это же Красные Шапки...

Авид многозначительно закивал, а Рослав, глядя на творившуюся здесь круговерть, вдруг ощутил острейший приступ ностальгии. Ей-богу, на льду во время массовой драки он чувствовал себя куда спокойнее, чем на этом складе.

* * *

Кабинет специалиста по трофеям напоминал его же склад, только в масштабе один к ста и без Красных Шапок. У окна стоял огромный дубовый стол, весом с небольшой автомобиль, а рядом красовался не менее внушительных размеров сейф, страшно представить, какими арканами защищённый. По углам лежали коробки, коробочки, полки на стенах были заставлены всем подряд, от бронзовых статуэток до консервных банок без этикеток, с чем-то подозрительным внутри.

– Присаживайтесь, коллеги, – Урбек указал гостям на кожаные кресла.

Рослава, хоть и передёрнуло от подобного обращения, однако же он сел и с благодарностью принял из рук хозяина пузатый бокал с дымным, очень выдержанным коньяком. После бурной ночи – в самый раз.

– Я вас слушаю. – Чёрные глаза Урбека смотрели с любопытством. – Купить? Продать? Или, может быть, какой-то особый заказ.

– Нам нужна консультация, – дипломатично уточнил Авид.

Будь тут один Рослав, ушлый барыга немедленно пустился бы в излюбленные шасские рассуждения о том, что все хотят, чтобы тихий небогатый шас поделился с ними своими знаниями и скромными связями, но в Тайном Городе не то что благодарности, а даже доброго слова ни от кого не дождёшься. Но разговор Урбеку предстояло вести со своим же родичем, поэтому взаимопонимание было достигнуто в рекордные сроки.

– Слышал, что Биджар собирается устраивать закрытый аукцион по продаже каких-то редкостей. Если бы я знал, что именно он собирается предлагать, то, возможно, сумел бы заранее подыскать заинтересованных лиц...

– Завтра до полудня узнаю всё, что смогу, – кивнул Авид.

– Замечательно! – Впервые за всё время разговора Урбек улыбнулся. – Итак, какого рода консультация вам требуется?

– Покажи ему, – попросил Авид Рослава.

Тот достал многострадальную солонку-чернильницу и поставил её перед Урбеком.

- Не узнаешь эту вещь? - Авид старался придать голосу как можно меньше заинтересованности.

Урбек покрутил чернильницу так и сяк, осторожно открыл.

- Это что, соль?

- Только не высыпайте, - предупредил Рослав.

- Впервые вижу, - пожал плечами Урбек. - А что это? Никак из закров твоёго деда, а, юноша?

Рослав растерянно посмотрел на Авида - он понятия не имел, что можно, а чего нельзя говорить в столь щекотливой ситуации.

- Мы предполагаем, что это артефакт, но не знаем, как он работает и какова его сила.

Урбек был умным шасом и подробности выспрашивать не стал.

- Почему бы вам не обратиться к Тархану, это по его части.

Авид демонстративно закатил глаза - Тархан был самым известным контрабандистом Тайного Города и приходился Аvidу, ни много ни мало, родным отцом. Если бы вещь оказалась действительно опасной, тот принудил бы сына поделиться находкой с навами. Проворачивая более чем незаконные дела сам и успев привлечь к семейному, так сказать, делу двоих старших детей, он мечтал, что хотя бы младший пойдёт по следам своего дяди Биджара и вырастет в приличного бизнесмена. Пока Авид ожидания оправдывал и уже претендовал на членство в Торговой Гильдии. А сомнительные артефакты могли всё испортить. Авид же решил рискнуть.

- Понимаю, вопрос щекотливый, с Генбеком тебе тоже не посоветоваться... - покачал головой Урбек.

- Генбек? - подал голос Рослав. - Мы ведь только что от него, - и мгновенно прикусил язык, решив, что сболтнул лишнее.

- Искали информацию в библиотеке, - спокойно объяснил Урбеку Авид. - Артефакт я деду не показывал.

- Деду? - удивился Рослав. - Генбек твой дедушка? Но ты же платил за пользование каталогами и всё такое...

- И что? - в один голос отозвались Авид и Урбек.

- Если дедушка, так, значит, и платить не надо? - возмутился Урбек.

Рослав только приложил руку к лицу и никак не стал это комментировать.

- В общем, не хочу вас разочаровывать, но мне эта штука действительно незнакома. Если посвятите в подробности, я, конечно, могу навести кое-какие справки...

Договорить он не успел - в кабинет влетел Фура, судя по шуму, предшествующему его появлению, несколько раз грохнувшись на лестнице.

- Тренер, там таво... - у уйбуя был виноватый вид и здоровенный фингал под глазом. - Вобла достала Покрышку из-под машины и немножко побила. Сам понимаешь, за оскорблённое женское достоинство, она у нас фими... фами... феминистка, вот...

- По делу говори! - зашипел Урбек.

- Там из ящиков кой-чево рассыпалось, а потом...

- Я сейчас сам тебя рассыплю! - Урбек с размаху ударил кулаком по столу и случайно задел рукавом чернильницу. - И гори оно всё огнём, сил моих нет!..

Гранёный хрусталь со звоном покотился по столу, оставляя на чёрном дереве соляную дорожку.

В этот момент, где-то со стороны крытых складов раздался взрыв.

- В рот мне ноги! - заголосил уйбуй и в прыжке, доведённом на фоне беспокойной политической обстановки в Южном Форте до рефлекса, влетел аккуратно под стол и прикрыл голову руками.

- Какого?! - Урбек кинулся к окну, впрочем, не рискуя отпирать рамы, из которых, того и гляди, повылетают стёкла.

Раздался новый взрыв, громче предыдущего, а затем ещё и ещё, улица осветилась таким заревом, какое бывает разве что в фантастических фильмах, накануне Армагеддона. С полок посыпалось решительно всё, что на них было.

- Чего зеваешь! - во всеобщем бедламе Рослав едва различил крик Авида.

Он обернулся и увидел, как прямо в воздухе сгущается и закручивается в спираль чернота.

«Портал», - только и успел он подумать. Не видел же таких трюков никогда.

- Быстро! - Авид практически повис у него на плечах, заталкивая Рослава внутрь страшной воронки.

Москва, улица Смольная,

двор одного из жилых домов

08 сентября, суббота, 18.17

Техника выхода из портала - это целое искусство. При любых обстоятельствах, даже спасаясь с борта падающего самолёта и оказываясь на спине крокодила посреди Амазонки, ты должен покинуть портал так, словно ступаешь на мягкий ковёр собственной гостиной. Это считается высшим мастерством и просто хорошим тоном. Рослав же, как всякий, кто впервые перемещается магическим способом, из портала не вышел, а вывалился - аккуратно в детскую песочницу, под большой красный в белую крапинку деревянный гриб. Авид, оступившись, рухнул сверху.

Одно радовало, двор был безлюден, для прогулок с детьми было слишком поздно, а для распития пива на лавочках - слишком рано.

- Признайся, ты вытащил меня только для того, чтобы тебе было не жёстко падать?

- Друг мой, не забывай, что я провожу аукцион по продаже твоего имущества. Ты мне сейчас дороже родного брата раз так в... – Авид замолчал, что-то прикидывая в уме, и наконец резюмировал: – В общем, во много. Но, как говорится, знал бы, на чём прогорю, застраховал бы вклады.

- Тогда слезь с меня уже! – рявкнул Рослав и ткнул локтём куда-то назад.

Авид, заругавшись на неведомом зубодробительном наречии, скатился на сырой песок.

- Тогда слезь с меня уже! – рявкнул Рослав и ткнул локтём куда-то назад.

Авид, заругавшись на неведомом зубодробительном наречии, скатился на сырой песок.

- Мой костюм!

- Мой, между прочим, тоже!

Авид, кажется, собрался озвучить сумму материального и морального ущерба, который он претерпел из-за неумения некоторых людей пользоваться такими элементарными вещами, как «портал обыкновенный», но сдержался. Он понемногу учился выражать своё возмущение раза в три реже, чем того требовала его шасская душевная организация. Только буркнул что-то про лимит магической энергии и Эрлийскую обитель, в которой они непременно окажутся, случись с ними очередной взрыв или ещё какое-нибудь приключение.

Между тем друзья отряхнулись, проверили карманы – телефоны на месте, документы на месте. Чернильница пропала.

- Она осталась на столе Урбека, – вспомнил Рослав.

- Как ты мог её забыть?! Это же твоя вещь! – возмущался Авид. – Убытки, опять убытки!

Ты хоть знаешь, сколько стоит один портал?

- Поехать к Урбеку было твоей идеей! – парировал Рослав.

- Я спас тебе жизнь – и где благодарность?

- Ты зарабатываешь на мне деньги!

- Я шас, это моё естественное занятие...

Неизвестно, во что бы вылилась перепалка на сей раз, если бы эхо взрывов со стороны склада Урбека не перестало быть просто эхом. Канада нарастала и приближалась, из окон повысовывались челы, на все лады завывали автосигнализации. Авид с Рославом инстинктивно задрали головы...

- ДРАКОН!

Отправляясь в Тайный Город, Рослав, как истый джентльмен, дал себе зарок ничему не удивляться. Конечно, он знал о существовании драконов, но чтобы они летали вот так, среди бела дня, задевая брюхом крыши панельных домов... Жизнь его к этому не готовила.

- Не ори! - Авид дёрнул его за рукав. - Это фейерверки...

И действительно, закрутившись в красно-золотое кольцо, наподобие змея Уробороса, кусающего собственный хвост, дракон рассыпался на множество искр, мгновенно заполонивших небо.

- Гэндалф бы обзавидовался... - вспомнил Рослав волшебника из знаменитой трилогии, прославленного своими чудесными фейерверками.

Авида процесс заинтересовал лишь с одной точки зрения:

- Урбек, старый барыга, где он умудрился раздобыть чудские парадные фейерверки? Ох, что будет, когда Магистр узнает, что будет...

- И что теперь делать? - спросил Рослав, продолжая зачарованно пялиться в небо.

- Звонить Урбеку, конечно, - Авид достал телефон. - В его интересах вернуть нам чернильницу, ибо я не ручаюсь, что у него на складе не заваялся живой дракон...

Москва, где-то в районе МКАДа

08 сентября, суббота, 17.57

Чересчур поспешное развитие событий, помноженное на катастрофически низкую концентрацию виски в организме, ввергло Фуру в панику. Он с грохотом скатился с лестницы, бросился во двор, где творился полный хаос, и заметался по сторонам, выискивая своих. Всё пространство двора заволокли клубы разноцветного едкого дыма, в котором беспорядочно мелькали головы и слышались ругань и стенания шасов.

Разглядев в дыму и толчее свою драгоценную «Газель», Фура рванул к ней кенгуриными прыжками, слыша за спиной нарастающий громоподобный рык. Разбираться, что к чему, времени не было - уйбу дёрнул дверь, мешком свалился на сиденье и едва не огрёл по башке. Чудом увернулся и завопил, выхватывая пистолет:

- Какого хрена, мля?!

- Ой, блин, - пискнули сзади, и из-за спинки сиденья высунулся Покрышка. За ним маячила виноватая физиономия Воблы.

От возмущения Фура хотел немедленно произвести расправу, но разорвавшийся прямо над головой мощный заряд заставил уйбу схватиться за руль и выжать газ до упора. Перед лобовым стеклом распустилось зарево фейерверка, Фура едва не ослеп. Он чудом вывернул руль, объехал выросший на пути «КамАЗ» и припустил к воротам.

- Тренер, - подал голос Покрышка, который притих в кузове и насторожённо пялился в грязное заднее стекло. - Слышь? Это, кажись, за нами...

- Чево-о-о?

Покрышка трясущейся рукой махнул назад и тут же повалился на пол, аккурат на Воблу, которая завизжала так, что перекрыла раскат взрыва прямо над крышей «Газели». От этого Фура лишился последних остатков душевного равновесия и поддал газу.

В зеркале заднего вида, между тем, отражался огромный огненный дракон.

Сопровождаемая разноцветными залпами мелких хлопшек и затейливыми огненными фигурами, под аккомпанемент чудовищного грохота, расписная «Газель» Фуры вылетела на Прибрежный проезд, чудом вписавшись в поворот, и понеслась так, что не всякий гоночный болид нагнал бы.

- Газу давай, газу! - орал обезумевший от страха Покрышка, съездившись позади водительского кресла. Где-то в том же районе завывала Вобла.

- Переулками уходи, переулками, мля! - Покрышка глянул в окно и тут же спрятался обратно - теперь уже три дракона, извергая разноцветный огонь, неслись над машиной и издавали вполне правдоподобный для фантомов рык.

Фура витиевато ругнулся, на полной скорости ушёл на Ленинградку и едва не съёс мусорные баки у обочины. Новые залпы вспыхнули над машиной, сопровождаемые таким грохотом, что бедные Красные Шапки едва не оглохли - «Газель» резонировала, как пустое ведро.

- Капец, - Покрышка впал в упадочническое настроение. - Приехали, мля...

- Да заткнись ты! - взбеленился Фура, который неожиданно обнаружил в себе удивительную стрессоустойчивость по сравнению со своими приятелями-паникёрами. - Всё равно же не отстанут...

- Почему не отстанут-то? - Трясущийся Покрышка перелез, наконец, на переднее сиденье и даже - неслыханное дело! - пристегнулся. - Это что же - мы теперь до самого Форта так ехать будем, мля? - Он опасливо глянул в окно, за которым всё пело, грохотало и переливалось разными цветами.

- Это всё Урбек, мля! Точно говорю! - продолжал накалять обстановку Покрышка. Он был почти уверен, что жадный шас специально разнёс половину склада, лишь бы не расплачиваться со своими грузчиками.

Фура убеждённость Покрышки не разделял - более того, был настроен скептически:

- Фигню не пори! Нужен ты ему...

- А может, это он за тот мобильник... - Покрышка прикусил язык, но Фура подозрительно на него покосился.

- Чё за мобильник? - грозно поинтересовался он.

- Ну, в прошлый раз... Когда грузили на склад... - забормотал Покрышка, прикидывая, как бы половчее десантироваться, если что. Уйбуй вранья не терпел и как-то ловко его чуял, поэтому выкручиваться смысла не имело. - Ну, я и прихватил одну коробочку, которая с яблоком. Тренер, ты чё?! - Покрышка едва успел увернуться от прилетевшего слева тумака. При этом Фура даже скорость не сбросил.

- Я тебя урою! - пообещал уйбуй.

- Да я ж ни в жизнь... - забожился Покрышка. - Попутало...

Свернув с МКАДа на улицу Поляны, Фура слишком лихо крутанул руль и едва разминул

бортом с глянцево-алым седаном, из которого выглянула миловидная блондинка и выдала такой поток непечатных слов, что Фура с уважением покосился в окно и даже попытался улыбнуться. Конфликт был бы исчерпан, если бы Вобла, ревниво проследив взгляд своего кавалера, не высказалась:

- Чувырла страшная!

- Зато ты у меня цветёшь и пахнешь! - немедленно отреагировал Фура, и Покрышка гаденько захихикал.

И в этот момент все спецэффекты внезапно закончились, будто отрезало. Драконы растворились в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий дымок. Но обрадоваться Фура не успел - в следующую секунду тишину салона прорезал истерический вопль Воблы. Уйбуй врезал по тормозам и обернулся. Его дама сердца сидела с перекошенным от ужаса лицом, а из головы у неё... то есть из шляпы... то есть...

- В рот мне ноги!

- Мля!

Красная шляпа Воблы покрылась цветами, распространяющими приторный аромат, который перебивал даже естественное амбре Красных Шапок. Цветы росли на глазах, раскрывались бутоны, распускались и опадали лепестки, только что пчёл не хватало - для пущего натурализма. Иными словами, на голове Воблы вдруг выросла самая настоящая клумба, а с полей шляпы спускались колокольчики и вьюнки.

Покрышка вдруг начал ржать, тыкая пальцем в шляпу и икая. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Фуры. Он дал по газам и заорал:

- Да что ж за мать твою, в рот мне ноги! Развели цирк, мля!

«Газель» вылетела на площадь перед метро и застыла как вкопанная. Троица молча, разинув рты, вытаращилась в окно. Все моментально забыли про драконов и шляпу-клумбу, потому что развернувшееся перед ними зрелище казалось совсем уж невероятным.

- В рот мне... - начал Фура и умолк.

Он многое повидал на своем веку, было дело, и в засады попадал, но чтобы дорогу перегораживала необъятная слоновья задница, это, конечно, перебор. В приоткрытые окна шибануло смачным звериным духом, запахом опилок и сахарной ваты, играла развесёлая музыка, вокруг сновали какие-то челы, справа на привязи стоял грустный осёл, а слева два мужика, затянутые в трико, отрабатывали сальто назад. Слоновья задница дрогнула и стала удаляться, и обалдевший Фура увидел перед собой разноцветный шатёр самого настоящего цирка шапито, на задний двор которого их занесло какой-то неведомой силой.

Фура потребовалось немедленно выпить.

Он похлопал себя по карманам, мимолётом нащупав в одном из них странный округлый предмет, но поскольку на фляжку он был мало похож, уйбуй не стал его доставать. Он совершенно забыл, что, сматываясь из кабинета Урбека, невзначай прихватил со стола солонку с рыбой на крышке - так сказать, в качестве компенсации за ущерб, хотя на самом деле скорее по привычке. И знать не знал, что, пока они улепётывали от драконов по всей Москве, соль от

тряски потихоньку высыпалась в карман, а уже оттуда, сквозь дырявую подкладку, – наружу.

Фляжка нашлась у Покрышки, тот неохотно поделился с Фурой остатками виски и с сожалением вытрус себе в рот последнюю каплю.

- Хрень какая-то, – озвучил свои соображения уйбуй.

- Ага, – поддакнул Покрышка. – Цирк как есть.

- Смотрите, обезьянки! – обрадовалась Вобла.

- Нашла родню...

- Ах ты...

- Убива-а-ают!

- Заткнулись все! – завопил Фура, грохнув кулаком по приборной панели. – Так, всё. Поехали отсюда, мля. Хватит с меня драконов, слонов и этих... этих... – Он беспомощно мотнул головой в сторону акробатов, которые самозабвенно крутили сальто и прыгали друг другу на плечи.

- Жонглёров, – вспомнил Покрышка трудное слово, потирая затылок: у Воблы была тяжёлая рука.

- Ага, этих. Поехали, короче.

«Газель» стала медленно сдавать назад, с трудом лавируя между расписными кибитками, задом выехала с площади и ушла в переулок. Оставалось добраться до Форта без приключений – сказать по правде, Фуру неясные магические выверты изрядно утомили, и он думал только о том, как бы поскорее выпить. А заодно избавиться от Покрышки и Воблы, которые действовали на нервы похуже любой магии.

Остаток пути до Южного Форта Фура и его притихшие соратники проделали в тишине и спокойствии, если не считать периодических мелких стычек в кузове. Но соплеменники встретили троицу, прямо скажем, неласково.

- Слышь, – перед Фурой возник Копыто. – Тебя фюрер вызывает. Повесить, наверное, хочет.

- За что? – выпучил глаза Фура, который ещё не до конца отошёл от пережитого стресса и без виски не был готов встретиться лицом к лицу с новыми проблемами.

- А то, что о тебе весь город базарит, – уйбуй злорадно усмехнулся. – Ты от Урбека с таким концертом смылся, что челы решили, будто кино снимают. Так что, может, тебе и повезло. Может, Кувалда тебя не сразу вешать станет, а сначала посмеётся.

Дело было дрянь, но Фура осмелился отсрочить наказание. Мрачно кивнув приунывшим соратникам, которые прикинули, что праведный гнев великого фюрера рикошетом затронет и их головы, Фура направился к любимому заведению, выпить напоследок.

И надо же было такому случиться, чтобы именно в тот момент, когда уйбуй, подходя к «Средству от перхоти», внезапно оступился (ну с кем не бывает) и едва не въехал носом в землю. И бросил в сердцах:

- Даже выпить не дадут нормально, в рот мне ноги!

И кто бы мог подумать, что именно в этот миг из солонки с рыбой на крышке, она же – чернильница «Форель» – высыпались последние крупинки соли...

В «Средстве от перхоти» царил настоящий ажиотаж – Красные Шапки оживлённо обсуждали происшествие на складе Урбека, которое как раз освещалось по Тиградком, и поэтому вошедший Фура вызвал у соратников небывалый всплеск эмоций. Мнения разделились – половина орала, что так им всем и надо, не уточняя, кому именно «всем», что хватит прятаться и бояться, что Красным Шапкам пора громко заявить о себе – то есть грабить и дебоширить с удвоенной силой. Другая половина яростно осуждала Фуру и его банду, справедливо полагая, что Урбек теперь вообще никаких дел с Красными Шапками иметь не захочет. Фура слушал недолго – растолкав толпу, пробился к стойке и мрачно потребовал выпить.

Когда перед ним появился стакан с пузырящейся жёлтой жидкостью, притихли даже те, кто орал громче всех и в своих изречениях добрался до любимой темы – свержения Кувалды с поста великого фюрера.

- Эт чё такое? – подозрительно поинтересовался Покрышка, высунувшись из-за спины уйбуя.

- Это «Дом Периньон», если я ещё хоть что-то понимаю в благородных напитках, – отозвался царящий за стойкой ко́нец, удивлённый не меньше, чем Фура.

- Дом э... чё?

- Периньон, – повторил бармен.

- А виски где, мля?

Бармен откупорил другую бутылку – тоже «Ред Лейбла». Но и в ней оказалась эта странная газировка. Потом третью, потом четвёртую – всё тщетно.

- А... а... – начал заикаться Фура. – А куда... А как...

Бармен пожал плечами и, кажется, начал прикидывать, как бы под шумок скрыться.

- Братья! – воззвал Фура, оборачиваясь к остальным. – А что же вы, в рот мне ноги, пьёте?!

Красные Шапки ошарашенно уставились на стаканы в своих руках. Некоторые моментально пороняли их и отпрыгнули подальше – на всякий пожарный. Потому что во всех без исключения ёмкостях, даже в бутылках, плескалось то же самое пузырчатое жёлтое пойло. И, судя по тому, что катастрофа обнаружилась только сейчас, ещё пять минут назад все наслаждались расово верным напитком.

- Подменили! – заверещал кто-то, и толпа зароптала.

Фура осторожно понюхал неведомый «перигнон» и сделал маленький глоточек. Но даже этого хватило, чтобы понять: ЭТО пить нельзя ни в коем случае! Рискувшие последовать его примеру Красные Шапки принялись дружно плевать и ругаться. Недоумение и возмущение достигло своего предела, когда в дверях появился сам великий фюрер Кувалда, безмолвно потрясая фляжкой, в которой что-то булькало. От гнева он даже говорить не мог – только тарачил единственный глаз и ловил воздух ртом, как рыба.

Фура с облегчением понял, что его смерть откладывается на неопределённый срок – у Кувалды явно появились дела поважнее.

- Что это такое, мать вашу, я вас всех спрашиваю?! - разродился, наконец, великий фюрер и запустил фляжкой в бармена, который, впрочем, успел увернуться. - Почему мой виски на вкус похож на... на...

- И мой! - загалдели вокруг. - И мой тоже!

- Это заговор! - заорал кто-то.

- Это предательство!

- Это он! - Фура быстренько сообразил, как отвлечь внимание от своей скромной персоны, и ткнул пальцем в бармена.

Толпа мгновенно переключилась на несчастного и, сплотившись, сурово двинулась в наступление. Бармен вопил, что ни разу не виновен, что оно само и вообще это всё происки врагов, которые желают немедленного свержения Кувалды с поста великого фюрера и воцарения анархии и непотребства. Красные Шапки не слушали - душа их требовала мести.

И расправа неминуемо свершилась бы, если бы дверь в кабак не распахнулась и перед изумлёнными Красными Шапками не появились двое - люд и шас.

Южный Форт,

Штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово

08 сентября, суббота, 20.01

Рослав был не робкого десятка - трус, как известно, не играет в хоккей, - но не факт, что он отважился бы так запросто завалиться в логово Красных Шапок. Толпа неуправляемых, агрессивных, вооружённых дикарей - застрелят по трезвости, и поминай, как звали. Зато Авид, к немалому удивлению Рослава, повёл себя как бравый ковбой из старого доброго вестерна - открыл дверь с ноги и громко затребовал Фуру. Несчастный уйбуй был немедленно выдан своими же бойцами, а угодливый Покрышка, не ограничившись бытовым предательством, подробно рассказал, где в Южном Форте принято производить расправы.

- Где чернильница? - грозно спросил Авид, когда они удалились от кабака шагов на десять.

- Какая чернильница? - Фура переминался с ноги на ногу, от страха у него даже глаз задёргался.

- Которую ты стащил со стола Урбека! - рявкнул Авид.

- Не помню-у-у, - заныл Фура и опасно покосился за спины Авиды и Рослава, туда, где в ожидании дармовых зрелищ столпились его собратья.

Красные Шапки перешёптывались, а особо предприимчивые даже устроили тотализатор: казнят ли Фуру привычным и скучным способом, то есть вздёрнут на перекладине напротив фюрерской башни, или шас смилуется и заставит отрабатывать долги. А, может быть, Фура сотворил что-то из ряда вон, и теперь ему грозят подвалы Цитадели?

- Тренер, клянусь, в рот мне ноги! Не помню! Мне бы выпить, третий час во рту ни капли, а в баре один «Дон Перингон», или как его?..

- Что? - прищурился Авид.

И Фура, сбиваясь и путаясь, как сумел обрисовал бедствие, постигшее Южный Форт, мол, пришёл в родной кабак, а вместо виски во всех бутылках какая-то гадкая шипучка.

- Бред, - поморщился Рослав, наблюдая краем глаза за галдящими у входа в «Средство от перхоти» дикарями.

- Да, дела... - вздохнул Авид. - Что ж, пойдём другим путём. - Он сложил руки на груди и напустил на себя самый суровый вид: - Уйбуй Фура!

- Я, - пискнул тот.

- Ты похитил сокровище Великого Дома Навь, и вернуть его меня делегировал сам Сантьяга! Ваша королева, в знак дружбы и налаженных торговых связей, выделила мне помощника, - Авид указал на Рослава, - из числа своих личных стражников. Понимаешь ли ты, вредитель, чем это грозит Южному Форту?

- Да, дела... - вздохнул Авид. - Что ж, пойдём другим путём. - Он сложил руки на груди и напустил на себя самый суровый вид: - Уйбуй Фура!

- Я, - пискнул тот.

- Ты похитил сокровище Великого Дома Навь, и вернуть его меня делегировал сам Сантьяга! Ваша королева, в знак дружбы и налаженных торговых связей, выделила мне помощника, - Авид указал на Рослава, - из числа своих личных стражников. Понимаешь ли ты, вредитель, чем это грозит Южному Форту?

Услышав про «стражника», Рослав сжал кулаки и медленно сосчитал до десяти. А Фура, уже мысленно распрощавшись с жизнью, принялся выворачивать карманы. На землю посыпались пробки, погнутые ржавые железки (вероятно, отмычки), складной нож, несколько удостоверений в разноцветных обложках и... чернильница «Форель».

- Есть! - Авид поднял «сокровище», подул на него и щёлкнул по морде знакомую пучеглазую рыбу.

- Повесите? - жалостливо промямлил Фура.

Рослав не знал обычаев Тайного Города и, тем более, не хотел лезть со своим уставом в чужой бардак, но вешать - это всё-таки варварство, какими бы злобными ни были эти маленькие дикари. Поэтому, пока Авид с кем-то увлечённо беседовал по телефону, Рослав отпустил Фуру на все четыре стороны. Тот, не веря своему счастью, вприпрыжку понёсся к своим.

- ...Я тебе говорю, у них всё пошло превратилось в шампанское! Вези им вискарь, Кувалда ещё и приплатит, ну, не мне тебя учить. - Закончив разговор, Авид выглядел совершенно счастливым.

- Урбек? - догадался Рослав.

- Не день, а прирост валютного индекса! - Авид хлопнул Рослава по плечу. - Думал, всё, до

скончания времён на Службу утилизации буду батрачить – Урбек же на меня счета повесил. А благодаря этому «Дом Периньону» хоть частично, но сочтёмся!

Рослав ответил хмурым взглядом исподлобья.

– Значит, в помощники свои меня записал, да?

– Сердишься? – Авид искренне удивился. – Я ведь должен был что-то ему напести...

– Чернильницу отдай, – Рослав был непреклонен.

– Эй, ну ты чего...

– Быстро! – Рослав протянул руку ладонью вверх.

– Послушай, ты же не понимаешь, как эта штуковина работает, а пойдёшь с ней к зелёным – отнимут! Ты не знаешь ничего, тебя обмануть, как челу ипотеку впарить!.. – и осёкся, понимая, что вот сейчас был перебор.

За их спинами продолжали голосить Красные Шапки. Фура забрался на какой-то ящик и вещал оттуда, точно поэт в Гайд-парке, остальные встали в полукруг и внимали, скребя головы под банданами.

– Зря ты его отпустил, – меланхолично прокомментировал Авид. – Теперь Фура станет заливать, что у него с нами дела. Тебе всё равно, а мне, между прочим, в этом городе бизнес делать.

– Иди к чёрту, – буркнул Рослав и направился к воротам.

– Подожди! – Авид подстроился под его шаг. – Обещаю, больше не поташу тебя ни к Урбеку, ни к кому другому. Мне ведь тоже интересно, что это за артефакт!

– По-моему, всё очевидно.

– Да ничего очевидного! – горячо возразил Авид. – Я ещё у Генбека хотел тебе сказать...

– Что? – Рослав остановился – взгляд у него был очень нехороший.

– Что у этой чернильницы может быть множество свойств, – после секундной паузы объяснил Авид.

Рослав пожал плечами, давая понять, что это его не интересует, а потом спросил:

– Где здесь ближайший книжный магазин?

– В супермаркете Торговой Гильдии, разумеется.

– Нет!

– Понял-понял, и ни к чему так нервничать... – Авид направился к оставленному у фюрерской башни мотоциклу. – Домчимся за пятнадцать минут, до закрытия успеем!

Кофейня «Шоколадница»

Москва, ул. Профсоюзная, 1

Вадим Панов - Охота на Горностая
(сборник)

08 сентября, суббота, 22.01

В книжном Рослав купил бумагу, упаковку конвертов, два перьевых «Паркера» и флакон чернил. Теперь, расположившись за дальним столиком кофейни, он производил хитрые манипуляции по откручиванию и закручиванию конвертера и переливанию чернил из одной ёмкости в другую. Авид сидел напротив, меланхолично жевал сэндвич, подливал в кофе коньяк и давал бесполезные советы.

- Ты великий волшебник, Гарри, - хмыкнул он, когда Рослав, перепачкав руки и изведя кипу салфеток, всё-таки справился с задачей.

Рослав даже поперхнулся печеньем.

- Я думал, вы не смотрите фильмы и не читаете книг, - покачал он головой. - В смысле, не интересуетесь человеческой культурой.

- Не смотрим, - подтвердил Авид, - и не читаем. Но я одно время встречался с человеческой девушкой, так что пару раз даже побывал в театре.

- Выходит, ты не совсем пропащий со своим бизнесом, - улыбнулся Рослав.

Авид пожал плечами и вернулся к делам насущным:

- Всё равно ничего не выйдет. - Он повертел в руках пустую пластиковую чернильницу.

- Это почему? - нахмурился Рослав.

- Потому что наверняка требуется соблюсти определённый ритуал, а мы ничего об этом не знаем...

- Катаев не был магом и ни о каких ритуалах понятия не имел, однако же всё сработало.

- Он плохо кончил, - напомнил Авид.

- Мы можем до бесконечности кататься по твоим всезнающим родичам, но так ничего и не выяснить. - Рослав отпил остывший кофе. - Ты знаешь, почему я на это согласился. Ты сам меня уговорил, а теперь что? Боишься?

- Я одного в жизни боюсь - падения цен на недвижимость в секторе Тёмного Двора.

- И всё? - Рослав испытующе посмотрел в чёрные глаза шаса.

- И что меня не возьмут в Торговую Гильдию, - Авид откинулся в кресле и каким-то нервным движением ослабил узел галстука.

- Тогда пиши! - Рослав сдвинул посуду на край стола, положил перед Авидом лист бумаги и один из «Паркеров». - И вызови курьера этой вашей... как его... «Кумар-экспресс».

Курьер появился через полчаса, а заведение друзья покинули далеко за полночь. Напиваться в кофейне - дурной тон, но оно как-то само вышло. Отправили письма - выпили за успех безнадежного дела. Потом за предстоящий аукцион, до которого оставалось всего два дня. Потом за английскую хоккейную лигу, за Комиссионную контору Хамзи, за Тёмный Двор, за Зелёный Дом, за Москву, за Лондон, за Тайный Город...

Ночь их встретила мелкой дождевой моросью. Шипела вода под быстрыми колёсами проносящихся мимо автомобилей, блестели мокрые листья, город казался глянцевым, ужасно красивым.

От коньяка сердце бухало часто-часто, как после хорошей тренировки, координация немного сбоила, но в голове было на удивление ясно. Хотелось веселиться дальше, можно даже заглянуть в «Ящеррицу» – Рослав поймал себя на мысли, что впервые без беспокойства и опасений думает о том, каково это – оказаться среди магов. Среди своих. Он хотел сказать об этом Аvidу, но тот его опередил:

- Я должен признаться, – выпалил он на одном дыхании и замер напротив, на расстоянии вытянутой руки.

- Что? – От нехорошего предчувствия на душе Рослава вдруг стало тоскливо.

- Если ударишь, я пойму. – Волосы Аvidа растрепались, чёлка налипла на лоб и закрывала глаза.

Рослав молчал и ждал.

- Не было никаких конвертов. Вернее, про Катаева и письма – это просто история из Интернета, понятия не имею, правдивая она или нет.

- Понятно... – мрачно проронил Рослав.

Ну а что ещё скажешь?

- Я дважды ставил вопрос о моём принятии в Торговую Гильдию и дважды получал отказ. Мне нужна была большая сделка, понимаешь? Тогда бы меня взяли. А тут ты – ничего не знаешь, кроме этого своего хоккея. Клянусь доходами Спящего, ты даже не поинтересовался, кто та ведьма, что предложила тебе пятнадцать миллионов. А она, между прочим, родная внучка Радослава, я справки навёл – Полина выросла в этом доме, потому и хотела его купить. Пойми, я не желал тебе вреда, ты бы не потерпел никаких убытков – возможно, наоборот, аукцион всегда привлекает внимание.

- А чернильница? – безразличным тоном спросил Рослав. – Ты тоже написал письмо – зачем?

- Не знаю зачем... Чтобы ты не заподозрил, наверное. Вернее, я ещё у Генбека хотел тебе рассказать, но ведь тогда бы всё сорвалось. А сейчас понял – не могу молчать.

- Совесть проснулась? – едко бросил Рослав.

- У шасов нет совести, генетически не заложена, – Авид усмехнулся невесело. – Наверное, дело в коньяке. Или ещё в чем-то, не знаю.

- Вот и я не знаю.

- Ведь я мог не признаваться.

- Мог.

Помолчали.

Рослав думал о том, как посмеются над его письмом в хоккейной лиге. Хорошо, если только

посмеются, а могут быть и последствия. Надо же, выискался щенок, возомнивший, что сможет сыграть на Олимпиаде.

Думал о деньгах, которые так или иначе выручит за этот проклятый дом, но никакой радости не чувствовал. Ну, пятнадцать миллионов? Квартиру в Лондоне купит, в Челси, машину новую. И что?

Думал о том, что за эти несколько дней в его жизни произошло больше событий, чем за последние пять лет. И что он почти-почти начал доверять Авиду.

Можно набить шасу морду, и это будет правильно. Перепоручить продажу дома, отнести чернильницу – всё равно кому, хоть даже старому Генбеку. Вернуться домой.

Получится?

Нет.

- Как думаешь, Полина эта – вдруг она знает, как чернильница работает?

Бар «Три Педали»

Москва, улица Большая Дмитровка

9 сентября, воскресенье, 13.20

- Конверты судьбы? – переспросила Полина и вновь залилась смехом, в котором сквозили нотки почти истерические. – Мальчики, вы серьёзно? – Она утирала слёзы салфетками и на всякий случай отодвинула подальше свой бокал – видимо, боялась нечаянно смахнуть.

Рослав угрюмо молчал, Авид злился, но продолжал свои дипломатические игры:

- Думаю, это чья-то неудачная шутка, ничего удивительного, что мы поверили – слишком много совпадений.

Про шутку и про совпадения он повторял уже раз третий. На четвёртый, скорее всего, сам поверит в собственную легенду. Полине решено было рассказать правду, дабы как можно точнее и подробнее обрисовать события вокруг чернильницы «Форель», будь она неладна. Слукавили лишь в одном, не признались, что байка про конверты судьбы – плод воображения самого Авида. Мол, нашли информацию, а где – к делу отношения не имеет. Однако фея оказалась далеко не дурой.

- Дорогой, побереги своё воображение для заполнения налоговой декларации, – снисходительно посоветовала она и обратилась к Рославу: – А ты, значит, распознав в солонке чернильницу, решил, что она и есть артефакт, с помощью которого были созданы конверты судьбы? – Она снова рассмеялась – длинные серьги в её ушах мелодично зазвенели. – Что ж, оригинальная логика. Но ты лучше скажи – родители что, не учили тебя не связываться с шасами?

- Не оскорбляй мою семью, – обиделся Авид.

- Правильно я понимаю, о чернильнице ты нам ничего не расскажешь? – Рослав осознавал, что

в глазах Полины, своей двоюродной сестры, между прочим, выглядит полным идиотом, и ему очень хотелось поскорее закончить разговор.

- Почему же, с удовольствием расскажу, - Полина ослепительно улыбнулась.

Авид с Рославом переглянулись. У неё был до того довольный вид, что стало понятно - история им не понравится.

- Дедушка обожал готовить и был убеждён, что хорошее блюдо может получиться только в том случае, если подходишь к плите в хорошем настроении. Я сама заговорила эту соль - она исполняет мелкие бытовые желания и таким образом улучшает настроение. Ничего серьёзного - в дождь, например, может создать радугу. Вспомните, как работала чернильница? Вы же сами рассказывали - молнии во время дождя, потом зачисление на карточку суммы, которой, в пересчете по курсу, даже на шоколадку не хватило бы. Фейерверки у Урбека - что он сказал прежде, чем рассыпалась соль?

- «Гори всё синим пламенем» или что-то в этом духе, - пробормотал Авид.

- Вот видите. Пожара не случилось бы ни в коем случае, но на складе хранились чудские фейерверки, а фейерверк - это праздник. Как раз наша история. Этот аркан не способен делать ничего плохого, очень слабая магия, которая, как бы понятнее выразиться... - Полина на мгновение задумалась, - которая создана для того, чтобы радовать.

- Угу, - фыркнул Авид. - Урбек до сих пор нарадоваться не может.

- Ну извините, не надо было скакать по всему городу с незнакомым артефактом.

- А чернильница? - настаивал на своём Рослав. - Зачем Радослав хранил соль в чернильнице?

- Откуда я знаю, - пожала плечами Полина. - Соль всё-таки заговорённая, чернильница раритетная. Не хранят магические вещи абы в чём, нехорошо.

- Ты меня извини, - сказал Рослав, обращаясь к Полине. - Если бы я знал, что Радослав твой родной дедушка, сразу бы уступил дом, без торгов.

- Я, конечно, всё понимаю, - заволновался Авид. - У меня тоже есть дедушка, и я его очень люблю, он даже предоставляет мне пятипроцентную скидку в своей лавке, но, хочу напомнить, что дата аукциона уже назначена.

- Нет-нет, - замахала руками Полина. - Я всё равно куплю этот дом, кому он нужен, кроме меня? Но ради вашей истории стоило подождать, клянусь анекдотами Спящего! Слушайте, а чернильницу вы называли - дайте угадаю! - «чернильницей судьбы»? - Она вновь рассмеялась и потянулась за очередной салфеткой.

- Завтра о тебе будет сплетничать весь Зелёный Дом, - вполголоса посулил Авид.

- А послезавтра об этом узнает Тёмный Двор, - не остался в долгу Рослав.

- Я же говорил - шаса каждый может обидеть, - вспомнил Авид любимую присказку. - Учти, расходы пополам! - И, не дожидаясь реакции Рослава, обратился к Полине: - Полина, ты наверняка любишь украшения, а в магазине моего двоюродного дяди как раз...

Рослав хотел напомнить шасу, что если чья репутация сейчас и под угрозой - то

исключительно его, Авида, потому как Рослав улетит домой, а в Чатеме ему не будет никакого дела до тайногородских слухов.

С другой стороны, Рославу почему-то совсем не хотелось спорить. Он даже не огорчился, узнав, что чернильница – это чернильница, и больше ничего. Зато какое было приключение.

Аэропорт Хитроу

Лондон

13 сентября, среда, 14.21

Авид проводил Рослава в аэропорт – крепко пожал руку на прощание и тут же исчез в толпе провожающих, не дожидаясь, пока объявят посадку. Рослав усмехнулся: наверняка причиной тому стали неотложные дела, сулящие баснословную прибыль.

Обижаться всерьёз на шаса не получалось, как ни крути, несмотря на неожиданный поворот событий и полное крушение всех надежд, возложенных на «чернильницу судьбы». Всё-таки чистосердечное признание смягчает вину.

Дом, как, впрочем, и ожидалось, купила Полина – за десять миллионов. С чего начали, тем и закончили. Авид потом ходил мрачнее тучи, но Рослав был убеждён – всё сложилось хорошо и правильно. Тем более, антиквариат ушёл в общей сложности за семьсот тысяч, что не могло не радовать. Распродали всё, кроме чернильницы – её Рослав оставил на память.

Приземлившись в родном Хитроу, он отправил эсэмэску маме и направился получать багаж. Пока высматривал на ленте транспортёра свой чемодан, в кармане зажужжал мобильный.

К величайшему удивлению, это был Авид.

- Только не говори, что я задолжал тебе пару-тройку тысяч...

- Приятель! – Голос шаса звенел от волнения. – У меня потрясающие новости! Ты стоишь? Сядь. Мне сообщили из Торговой Гильдии, что моё прошение рассмотрено и результат, скорее всего, положительный! – Авид понизил голос. – Это благодаря аукциону, как думаешь? Или...

Рослав съехал по колонне прямо на пол.

- Но ты же всё выдумал... – прошептал он. – Не может быть. Это совпадение.

- Я тоже так думаю, – отозвался Авид, но в голосе его отчего-то слышалось сомнение.

- В любом случае, поздравляю, – Рослав постарался успокоиться.

Нет, ну ерунда же. Чернильница не могла сработать, потому что это была просто, Спящий побери, чернильница! А во всякую человеческую ерунду вроде «Если очень захотеть, то всё сбудется» Рослав не верил. Не бывает в жизни обыкновенных чудес, только магия. А магией-то как раз тут и не пахло.

- Спасибо! – сердечно поблагодарил Авид. – Возможно, и у тебя всё сложится с твоей Олимпиадой, как думаешь?

- Возможно, - пожал плечами Рослав, забывая, что шас не может его видеть.

Писк в динамике заставил Рослава взглянуть на экран: там высветилось имя его тренера.

- Извини, дружище, вторая линия.

Он переключил разговор и едва не оглох - мистер Уэверли отличался на редкость зычным голосом и в выражениях не стеснялся.

- Где тебя носит?! - без всяких предисловий прогремело в трубке. - Ты сколько тренировок пропустил?! Сборы на носу, о чем ты вообще думаешь? Забыл об Олимпиаде?

- Простите, сэр, - чётко отозвался Рослав. - Завтра буду как штык, сэр! - И, услышав гудки, переключился обратно на Авида.

- Что там у тебя? - спросил шас.

- Ничего, - ответил Рослав. Он не стал говорить, что на долю секунды поверил, будто и на его поле случилось чудо.

- Ты там не раскисай. - Кажется, Авид уловил его настроение. - И звони, хорошо? Я как-нибудь приеду за тебя поболеть!

Рослав улыбнулся: несмотря ни на что, настроение у него было просто отличным.

Александр Зимний

Химеры войны

Правда - клинок с тремя гранями.

Ваша сторона, наша сторона и истина.

Ворлонская поговорка

Грань Света

Когда над головой расцветают алые всполохи магических атак, первое, что хочется сделать, - это укрыться в ближайшем доме. Даже если знаешь, что надёжную защиту, барьеры, сотканые из энергии, невозможно пробить.

Впрочем, понятие невозможности, оказывается, вовсе не идеально. Оно скорее идеализировано.

Когда-то считалось, что победить сильную, совершенную, добравшуюся до истоков мироздания расу невозможно. Когда-то казалось невозможным то, что вообще на Землю может напасть кто-то извне.

Ворота, охраняемые лучшими воинами, арканы, призванные уничтожить любых чужаков, щиты, стрелы и мечи - всё это создавалось, чтобы беречь покой самых Первых детей Спящего.

Но Тьма вторглась в мир Света и теперь настойчиво убеждает хозяев планеты в том, что нет

ничего невозможного. Признавать свои ошибки больно и унижительно, осознавать, что когда-то недооценили противника, – горько, но времени на раздумья и переживания практически не осталось.

Но Тьма вторглась в мир Света и теперь настойчиво убеждает хозяев планеты в том, что нет ничего невозможного. Признавать свои ошибки больно и унижительно, осознавать, что когда-то недооценили противника, – горько, но времени на раздумья и переживания практически не осталось.

И после стольких лет изнурительной борьбы остается только один выход – отбросить всякую жалость, сомнения и боль.

И сражаться.

И художники, творцы, певцы брали в руки оружие: изящные смертоносные мечи из «лунного сплава», серебристого металла, оставляющего на телах жестоких захватчиков тяжёлые раны.

А учёные клали жизнь на то, чтобы создать ещё более страшное оружие, не знающее себе равных.

Под надёжным щитом из энергии, не двигаясь и даже не вздрагивая от взрывов, стояла стройная женщина. На белой одежде застыли капли чужой крови, и чёрный цвет причудливо мешался с серебряным. Она стояла и смотрела на небольшое поселение – когда-то прекрасное и цветущее, а ныне разбитое, разгромленное войной – и понимала, что жестокость стала нормой жизни.

Когда был перехвачен навский приказ атаковать войскам именно это место, светлым пришлось сделать вид, что они не сумели расшифровать послание. Пришлось промолчать, чтобы тёмные поверили – и напали. И пропустили ответный удар – стремительный, точный, жёсткий. Удар, отбросивший передовые арматы и сейчас теснящий навал к горным хребтам, что виднелись вдалеке.

На мощённых светлым камнем дорожках остались лежать тела – женщин и детей. Плата за секретность, за возможность подпустить врага как можно ближе. Чтобы ударить сильнее.

Но слёз нет. А боль есть.

Женщина провела пальцами по гладкой стене дома, рядом с которым она стояла, и шагнула вперёд. Туда, где уже суетились одни лекари, отыскивая выживших. И туда, где другие лекари находили гарок:

- Здесь живой!
- Сильно ранен? – отозвалась асура, встряхнув головой, отгоняя слабость как нечто ненужное.
- Не очень. Без сознания. Мозг не задет.
- Забирайте. И ещё найдите неповреждённые тела. Пригодятся.

Осмотр гарки она провела быстро: было видно, что он подходит для её целей. Пока она проверяла этого нава – совсем молодой на вид, даже красивый, – её помощники нашли ещё

двоих. Хороший улов.

Женщина в последний раз окинула взглядом дома и улицы и открыла портал. Правила Лаборатории предписывали забирать подопытные образцы без задержек. Чтобы навская разведка не сумела догадаться, что уготовано для армии Тьмы.

Светлый вихрь привёл асуру в огромный комплекс из просторных кабинетов, длинных коридоров, залов, где могли тренироваться лучшие образцы, и камер – надёжно скрытых от любого поиска, расположенных на самых нижних уровнях Лаборатории. Она прошла вперёд, скинула одежду, облачаясь в комбинезон, и, когда оказалась в своей операционной, двое выбранных гарок уже занимали столы под яркими светильниками. Ассистенты замерли, ожидая команды.

В этой Лаборатории все работали на износ. Большая удача – просто контуженый материал. С таким можно экспериментировать. С таким церемонятся – стараются сохранить. Стараются вернуть к идеальному физическому состоянию.

И здесь она на своём месте.

- Готовы?

- Да.

- Начинаем. Аккуратно! Мне не нужно, чтобы, как в прошлый раз, мы потеряли его в последний момент! – Она ни на йоту не повысила голос, но ассистенты прекрасно почувствовали недовольство. И поэтому молча кивнули, отбрасывая малейшие эмоции. Даже ненависть здесь и сейчас – лишняя. Её нет потому, что она не нужна.

Пальцы нава мелко подрагивают – он словно чувствует, что постепенно, с каждым движением скальпеля лишается всего того, что, по сути, делает его навом. Всего того, что связывает с Тьмой. Чувствует, но помешать не может.

- Никакой работы с духом. Никакой магии.

- Да, я помню.

- Отлично.

Если сейчас сработает новая технология, то можно будет её повторить. Таких изменённых навов удастся сделать идеальными диверсантами. Они смогут чувствовать своих, даже если на тех морок, даже если те укрыты мощнейшими маскировочными арканами – асуры уже это проверили, но образец оказался с изъяном. В этом асура чувствовала силу и способность выжить. Выдержать операцию и прожить дольше пары суток.

Она резала, руководила и думала, что, возможно, когда-нибудь в их руки попадёт кто-нибудь из высших иерархов Нави. И это будет огромной удачей.

Когда операция закончилась, она отошла от стола, потирая виски длинными красивыми пальцами. Она устала. Все они устали. Остался последний рывок: придумать, создать, выпустить в свет то, что уничтожит Навь. Не диверсанта, не разведчика – воина. Для этого нужно всего ничего: короткое озарение и победа.

Но пока нет озарения. И они создают расходный материал.

Грань Без Имени

С самого первого своего вдоха он знал, зачем он здесь.

Защищать и воевать. За тех, кто подарил ему жизнь. За тех, кто достоин.

Первое время он бегал, ловко уничтожая появляющиеся мишени. Потом его тренировали в бою – он не ранил сам, но его ранили, и он иногда после тренировок сидел в углу своей комнаты и смотрел, как медленно зарастают резанные раны на руках. Как постепенно скрывается из виду кость, а до того она плавно, неспешно и болезненно восстанавливалась. Ему не было обидно оттого, что бьют только его – ему даже не приходило в голову, что можно ранить учителей. Даже если они были слабее его.

Ему нравилось смотреть на себя в отражении зеркальных стен – сильное тело, длинные ноги, потрясающая гибкость... Он любовался собой и не видел в этом ничего предосудительного – потому что быть совершенным и исполняющим свой долг – замечательно.

– Ты будешь первым. И будут ещё такие же, как ты.

Ему говорили так, когда учили, и он улыбался от радости по поводу того, что сможет сражаться не в одиночку.

День, когда он впервые встретил врага, он запомнил хорошо. Враг стоял посреди тренировочного зала. Враг был уродлив. Похож на него самого, но... Был ниже и тоньше. Был не такой. Даже смотреть на врага было противно. А ещё враг говорил. Враг не знал нормальных слов, и его фразы складывались в бессмыслицу.

Только сначала показалось, что победа будет лёгкой. На самом деле враг сражался отчаянно. Отчаянно... и аккуратно. Он откидывал его в сторону, он пытался что-то сказать, он цеплялся взглядом за его взгляд, и даже когда когти разрывали живот врага, когда тягучая чёрная кровь оказалась на гладких хрустальных плитах в углу зала... Даже тогда враг не уставал шептать, внушать, надеяться.

Он выдернул сердце, ломая рёбра, чувствуя, как пальцы режутся об осколки костей. Он мгновение рассматривал чёрный комок мышц, вдыхая сводящий с ума аромат крови. Чужой, противной крови...

И вонзил клыки, с рычанием пожирая сердце врага.

Потом таких врагов было ещё несколько. И каждый вёл себя странно. Каждый пытался что-то сказать ему на убогом, непонятном, неприятном языке, отдельные слова которого были узнаваемы.

И каждый оказывался мёртв.

Грань Тьмы

Лагерь постепенно погружался в темноту. Здесь, вдали от основного фронта, можно было отдохнуть, поговорить или просто выспаться. Усталые воины скидывали оружие в своих палатках, располагались у костров, глядя на чужие звёзды, которые хотели сделать своими, и

вспоминали погибших.

Разговоры возникали около костров и рядом с ожидающими помощи ранеными. Разговоры вертелись вокруг неудачного боя и странных слухов, которые принесли из соседних арнатов. У самой кромки лагеря застыл в дозоре один из гарок. Он смотрел в окружающую тьму, а перед глазами то и дело возникали картины минувшего дня. Очень неудачного для Нави дня.

Навский разум способен решать разом несколько задач, и поэтому воспоминания не мешали следить за полем, разделявшим лес и лагерь навов. Многочисленные сетки арканов, охранные артефакты, сигнальные камни, расставленные по периметру, не могли заменить внимательности и чутья, что выработали в себе тёмные на этой планете. Сражаясь с тем, кто искуснее тебя в создании арканов – обманных, атакующих, защитных, приходится находить не только магические способы распознать угрозу.

Сегодня они её не учуяли. Светлые слишком хорошо спрятали своё знание о том, что наввы будут нападать. Слишком удачно продумали западню, в которую влетело два арната. И от двух арнатов осталась лишь малая горстка бойцов. Понимание отозвалось болью – тянущей где-то в глубине. Но это была мимолётная боль и горечь, вызванная тем, что не смогли победить, что столько Стрел Тьмы было сломано за один раз. Для боли будет время потом. И он был уверен – время, когда они окончательно уничтожат асуров, наступит. Даже если на это потребуются ещё несколько лет.

В небе, закрывая звёзды, возникла тень. Чёрная, стремительная, она отделилась от дальней кромки леса и теперь приближалась к лагерю. Дозорный чуть прищурился, чувствуя опознавательные знаки разведки, и приветственно махнул рукой всаднику на стройном, лёгком драконе. Тот не ответил, но направил ящера вниз, и спустя несколько мгновений, дракон мягко и бесшумно опустился на траву. Разведчик соскочил с него и приблизился к дозорному.

- Я только услышал. Многие там остались? – Разведчик был очень молод по навским меркам. На длинные волосы повязывал шарф, чтобы не оставлять генетических образцов, и в глазах его застыла ярость.

- Многие, – ответил дозорный и мягко погладил ящера по носу. Тот ткнулся мордой в ладони, потёрся и затем снова поднял голову, осматривая лагерь и поляну.

- Есть приказы от комиссара? Чем мы им ответим?

Гарка пожал плечами:

- Пока не было. Но ведь подготовить ответный удар нельзя с наскоку. А что происходит у остальных?

Разведчик поймал дракона за повод и снова взлетел в седло.

- На северо-востоке они уничтожили наш лагерь. Весь. Целиком. И никто не знает как – но дознаватели, которых прислали потом, сказали, что это был яд. Мне приказали сообщить всем на этой стороне. А после сегодняшней западни комиссар Ихорга запретил пользоваться магической связью ещё сутки.

Дозорный протянул тому флягу с водой:

- Тогда возьми, не помешает в полётах.

Разведчик благодарно улыбнулся, и дракон взмыл в небо.

Гарка проводил его взглядом, позвал одного из соплеменников, стоявшего рядом, и быстро передал то, что сообщил разведчик. Потом снова посмотрел на поле и увидел одинокого нава, который, пошатываясь, приближался к границе лагеря. Защита мигнула и пропустила тёмного.

- Помоги... - донеслось до дозорного, и фигура в чёрном, пошатнувшись, рухнула на траву.

Грань Света

Иногда по ночам ей хотелось выть от боли. От той боли, что раздирает разум и нутро, боли где-то в солнечном сплетении. Там, где на самом деле прячется сущность любого разумного. Хотелось плакать, глядя на некогда цветущий, прекрасный мир, который больше никогда не будет прежним. И вспоминая, как падал первый Хрустальный Замок, как горели на земле города и деревни, как навы шли через цветущие сады и оставляли после себя тела, как жгли в запертых домах художников, поэтов, скульпторов; она мечтала спрятаться, скрыться в благодатном Свете, чтобы никогда больше не видеть тварей Тьмы. Но эти же воспоминания не позволяли ей жалеть навов сейчас.

Когда-то давно, в самом начале войны, всё было иначе. Было недоверие к происходящему, была радость от побед - если удавалось победить. Были попытки сражаться честно, открыто. Были попытки поговорить с противником.

Но переговорщики мертвы, города в огне, и нет больше той расы творцов, для которых не было преград в поиске знаний. Им пришлось отыскать иные способы, способы убивать.

Когда-то она была учёным-биологом. Она выводила в своих загонах идеальных существ - для полётов, для помощи ближним, для красоты. Потом она начала создавать опасных тварей - для войны.

А потом её пригласили сюда, предоставили операционные кабинеты, дали ассистентов и помощников, вернули цель и смысл жизни.

Лежащий на столе материал - только оружие. Против Тьмы, что спустилась на Землю Света. И боль, и память, и горечь нужно спрятать глубоко в себе, оставляя на поверхности ярость и не свойственную светлым холодность.

Где-то наверху, далеко, за пределами Лаборатории, уже глубокая ночь, а ей некогда спать. Тонкие листы с вязью иероглифов, схемы, диаграммы, генетические выкладки - всё это требует внимания и обдумывания. И она обдумывала, чертя прямо в воздухе тонкими светящимися линиями новые схемы. И рассылая «птичек» - подвижные сгустки энергии, служащие для передачи информации.

Последний пленник оказался прекрасным донором для повтора «Образца 48». Совершенного детектора находящихся рядом навов. Но стоило ли теперь повторять успех или лучше пойти дальше?

Асура замерла, не сводя взгляда с пересечения пяти линий в замысловатой диаграмме. Она почти нашла, нащупала то, что могло бы принести им успех. Всем им.

Она очень медленно провела пальцами по линиям, и они послушно поменялись местами,

тускнея, исчезая, возникая в других местах. Идеально. Совершенно.

Очередная «птичка» возникла в ладонях, и асура очень чётко надиктовала послание:

- Срочно найдите мне кого-нибудь молодого. Лучше разведчика. Он должен быть в моём зале не позднее полудня!

Грань Без Имени

Коридор был пуст. Он недавно получил разрешение на самостоятельное передвижение и гулял. Он прекрасно знал все повороты и закоулки – у него была идеальная память на пространство, и каждый пройденный шаг был выверен и точен. Он просто шёл и заглядывал в просторные комнаты.

И замер.

Он увидел ненавидящий взгляд. Ненавидящий всё живое вокруг. И его самого, и тех, кто был рядом. Это было так неправильно, что идти он просто не мог.

Он не раздумывал ни мгновения, поняв, что рядом с тем, кто ненавидит, есть ещё и те, кто создал их обоих.

Он шагнул вперёд, оказался рядом с чёрной головой странного гигантского существа с мощными лапами, с полураскрытыми крыльями. Встал ровно между ним и одним из учителей, в чьих руках сверкало оружие. И пока ему не помешали, протянул руку к огромной чёрной морде, касаясь чуть шершавой кожи. И заговорил.

Он рассказывал о себе и о том, что у них есть цель. Он вспоминал всё то, что знал. И говорил о том, что будет. И видел, как из чёрных глаз существа уходит ненависть. Его пальцев коснулся тонкий, раздвоенный язык. А он в ответ провёл по ноздрям, по острым зубам, не ранясь, но лаская. А потом обнял существо за шею, ведя за собой в другой зал, где имелаась мягкая подстилка. Сел на пол и продолжал говорить.

С тем, кто понимает. Кто отвечает взглядом. Разумным, таким же, как его взгляд.

Грань Тьмы

Утро принесло с собой влажную прохладу росы, осевшей на сбруе лежащего дракона. Исполинский зверь открыл глаза, широко зевнул и облизнул нос длинным раздвоенным языком. Нав, дремавший в седле, не обратил на это внимания – опасность он бы и так почувствовал, а обычные движения животного у него не вызывали реакции. Дракон мягко потянулся, распластав вдоль земли чёрные крылья, и встал на ноги. Оглянулся на всадника чуть вопросительно, и только тогда гарка соизволил его заметить.

- Голоден – пойдём за едой. – Неуловимо собирая повод, нав корпусом подал дракону сигнал ко взлёту, и тот взмыл вверх. Изящный силуэт подготовленного для разведки зверя – быстрого, небольшого по сравнению с остальными собратьями, не обремененного доспехами – прорезал рассветное небо. Гарка не таился тут особо – до линии фронта довольно далеко, и можно поохотиться, не оглядываясь каждый раз за спину.

Добычу первым заметил дракон. Он коротко рыкнул, без дополнительного приказа перетекая в атакующую позицию. И сложил крылья, камнем падая на небольшое стадо копытных. Когда в пасти оказался крупный рогатый зверь, дракон стремительно рванулся вверх... и так же резко его что-то дёрнуло вниз. Гарка сумел удержаться и, не глядя, метнул под дракона сгусток огня. Но это не помогло, потому что длинное тонкое чёрное щупальце взметнулось в воздух и едва-едва задело руку нава кривым, изогнутым когтем...

...Очнулся нав на холодном металлическом полу. Один, обнажённый, со скованными за спиной руками. Пошевелился, оглядываясь, и тихо зарычал. По нервам, постепенно отходившим от странного яда-снотворного, ударила волна светлой энергии. Уши гарки заострились только от одних ощущений – словно тысячи мелких обжигающих иголок мучили обнажённую кожу. Он сцепил зубы, постепенно блокируя излишнюю боль, и сумел встать, чуть пошатываясь. Тело накрыла слабость, но нав устоял и, наконец, понял, где он находится.

Тюрьма. Без стен, без решёток, вместо них чуть заметные светящиеся барьеры, к которым даже приближаться опасно. И камеры видны насквозь, только с расстоянием барьеры складываются в белое марево, и неясно, сколько же тут пленников на самом деле. Потому что в четыре стороны – камеры и лежащие в них навы, без сознания или спящие... И много-много света.

Гарка сел, раздумывая, что делать дальше. Из асурских тюрем не удавалось сбежать пока никому. Но бывало, их атаквали навы, и тогда спасение приходило. Значит, нужно наблюдать и ждать. Убить себя он всегда может.

Нав поднял руки, а затем суставы с хрустом вышли из суставных сумок. Ещё одно очень чёткое, выверенное движение – и скованные за спиной руки оказались спереди. Снова хрустнуло, и гарка передёрнул восстановленными плечами, приводя их в норму. Осмотрел наручники – магические, с обсидиановыми вставками. Скорее всего, ещё и с блокирующими арканами. Снять такие можно только в лагере. Или с помощью энергии света. Но разведчик был магом не того уровня, чтобы работать с любимой магией Первых.

На мгновение тёмного захватили отчаяние и страх. Он верил, что может выдержать любые пытки. Он верил в себя, верил, что не скажет ничего полезного светлым тварям, но страх впился в душу когтистыми лапами. Только на один удар сердца.

А затем гарка просто закрыл глаза. Разведчик слушал любые звуки и эмоции вокруг, оставаясь натянутым, как струна, готовым к атаке – он был пленён, но собирался дорого продать свою жизнь.

Грань Света

Как долго можно терпеть боль?

Привыкнуть к ней можно. Можно попытаться забыть, отстраниться. Можно попытаться думать о другом.

Навы сильны тем, что прекрасно умеют управлять собственным телом. Нервами, мышцами, сердцем. Нав может умереть при желании – просто перестав дышать. Может забыть об оторванной конечности. Может какое-то время не чувствовать боль. Может отключиться от всех ощущений. Даже когда энергии в нём почти нет. Или нет совсем.

Навы могли бы умирать сразу, если оказывались в плену. Выхода отсюда всё равно не было. Но они до последнего верили и ждали. Пытались сбежать. Но даже если бы они вздумали умереть – им бы этого не позволили.

Обычно с навами расправлялись быстро. пытки, потом смерть. Некоторых – самых сильных, тех, что причинили светлым вреда больше других, – убивали долго. Прилюдно. И заражались ещё большей ненавистью. Желанием победить воинов Тьмы, которые хлынули на идеальную Землю так внезапно.

Позже, когда стало ясно, что победа не будет лёгкой, навов стали ловить целенаправленно. И всех после пыток убивали на широких, прекрасных, ранее не знающих боли площадях.

А потом стали часть из них переправлять в Лабораторию. Тщательно скрываемую и охраняемую от любого вторжения.

Потому, что там было будущее. Потому, что там теперь обитала надежда на выживание, на победу.

Асура идёт по коридору, и рядом с ней Главнокомандующий. Высокий, удивительно красивый даже для асуры, потерявший в одной из первых битв руку и использующий особый, укомплектованный персональным Источником протез.

- Вы уверены, что хотите присутствовать на операции?

- Да. - Голос асуры сух. Женщина кивает:

- Хорошо, тогда я проведу операцию в лаборатории со смотровым окном.

- Нет, проводите там, где вам удобно. Я хочу быть рядом, а не в соседней комнате. -

Главнокомандующий оглядывает ряды камер-клеток, в которых находятся законченные «образцы». Он чуть морщится, когда на глаза попадает особо неприятный экземпляр. А асура, идущая рядом, комментирует увиденное:

- «Образец 56». Имеет восемь конечностей. Мы изменили ему скелет и убрали кожу – она ему не нужна. Он чувствует энергию вживленными рецепторами по всей поверхности тела. За счёт перестройки позвоночника и мышц складывается в небольшое, наву по колено, существо. Каждая конечность заканчивается лапами с острыми когтями, на кончиках которых скапливается яд. Уникальный яд – он не травит само существо. Но травит таких же, как он – тёмных. А его лицо мы не трогали.

Главнокомандующий щурится, разглядывая голову одного из вражеских комиссаров, недавно попавшего в плен:

- Да, это произведёт впечатление.

Они идут дальше. Женщина рассказывает обо всех. «Образцы» с 56-го по 13-й вызывают у Главнокомандующего сдержанное одобрение. Около двенадцатого он останавливается и долго смотрит на существо, составленное из тел множества навов. Невероятное смешение хребтов, рук, ног – почти дракон. Морда. Даже не лицо. Не голова от нава, а мозг, заключённый в череп, собранный из сотен мелких, пророщенных одна в другую костей. И обсидиановые зубы.

Асура комментирует, нарушая затянувшееся молчание:

- От дублирование этого «образца» мы отказались сразу же, как только создали действующий экземпляр. Что-то делает его диким. Разбираться было некогда, но он не нападает на навов. Хотели уничтожить, однако он успел полюбоваться «Образцу 85».

- Это тот, который совершенно послушный и практически разумный? Со звериными лапами? – уточняет Главнокомандующий, продолжая рассматривать «дракона».

- Да. Он ходит к двенадцатому, и они... общаются. Только после этого «дракон» не делает попыток убить всех, кого видит.

- Хорошо. Что ещё полезного в «Образце 85», если ради него вы оставили в живых *это*?

Асура улыбается. Интригующе и хитро:

- Увидите. В лаборатории есть экраны наблюдения – я вам покажу.

Грань Без Имени

Восемьдесят пятого позвали за собой и сказали, чтобы он ни в коем случае не позволил врагу коснуться того, кто учит. Того, кто будет разговаривать. И он кивнул, пошёл привычно чуть позади, рассматривая врагов в их клетках. Он уже знал, что некоторые из них станут потом друзьями. Другие – дикими. Третьи будут отданы ему, чтобы он на них учился быть лучше и сильнее.

Сейчас Восемьдесят пятый остановился около камеры и рассматривал сидящего там пленника. Тот вскинулся, едва увидев рядом с собой кого-то, попытался напасть, пришлось его останавливать. Они такие хрупкие были, эти враги, что их приходилось удерживать бережно. Но этот и не дергался, он застыл, не сводя взгляда с учителя. А потом посмотрел в глаза Восемьдесят пятого. Заговорил. Медленно, ошарашенно. Услышал в ответ от учителя:

- Потому, что он понял, что вы не правы. Скоро и ты это поймёшь.

Враг замолчал, а Восемьдесят пятый улыбнулся, продолжая удерживать пленника. Если этого сделают послушным, значит, он сможет стать ещё одним другом. А потом враг зарычал на понятном языке:

- Меня вы никогда не поставите себе на службу!

Учитель поймал его лицо за подбородок, глядя в чёрные глаза, возразил:

- Он тоже так говорил. Теперь он – «образец под номером 85». А ты будешь сотым. Красивое число, не так ли? – В голосе учителя звучала неприкрытая, очень правильная ненависть. – Но до того... Нам не очень нужно твоё тело целиком. Поэтому до перерождения ты почувствуешь немного боли.

- Я не боюсь боли, – враг дёрнул головой, чтобы вырвать подбородок из цепких пальцев.

- Все вы так говорите. – Учитель не отпустил его, приблизившись так, что расстояние между их лицами было меньше пальца. Почти касаясь врага, повторил: – Все вы так

говорите и сначала кричите от боли, а потом служите нам. Покорные, услужливые и готовые убивать своих же. Как он.

Грань Тьмы

Коридоры казались бесконечными, и везде разведчик видел навов. А потом помещение сменилось. И там тоже были навыв в камерах, но... не во всех он вообще мог опознать то, что некогда было Стрелой Тьмы. Странные, дикие, невозможные твари. Некоторые кидаются на стены, оставляя чёрную кровь на металле пола и разводы, медленно исчезающие со светящихся поверхностей. Иные безучастно лежат на полу. Третьи провожают осмысленным взглядом, в котором, однако, не осталось ничего навского.

Второй раз за столь короткое время гарке стало страшно. Масштабы увиденного поражали, более того, он понял, что находится не просто в тюрьме. А пытки будут лишь прелюдией к тому, что его изменят и потом заставят убивать братьев. Как заставили эту тварь, которая несёт его. Высокая и сверху совсем как нав, но внизу ноги – звериные, гладкие, чёрные, с огромными когтями.

Когда разведчика занесли в Лабораторию, он машинально прикрыл глаза – там было слишком светло. Как навыв могут видеть в крошечной тьме, так и асуров свет не ослепляет.

Его опустили на металлический стол.

Он ожидал, что стол этот будет прохладным, но тот оказался на удивление тёплым. Почти горячим. А потом под его пальцами обнаружилась капля крови. Тягучей, навской, и он сжал зубы. Путы – невидимые, не мешающие вивисекторам, распластали его, и единственное, что он мог, – это шевелить головой и пальцами ног и рук.

Над ним склонилось несколько асуров. Двое мужчин и одна женщина, явно моложе их. Вряд ли её возраст перевалил за вторую сотню, но бездонные глаза были не менее холодны, чем у коллег.

Чуть поодаль он сумел заметить ещё одного асура – одежда, осанка и блеск металлической перчатки на левой руке были до боли знакомы. Только потом нав рассмотрел его лицо и убедился в том, что его догадка верна: Главнокомандующий.

Асура взяла в руку скальпель.

Кожа и мышцы расходились под острейшим лезвием, а разведчик не сводил взгляда с Главнокомандующего. Смотрел ему в лицо, глаза в глаза. Следил за реакцией и пытался понять, что же будут делать сейчас светлые твари. Эти мысли помогали не обращать внимания на боль. Уколы в шею, в область сердца, в основание черепа – явно зелья, стимуляторы и ещё какая-то дрянь. Он не знал, что именно, однако догадаться было нетрудно. Он нужен им живой: до этого они препятствовали его смерти, и тем более не дадут ему умереть на этом столе. А жаль.

Боль волнами расходилась по телу – от груди и ниже, в брюшину. Она была острой, мерзкой, но пока её можно было терпеть, и он не произносил ни звука.

Боль волнами расходилась по телу – от груди и ниже, в брюшину. Она была острой, мерзкой, но

пока её можно было терпеть, и он не произносил ни звука.

- Какой стойкий, - холодно проронила светлая на асурском, будто в ответ на его мысли. Она наклонилась к лицу нава, ловя его взгляд. - Хочешь меня убить, да?

Гарка только оскалился. Он знал язык Первых, все навы знали, но не желал ей отвечать. Слушать было куда полезнее.

- Хочешь... - удовлетворённо улыбнулась она, не отстраняясь. - А знаешь, как я хочу уничтожить всех вас, твари? Знаешь, каково это видеть, как рушится родной дом? Видеть кровь отца на своих руках, а рядом его изломанное тело? Знаешь, каково это - узнать, что всё, что осталось от матери - её сердце? А тело такие, как ты, швырнули на корм своим драконам. Знаешь, каково это - наблюдать, как любимому брату заливают в горло золото и потом убивают? Знаешь, тварь?

Гарка дернулся в путах, рыча.

- Поэтому ты узнаешь, что такое боль, навское отродье.

И тогда разведчик, презирая себя, закричал, потому что по обнаженному нерву через острие скальпеля ударил светлый болевой аркан.

Перевести дыхание удалось не сразу. Он хватал ртом воздух и корил себя за несдержанность. И продолжал слушать, когда пелена боли спала с разума. Асуры обсуждали ход операции. Та, что его резала, стояла около Главнокомандующего и указывала на разведчика:

- Он великолепно держится. Он нам подходит. Именно на нём мы сможем проверить то, что хотели. Я уверена, он сумеет преподнести навам немало сюрпризов.

- Главное - это не сюрпризы навам. Мы должны уничтожить Яргу. Убить его - и навы дрогнут. Он - наш главный враг.

- Остальные... Мы уже подошли очень близко. Он останется прежним, он сумеет... - Она оглянулась и заметила осмысленный взгляд гарки. Коротко бросила:

- Усыпить! - и снова перевела взгляд на Главнокомандующего, продолжая говорить: - Остальные будут изменяться по схеме «Образцов 89, 85 и 90». Как раз 90-й успешно прошел полевые испытания.

- Вы уже выпускали их в бой? - Сквозь накрывающий аркан разведчик пытался услышать ещё хоть что-то, но слова расплывались, становились нечёткими и теряли свой смысл. Главнокомандующий был недоволен, и последним, что чётко сумел распознать нав, был ответ асуры:

- На восстановление уйдет несколько недель, но главное...

Грань Света

Ныли виски, и казалось, ничто не может успокоить сейчас эту тянущую, противную боль. Асура сидела на пустом столе в Лаборатории и сжимала длинными тонкими пальцами его металлическую поверхность.

Визит Главнокомандующего выбил её из колеи. Они не ждали его, планировали показать результаты только через месяц, на исходе года, однако он прибыл, и нельзя было отказаться от представления ему результатов работы. Глава Лаборатории, как назло, оказался в столице, а кроме неё, никто из оставшихся не мог рассказать так подробно о каждом «образце».

Она специально не читала сводки с фронтов, не спрашивала никого вокруг, как продвигается война. Она отодвинула войну, как делала всякий раз, когда оказывалась в стенах Лаборатории. Выезды за «образцами» тоже не были войной.

Но когда война пришла сюда в облике того, кто сейчас где-то там посылает армии в бой, уже не удалось отстраниться, и за операцию, за разговор с навом асуру охватывал горячий стыд. Не сдержала эмоций. Позволила лишнее. Показала, что её грызет боль и сжигает ненависть.

Главнокомандующий ничего не сказал в ответ на эту вспышку, и его молчание было хуже любых слов.

Звякнули колбы в соседнем кабинете, и асура вздрогнула. Подняла голову, глядя на того, кто там, и с удивлением обнаружила «Образец 85».

- Что ты тут делаешь?

Тварь, которая некогда была навом, застыла между двумя столиками. Асура позвала его к себе:

- Что тебе тут нужно?

«Образец 85» помотал головой. А потом ответил – он недавно научился произносить отдельные слова:

- Надо. Помогать. Плохо. Вам.

- Мне? – Она растерялась. Она никогда не видела в своих образцах разумных существ, потому что самолично отбирала у них разум, превращая в машины для убийства. Но этот её удивлял уже не в первый раз.

- Да. Боль есть. – Он подошёл совсем близко, нависая над ней, глядя чёрными глазами в её лицо. А потом положил ладонь на голову асуры, и боль исчезла, словно её и не было. – Боль – плохо. Помогать.

Женщина чуть склонила голову набок, потом просканировала «Образец 85», ища привычные изменения и отмечая новые. Умение лечить, знание, как можно убрать боль, с которой не справляются стандартные арканы, – ничего этого в «85-м» заложено не было.

- Как ты этому научился?

- Ему было плохо. Другу. Пришлось. – «Образец 85» отошёл от неё, направляясь к выходу из Лаборатории. Асура помолчала ещё некоторое время, а затем отправила несколько «птичек», вызывая запасную бригаду ассистентов.

Кажется, у них наметился совершенно неожиданный прорыв.

- Стой, – приказала она «Образцу 85», и тот послушно остановился.

- Ложись. – Асура отошла от стола и указала на него «образцу». Тот кивнул, ложась на стол лицом вверх и закрывая глаза.

- Умница... - прошептала женщина, проводя пальцами по его вискам, по скулам, накидывая сдерживающие путы и усыпляя. Её руки чуть подрагивали от волнения, и она приказала себе успокоиться. - Умница ты моя... Надо было - научился... Надо научить тебя и других ещё многому.

Грань Без Имени

Восемьдесят пятого пошатывало от слабости, но он шёл по коридору. Ему только сегодня разрешили вставать, а с момента, как он пришёл помочь той самой учительнице, минуло несколько дней. И эти несколько дней он не был с другом. Тот, наверное, успел соскучиться. А Восемьдесят пятый хотел его порадовать - он же слышал, что у них скоро будет ещё один друг. И этот друг будет хорошим, поскольку именно так сказал учитель.

Перед глазами Восемьдесят пятого вспыхивали цветные пятна и какие-то круги. Он не мог понять причины этого, но они ему мешали. Пару раз он пытался их отогнать лапами, но это было бесполезно. Круги раздражали.

Ему сказали, что скоро всё уладится. Значит, надо просто подождать.

Друг встретил его рычанием. Восемьдесят пятый зашёл в его клетку и сразу начал говорить. Начал рассказывать, что их ждёт. Успокаивал, поглаживал, и постепенно друг перестал скалиться, привычно ткнул огромным носом в его живот и шумно выдохнул.

А Восемьдесят пятый вспоминал пока-врага. Вспоминал, как его пронесли мимо места, где сам Восемьдесят пятый лежал всё это время. Видел его изрезанным, раненым, но живым. Видел, как его пронесли один раз совсем бессознательным, а потом - провели за собой, удерживая чем-то невидимым.

И когда врага провели сегодня днём, он смотрел Восемьдесят пятому в глаза. Смотрел в глаза, но Восемьдесят пятый чувствовал — враг далеко отсюда разумом. Тут только тело, а разум не здесь.

Это означало, что враг на шаг ближе к тому, чтобы стать другом.

Грань Тьмы

Разведчик очнулся резко, внезапно. Он понял, что снова в камере и болит всё ниже груди и до самого паха. Двигаться не хотелось - навский организм чувствовал повреждения и все силы кинул на регенерацию. Он перенёс уже пять посещений Лаборатории. Два из них остались в памяти лишь неясными пятнами перед глазами. Ещё один запомнился тем, что его всё время выворачивало от запаха какого-то из зелий.

В этот раз они его исполосовали внутри.

Твари!

Нав скрипнул зубами и посмотрел на свой живот. Поморщился, видя только стягивающие корпус бинты, и понял, что придётся «смотреть» ощущениями. Он закрыл глаза, расслабляясь и начиная исследовать себя.

Лёгкие на месте, их не трогали пока. Болью отзываются рёбра – несколько из них зачем-то срезали. Желудок вроде бы ещё есть, но кишечник удалён почти полностью, скудные остатки сшиты меж собой. Он также недосчитался ещё нескольких внутренних органов. Для нава повреждения не очень страшные, но не в условиях, когда это только начало. А то, что он пока ещё осознает себя, судя по всему, как раз изощёренная пытка. Особая пытка.

Разведчик глубоко вздохнул, плавно соскальзывая в сон – так было проще. И так он не думал о том, что будет дальше.

Всё ещё дико хотелось умереть. Но на такое счастье он перестал рассчитывать.

Тянущая темнота сна обволакивала разум. Разведчик балансировал на грани между забытьём и сознанием, а потом словно вынырнул наружу. Но не в асурском плену, не среди стен и небольшой. Он оказался в большой походной палатке, где были столы, на которых разложили карты и где стоял над миражом горного перевала князь Нави. Разведчик шагнул вперёд, поклонился и заговорил, но уже спустя мгновение понял, что его не слышат и не видят. А ещё через удар сердца он осознал – это просто сон. Но нав не торопился просыпаться, потому что здесь, в этом видении, было намного уютнее, чем в тюрьме светлых тварей.

И в этой палатке продолжался разговор, начало которого разведчик не слышал.

- Сколько? – спросил Ярга, изучая расположение асурских и навских войск на мираже. Гарка, стоящий у входа в палатку, не поднимая взгляда, скупно ответил:

- Восемьдесят пять.

Князь прищурился. Он по-прежнему опирался одной ладонью на стол, второй – контролировал мираж, но теперь его внимание явно было уже не там.

- И сколько было нападавших?

- Один.

В ответ на это Ярга посмотрел на гарку. Тот чувствовал постепенно нарастающее раздражение и удивление иерарха и продолжил:

- И это был не асур. Это был голем. Выглядел, как нав.

- Нав? – Такого ответа князь не ожидал. Он свернул мираж, выпрямляясь и направляясь к выходу из просторного шатра. – Покажи.

Разведчик скользнул за ними, сон всё больше затягивал, и нав начал понимать – так должно было всё выглядеть как раз после новостей о нападении странного ядовитого существа.

Около палатки на истоптанной траве лежал чёрный сверток. Гарка, вышедший следом за князем, пояснил:

- Его сумели убить. Не сразу... Но сумели.

Ярга опустил на корточки, откинул край того, что раньше было маскировочным плащом, и протянул руку к лицу мёртвого нава. Но гарка оказался быстрее, поставив ладонь между рукой князя и скулой диверсанта.

- Он ядовит.

Ярга кивнул, творя на руках непроницаемые перчатки, и коснулся бледной до серости кожи. Провёл пальцами по челюсти молодого мужчины, а затем скользнул на грудь. Рёбра были вывернуты изнутри, словно раскрытый цветок. И там, где должны были находиться внутренние органы, лежали частично свёрнутые длинные щупальца, на концах которых было по три когтистых пальца. Ладони. Ярга поднял одно щупальце к лицу, рассматривая - напоминали раскрытую, усеянную мелкими клыками пасть, из которой сочилась мутная зеленоватая жидкость.

Он встал, накрывая искалеченного тёмного тканью, и обвёл взглядом гарок, стоящих неподалёку. Судя по виду, они были выжившими из того самого отряда. Ярга шагнул вперёд, безошибочно находя среди них командира:

- Рассказывай.

- Он пришёл к нам в лагерь ночью. Контур защиты пропустил, опознав нава, и когда он оказался совсем близко, то упал на траву, прося о помощи. Часовые подошли к нему, он сказал, что бежал из асурского плена. Они принесли раненого в лагерь к эрлийцам. И... тогда он напал. Его яд убивает мгновенно - при любом прикосновении. Щупалец всего восемь. Плюс - ладони... Не сразу поняли, что происходит, а когда поняли, он убил уже многих. И ещё троих, пока убивали его. Он обладает абсолютным иммунитетом к магии и очень... живучий. Как нав.

Разведчик смотрел на лицо мёртвого, которого считали големом, и хотел вскрикнуть: «Это не голем! Это нав!» Теперь-то он знал, откуда они появлялись - видел таких же, как этот. Слышал, как его называли: «Образец 90». Только что прошедший полевые испытания.

Но, судя по лицу и взгляду князя, Ярга тоже понял, что создание не было големом. Что это была одна из Стрел Тьмы. Понял, но не знал, как об этом сообщить другим. Ярга приказал:

- Передайте всем - раненых осматривать в стороне от лагеря, создать в одном месте лазарет и туда порталами перемещать всех сбежавших из плена и прочих незнакомых навов или тех, кто отсутствовал более двух недель, числясь пропавшим.

Видя заострённые до предела уши и огоньки ярости в чёрных глазах князя, навы дружно склонили головы, принимая приказ. А Ярга продолжил:

- Занесите его ко мне и найдите советников и комиссара Ихоргу.

Разведчик чуть улыбнулся своему сну, а в следующее мгновение его выдернуло из лагеря навов, а рядом снова были светлые. Его потащили в Лабораторию.

Грань Света

- Тесты закончились?

- Да.

Ассистенты смотрели на графики и диаграммы, анализируя происходящее и поглядывая на асуру, что застыла в своём кресле, не сводя взгляда со сложной схемы изменений, которые они задумали для «Образца» под красивым номером 100.

- Результаты?

- Всё в пределах ожидаемого. Десять дней - никаких отклонений... - Пауза. - Практически.

Асура вскинула голову, несколько мгновений ожидая пояснения. Не дождалась и уточнила:

- Практически?

- Мы обнаружили отклонение в работе одного из отделов мозга. Он отвечает за предвидение. Этот нав не был одарён способностями предсказателя - тут скорее налицо хорошо развитая интуиция. Если мы продолжим - возможно, он сумеет видеть будущее.

Женщина прищурилась. Провела руками по голове, проверяя, туго ли собраны волосы, и заодно раздумывая, насколько такой результат помешает делу. Потом покачала головой:

- Запросите наших аналитиков, сможет ли это в дальнейшем отразиться на выполнении его миссии?

Ассистент чуть улыбнулся:

- Я уже запросил: не отразится с девяностопроцентной вероятностью. Именно поэтому я не стал обращать ваше внимание на этот факт. Сейчас это отклонение позволяет «Образцу 100» видеть яркие реалистичные сны, не более того. В дальнейшем, даже если он сможет видеть будущее, это не станет хорошо развитым даром, а при том, как мы собираемся его менять - поможет ему достигнуть цели.

Асура кивнула, возвращаясь к схеме:

- Узлы шестнадцать и двадцать три проверили? Они будут достаточно укреплены, чтобы он сумел вовремя понять, что должен сделать?

- Да. Проблема пока что с тридцать восьмым - там, в процессе исследования «Образца», мы заметили остаточное ранение нашими стрелами.

- Залечить. И давайте продолжать. У нас очень мало времени - нав уже знает о наших экспериментах, хотя ещё не поняли, с чем столкнулись. Чем раньше мы отдадим Главнокомандующему его новую армию, тем быстрее закончится эта война.

Она встала с кресла, прошла по просторному кабинету и замерла около огромного смотрового экрана, на котором воспроизводились все камеры с образцами. Коснулась пальцами артефактов управления и приблизила изображение «Образца 85».

- Как его успехи? Вы смогли понять, как он научился это делать?

- Да, смоделированный нами участок, отвечающий за принятие любых наших приказов как своих мыслей, возможно, воспринял одну из фраз про снятие боли или же лечение как прямой приказ и, соответственно, подогнал тело под то, что было нужно. В этом вопросе нав - идеальный материал. Они могут вырабатывать у себя способности, не предусмотренные ранее.

- Это мы знаем. Жаль только, что наш проект начали так поздно. Если бы глава Лаборатории сумел уговорить Повелителя хотя бы на год раньше, тёмные отродья уже были бы мертвы! - не сдержалась асура и запнулась.

В воздухе повисло невысказанное: «И многие наши любимые и родные остались бы живы...»

Она резко отошла от экрана, оперлась руками о стол, разглядывая схему, уже знакомую до последней чёрточки, и сжала зубы.

Эмоции затопили кабинет, вырываясь широким потоком, касаясь каждого, кто в нём находился. Касаясь и откликаясь в разуме, в памяти, в сердце дикой болью. Молчание затягивалось, а сдерживаться становилось всё труднее. И в этот момент раздался звук вызова.

Асура вздрогнула:

- Глава Лаборатории вернулся... - Она сжала руки в кулаки, успокаиваясь, и исчезла в быстром портале.

Ассистенты переглянулись.

И продолжили работу, постепенно изгоняя из своих душ горечь и ярость.

Это сейчас лишнее.

Грань Без Имени

Где находилась клетка почти-друга, Восемьдесят пятый нашёл сразу. Он прекрасно запомнил любые дороги и поэтому пришел к врагу, чтобы посмотреть на него. Он замер около обжигающей стенки, склонив голову набок, рассматривая, как тот ходит по небольшому пространству. Когда враг заметил его, Восемьдесят пятый не двинулся, продолжая наблюдать. Враг приблизился и спросил на понятном языке:

- Что тебе тут надо?

Восемьдесят пятый промолчал. Тогда враг отошёл на шаг и задал ещё один вопрос:

- Почему ты им служишь?

Тогда Восемьдесят пятый ответил:

- Как не служить? Они - учителя.

- Они - враги! Они изменили тебя, они меняют меня, они убивают наших братьев! - зарычал враг, и столько искренней злобы было в его словах, что Восемьдесят пятый отступил на шаг. Покачал головой:

- Враг - ты. Но будешь друг. Позже.

- Не буду.

- Почему? - Восемьдесят пятому действительно было интересно. Он хотел понять, с какой целью враг отрицает возможность стать другом.

- Потому, что стать таким, как ты, - значит потерять себя. Отринуть Тьму, отказаться от братьев и всего того, что так дорого. Это предать. Понимаешь?

- Предать? Братья... Что это? - Последнее слово было незнакомым. Но почему-то от него становилось теплее.

- Брат – это тот, кто такой же, как ты, и кому ты доверяешь, как себе.
- Потому, что стать таким, как ты, – значит потерять себя. Отринуть Тьму, отказаться от братьев и всего того, что так дорого. Это предать. Понимаешь?
- Предать? Братья... Что это? – Последнее слово было незнакомым. Но почему-то от него становилось теплее.
- Брат – это тот, кто такой же, как ты, и кому ты доверяешь, как себе.
- Друг, – поправил его Восемьдесят пятый. – Такой же — друг.
- Брат, – с нажимом повторил пленник. – Брат – это больше, чем друг. Важнее. Роднее.
- Брат. Значит, мой друг – брат. Хорошее слово. Я запомню, – Восемьдесят пятый кивнул. – Но предать. Почему?
- Ну... У тебя же есть друг, да?
- Есть.
- Вот представь, что ты пойдёшь его убивать.
- Нет! – Это показалось настолько чудовищным предложением, что Восемьдесят пятый даже вскинулся, ошарашенно глядя на врага.
- Пойдёшь, если тебе прикажут твои «учителя». Как ты можешь им отказать?
- Учителя не станут приказывать подобное.
- А если станут? Ты пойдёшь и убьёшь. Он не будет этого ожидать, а ты нападёшь. На своего друга. Это и называется «предать».

Восемьдесят пятый замер, оглушённый словами врага, а затем, ничего не отвечая, побежал по коридору. Ему надо было увидеть друга. И пообещать ему кое-что очень важное.

Грань Тьмы

Дни тянулись и тянулись. Разведчик уже привык к тому, что ему постоянно больно и что светлые что-то каждый раз меняют, вырезают, исследуют... Одно его удивляло – асуры до сих пор не меняли его сознание. Они оставляли пленника в своём уме, с привычной памятью и, кажется, ничего не знали о его снах. А он оказывался рядом с князем каждый раз, когда засыпал. Ему нравились эти сны, нравилось видеть Яргу и советников. Нравилось наблюдать, как Тьма идёт по Земле, побеждая всё новые и новые отряды асуров. И он особо внимательно следил за тем, как Ярга подбирается к Лаборатории.

О том, что у асуров она есть, князь догадался спустя пять дней после того, как внимательно рассмотрел изменённого нава. Тогда он вызвал всех советников и комиссара Ихоргу и приказал им искать Лабораторию.

- Ирга, Саронга и Релга, ваша задача – найти источник этой заразы. Ихорга – будь готов в

любую минуту атаковать. Пусть... три арната всё время находятся в состоянии готовности у грузового портала. И несколько эскадр драконов.

Когда комиссар и советники направились к выходу, Ярга положил ладонь на плечо одного из них.

- Останься.

- Да, повелитель, - склонил голову тот.

Князь отошёл к столу, на котором ранее строил мираж. Он некоторое время молчал, и всё это время Ирга спокойно, не двигаясь, ждал. Преданный своему князю, один из самых сильных магов Нави, способный к превосходной оптимизации арканов, он был готов ждать, сколько потребуется, и слово Ярги было для него законом.

- Ты сумеешь найти светлых тварей? - спросил, наконец, князь - взгляд Ярги словно впивался в душу советника, вытаскивая наружу даже малейшее сомнение последнего.

Возможное сомнение в своих словах. Которого не было.

- Да, сумею. Там наши братья.

А когда Ирга ушёл, разведчик снова пожалел, что во сне он не может подсказать Ярге, куда двигаться и, главное, что его там ждёт. Он смотрел, как Первый князь Нави, величайший полководец, живая легенда и знамя своего народа, приведший на Землю Стрелы Тьмы, стоял над миниатюрными армиями и невидяще разглядывал мираж. Разведчик смотрел и видел: практически исполнивший обещание одолеть асуров, всегда знающий, как добиться поставленной цели, Ярга неожиданно пасовал перед тем, с чем столкнулся сейчас.

Потому что одно дело - это война со светлыми. С Первыми тварями Спящего, с теми, кто населял совершенный мир и теперь не мог это право отстоять силой. И совсем другое - это война с навами. Со своими братьями. Со своими Стрелами.

Как сказать об этом гаркам? Как найти слова, чтобы Навь не дрогнула перед необходимостью убивать тех, кто некогда сражался с ними плечом к плечу? Чтобы тёмные могли видеть их лица, знать, что это не кукла, это действительно нав - видеть и бороться?

Вопросов было больше, чем ответов. Ярга закрыл глаза, и, когда он снова посмотрел на мираж, разведчик понял: ярость, жгучая ненависть князя к асурам никуда не делась, но навская прагматичность взяла верх. «Сначала реши проблему, потом эмоции - и никак иначе». Дух управляет телом, а в сильном теле - сильный дух. Справиться с этой проблемой - значит спасти тех, кто в плену, но ещё не тронут вивисекторами...

На исходе восьмого дня усиленного поиска Лаборатории асуров Ирга предложил на всех разведчиков поставить новый разработанный им аркан слежения. Потому что аналитики сообщили: примерно пятая часть пропавших навов может находиться в тюрьмах при Лаборатории. Аркан сложный, он потребует массу энергии, но это - единственный шанс.

В тот день, когда разведчику это приснилось, ему было особенно плохо. Он только что побеседовал с изменённой тварью, которая служила светлым, и желал забыться и забыть страшный взгляд, в котором проглядывал разум, но этот разум был так же чужд, как тот, что таился в глубине глаз асуров. И оттого, а ещё потому, что вспомнилось дорогое слово «братья», всматривался и вслушивался в происходящее. Он стоял и ходил рядом с Яргой, который

рассчитывал, может ли он сейчас потратить существенную долю мощи Источника и тем самым ослабить войска, а затем вызвал к себе комиссара и советников.

- Какие прогнозы на ближайшие дни? - Хмурый, скупой на слова князь стоял около огромного магического шара, показывающего лагерь с высоты полёта птицы-разведчика.

- Асуры путают вероятности мощными арканами. Значит, ожидается нападение. Скорее всего, они дождутся, пока два их фронта объединятся, и атакуют нас. Разведка донесла, что Главнокомандующий Центральным фронтом вчера отступил с перевала, - доложил комиссар.

- «Однорукий» там неплохо обосновался, - задумчиво проговорил советник Релга, - и если он отдаёт перевал нам - значит, они действительно задумали серьёзную атаку.

Ихорга кивнул:

- Получается, у нас мало времени, и снимать энергию с фронтов крайне рискованно.

Ирга оскалился:

- А прекращать поиск или надеяться на то, что разведчики случайно обнаружат Лабораторию, - ещё опаснее. Если светлые доделают то, на что нацелились, они добавят... свои результаты к основной армии и уничтожат нас.

Ихорга повернулся к советнику.

- Можно подумать, вы знаете, на что они нацелились.

- Это очевидно, - Ярга перехватил взгляд своего комиссара. - Анега был проверкой возможностей, но их не устроил результат. Значит, они добиваются чего-то более масштабного. А мы теряем время.

- Мы можем потерять всё, забрав шестьдесят процентов энергии у магов.

Обычно с Яргой не спорили, выполняя его приказы чётко и быстро. Поэтому князь удивлённо вскинул бровь. Ихорга выдержал взгляд повелителя, не опуская глаз.

- Там, в тюрьмах, наши братья.

- Это не нуждается в напоминании, князь, - тихо, но очень твёрдо произнёс комиссар, - но и здесь наши братья. И неблагоприятный прогноз на ближайшие бои.

- Справимся.

Решение было принято.

- Соберите разведчиков. Ирга, готовьтесь. У вас будет необходимая энергия. Аналитикам сразу же поручите следить за вероятностями - кто из наших первым попадёт в Лабораторию. Потом будем искать через него. Вопросы есть? - Ярга многозначительно посмотрел на Ихоргу. Тот покачал головой и поклонился в знак того, что приказ будет выполнен.

В утро, когда он досмотрел этот сон, гарка проснулся с улыбкой на лице.

Грань Света

Почему он улыбается?

Этот вопрос асура задавала себе снова и снова, вспоминая, как спящий нав улыбался во сне. «Образец 100» был практически завершён, не хватало только одного последнего штриха, но они добавят его в течение нескольких дней. И потом – только восстановление.

Она случайно заметила пару дней назад улыбку сотого. Женщину это удивляло и раздражало. Он не имел права улыбаться, не имел права быть хоть каплю счастливым: здесь и сейчас!

Она занесла руку над артефактами, но в это же мгновение над головой грянул сигнал тревоги.

Асура вздрогнула, когда на экранах появились крупные изображения навов, штурмующих главные и вспомогательные врата, и рядом – диаграммы энергетических всплесков. Она и сама чувствовала, как сходят с ума защитные контуры, прожимаемые мощной атакой Тьмы. Практически первозданной, чистой стихией советники вламывались в Лабораторию.

Женщина оцепенела ненадолго, лишь на два удара сердца, а потом рванулась из комнаты прочь, рассылая приказы. Она – не воин, но она лучше всех знает, как использовать все «Образцы», которые готовы к битве.

Верхние уровни Лаборатории навы взяли быстро. Охрана, считавшая, что готова к нападению, но не представляющая, что тёмные будут так яростно атаковать, сломалась на первой минуте.

Перед входом на нижние уровни выстроились «Образцы». Они замерли, и навы, потрясённые, ошарашенные зрелищем, разглядывали тех, кто не так давно были их братьями, и не двигались. «Образцы» тоже стояли – каждая секунда промедления была возможностью собрать и переправить куда-нибудь самое дорогое – результаты, наработки, исследования. Переправить или уничтожить.

Асура находилась позади всех, перед входом в тюрьму, где вперемешку были и новые «образцы», и ещё не тронутый «материал». У неё был только один артефакт, который позволял всем тварям одновременно слышать её приказы. Но ей и не нужно было большего. Самое главное она уже сделала. Всё прочее есть в заметках, дневниках и схемах, которые тщательно упаковывают ассистенты. Её задача – продержаться как можно дольше. В идеале – убить всех навов, рискнувших штурмовать Лабораторию.

В глубине души она знает – этот идеал недостижим.

Гарки стоят, не двигаясь, а вперёд выходит Ярга. Асура замирает так же, как навы, потому что она впервые видит и чувствует рядом князя. Она вспоминает, как в детстве, в далёком счастливом детстве, она увидела Повелителя. Какой восторг её охватил тогда, с каким уважением и любовью смотрела она на высокого статного асура и какой тёплый взгляд он возвращал ей...

А сейчас рядом с ней была первозданная, дикая ярость. Но от этой ярости у неё дрожали колени и просыпалась спрятанная глубоко ненависть.

И страх.

Ярга шагнул к ближайшему «Образцу 29» (шесть конечностей, безумная жажда навской крови), и в зале раздалось Слово князя. Асура впервые слышала эту формулу полного подчинения навов, и закусила нижнюю губу от волнения. Сейчас станет ясно, чего стоила вся

её работа. Что сделает «Образец» и кого послушает?

Двадцать девятый замер. Он смотрел на князя, не отводя взгляда. Он подрагивал от странных, непонятных ему ощущений и ждал приказа.

- Отойди! - это было завершением Слова, это было законом для любого нава.

- Убей, - шепнула асура, и Двадцать девятый рванулся на Яргу.

Не было сигнала к атаке лучше. И она стояла, глядя на то, как проливается чёрная кровь. Она видела, насколько близки к совершенству её создания, как безжалостно они убивают навов, и улыбалась, довольная и счастливая. Её «Образцы» презрели Слово князя. Она, да и каждый из асуров, стала для них князем. Послушные орудия в умелых руках.

Но гарки прибывали и прибывали. Они заполнили собой всё пространство, быстро и умело сражаясь с тварями. Момент, когда тёмные пробили брешь в защите «Образцов» и оказались совсем близко, асура пропустила. Она отвлеклась, отвернулась на мгновение, приказывая тварям сражаться, а уже через удар сердца её нутро пронзила боль.

- Это тебя не убьёт, тварь, сама знаешь!.. - холодно прорычал князь, резко разрезая ножом её грудь - ребра асуры хрустнули под навской сталью, но она только сжала зубы и схватила князя за руку.

Нож ещё раз дёрнулся вверх, и она плюнула в лицо Ярги своей кровью:

- Знаю. Но ты сдохнешь, выродок Тьмы. За всё то, что натворил, сдохнешь.

Нож вышел из тела асуры, и на пол хлынула кровь. Ярга вытер оружие о свой балахон и швырнул женщину на руки гаркам:

- Связать. Найти всех руководителей и взять их живыми. Остальных положить! Ни одна светлая мразь не уйдёт отсюда - наши советники перекрывают доступ к Лаборатории!

Асура дрожала от ненависти, уже не чувствуя боли. Дрожала, глядя в глаза Ярге:

- Ты останешься один, князь. Совсем один.

Ярга покачал головой.

- Не в этой жизни, - проронил он, разворачиваясь и направляясь к открытым дверям тюрьмы.

Женщина провожала его взглядом, пока её руки сковывали за спиной, а затем тихо, едва слышно прошептала на родном языке:

- Ты пришёл с войной. Но мы обязательно победим.

Грань Без Имени

Вокруг кричали, бежали, густо пахло кровью. Его правая нога всё время норовила подвернуться, но Восемьдесят пятого это сейчас не волновало. Он стремился обогнать врагов, успеть первым, не опоздать. Он бежал по трупам учителей, скользил на серебряной крови. Он спотыкался о тела врагов - те шли убивать, но ловушки не всегда были просты и

всегда опасны. Поворот, ещё один, ещё. Почти рядом, совсем близко. Крикнуть, позвать, удостовериться, что друг ещё жив, что хоть что-то имеет смысл.

И услышать знакомое рычание, в котором смешались ярость и боль.

Друг ранен! Вперёд, ещё быстрее! Проломить голову ближайшему врагу, отшвырнуть второго. И теперь самое главное.

Восемьдесят пятый оказался рядом с огромной мордой друга, поймал его за нос и посмотрел ему в глаза. Больше нет права на ошибку, больше нет вариантов.

Восемьдесят пятый обернулся к очнувшемуся врагу. Увидел, что тот стоит, глядя на них и не двигаясь. Наблюдая, что-то приказывая тем, кто пришёл следом, пришёл ему помогать. И к нему подходят другие враги.

Сзади, откуда-то из-за плеча Восемьдесят пятого зарычал друг. Зарычал угрожающе, зло. Восемьдесят пятый машинально погладил его по носу и оскалится, когда враги сделали шаг вперёд.

Всё будет хорошо, ведь они вместе.

И им не страшны враги.

Грань Тьмы

По тюрьме Ярга шёл один. Кроме тех, кого пришлось прикончить в коридорах, они больше не тронули ни одного нава. Ни одного изменённого нава.

И сейчас князь шёл вдоль камер и во всех видел Стрелы Тьмы. Ему не было важно, изменены они или нет, – он прекрасно чувствовал каждого. Чувствовал его суть и мог назвать имя. Даже если от того, что было изначально, там остался только мозг.

Ярга пробуждал всех и смотрел на их реакцию. Он стоял перед мучительным выбором – убить тут всех тех, кто отринул Тьму, или заблокировать, закрыть навсегда в надежде, что когда-нибудь после войны он найдёт способ возродить прежние души в этих сумасшедших телах.

Первое было рациональнее... Второе...

Ярга просто не мог убивать навов. Это было неправильно, дико для князя. Тут для него не было химер и чужих. Тут были только свои. Родные. Братья.

Очередная клетка и очередной нав, который при виде Ярги замер, рассматривая его. Томительная минута ожидания с обеих сторон. Разведчик силится понять, не мираж ли нав, стоящий перед ним. А князь ждёт разума в чёрных глазах.

Мгновение – и нав склоняет голову, шепча счастливо:

– Ярга! Мой князь...

И стены из света падают, словно их не было.

Он начал войну.

И он приведёт свой народ к победе.

Topreading.ru